

2025 – № 1

СИБИРСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Барнаул – Иркутск – Кемерово – Новосибирск – Томск

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 2002 г. Выходит 4 раза в год

Сибирское отделение РАН
Институт филологии Сибирского отделения РАН
Алтайский государственный университет
Иркутский государственный университет
Кемеровский государственный университет
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Томский государственный университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, проф. И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН) – главный редактор; канд. филол. наук А. А. Озона (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора; д-р филол. наук, доц. И. В. Тубалова (ТГУ) – зам. главного редактора; канд. филол. наук В. А. Горбунова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

Д-р филол. наук, проф. Т. А. Бакчиев (ГУ Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика); канд. филол. наук, доц. Т. И. Белица (НГУ); д-р филол. наук, проф. Н. С. Болотнова (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Э. Вайда (Западно-Вашингтонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. И. Горбунова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. В. З. Демьянков (ИЯ РАН); д-р филол. наук, доц. Д. В. Долгушин (ИИ СО РАН); д-р филол. наук, проф. М. Я. Дымарский (РГПУ им. А. И. Герцена); д-р филол. наук, доц. О. Д. Журавель (НГУ); д-р филол. наук, доц. И. Е. Ким (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Л. Г. Ким (КемГУ); д-р филол. наук В. Л. Кляус (ИМЛИ РАН); канд. филол. наук А. М. Лаврентьев (Лионский университет, Франция); д-р филол. наук, проф. Т. И. Печерская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Дж. Руй-Уиллоуби (Университет Кентукки, США); д-р филол. наук, проф. Е. К. Скрибник (Мюнхенский университет, Германия); канд. ист. наук, доц. С. Г. Суляк (Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Республика Молдова); канд. филол. наук, доц. М. Б. Ташлыкова (ИГУ); д-р филол. наук, проф. Т. А. Трипольская (НГПУ); д-р филол. наук, проф. Л. Ю. Фуксон (ТГПУ); д-р филол. наук, проф. Т. В. Чернышова (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. М. А. Черняк (РГПУ им. А. И. Герцена); канд. филол. наук, доц. О. Н. Юрченкова (ТГПУ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д-р филол. наук, проф. Т. Е. Автухович (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Республика Беларусь); акад. РАН А. Е. Аникин (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, проф. Т. А. Демешкина (ТГУ); д-р филол. наук, проф. Л. И. Журова (ИИ СО РАН); чл.-корр. РАН, проф. Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН); д-р филол. наук, проф. Е. В. Лукашевич (АлтГУ); д-р филол. наук, проф. Э. Малэк (Лодзинский университет, Польша); д-р филол. наук, проф. С. Ж. Тажибаева (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан); д-р философии по антропологии, проф. С. А. Ушакин (Принстонский университет, США); д-р филол. наук, проф. Л. Харвилахти (Финское литературное общество, Финляндия)

Журнал индексируется в БД Scopus, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-77938 от 04.03.2020

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
sibphilology@mail.ru

Официальный сайт журнала: <http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

Фольклористика

- Кузнецова В. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Большой стих о Егории Храбром в русской сибирской записи 9
- Цыбикова Б.-Х. Б.** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)
Преемственность эпической традиции хори-бурят в улигерах монгольского бурята Д. Манзарона и специфика его сказительского мастерства 27
- Шахов П. С.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
О морфологии устной песенной культуры в контексте междискурсного и межъязыкового взаимодействия (на сибирско-мордовском материале) 41

Литературоведение

- Подрезова Н. Н.** (Иркутск, ИГУ)
Образ Байкала в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» 61
- Волков И. О.** (Томск, ТГУ)
Последняя сцена второй части «Фауста» в переводе И. С. Тургенева 74
- Яранцев В. Н.** (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН)
Сибирская беллетристика 1880–1890-х годов в контексте областничества и «народной литературы» как факторов развития сибирской литературы 87
- Хатямова М. А.** (Томск, ТГУ)
«Почувствовать свое предназначенье»: художественное творчество Г. Н. Кузнецовой 100
- Папкова Е. А.** (Москва, ИМЛИ РАН)
Сибирь как идеальное пространство в творчестве Всеволода Иванова 111
- Буханова Е. Д.** (Томск, ТГУ; СибГМУ)
Сюжет путешествия в повести А. Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Мифопоэтика Куршской косы 123
- Размашкин И. Ю.** (Санкт-Петербург, СПбГЭУ)
Слово в тексте лирического стихотворения 137
- Силантьев И. В.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Художественное событие в системе литературных родов и проблема типологии мотива 151

Языкознание

- Горбунова В. А.** (Новосибирск, ИФЛ СО РАН)
Цифровизация ульчско-русского словаря: разработка концепции 158
- Боброва М. В.** (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН)
Топография в топонимии (на материале географических названий Пермского края) 170

Казаева М. А. (Иркутск, ИГУ) Формирование и развитие лексико-семантической парадигмы древнерусского глагола БЫТИ / ЮСМЬ	185
Ильина Л. А. (Новосибирск, ИФЛ СО РАН) Способы выражения сравнительных отношений в южных диалектах селькупского языка	196
Рабенко Т. Г. (Кемерово, КемГУ) Нурзет Ц. С.-Б. (Барнаул, АлтГПУ) Обыденная семантика бионимов «кукушка» / «хек» как отражение ментально-культурного сходства и межэтнических различий (на материале русского и тувинского языков)	209
Сун Ифэй, Берендеева М. С. (Новосибирск, НГУ) Структура концептуальной оппозиции СВЕТ – ТЬМА в русской языковой картине мира по данным ассоциативного эксперимента (на фоне китайской оппозиции 光明– 黑暗)	223
Андросова С. В. (Благовещенск, АмГУ) Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых)	238
Файзуллина Г. Ч. (Тюмень, ТюмГУ) Кадирова Э. Х. (Казань, ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ) Ермакова Е. Н. (Тюмень, ТюмГУ) Метрические книги сибирских татар «на записку о браках и разводах» как историко-лингвистический источник	252

Научная жизнь

Корниенко С. Ю. (Новосибирск, НГПУ) Интеллектуальные миры Ю. В. Шатина (материалы к научной биографии)	266
--	-----

2025 – No. 1

SIBERIAN
JOURNAL
OF PHILOLOGY

Barnaul – Irkutsk – Kemerovo – Novosibirsk – Tomsk

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOLOGY

Founded in 2002. Published quarterly.

Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Altai State University
Irkutsk State University
Kemerovo State University
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University
Tomsk State Pedagogical University
Tomsk State University

EDITORIAL BOARD

Igor V. Silantev, Corresponding member of the RAS, Doctor of Philology, Prof., Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Editor-in-Chief*; Aiiana A. Ozonova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Inna V. Tubalova, Doctor of Philology, Assistant Professor, Tomsk State University, Russian Federation – *Deputy Editor-in-Chief*; Viktoiriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation – *Executive Secretary*; Talantaaly A. Bakchiev, Doctor of Philology, Prof., Manas National Academy, Bishkek, Kyrgyz Republic; Tatyana I. Belitsa, Candidate of Philology, Assistant Professor, Novosibirsk State University, Russian Federation; Nina S. Bolotnova, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Edward J. Vajda, PhD in Slavic Linguistics, Prof., Western Washington University, USA; Ludmila I. Gorbunova, Doctor of Philology, Prof., Irkutsk State University, Russian Federation; Valeriy Z. Demyankov, Doctor of Philology, Prof., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation; Dmitriy V. Dolgushin, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Mikhail Ya. Dymarskiy, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Novosibirsk State University, Russian Federation; Igor E. Kim, Doctor of Philology, Assistant Professor, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Lidiya G. Kim, Doctor of Philology, Prof., Kemerovo State University, Russian Federation; Vladimir L. Klyaus, Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Aleksey M. Lavrentyev, Candidate of Philology, Lumiere University Lyon 2, France; Tatyana I. Pecherskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Jeanmarie Rouhier-Willoughby, Doctor of Philology, Prof., University of Kentucky, USA; Elena K. Skribnik, Doctor of Philology, Prof., Ludwig Maximilian University of Munich, Germany; Sergey G. Sulyak, Candidate of History, Assistant Professor, Pridnestrovian State University, Moldova; Marina B. Tashlykova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Irkutsk State University, Russian Federation; Tatyana A. Tripolskaya, Doctor of Philology, Prof., Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation; Leonid Yu. Fukson, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation; Tatyana V. Chernyshova, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Mariya A. Chernyak, Doctor of Philology, Prof., Herzen University, Saint Petersburg, Russian Federation; Oksana N. Yurchenkova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Tomsk State Pedagogical University, Russian Federation

EDITORIAL COUNCIL

Aleksandr E. Anikin, Academician of the RAS, Institute of Philology of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Tatyana E. Avtukhovich, Doctor of Philology, Prof., Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus; Tatyana A. Demeshkina, Doctor of Philology, Prof., Tomsk State University, Russian Federation; Ludmila I. Zhurova, Doctor of Philology, Institute of History of the SB of the RAS, Novosibirsk, Russian Federation; Natalya V. Kornienko, Doctor of Philology, Corresponding member of the RAS, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russian Federation; Elena V. Lukashevich, Doctor of Philology, Prof., Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Eliza Malek, Doctor of Philology, Prof., University of Lodz, Poland; Saule Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Prof., L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; Sergey A. Oushakine, PhD in Anthropology, Prof., Princeton University, USA; Lauri Harvilahti, Doctor of Philology, Prof., Finnish Literature Society, Finland

Institute of Philology SB RAS
Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
sibphilology@mail.ru
<http://www.philology.nsc.ru/journals/spj/index.php>

CONTENTS

Folklore

- Kuznetsova V. S.**
A large spiritual verse about Yegory the Brave in Russian Siberian text 9
- Tsybikova B.-Kh. B.**
Continuity of the Khori-Buryat epic tradition as reflected in Mongolian Buryat uligers narrated by Dugar Manzaron, the Mongolian Buryat, with a focus on his narrative technique specifics 27
- Shakhov P. S.**
On the morphology of oral song culture in the context of inter-discourse and interlanguage interaction (based on the Siberian-Mordovian material) 41

Literature

- Podrezova N. N.**
The image of Lake Baikal in the novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” by I. T. Kalashnikov 61
- Volkov I. O.**
The last scene of the second part of Faust as translated by Ivan Turgenev 74
- Yarantsev V. N.**
Siberian belles-lettres of the 1880s–1890s: regionalist and folkloric influences on the development of Siberian literature 87
- Khatyamova M. A.**
“To feel your destiny”: artistic creativity of Galina Kuznetsova 100
- Papkova E. A.**
Siberia as an ideal space in the works of Vsevolod Ivanov 111
- Bukhanova E. D.**
Travel plot in the story “Birds, or Catechesis of a Man” by Andrei Bitov: mythopoetics of the Curonian Spit 123
- Razmashkin I. Yu.**
A word in the text of a lyrical poem 137
- Silantev I. V.**
An artistic event in the system of literary genres and the problem of motif typology 151

Linguistics

- Gorbunova V. A.**
Conceptualizing the digitalization of the Ulch-Russian dictionary 158
- Bobrova M. V.**
Topography in toponymy (a case study of geographical names of Perm Krai) 170

Kazazaeva M. A.	Formation and development of the lexical-semantic paradigm of the Old Russian verb БЫТИ / ИСЦМЬ	185
Ilyina L. A.	Ways of expressing comparative relations in the southern dialects of the Selkup language	196
Rabenko T. G., Nurzet Ts. S.-B.	Ordinary semantics of the bionyms “kukushka”/“hek” as a reflection of mental and cultural similarities and interethnic differences (a case study of Russian and Tuvan languages)	209
Song Yifei, Berendeeva M. S.	The structure of the conceptual opposition <i>LIGHT – DARKNESS</i> in the Russian language worldview according to the association experiment (against the backdrop of Chinese opposition 光明 and 黑暗)	223
Androsova S. V.	Linguistic creativity: from writing to speaking (Contributions of Russian and foreign scholars)	238
Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh., Ermakova E. N.	Metric books of Siberian Tatars “on the record of marriages and divorces” as a historical and linguistic source	252

Scientific life

Korniienko S. Yu.	Intellectual worlds of Yuri Vasilyevich Shatin (materials for a scientific biography)	266
--------------------------	---	-----

Фольклористика

Научная статья

УДК 398.3

DOI 10.17223/18137083/90/1

Большой стих о Егории Храбром в русской сибирской записи

Вера Станиславовна Кузнецова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

vera_kuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Аннотация

Публикуется новый архивный текст духовного стиха о Егории Храбром, записанный Ф. К. Зобниным 9 июня 1896 г. в Тобольской губернии, в 17-ти верстах от г. Семипалатинска, на Святом Ключе (месте поклонения иконе Богородицы Знаменской, или Абаклакской) от сибирского крестьянина-«стихаря» Максима Ивановича Мордвина. Представленный вариант стиха является первой его сибирской фиксацией, что уточняет представления о географии бытования стиха о Егории Храбром и о репертуаре русских духовных стихов в Сибири. Вместе с этим он пополняет общий корпус выявленных записей большого стиха о Егории Храбром новым полным его вариантом и расширяет источниковую базу для изучения форм бытования духовного стиха как проявления механизмов адаптации христианских сюжетов в системе народных представлений.

Ключевые слова

русский фольклор, духовные стихи, Егорий Храбрый, св. Георгий, русские сибирские записи

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Русский язык и фольклор Сибири в историко-культурном аспекте»

Для цитирования

Кузнецова В. С. Большой стих о Егории Храбром в русской сибирской записи // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 9–26. DOI 10.17223/18137083/90/1

© Кузнецова В. С., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 9–26
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 9–26

A large spiritual verse about Yegory the Brave in Russian Siberian text

Vera S. Kuznetsova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

vera_kuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Abstract

The paper presents a new archival text of a spiritual verse about Yegory the Brave. It was recorded by F. K. Zobnin on June 9, 1896 in the Tobolsk province, 17 miles from the city of Semipalatinsk on the Holy Spring (the place of worship of the icon of the Mother of God of the Sign or Abalak) from the Siberian peasant-stihar Maxim Ivanovich Mordvin. The record under consideration is a detailed and comprehensive rendition of an extensive verse concerning Yegory the Brave, exhibiting characteristics of a heroic epic and possessing a length comparable to medium-length bylinas. Most of the known texts of the verse have been calculated by B. M. Sokolov to be between 130 and 180 verse-lines. However, the variant recorded by Zobnin contains 232 verses and it is the first Siberian fixation of the verse about Yegory the Brave. Additionally, this record allows clarifying the geography of the existence of the verse about Yegory the Brave and the repertoire of Russian spiritual verses in Siberia. At the same time, the text under analysis supplements the general corpus of the known records of the large verse about Yegory the Brave with a new, complete version. Thus, it expands the source base of the forms of existence of spiritual verse as a manifestation of the mechanisms of adaptation of Christian plots in the system of folk representations.

Keywords

Russian folklore, spiritual verses, Yegory the Brave, St. George, Russian Siberian texts

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the project of the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, “Russian language and folklore of Siberia in the historical and cultural aspect”

For citation

Kuznetsova V. S. A large spiritual verse about Yegory the Brave in Russian Siberian text. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 9–26. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/1

Святой Георгий, Георгий Победоносец, в народной традиции Егорий Храбрый – воин, великомученик, один из самых чтимых и любимых святых Древней Руси. В фольклоре с его именем связаны календарные обряды и песни, легенды и духовные стихи – песни на религиозные сюжеты, исполнявшиеся преимущественно бродячими певцами, часто слепцами.

Русские духовные стихи о святом Георгии-Егории подразделяются на две группы, традиционно определяемые в научной литературе как «малый» стих и «большой» стих. Тексты первой группы повествуют об избавлении Егорием Храбрым девицы от змея, представленный в них змееборческий сюжет «Егорий и царевна» восходит к книжной легенде «Чудо Георгия о змие и о девице»¹. Варианты большого стиха о Егории, который и является предметом рассмотрения

¹ Издание текста (БЛДР, 1997, с. 448–455), о теме змееборства Георгия в книжности и в фольклоре см. [Рыстенко, 1909; Пропп, 1973].

в статье, рассказывают о его мучениях царем «Демьянищем», о чудесном выходе из глубокого погреба, куда он был заточен, о поездке Егория по Руси для ее «устроения» и утверждения в ней «святой веры». Они содержат два эпизода – «Мучения Егория» и «Поездка Егория», у каждого из них своя тема и свои источники.

Эпизод о мучениях Егория восходит к Житию святого ², которое представлено в Прологе, в Минеях Четых и в «Житиях святых» Димитрия Ростовского под 23 апреля. Житие рассказывает, что святой Георгий – воин, уроженец Каппадокии в Малой Азии, за приверженность христианству во время гонений при императоре Диоклетиане был осужден на мученическую смерть: он объявляет себя христианином перед императором, подвергается пыткам, но остается невредим, а некоторые из приближенных императора и жена Диоклетиана, видя силу божественного заступничества, сами становятся христианами, тогда император велит отсечь Георгию голову; это произошло в 303 году 23 апреля.

В отношении второго эпизода – о подвигах Егория на Руси, – для которого не выявлено каких-либо книжных источников и в котором особенно заметна близость к народным традициям в почитании святого и к эпической поэзии, было высказано предположение, что эта часть стиха восходит к некогда самостоятельно существовавшей эпической песне – былине об утверждении на Руси православия в XI в. сыном князя Владимира Ярославом Мудрым, в крещении – Георгием (см. [Соколов, 1995, с. 73–74]).

Заметим, что и в тех эпизодах стиха о Егории Храбром, которые соотносимы с книжными источниками, народный стих об этом святом не является простым пересказом книжного повествования. Особенность духовного стиха о Георгии-Егории очень точно была определена одним из первых его исследователей А. И. Кирпичниковым: «Стихи о Федоре Тироне и Георгии стоят особняком от других стихов, так как в них книжная основа насквозь прониклась приемами былинной поэзии; да и самое содержание их в значительной степени обуславливается теми же былинами» [Галахов, 1880, с. 240] ³. Большой стих о Егории становился предметом научных рассматриваний, среди которых исследования А. И. Кирпичникова [1879], А. Н. Веселовского [1880], Б. М. Соколова [1995], В. Я. Проппа [2006], но до сих пор остается не до конца понятным и разгаданным явлением в народной культуре.

Духовный стих о Егории Храбром принадлежит к числу наиболее популярных стихов. Известно более пятидесяти его вариантов, датированных второй третью XIX – первой третью XX в. (обзор текстов стиха, подготовленный Б. М. Соколовым, см. [Соколов, 1995, с. 124–127]). Пометы о месте записи стиха о Егории указывают на широкое его распространение на территории исторической России, на этом основании «его, – замечает Б. М. Соколов, – надо признать общерусским» [Там же, с. 123]. При этом наибольшее число записей было сделано на Русском Севере, который является основным районом бытования и хранителем русского былевого эпоса.

Сибирская запись стиха о Егории Храбром была выявлена нами среди материалов, собранных Ф. К. Зобниным и хранящихся в Санкт-Петербурге в фондах

² О житии Георгия Победоносца, известном в нескольких редакциях, см. [Творогов, Турилов, 1987], издания и литературу см. там же.

³ Раздел о духовных стихах (§ 20) написан А. И. Кирпичниковым.

Архива Русского географического общества (АРГО, р. 61, оп. 1, д. 37, с. 55–64)⁴. Стих под названием «Про Егорія Храбраго» (полностью см. в прилож.) был записан Ф. К. Зобниным 9 июня 1896 г. в Тобольской губернии, в 17-ти верстах от г. Семипалатинска, на Святом Ключе (месте поклонения иконе Богородицы Знаменской, или Абалакской) от сибирского крестьянина-«стихаря» Максима Ивановича Мордвина. Тогда же от него Ф. К. Зобниным был записан и духовный стих о Федоре Тироне («О Федоре Тырине»), который был для нас ранее предметом рассмотрения и публикации (см. [Кузнецова, 2020]). Свои записи собиратель дополнил подробным рассказом о народном «стихаре» и обстоятельствах своего с ним знакомства. Приводим небольшой фрагмент этого рассказа, дающий представление о живой традиции бытования и исполнения духовных стихов на этой территории:

...я заговорил со стариком. Он оказался крестьянином села Калмацкаго Бердюженской волости Ишимского округа Тобольской губернии. Зовут его Максим Иванович Мордвин, от роду имеет 71 год. Зрение потерял на сорок шестом году. В течение последнего двадцатилетия, лишившись сына, стал обучаться у стариков-стихарей духовным стихам, пением которых добывал себе деньги, поддерживая семью и хозяйство. О своих похождениях в качестве «стихаря» Максим Мордвин рассказывает не особенно охотно. <...> Оказывается, например, что в некоторых городах он сживал в кутузке за пение, соединенное с прошением милости и пр. Известно еще, что раньше Мордвин ходил с другим стихарем, более его знающим. <...> (с. 8) // (с. 9). В последний раз Максим Мордвин по железной дороге отправился в Омск и, пробыв там около месяца, соблазнился рассказами о Семипалатинске, куда и прибыл вместе со своими спутниками на казенном переселенческом пароходе.

Повествование о Егории Храбром в изложении сибирского крестьянина-«стихаря» начинается с указания времени событий, которое определяется через календарные сроки и через царствование:

Во шестом году в восьмой тысяче
При том царю было при Фёдоре (с. 55).

Подобные указанному варианты календарных сроков событий в других текстах стиха (например: «Во шестом году седьмой тысячи» (Безсонов, 1861, № 99⁵, Б 102), «Ва шестом году в осьмой тысячи» (Б 106) или «Во седьмом году восьмой тысячи» (Б 100; Варенцов, 1860, с. 95)) являются, по мнению В. Я. Проппа, вариантами словесными, а не хронологическими: певец-рассказчик хронологии себе не представляет, действие происходило когда-то очень давно [Пропп, 2006, с. 347]. Примечательным же В. Я. Пропп считал то, что хронология в стихе определяется по летоисчислению, принятому на Руси до введения в 1700 г. отсчета от Рождества Христова, и это склоняло исследователя к предположению, что данные строки сложились до XVIII в. [Там же]. Время событий может определяться

⁴ Далее в тексте статьи ссылки на страницы этой рукописи даются в круглых скобках после цитат.

⁵ Далее для обозначения текстов из сборника П. Безсонова (1861) в статье используются сокращения – начальная буква фамилии автора-составителя с номером текста, например: Б 99.

и только через ссылку на царствование, например: «При царе было, при Федоре...» (Б 108). Почти во всех случаях при определении времени действия через ссылку на царствование речь идет, как и в сибирском варианте, о царе с именем Федор.

В качестве места действия в стихе могут быть названы города Иерусалим (Киреевский, 1848, с. 148; Б 108; Варенцов, 1860, с. 100), Чернигов (Варенцов, 1860, с. 95), Вифлеем (Б 111), но чаще, как и в сибирской записи, город не указан.

Далее певец представляет действующих лиц. Сначала сообщается о родителях Егория. Как и в других вариантах стиха, отец только назван, мать описана эпитетами *благодарная, святая, премудрая*: «царица благодарная святая Сахфея воспремудрая». Потом представлены дети, по наблюдениям В. Я. Проппа [2006, с. 348], соответственно фольклорному закону троичности в данной песне чаще по форме 3 + 1 – три дочери и сын:

Породила она себе три дочери,
Три дочери, три родимья.
Четвертова сына, сына Егорія.

Если дочери только упомянуты, то облик Егория описан подробнее:

По локоть ручки в красном золоте,
По колен ноженьки в чистом серебре (с. 55).

Подобным образом облик героя описывается в большинстве текстов стиха, например: «По колена ноги в чистом серебре / По локоть руки в красном золоте, / Голова у Егорія вся жемчужная» (Б 102; Б 98).

Развитие событий начинается с появления врага, который похищает Егория. Чаще всего в текстах стиха, как и в повествовании М. Мордвина, враг именуется Демьянищем:

Как зазнал то Егорья царь Демьянишшо,
Царь Демьянишшо, царь басурманишшо.
Как унес Егорья во свою землю,
Во свою землю в Демьянскую (с. 55).

Лишь в немногих вариантах царь назван *Дектиан, Дектианище* (Варенцов, 1860, с. 100), *Диклтианище* (Якушкин, 1865, № 3). Эти редкие формы имени царя-врага восходят, как легко заметить, к имени римского императора Диоклетиана, известного жестокими гонениями на христиан. По мнению В. Я. Проппа, поскольку Диоклетиан – имя не русское и неудобопроизносимое, то «нет ничего удивительного в том, что оно было заменено русским именем Демиан, сохранившим начало (Ди-, Де-) и конец (-ан) этого имени» [Пропп, 2006, с. 350].

Похитив Егория, Демьянище учиняет ему допрос – расспрашивает о вере:

Светой Егорій, светой Храброй!
Которой вере будешь веровать,
Которым богам ты будешь молиться?

Отвечая, Егорий объявляет себя христианином:

Я поверю веру свою христианскую
Самому Христу царю небесному
И Матере Пресвятой Богородице
По Светой Троице нераздельною (с. 56).

Чтобы принудить Георгия отказаться от его веры, «...царь Демьянишшо / Повелел Егорья светова мучити / Его муками разновечнымя» (с. 56). Перечисление мук, которым подвергают Георгия, – центральная часть первого эпизода стиха. По наблюдениям В. Я. Проппа, в текстах упоминается до 30-ти различных видов мучений, которым подвергается Георгий, но чаще всего мучений бывает три-четыре: наиболее часто встречающиеся состоят в том, что Георгия пилят пилой, рубят топором, топят в воде, варят в смоле [Пропп, 2006, с. 354]. Именно таким мучениям, согласно варианту сибирского «стихаря», подвергает Егория царь «Демьянишшо»: он сначала велит Егория «в топоры рубить», потом «во пилы пилить», «по воде топить» и «в смоле варить». Результат всегда описывается одинаково: «ничего то Егорью не вредилося». Когда его рубят топорами, то «у топоров лезвья остры поломалися», когда пилят пилой, то «у пил зубцы остры поистерлися», когда топят в воде, варят в смоле, то по верху воды / смолы Егорий плавает, он поет стихи херувимские. Наконец, царь Демьянише

Повелел про Егорья глубок погреб рыть. <...>
Он вверзал Егорья во глубок погреб,
Закрывал досками железнымя,
Прибивал гвоздями полужеными,
Засыпал песками желтымя <...>
Сам с собою разговаривал:
Что не быть Егорью на Святой Руси,
Не видать Егорью света белова (с. 57).

Подобный мотив хорошо известен в русском эпическом фольклоре. Так, в былине о бунте Ильи Муромца против князя Владимира повествуется, как разгневанный Владимир приказывает вырыть глубокий погреб, посадить туда Илью, закрыть этот погреб решеткой или досками, завалить выход камнем или засыпать его песком; вопреки воле Владимира Илья остается живым (о сюжете и перечень 47 вариантов см. [Пропп, 1958, с. 289–301, 291–292, примеч. 2]). Заметим, что мотив заточения в погребе в русском былевом эпосе может быть связан и с именем Ильи Муромца, и с именем Добрыни Никитича⁶.

Тексты стиха не всегда сообщают, сколько времени Егорий находился в погребе, но если сроки названы, то это почти всегда 30 лет или 30 лет и 3 года, как и в сибирской записи: «Тогда Егорий светой мучился / Тридцать лет три года», после этого запоры рушатся и приходит освобождение:

Подымалися тучи грозныя
Со ветрами и со вихрями.
Желтые песочки россыпалися,
Полуженые гвозди посломалися,
Железные доски открывалися,
Тогда стал Егорий поверху земли,
Поверху земли, света белова (с. 58).

Высвободившись из темницы, Егорий направляется «во Черниг-город», в церковь соборную, богомольную, где встречает свою мать («Она стоючи Богу молится»).

⁶ См. варианты тематической серии «Герой и правитель» – «По оговору Ильи Муромец попадает в погреб», «Добрыня в погребе» [Смирнов, 2010, с. 117–121].

Выходом из темницы и встречей с матерью сюжет первого эпизода стиха – о мученичестве Егория – завершается. Но конец первого эпизода стиха становится началом второй его части – о поездке Егория: встретившись с матерью, Егорий просит благословить его на сражение с царем-злодеем, чтобы отплатить мучителю и утвердить веру христианскую; он получает материнское напутствие и отправляется в дорогу, «в царство дьявольное». Далее следует рассказ о самой поездке героя.

Подобно былинным богатырям, Егорий встречает на своем пути различные препятствия. Сначала перед ним встают «круты горы», потом – «темны леса»: «не пройти Егорью, не проехать». Егорий велит горам, а потом и лесам встать на одно место, обещая порубить из лесов церковь соборную, богомольную и поставить ее на горах. Усмиренные горы послушались Егория, леса слову Егория покорились, так ему те заставы «миновались».

После этого он встречает живые преграды. Одна из них – «стадо зверей брезгучих». Пояснение к этому слову, данное собирателем под строкой: «Брезгучие звери – лютые звери» (с. 61) – верно, но само слово, видимо, несколько искажено. В подобных эпизодах других вариантов стиха звери могут быть названы «прысчучими»⁷ или «рысчучими»⁸. Согласно пояснениям В. И. Даля, «*рысчучий зверь*, что рыщет по полю, на воле; дикий, бол<ее> волк. <...> На серых волков, на рысчучих, пес<енное>» [Даль, 1994, т. 4, с. 119]; «*Прысчучий зверь*, прысчучий, дикий» [Там же, т. 3, с. 530].

При зверином стаде Егорий находит своих сестер: «Гласом оне гласят по зверинуму, / Волоса на них, как ковыль трава / А тело, как кора еловая» (с. 60–61). Егорий велит им пойти «на Ердань реку», чтобы искупаться «водою животочною», бросить веру их басурманскую, а «поверовать» в веру христианскую.

Следующей заставой на пути становится «стадо волков», которых Егорий покоряет и разгоняет своим словом:

Ой, вы звой-еси, волки серые!
Разойдитесь, разбегитесь
По глухим степям, по темным лесам
Вы по двум, и по трем, и по единому;
И пейте, и еште вы повелёное,
Повелёное, благословёное (с. 61).

После этого герой встречает змея огненного, и его Егорий истребляет своим словом:

Ой ты, звой-еси, змей огненный!
Ударься ты об землю
И рассыпья частью мелкою,

⁷ См., например: «Наезжал Егорий на лютых зверьёв, / На серых волков на прысчучих» (Б 99, с. 400); «Наезжал Егорий на серых волков / На серых волков, на прысчучих» (Б 106, с. 465); «Наезжал Егорий на серых волкоф, / На серых волкоф, на прысчучих» [Соколов, 1995, с. 147].

⁸ См., например: «Наезжал Егорий на стадо звериное, / На серых волков на прысчучих» (Киреевский, 1848, с. 153); «Наезжал Егорий на стадо звериное на прысчучее <...> Ой вы гой еси, звери лютые, / Звери лютые вы прысчучие!» (Б 101, с. 417); «А еще Егорий наезжаючи / На серых волков на прысчучих» (Б 102, с. 426).

Розойдитесь и расползетесь,
Пейте, ешьте во сырой земле (с. 62).

Характер эпизодов со зверями, волками и змеями в составе стиха о Егории Храбром справедливо связывают с особенностями народного культа этого святого. В фольклорной традиции Георгий / Егорий / Юрий (дни его памяти 23 апреля / 6 мая «Егорий вешний» и 3 / 16 ноября «Егорий осенний») считается покровителем земледелия, скотоводства, пастушества, выступает как хозяин волков («волчий пастырь»), повелитель змей⁹.

К числу препятствий, встречаемых Егорием на пути, относится и *Штрахтир-птица*, что сидит на *Симбирских воротах*. Ворота в вариантах стиха о Егории могут именоваться Симбирскими (Б 100), как и в сибирской записи, или воротами дворца Симбирского [Соколов, 1995, с. 148], но могут иметь и другие определения: ворота Сибирские (Б 104), Сабрицкие (Б 106), Сербинские (Б 99), Херсонские (Б 102; Б 103; Киреевский, 1848, с. 153). Название птицы в вариантах стиха также варьирует, она может быть названа Острофильской птицей (Б 111), птицей Стратим (Б 101), Нога (Б 104); [Соколов, 1995, с. 148], Нага (Б 99, Б 100), Нага-Астрахтир (Б 106), Черногон (Б 102), Черногар (Киреевский, 1848, с. 153; Б 103). Егорий к птице обращается со словами:

Ой ты звой-еси, Штрахтир-птица!
Полетай ты на синё море,
Плоди детей на сыром камне (с. 62).

Исследователями давно замечена связь эпизода о птице в стихе о Егории Храбром с фрагментом из космогонического повествования стиха «Голубиная книга»¹⁰ о птице Страфиль¹¹, что «всем птицам мати»:

Живет она на синём море,
Пьет она ест из синя моря,

⁹ О представлениях, связанных со святым Георгием / Егорием в фольклоре см., например: [Максимов, 1903, с. 439–447; Толстой, 1995].

¹⁰ Голубиная книга – русский духовный стих, который в форме вопросов и ответов рассказывает о происхождении и устройстве мира. Название стиха объясняется двояко: это книга «глубинная», т. е. глубокая от заключающейся в ней премудрости, голубиной стала называться у народа под влиянием символа Святого Духа, которым в христианстве является голубь. В большей части вариантов стих начинается с эпического введения, которое рассказывает, как в городе Иерусалиме с небес из тучи упала книга, которую никто не может прочесть. По просьбе царя Владимира (Волота) собравшимся царям содержание книги объясняет царь Давид. Он рассказывает о происхождении всего сущего на земле (Отчего зачался у нас белый свет? Отчего зачалось солнце красное?), о природе человека (Отчего взяты телеса наши? Отчего зачались кости крепкие?), о старейшинстве вещей – идеальных первообразов (Которая земля землям мати? Который у нас камень каменьям отец? Который зверь всем зверям отец? Которая птица всем птицам мати?). Замечено, что разными своими мотивами стих связан с произведениями апокрифической литературы, однако, воспользовавшись, по наблюдению А. И. Кирпичникова, апокрифическими источниками как материалом, стих о Голубиной книге «переработал этот материал по-своему, в чисто народном духе» (см. [Кирпичников, 1893, с. 116]). О происхождении стиха о Голубиной книге, его источниках, мотивах и образах см. также [Мочульский, 1887; Каган, 1992] (издания и литературу см. там же).

¹¹ О происхождении образа птицы Страфиль см. [Мочульский, 1887, с. 140–149; Кирпичников, 1890; Белова, 2001, с. 240–241].

И детей водит на синём море
И Богу молится за синё море;
Когда Страфиль птица вострепёнется,
Все синее море всколыбается... (Б 86, с. 321)

Название этой мифической птицы в списках стиха о Голубиной книге также представлено многочисленными и разнообразными вариантами (Безсонов, 1861, с. 369), среди которых наиболее близкий к наименованию птицы в сибирском тексте стиха о Егории – *Штрахтир* – вариант Страхтир.

Не только образ птицы, но направленность всех эпизодов второй части стиха – о встрече героя с птицей, горами, лесами, зверями – сближает большой стих о Егории со стихом о Голубиной книге. Уже первыми исследователями был отмечен космогонический характер стиха о Егории Храбром. В нем говорится, однако, не о происхождении мира, как в Голубиной книге, а о начале его устройства, и роль устроителя мира, учредителя порядка отводится стихом святому Егорию. Он отправляется в свою поездку на богатырском коне, с воинским снаряжением (на это указывает напутствие матери Егорию: «Ах ты, чадо мое милое! / Иди, чадо, во чисто поле, / Возьми ты коня богатырскова / Со двумя с цепями со железными / Со всей сбруей богатырской!» (с. 59)), но не силой оружия, а силой своего слова преодолевает Егорий все препятствия на пути и «устраивает» землю, порядок на ней: определяет, где быть горам, лесам, как жить зверям и птицам, строит церкви, распространяет веру христианскую, преобразует мир. Только встретившись с царем Демьянищем, своим врагом и врагом христианства, Егорий берется за оружие: когда он подъезжает к палатам царя, тот выходит на парадное крыльцо и просит об отсрочке своей гибели сначала на три года, потом на три часа, на один час; Егорий не соглашается, вынимает палицу богатырскую и разбивает ею белокаменные палаты царя, а ему самому отсекает голову.

Публикуемая сибирская запись принадлежит к числу полноценных, подробных вариантов большого стиха о Егории Храбром, который, как отмечали исследователи, часто носит «былевой эпический характер, и по своему объему больше других стихов приближается к так называемым былинам среднего объема и, во всяком случае, к наиболее древним и большим историческим песням» [Соколов, 1995, с. 124]. Если большая часть известных записей стиха имеет, по расчетам Б. М. Соколова, объем от 130 до 180 стихов-строчек [Там же, с. 123], то вариант стиха о Егории в записи Ф. К. Зобнина – 232 стиха. Близкий объем – от 200 до 250 строк, по наблюдениям исследователя, имеют еще только пять текстов, из которых только два превышают объем сибирского варианта (более 232 строк)¹².

Представленный вариант стиха о Егории Храбром в записи Ф. К. Зобнина является первой его сибирской фиксацией, что уточняет представления о географии бытования стиха и о репертуаре русских духовных стихов в Сибири. Вместе с этим он пополняет общий корпус выявленных записей большого стиха о Егории Храбром новым полным вариантом и расширяет источниковую базу для изучения форм бытования духовного стиха как проявления механизмов адаптации христианских сюжетов в системе народных представлений.

¹² См.: Б 104 (записал П. В. Киреевский от слепого Антона в Киреевской слободе 14 октября 1841 г. Антон из села Лаврово Орловского у. и губ.) – 237 стихов; Б 106 (из собрания П. В. Киреевского, записано П. В. Якушкиным в селе Сабурове Малоархангельского у. Орловской губ.) – 236 стихов [Соколов, 1995, с. 124–127].

Список литературы

- Белова О. В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики / Отв. ред. А. А. Турилов. М.: Индрик, 2001. 318 с.
- Веселовский А. Н.* Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Разыскания в области русских духовных стихов. СПб.: Тип. Имп. АН, 1880. Вып. 2, ч. 2. 228 с.
- Галахов А.* История русской словесности, древней и новой. СПб.: Тип. Морского Министерства, Главное Адмиралтейство, 1880. Т. 1. 517 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 3. 560 с.; Т. 4. 688 с.
- Каган М. Д.* Голубиная книга // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1992. Вып. 3: XVII в., ч. 1. С. 216–219.
- Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. 193 с.
- Кирпичников А. И.* К вопросу о птице Страфиль // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Ч. 270, № 7. С. 99–108.
- Кирпичников А.* Голубиная книга // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т. СПб.: Типо-литография И. А. Ефрона, 1893 Т. 9. С. 116–117.
- Кузнецова В. С.* Духовный стих о святом Феодоре Тироне и его русская сибирская запись // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 23–37. DOI 10.17223/18137083/71/2
- Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. III + 526 с.
- Мочульский В. Н.* Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Исследование В. Мочульского. Варшава: Тип. М. Земкевича, 1887. II + 256 с.
- Пропл В. Я.* Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: Худож. лит., 1958. 604 с.
- Пропл В. Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография русского Севера. Л., 1973. С. 190–208.
- Пропл В. Я.* Стих о Егории Храбром (вступ. заметка А. Н. Мартыновой, подгот. текста и коммент. Н. А. Прозоровой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. С. 344–367.
- Рыстенко А. В.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русских литературах. Одесса: «Экономическая» тип., 1909. VI + 536 с.
- Смирнов Ю. И.* Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 280 с.
- Соколов Б. М.* Большой стих о Егории Храбром. Исследование и материалы / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Бахтиной; отв. ред. В. М. Гацак. М.: Наследие, 1995. 178 с.
- Творогов О. В., Турилов А. А.* Житие Георгия Победоносца // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в. С. 144–146.
- Толстой Н. И.* Георгий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 496–498.

Список источников

- Безсонов П.* Калики переходные. Сборник стихов и исследование П. Безсонова. М.: Тип. А. Семена, 1861. Ч. 1, вып. 1–3. VI + 824 с.

БДЛР – Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 526 с.

Варенцов В. Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1860. 248, [3] с.

Киреевский П. В. Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. № 9, разд. 4. С. 145–226.

Якушкин П. И. Народные русские песни из собрания П. Якушкина. СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1865. 288 с.

References

Belova O. V. *Slavyanskiy bestiariy. Slovar' nazvaniy i simboliki* [Slavic bestiary. Dictionary of names and symbols]. A. A. Turilov (Ed.). Moscow, Indrik, 2001, 318 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 vols.]. Moscow, TERRA, 1994, vol. 3, 560 p.; vol. 4, 688 p.

Galakhov A. *Istoriya russkoy slovesnosti, drevney i novoy* [History of Russian literature, ancient and new]. St. Petersburg, Tipografiya Morskogo Ministerstva, Glavnoe Admiralteystvo, 1880, vol. 1, 517 p.

Kagan M. D. Golubinaya kniga [The Dove Book]. In: *Slovar' knizhnikov i knishnosti Drevney Rusi* [Thesaurus of scribes and early books writings of Ancient Rus]. D. S. Likhachev (Ed.). St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1992, iss. 3: 17th century), pt. 1, pp. 216–219.

Kirpichnikov A. Golubinaya kniga [The Dove Book]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 t* [Brockhaus and Efron encyclopedic dictionary: In 86 vols.]. St. Petersburg, Tipo-Litografiya I. A. Efrona, 1893, vol. 9, pp. 116–117.

Kirpichnikov A. I. K voprosu o ptitse Strafil' [On the issue of the bird Strafil]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1890, pt. 270, no. 7, pp. 99–108.

Kirpichnikov A. I. Sv. Georgiy i Egoriy Khrabryy. *Issledovanie literaturnoy istorii khristianskoy legendy* [St. George and Yegory the Brave. A Study of the Literary History of a Christian Legend]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva, 1879, 193 p.

Kuznetsova V. S. Dukhovnyy stikh o svyatom Feodore Tirone i ego russkaya sibirskaya zapis' [Spiritual verse about Saint Feodor Tiron and its Russian Siberian text]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2020, no. 2, pp. 23–37. DOI 10.17223/18137083/71/2

Maksimov S. V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, unknown and cross power]. St. Petersburg, Tov. R. Golike i A. Vil'borg, 1903. III+526 p.

Mochul'skiy V. N. *Istoriko-literaturnyy analiz stikha o Golubinoy knige* [Historical and literary analysis of the verse about the Dove Book]. Warsaw, Tip. M. Zemkevicha, 1887, II+256 p.

Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. 2nd ed., corr. Moscow, Khudozh. lit., 1958, 604 p.

Propp V. Ya. Stikh o Egorii Khrabrom (vstup. zametka A. N. Martynovoy, podgot. teksta i comment. N. A. Prozorovoy) [A Verse about Yegory the Brave (Introductory note by A. N. Martynova, text preparation and commentary by N. A. Prozorova)]. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2001]. T. G. Ivanova (Ed.). St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2006, pp. 344–367.

Propp V. Ya. Zmeeborstvo Georgiya v svete fol'klora [George's dragon-fighting in the light of folklore]. In: *Fol'klor i etnografiya russkogo Severa* [Folklore and ethnography of the Russian North]. Leningrad, 1973, pp. 190–208.

Rystenko A. V. *Legenda o sv. Georgii i drakone v vizantiyskoy i slavyano-russkikh literaturakh* [The Legend of St. George and the Dragon in Byzantine and Slavic-Russian Literatures]. Odessa, "Ekonomicheskaya" tip., 1909. VI+ 536 p.

Smirnov Yu. I. *Byliny. Ukazatel' proizvedeniy v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh* [Byliny. Index of works in their variants, versions and contaminations]. Moscow, IWL RAS, 2010, 280 p.

Sokolov B. M. *Bol'shoy stikh o Egorii Khrabrom. Issledovanie i materialy* [A large verse about Yegory the Brave. Research and materials]. V. A. Bakhtina (Prep. of the text, intro. and comm.), V. M. Gatsak (Ed.). Moscow, Nasledie, 1995, 178 p.

Tolstoy N. I. Georgiy [George]. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: In 5 vols.]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 1, pp. 496–498.

Tvorogov O. V., Turilov A. A. Zhitie Georgiya Pobedonostsa [Life of St. George the Victorious]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Thesaurus of scribes and early books writings of Ancient Rus]. D. S. Likhachev (Ed.). Leningrad, Nauka, 1987, iss. 1: 11 – pervaya polovina 14 v [11th – first half of the 14th century], pp. 144–146.

Veselovskiy A. N. Sv. Georgiy v legende, pesne i obryade [St. George in legend, song and ritual]. In: *Razyskaniya v oblasti russkikh dukhovnykh stikhov* [Research in the field of Russian spiritual verses]. Iss. 2, pt. II. St. Petersburg, Tip. Imp. AN, 1880, iss. 2, pt. 2, 228 p.

List of sources

Bezsonov P. *Kaliki perekhozhie. Sbornik stikhov i issledovanie P. Bezsonova* ["Kaliki perekhozhye". Collection of spiritual verses and research by P. Bezsonov]. Moscow, Tip. A. Semena, 1861, pt. 1, iss. 1–3, VI + 824 p.

Biblioteka literatury Drevnei Rusi [Library of Literature of Old Russia]. D. S. Likhachev, L. A. Dmitriev, A. A. Alekseev, N. V. Ponyrko (Eds.). St. Petersburg, Nauka, 2006, vol. 5: 13th century, 526 p.

Kireevskiy P. V. Russkie narodnye pesni, sobrannye Petrom Kireevskim. Ch. 1. Russkie narodnye stikhi [Russian folk songs collected by Pyotr Kireevsky. Pt. 1. Russian folk verses]. In: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings at the Society of History and Antiquities of Russia at Moscow University]. Moscow, 1848, no. 9, sec. 4, pp. 145–226.

Varentsov V. *Sbornik russkikh dukhovnykh stikhov, sostavlennyy V. Varentsovy* [Collection of Russian spiritual poems compiled by V. Varentsov]. Published by D. E. Kozhanchikov. St. Petersburg, Tip. t-va "Obshchestvennaya pol'za", 1860, 248 [3] p.

Yakushkin P. I. *Narodnye russkie pesni iz sobraniya P. Yakushkina* [Folk Russian songs from the collection of P. Yakushkin]. St. Petersburg, Tip. A. A. Kraevskogo, 1865, 288 p.

Про Егорія Храбраго

Записал Ф. К. Зобнин 9 июня 1896 г. в Тобольской губернии, в 17-ти верстах от г. Семипалатинска, на Святом Ключе от крестьянина села Калмацкого Бердюженской волости Ишимского округа Тобольской губернии Максима Ивановича Мордвина 71 года.

Публикуется по рукописи: АРГО, р. 61, оп. 1, д. 37, с. 55–64. Ударения в словах проставлены там, где они поставлены собирателем, особенности орфографии сохранены.

- Во шестом году в восьмой тысяче
При том царю было при Фёдоре,
При Федоре императоре
Там жила царица благоверная
- 5 Светая Сахфея вос-премудрая.
Породила она себе три дочери,
Три дочери, три родимья.
Четвертова сына, сына Егорія
Что Егорія света Храброва –
- 10 По локоть ручки в красном золоте,
По колен ноженьки в чистом серебре.
Как зазнал то Егорья царь Демьянишшо,
Царь Демьянишшо, царь басурманишшо.
Как унес Егорья во свою землю
- 15 Во свою землю в Демьянскую,
В Демьянскую, в басурманскую.
Стал Егорія выпрашивать:
«Светой Егорій, светой Храброй!
Которой вере будешь веровать,
- 20 Которым богам ты будешь молиться?»
«Ты злодей, царь, царь Демьянишшо!
Я не верую в веру твою басурманскую,
Не молюсь чужим богам, богам идолам;
Я поверую веру свою християнскую
- 25 Самому Христу Царю Небесному
И Матере Пресвятой Богородице
По Светой Троице нераздельною...»
Злодей царевишшо, царь Демьянишшо
Повелел Егорья светова мучити
- 30 Его муками разновечнымья.
Повелел Егорья в топоры рубить,
У топоров лезвья остры поломалися,
У мастеров то рученьки опушались,
Ясныя очи помрачались,

- 35 Ничего то Егорью не вредилося.
Как злодей царь, царь Демьянишшо
Повелел Егорья во пилю пилить.
Как у пил зубцы остры поистерлися,
У мастеров рученьки опушались,
- 40 Ясныя очи помрачались,
Ничего то Егорью не вредилося.
Злодей царевишшо, царь Демьянишшо
Повелел Егорья по воде топить.
По верху то воды Егорій плавает,
- 45 Он поет стихи херувимскіе,
Он гласом гласит по евангельски,
По евангельски, по архангельски.
Ничего то Егорью не вредилося.
Злодей царевишшо, царь Демьянишшо
- 50 Повелел Егорья в смоле варить.
Смола кипит, как гром гремит.
По верху смолы Егорій плавает,
Он поет стихи херувимскіе,
Он гласом гласит по-евангельски,
- 55 По-евангельски, по архангельски.
Ничего Егорью не вредилося.
Злодей царевишшо, царь Демьянишшо
Повелел про Егорья глубок погреб рыть,
Глубиной погреб сорок сажен,
- 60 Поперечнику двадцать сажен.
Он вверзал Егорья во глубок погреб,
Закрывал досками железнымя,
Прибивал гвоздями полужеными,
Засыпал песками желтымя
- 65 И не сам собой притаптывал,
Сам с собою разговаривал:
Что не быть Егорью на Святой Руси,
Не видать Егорью света белова,
Свету белова, солнца краснаго,
- 70 Солнца краснова, пеня Божьяго,
Пеня Божьяго, звону колокольнова,
Не читать Егорью книгу евангеля...
Тогда Егорій святой мучился
Тридцать лет три года.
- 75 Из под города Чернигова
Явилася Мать явленная
Сама Матерь Божья Богородица
И Троица нераздельная.
Подымались тучи грозныя

- 80 Со ветрами и со вихрями.
Желтые песочки рассыпалися,
Полуженые ¹³ гвозди посломалися,
Железные доски открывалися,
Тогда стал Егорій поверху земли,
85 Поверху земли, света белова,
Света белова, солнца краснова.
Пошел Егорій во Черниг-горóд –
Черниг-горóд разорен стоял,
Нет ни стараго, нет ни малаго,
90 Стоит одна церьква соборная,
Соборная, богомольная.
В той во церкви мать Егорьева
Она стоючи Богу молится
На светых молитвах на Исусовых.
95 Как святой Егорий в церькву заступаючи,
Чудным образам покланяется
Своей матери покоряется:
«Ой, ты мать моя, родимая,
Святая Сохфея воспремудрая!
100 Благослови меня в царство демьяненное
Благослови побить царя Демьянишша,
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить ему кровь горячую,
Утвердить мне веру християнскую
105 Самому Христу Царю Небесному,
Матере Божьей Богородице
И Святой Троице Нераздельной!»
– Ах ты, чадо мое милое!
Иди, чадо, во чисто поле,
110 Возьми ты коня богатырскова
Со двумя с цепями со железнымя
Со всей сбруей богатырской!
Как светой Егорій поезжаючи,
В чужу Рымску землю заступаючи,
115 Надъезжал Егорій на круты горы:
Не пройти Егорью, не проехать.
Светой Егорий проблаголывал:
«Ой, вы звой-еси, горы высокия!
Станьте, горы, на одно место,
120 Я на вас, на горах на високих
Построю церькву соборную,
Церькву соборную богомольную!»
Ему та застава миновалася.
Светой Егорий проезжаючи,

¹³ В рукописи «е» в окончании слова написано сверху над зачеркнутой буквой «я». – В. К.

- 125 Чужу Рымскую землю очищаючи
Надъезжал Егорий на темны леса.
Леса к лесам попригнулися
И по сырой земле ростянулись –
Не пройти Егорью, не проехати.
- 130 Святой Егорий проблагольвал:
«Ой, вы звой-еси леса темные!
Станьте на одно место,
Я из вас порублю церькву соборную,
Церькву соборную богомольную».
- 135 Ему та застава миновалася.
Светой Егорий проезжает.
Наезжал Егорий на стадо зверей,
На стадо зверей, на брезгучих*.
Пасут зверей трое пастырей,
- 140 Трое пастырей – родныя сестрицы.
Гласом оне гласят по-звериному,
Волоса на них, как ковыль трава,
А тела, как кора еловая.
Светой Егорий проблагольвал:
- 145 «Ой вы, звой-еси, трое пастырей,
Трое пастырей – родныя сестрицы!
Идите вы на Ердань реку,
Искупайтесь водою животоchnою
И бросьте вы веру свою басурманскую,
- 150 Поверуйте в веру нашу христианскую,
Самому Христу Царю Небесному,
Матере Божьей Богородице,
Святой Троице Нераздельной!»
Ему та застава миновалася.
- 155 Святой Егорий проезжаючи,
Чужу Рымску землю очишаючи,
Наезжал Егорий на стадо волков,
На стадо волков брезгучиих –
Не пройти Егорью, не проехати.
- 160 Светой Егорий проблагольвал:
«Ой, вы звой еси, волки серые!
Разойдитесь, разбегитесь
По глухим степям, по темным лесам
Вы по двум, и по трем, и по единому;
- 165 И пейте, и ешьте вы повелёное,
Повелёное, благословёное –
Будете сыты вы без этого,
Без меня, Егорья Храброва!»
Та застава ему миновалася.

* Брезгучіе звери – лютые звери. (Это пояснение под строкой принадлежит собирателю. – В. К.)

- 170 Светой Егорий проезжаючи,
Чужу Рымску землю очищаючи,
Надъезжал Егорій на змея огненного.
У змея у огненного из хайла огонь пышет,
А из ушей дым столбом валит –
- 175 Не пройти Егорью, не проехати.
Как светой Егорий проблаголывал:
«Ой ты, звой-еси, змей огненный!
Ударься ты об землю
И рассыпья частью мелкою,
- 180 Розойдитесь и росползетесь,
Пейте, ешьте во сырой земле,
Будете сыты без этого,
Без меня, Егорья Храброва!»
Ему та застава миновалася.
- 185 Егорій проезжаючи,
Чужу Рымску землю очищаючи,
Надъезжал Егорий ко его Симбирским воротам,
На воротах его сидит Штрахтир-птица,
В когтях своих она держит осетра-рыбу.
- 190 Не пройти Егорью, не проехати.
Как светой Егорий проблаголывал:
«Ой ты звой-еси, Штрахтир-птица!
Полетай ты на синё море,
Плоди детей на сыром камне,
- 195 Будешь сыта без эдотова,
Без меня, Егорья Храброва!»
Ему та застава миновалася.
Светой Егорий проезжаючи,
Чужу Рымску землю очищает.
- 200 Надъезжал Егорий ко его полате.
Увидал Егорья царь Демьянишшо,
Царь Демьянишшо, басурманишшо,
Выходил на свое,
На паратное на красное крыльцо.
- 205 Святому Егорью поклоняется,
Поклоняется, покоряется.
«Светой Егорій, светой Храброй!
Дай ты сроку хоть на три года!»
Егорій отвечает: «Не даю тебе сроку на три дня».
- 210 «Ты Егорій, ты святой Храброй,
Дай мне сроку на три дня!»
«Не даю тебе сроку на три часа!»
«Дай ты мне сроку хоть на три часа!»
«Не даю тебе сроку на единый час».
- 215 «Егорій ты святой Храброй,
Дай мне сроку хоть на один час?»
«Не даю тебе сроку на минуту».

- Вынимал он палицу богатырскую,
Розбивал полату белокаменну
220 И зарубил царя Демьянишша,
Отсек ему голову басурманскую,
Отплатил тожно дружбу прежнюю,
Отлил кровь горячую,
И утвердил свою веру христианскую
225 Самому Христу Царю Богу Небесному,
Матере Божьей Богородице,
Святой Троице нераздельной.
228 Слава святому Егорию! Слава и ныне, и присно, и во веке веков, аминь.
Светому Егорию злат венец,
230 А миру православному доброва здравія,
Кто слушал-послушал –
Милостину нам подавал.

Информация об авторе

Вера Станиславовна Кузнецова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
Scopus ID 57208779143
WoS Researcher ID K-9870-2018

Information about the author

Vera S. Kuznetsova, Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
Scopus ID 57208779143
WoS Researcher ID K-9870-2018

*Статья поступила в редакцию 24.12.2024;
одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025
The article was submitted on 24.12.2024;
approved after reviewing on 16.01.2025; accepted for publication on 16.01.2025*

Научная статья

УДК 398.2

DOI 10.17223/18137083/90/2

Преимственность эпической традиции хори-бурят в улигерах монгольского бурята Д. Манзарона и специфика его сказительского мастерства

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия

bch58@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3672-1566>

Аннотация

Улигерные тексты, записанные в начале XX столетия от Дугара Манзарона, представителя этнической группы хори-бурят, переселившегося в Монголию, анализируются в рамках хоринской эпической традиции. Выявлены устойчивые и вариативные звенья в реализации сюжета; установлена общность сюжетной структуры и мотивных единиц улигерных произведений сказителя и эпоса хори-бурят без следов существенной трансформации. Тексты, записанные от монгольского бурята, отличаются наличием в большей степени, чем в других хоринских улигерах, мифологических компонентов, наполненных архаической семантикой; чрезмерным насыщением их мотивами с буддийской тематикой. Эти и некоторые другие особенности рассматриваемого материала являются показателем индивидуального мастерства сказителя.

Ключевые слова

улигеры, эпическая традиция, буряты Монголии, сюжеты, мотивы, общее, отличительное

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона», № 121031000259-6)

Для цитирования

Цыбикова Б.-Х. Б. Преимственность эпической традиции хори-бурят в улигерах монгольского бурята Д. Манзарона и специфика его сказительского мастерства // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 27–40. DOI 10.17223/18137083/90/2

© Цыбикова Б.-Х. Б., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 27–40
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 27–40

**Continuity of the Khori-Buryat epic tradition
as reflected in Mongolian Buryat uligers
narrated by Dugar Manzaron, the Mongolian Buryat,
with a focus on his narrative technique specifics**

Badma-Khanda B. Tsybikova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russian Federation

bch58@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3672-1566>

Abstract

The research investigates two uligers that were originally introduced into scientific circulation by Ts.-A. N. Dugarnimaev. These uligers were recorded from Dugar Manzaron, a talented storyteller representing one of the Buryat ethnic groups living in Mongolia. A brief historical background is provided on the Buryats' migration to Mongolia. The purpose of the study is to identify common and local connections between the uliger texts analyzed, within the Khori-Buryat epic tradition. The plot, motive structure, and features of the motive fund realization are characterized. Both texts share a central narrative core, which involves the hero's departure for marriage, battles, and the completion of assigned tasks. Common elements include the return of a kidnapped bride, wife, or parents by a hostile khan or mythical creature. Differences are observed in the elaboration of specific plot motives, such as the location of Mangadhai's soul, the main character's metamorphosis, and reincarnation as a relative of Mangadhai. A notable feature of the texts recorded in Mongolia is the incorporation of Buddhist characters, attributes, and rituals into their plots. The analysis of the relationship between plot and motives within the epic narrative is crucial for revealing the artistic space and structure of uliger texts. The plot-compositional organization of the uligers by D. Manzaron is disclosed for the first time, and the consistent nature of the epic tradition across time is identified. These findings provide a valuable comparative framework for analyzing the traditions of other ethnic groups.

Keywords

uligers, epic tradition, Buryats of Mongolia, plots, motives, general, distinctive

Acknowledgments

The research was carried out within the state assignment (project "Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region, no. 121031000259-6)

For citation

Tsybikova B.-Kh. B. Continuity of the Khori-Buryat epic tradition as reflected in Mongolian Buryat uligers narrated by Dugar Manzaron, the Mongolian Buryat, with a focus on his narrative technique specifics. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 27–40. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/2

Введение

Целью статьи стало выявление степени устойчивости и вариативности эпической традиции во времени на основе сравнительного анализа двух улигерных текстов, записанных в начале XX столетия от монгольского хори-бурята, и хоринских улигеров. Для этого поставлена задача охарактеризовать структурно-композиционную организацию произведений Д. Манзарона и особенности реализации сюжетно-мотивных единиц.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1

Наименее изученной в бурятском эпосоведении остается хоринская эпическая традиция. В связи с этим предпринятый в статье анализ сказительской традиции этнической группы хори-бурят обуславливает актуальность исследования. Неоценим вклад в изучение эпоса бурят выдающихся ученых Ц. Ж. Жамцарано, Г. Д. Санжеева, А. И. Уланова.

Мировую известность Ц. Ж. Жамцарано получил своими бесценными публикациями бурятских эпических сказаний. На основе анализа характерных особенностей эхирит-булагатских и хори-бурятских улигеров ученый сделал вывод о преобладании архаических мотивов в эхирит-булагатской эпической традиции: «...у эхиритов-булагатов... была эпоха, когда земля была наполнена всевозможными “очеловеченными” чудовищами: мангадхаями, многоголовыми змеями, птицами, громадными псами» [Образцы народной словесности..., 1918, с. 32].

Крупный исследователь монгольских языков, этнограф, фольклорист Г. Д. Санжеев выделяет эхирит-булагатскую и унгинскую группы в эпосе бурят, но отдельно не маркирует хори-бурятскую традицию: «...все остальные эпосы суть нечто среднее между этим (унгинским) и булагатским эпосами» (Аламжи Мэргэн, 1936, с. 24).

А. И. Уланов, исследовав генезис и развитие бурятского героического эпоса, на основе принципа стадийного подхода выделил в нем «три слоя: эхирит-булагатский, унгинский и хоринский, отражающий звероловно-охотничью жизнь и жизнь скотоводческую родового общества» [Уланов, 1963, с. 28].

М. Н. Намжиловой [1997] впервые рассмотрены сюжетная структура, основные мотивы, выразительные средства эпоса хори-бурят.

Материалом для сравнительного анализа послужили опубликованные хори-бурятские улигеры (см. таблицу).

В исследовании анализируются два улигера, записанные в 1927 г. «простолюдином Санжайжин Данзано» «со слов Дугара Манзарона, бедняка Бурятского хошуна Хан Хэнтэй аймака реки Керулена» (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4): один из них называется «*Урдын сагай найман түмэн наһатай наян тохой бэетэнэй үеын Бухайр хүбүүн Богда Жангарай түүхэ*» «История сына Бухайра Богдо¹ Жангара, [случившаяся] в давнее время, когда [люди были] возрастом восемь тысяч лет, [ростом] с восемь *тохой*²». Название второго улигера звучит так: «*Урдын урда, эртын энхэ сагай наян тохой бэетэнэй, найман түмэн наһатанай үеын Убэр Шодор Шоолин нютагтай Убэр Мэргэнэй хүбүүн Ёоро Ёгшоолой түүхэ*» «История Ёоро Ёгшола, сына Убэр Мэргэна из местности Убэр Шодор Шолин, [случившаяся] в давние, далекие, ранние безмятежные времена, когда [люди были] возрастом восемь тысяч лет, [ростом] с восемь *тохой*».

Они были обнаружены известным филологом Ц.-А. Н. Дугар-Нимаевым в Рукописном отделе Государственной библиотеки Академии наук Монголии. Тексты записаны от руки на старомонгольском языке в шести ученических тетрадах. Переводы улигеров на кириллическое письмо осуществлены Ц.-А. Н. Дугар-Нимаевым при содействии монголоведа Г. Н. Очировой и опубликованы в 1992 г. (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992).

¹ Богдо – 1) святой, святейший; 2) премудрый; верховный, августейший, владыка; 3) повелитель, властелин, властитель.

² Тохой – 1) часть руки от локтя до кисти; 2) мера длины, равная 0,32 м.

Хори-бурятские улигеры, использованные для сравнительного анализа
Khorǝ-Buryat uligers used for comparative analysis

Название, источник	Сказитель	Год и место записи	Собиратель	Год публикации
<i>Эрдэмтэ соохор морин</i> (Премудрый пестрый конь) (Байгал, 1962, с. 114–154)	Не известен	1878 г. Нет сведений о месте записи	Вандан Юмсунов	1962
<i>Хэедээр Мэргэн</i> (Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–82)	Базар Галданов, 1847 г. р.	1908 г. Хара-Шибирь Забайкальского края	Цыбен Жамцарано	1988
<i>Лодой Мэргэн, Шоролтор Мэргэн, Убзун Жибжэн</i> (Руднев, 1913, с. 1–29; 30–39; 40–41)	Галан Ниндаков, уроженец Кижинги (Бурятия). В момент записи ему было 14 лет	1911 г. Санкт-Петербург	А. Д. Руднев	1913
<i>Харилтуур хаан</i> (Намсараев, 1988, с. 101–165)	Цэрэн Золбоев, дата рождения не указана	1924 г. Кижингинский район Бурятии	Х. Н. Намсараев	1988
<i>Убгэн Жэбжэнэй</i> (Убгэн Жэбжэнэй) (Дон, 1958, с. 270–333)	–	1936 г. Место записи не указано	Ц. Дон	1958
<i>Шэбишээдэй Мэргэн</i> (Бурят арадай, 1960, с. 59–87)	Н. Базаров, дата рождения не указана	1945 г. Кижингинский район Бурятии	С. П. Балдаев	1960
<i>Хүлдай Мэргэн</i> (Хулдай Мэргэн, 1958, 176 с.)	Исходный текст сказителя Буданай был утерян, восстановлен в исп. Жаны Дашицыренова	Дата записи не указана. Мухоршибирский район Бурятии	Д. Черников И. Г. Г. Чимигов	1958
<i>Боро соохор моритой Боронтуу Мэргэн</i> (Боронтуу Мэргэн на серо-пестром коне), <i>Зугы Мэргэн хаанай Мижэд хубуун</i> (Мижэд – сын Зугы Мэргэн-хана) (Агын улыгэрнууд, 1961, с. 9–45; 46–100)	Галсан Тыхеев, 1916 г. р.	1958 г. Ононский район Забайкальского края	П. Б. Балданжапов	1961

В результате поисковых работ в Центральном историческом архиве Монголии было установлено, что скотовод Манзарон родился в 1889 или 1890 г. В момент исполнения улигера ему было, по предположению Н. Дугарнимаева, 37 лет (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4).

Процесс миграции отдельных групп бурят и начало формирования этнического анклава в северной части Монголии обусловлены несколькими факторами. Для монгольских племен, в том числе бурят, основным видом хозяйственной деятельности которых было скотоводство, перемещение в пределах современных территорий Бурятии, Забайкалья, Монголии и Китая для обеспечения благополучия скота было естественным и традиционным: «Первой и самой главной причиной эмиграции и миграции бурят по Монголии следует считать наличие свободных пастбищных угодий и простор для ведения скотоводами традиционного кочевого образа жизни» [Балданов, 2007, с. 4]. Это является одной из причин пребывания бурятского населения на берегах р. Керулена, где в начале XX в. были записаны два эпических произведения.

Активное переселение бурят в Монголию началось после «земельно-административных реформ, предпринятых царским правительством на рубеже XIX–XX вв. Следующая волна оттока бурят на юг вызвана бурными событиями гражданской войны. Начавшаяся в СССР кампания по коллективизации сельского хозяйства, в ходе которой, как известно, часто применялись принудительные меры», также способствовала смене местожительства бурят [Нимаев, 2013, с. 179–180]. Кроме того, одним из обстоятельств, побудивших бурят покинуть родные места, «является конфликт на национальной почве. Бурятские казаки с XVIII в. несли государственную службу, после 1918 г. они потеряли привилегированное положение и вместе с тем свои земли и даже подверглись смертельной опасности» [Нацагдорж, 2013, с. 71].

Таким образом, бурятское население прибывало и оседало в Монголии постепенно, в результате нескольких волн миграции из Агинских степей Забайкальского края и с других территорий Бурятии. Наиболее значительная в численном отношении бурятская диаспора сосредоточена в Восточном, Хэнтэйском, Центральном, Селенгинском, Булганском, Хубсугульском аймаках Монголии. «По данным переписи 2010 г., бурятами себя назвали 48 450 человек, что составляет 1,7 % от численности населения Монголии, которое было равно 2 805 825 человек» [Бурятский язык в регионах..., 2020, с. 72].

1. Общие и вариативные элементы в реализации сюжетов и мотивов произведений Д. Манзарона и хоринских улигеров

Дугар Манзарон свои повествования называет *түүхэ* ‘историями’, как раньше хори-бурятские исполнители обозначали этим термином эпос. В определении жанра крупных эпических произведений бурят употребляется также термин *үльгэр* ‘улигер’ – «эпическая богатырская поэма» [Уланов, 1957, с. 4]. Ц.-А. Н. Дугар-Нимаев отмечает, что у хори-бурят существует несколько вариантов обозначений этого жанра: «В разговорной речи бурят в значении слова *үльгэр* ‘улигер’ употребляются три одинаковых по значению термина *үльгэр* ‘улигер’, *үльгэр түүхэ* ‘улигерная история’, *түүхэ* ‘история’. В литературном языке нынче общепринята терминология “улигер”» (Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 4). Слово *түүхэ* ‘история’ используют для обозначения крупных текстов эпического характера и буряты, проживающие в Китае, основная масса которых относится к хори-

бурятам, в то время как сказки они называют *ябаган ульгэр* – ‘пеший улигер’: «Простой / пеший улигер (имеется в виду сказка. – Б.-Х. Ц.) может вместиться в 5–6 страниц; когда же [объем] составляет 20–30 страниц, тогда говорят *түүхэ* (история. – Б.-Х. Ц.)» (Полевые материалы автора (далее – ПМА), информатор С. Н. Эрдэни, 1951 г. рождения, г. Хайлар КНР, 2018 г.). В связи с этим становится понятно, почему Ц.-А. Дугар-Нимаев пишет: «Вместо современного слова “улигер” Дугар Манзарон употребляет слово “история”» (Монголдохи буряадуудай ульгэрнүүд, 1992, с. 4).

Сюжетное развитие улигера об истории Богдо Жангара, сына Бухайра, начинается с исполнения сыном предсмертной просьбы хана-отца – заняв после него престол, он должен выдать замуж трех старших сестер. Для осуществления другого важного наказа отца – жениться самому – герой отправляется за суженой. Событийная канва его соотносится в целом с главной эпической коллизией, связанной с выездом героя с целью жениться, разрабатываемой и в других родственных улигерах забайкальских бурят, что свидетельствует о стереотипности и повторяемости традиции. Итак, сюжетно-композиционная конструкция улигера Д. Манзарона выстраивается в традиционном эпическом русле с отправки героя в дорогу за суженой. Стабильными элементами сюжета, как и в других хоринских текстах, служат ключевые моменты отбытия главного героя за невестой, устранение противников-вредителей в пути, успешное преодоление им препятствий и победа над соперниками в состязаниях за невесту.

С конфликта между сыновьями двух братьев начинается второй улигер об истории Ёоро Ёгшола, что имеет место и в хоринском эпосе «Боронту Мэргэн на серо-пятнистом коне» (Агын ульгэрнүүд, 1961, с. 9–45). И дальнейшее развитие сюжета схоже с композицией других хори-бурятских повествований: после ряда приключений и преодоления препятствий герой возвращается домой с двумя женами. По прибытии он застаёт разоренное хозяйство и, оставив жен дома, отправляется за родителями и своим дядей, вступает в противостояние с захватчиком.

Наряду с использованием общего эпического мотива разоренного врагом дома, захватившего его добро и родителей, в двух анализируемых улигерах присутствуют общие для бурятских улигеров в целом стандартные мотивы волшебных предметов, с помощью которых устраняются препятствия и противники: *мангадхай*³, его жена-*шолмос*⁴, чугунные сыновья, выбравшиеся из распоротого живота женщины-*шолмос*. В общепурятском эпосе подобные мотивы характеризуются наибольшей распространенностью и указывают на общий генезис фольклорной традиции.

Традиционен мотив богатырского коня, участвующего во всех эпических перипетиях героя (он способен предвидеть опасность, потому дает советы по ее преодолению). Вместе с тем отметим, что у Д. Манзарона этот мотив имеет локальный характер, не присущий другим хоринским улигерам: выбранный для поездки в дальнюю дорогу конь отца, физически истощившись, не может добраться до назначенного места, и герой вынужден вернуться за маленьким конем, который до этого подавал ему выразительные знаки. Отцовский конь, служивший старшему поколению, исчерпал свою физическую выносливость и не может больше быть полезным; потому батору необходим другой боевой партнер. Иначе

³ Мангадхай – чудовище.

⁴ Шолмос – чёрт, дьявол.

говоря, устраняется несоответствие между богатырскими ресурсами героя и отцовского коня, утратившего активность и неутомимость.

Мотив роли коня, способного на различные поступки для оказания помощи своему хозяину, усиливается введением дополнительного эпизода, также не характерного для других эпических текстов хори-бурят, когда он, закинув в пасть сивому волку свой хвост, помог герою справиться с ним. Более того, конский помет, брошенный парнем в преследуемого соперника, калечит ему ноги. В этом видится наделение сакральным значением не только коня и частей его тела, но и отходов его жизнедеятельности. Подобные моменты можно отнести к элементам мифологического отголоска особого почитания коня, вплоть до возведения в культ.

Характерны совпадения в деталях улигеров сказителя и хоринских повествований: роль «девы-спасительницы»; эпизоды брачных состязаний и опасных поручений отца суженой; превращение героя в «паршивого мальчишку», коня – в плохого лончака.

2. Локальные особенности улигеров сказителя

Расхождения в улигерах Д. Манзарона и произведениях хоринского эпоса наблюдаются при разработке отдельных улигерных мотивов, наполненных мифологической семантикой. В тексте *улигершина*⁵ душа мангадхая находится в одном случае в трех золотых яйцах, зарытых под сандаловым деревом; в другом – в золотой вше. В хоринских улигерах мангадхай прячет душу во рту дикого кабана в виде пчелы; в двух рукавах старухи в виде двух радуг (Дон, 1958, с. 270–333); в четырех яйцах коршуна (Агын ульгэрнүүд, 1961, с. 9–45) и т. д. Кроме того, перевоплощения героя происходят в разных ракурсах. Если главный герой хоринских улигеров традиционно превращает коня в худого лончака, себя – в нищего с гноем на глазах с пуговицу, с соплями с корыто (Байгал, 1962, с. 114–154); редко – в золотую иглу (Улигеры хори-бурят, 1988, с. 22–82), то у Манзарона он уменьшается до такого размера, что может влезть в конский помет; может видоизмениться в сына матери мангаса; также он предстает в женском обличье, переодевшись в одежду убитой матери мангадхая. Подобная метаморфоза главного героя не встречается ни в одном из хоринских улигеров.

Особенность улигеров Д. Манзарона заключается в чрезмерной насыщенности буддийскими культовыми элементами и религиозными мотивами. Так, главный герой Богдо Жангар о своей будущей жене узнает из буддийских писаний: на 77-й странице священной книги «Юмжан» было указано, что его суженая находится в самом западном краю, на северо-западной стороне на расстоянии восьмидесяти лет. Надо полагать, речь идет о почитаемой буддистами книге «Юм», входящей в состав 108-томного собрания буддийских текстов «Ганжур». Отметим, что согласно западно-бурятской улигерной традиции о суженой героя, предназначенной свыше, можно было прочесть в книге судьбы.

Уточнение родственной связи главного героя с тибетским Дамба-ханом, являющимся потомком Зула-хана и Доржо-хана, идентично с характерным элементом индивидуализации персонажей эпоса «Джангар»:

⁵ Улигершин – сказитель.

*Шэгэмүүнийн шажантай,
Бурхан Буддын шажантай,
Түбэд Дамба хаанай
Түрэл болохо,
Бодон Зула хаанай
Зээ болохо,
Бурхан Доржо хаанай
Аша болохо...
Амин дива бурхан
нахюунатай.*

(Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 8)
(Перевод мой. – Б.-Х. Ц.)

[Он] поклоняется Шакьямуни,
[Он] поклоняется бурхану⁶ Будде,
Тибетского хана Дамбы
[Он] родственником приходится,
Хана Бодон Зулы
[Он] приходится внуком по матери,
Бурхана Доржо-хана
[Он] приходится внуком по отцу...
Хранителем у него божество Амин
дива.

Упомянутые родственные узы главного героя бурятского улигера находят параллель с «генеалогией Джангара», являющейся «самой значимой для эпоса, и поэтому в ней перечисляются его предки до четвертого колена»: согласно малодербетской версии, Джангар – «Бумба Залу-хана праправнук, Бодонг Залу-хана правнук, Менген-Горчи-хана внук, Славного Узюнг-хана потомок» [Бурькин, 2002, с. 82]. В этих текстах встречаются, как можно заметить, созвучные тибетские имена: Дамба / Бумба, Зула / Залу, Доржо / Торчи.

Помимо этого, главный герой улигера Дугара Манзарона позиционирует себя глубоко религиозным человеком, придерживающимся основных норм, которые выдвигает учение Будды Шакьямуни. Указанные особенности могут быть отнесены к элементам, не характерным в целом для общепурятской эпической традиции, и являются художественным новаторством сказителя.

Импровизационные способности талантливого сказителя проявились, кроме того, во внедрении дополнительного вопроса о его вере / вероисповедании в существующее традиционное устоявшееся формульное выражение, с которым обращаются к эпическому герою для выяснения, кто он и с какой целью находится в пути:

*Хэнэй хүбүүн
Хэн гэгшээ бэлэй,
Нютаг орон хаана бэлэй,
Зорихон зориг хаана гээшээб?
Шажан мургэл ямар бэлэй?*

(Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд, 1992, с. 19)
(Перевод мой. – Б.-Х. Ц.)

Чей ты сын,
Как зовут тебя,
Где твоя родина,
Каковы твои цель и устремления?
Какой ты веры-религии?

В данном случае отчетливо прослеживается варьирование устойчивой улигерной константы, когда исполнитель подобным образом расширяет ее структуру и смысловое наполнение. Прочитав уместные здесь слова А. Б. Лорда: «Искусство сказителя состоит не столько в заучивании путем многократного повторения затасканных формул, сколько в способности по образцу уже имеющихся формул составлять и перестраивать обороты, выражающие данное понятие» [Лорд, 1994, с. 15].

К числу подобного рода единичных элементов, не свойственных традиционным улигерным текстам забайкальских бурят, относим описание в рассматриваемом улигере похорон отца главного героя. Подчеркивается, что погребальные

⁶ Бурхан – бог, божество.

церемонии соответствуют ламаистским ритуальным канонам (Монголдохи буряадуудай ульгэрнүүд, 1992, с. 9).

Нечто схожее, связанное с мотивом похорон отца, встречается в улигере «*Эрдэмтэ соохор морин*» (Премудрый пестрый конь) (Байгал, 1962, с. 114–154). Однако в этом тексте говорится о предсмертных распоряжениях хана о том, как устроить его похороны; приводятся слова его завещания по распределению имущества, коня.

Не исключается вероятность заимствования Дугаром Манзароном отдельных мотивов из ойратского эпоса «Джангар», возможно, услышанных им; на эту мысль наталкивает сходство реализации мотива родственной линии главного героя. Будучи весьма незаурядным сказителем, что подчеркивает Ц.-А.-Н. Дугар-Нимаев⁷, он мог плодотворно использовать в своем улигере понравившиеся фрагменты усвоенного материала.

В целом буддийское наследие составляет определенный пласт в устном творчестве хори-бурят в силу сложившихся социокультурных условий, являясь необходимым показателем развивающегося фольклорного процесса: «Буддийские ритуалы вписываются в фольклорное повествование как одна из сфер традиционной практики народов, описание которых входит в эпос вместе с разнообразными деталями» [Бурькин, 2020, с. 201].

Можно привести еще несколько мотивов, разработанных в религиозном контексте. Так, лама, применяя свои волшебные способности, из трех синих нитей может изготовить коня и седло, с помощью которых герою удастся выполнить ханское поручение. Мотив предсмертного волеизъявления отца главного героя реализуется в улигере Д. Манзарона с религиозной семантикой – регулярно молиться своим бурханам, что разнится с общепринятым пожеланием жить в благоденствии в других улигерах. Приведенные примеры не вписываются в выработанные в бурятском эпосе парадигмы, что представляется определенным отступлением от эпической традиции, подобная импровизация нередко наблюдается в исполнительской практике сказителей.

Кроме того, сочетание архаических элементов и буддийского напластования находим в следующих эпизодах: чтобы доставить Богдо Жангару еду, одежду и коня, его подданные обращаются одновременно и к Хурмаста тэнгрию, и к бурхану Будде, и к великой матери-земле. В свою очередь, главный герой, готовясь сразиться с грозным противником, Шолмос-ханом, также обращается к указанным заступникам, прося помощи и покровительства. В просьбе содействовать благополучному исходу его деяний наблюдается некая политеистичность персонажа: обращается он и к буддийским богам, и к отцу-Хурмасте, и к матери-земле, и к повелителям водных стихий. Надо сказать, что в общепурятской же улигерной традиции преимущественно наблюдается апелляция к верховному божеству – Хурмаста тэнгрию. Контаминация мифологических и буддийских элементов, наслоение их друг на друга относим к модифицированным особенностям рассмотренных текстов, связанных, возможно, с эволюцией жанра с принятием хори-бурятами буддизма. Влияние буддийского фактора на эпическую традицию хори-бурят в связи с широким распространением тибетского буддизма в Забайкалье в форме ламаизма в конце XVII – начале XVIII в. подчеркивается в трудах извест-

⁷ «Дугара Манзарона называют не только “сказитель”, “рассказчик историй”. Превознося его творческие способности и талант, называют “сказитель, творчески слагающий”, “сказывающий рапсод”» (Монголдохи буряадуудай ульгэрнүүд, 1992, с. 4).

ных бурятских эпосоведов. Это нашло отражение в сюжетике хори-бурятского эпоса, в том числе и в улигерах Д. Манзарона.

Традиционный мотив обеспечения главного героя необходимыми доспехами и вооружением перед отправлением в дальний путь за невестой и предполагаемой по эпическим канонам битвой реализуется в эпизоде, когда Ёоро Ёгшолу их передают спустившиеся с небес представители рода. Необходимые для эпического богатыря атрибуты достаются ему не от высших небесных покровителей, как происходит зачастую в бурятских улигерах, а от почитаемых старших кровных родственников. Данный мотив, как можно предположить, связан с наметившимися зачатками формирования у бурят понятия «род», определенной иерархии в его структуре, т. е. «маркирования определенного уровня социальной структуры – рода» [Скрынникова, 2010, с. 12].

Мотив отправления героя за суженой, являющийся в большинстве хори-бурятских улигеров сюжетобразующим, в «Истории Ёоро Ёгшолу» разрабатывается в финальной стадии в связи с решением сына главного действующего лица, т. е. представителя второго поколения семьи, жениться на дочери Наран (Солнце)-хана. Подобная сюжетная композиция не является единичной, наблюдается она и в улигере «Боронту Мэргэн на серо-пестром коне» (Агын ульгэрнүүд, 1961, с. 9–45). Парень излечил дочь Наран-хана, вытащив из ее подмышек стрелу. Он, победив в испытаниях, женится на ней. Завершается улигер радостными эмоциями по поводу установления героем родственной связи с Хурмаста тэнгрием, что согласуется с существующим в бурятском мифотворчестве мотивом о белом лебеде как тотемной птице хори-бурят, относящейся к высшей сфере.

3. Речитативные улигерные вставки

Используемые Дугаром Манзароном ритмически организованные формульные вставки *түүрээлгэ*, свойственные эпосу именно хори-бурят, служат показателем устойчивости традиции. Значение этого термина можно перевести приблизительно так: *түүрээлгэ* от *түүрээхэ* – «говорить речитативом; рассказывать, клянясь и напевая» [Черемисов, 1973, с. 448]. По мнению этномузыковеда Д. С. Дугарова, «туурээлгэ в хоринский эпос пришли из древних шаманских мистерий, обыгрывавших в лицах и ярко красочных и эффектно разрисованных масках первобытные мифы» [Дугаров, 1995, с. 519]. Древнее их происхождение подчеркивает и М. Н. Намжилова: они «сформировались еще в древнейшую эпоху и служили первоначально для прославления сильных, смелых охотников» [Намжилова, 1997, с. 79]. Известно, что более ранние формы улигеров хори-бурят исполнялись в целом речитативом, напевно. Сведения о напевном их исполнении нами было зафиксировано у бурят Китая: *ульгэр түүрээжэ хэлдэг, баатарнуудай габьяата үйлэ хэрэг, дай байлдаан тухай яридаг хөөрөөнүүд* ‘Улигеры – это исполняющиеся речитативом рассказы о героических деяниях *баторов*⁸, войнах и боевых сражениях’ (ПМА, информатор Жалсанай Сэбээн-Долгор, 1939 г. рождения, сомон Шэнэхэн, Внутренняя Монголия КНР, 2014 г.).

Ранней традиции бытования хоринских улигеров была свойственна речитативная манера исполнения без сопровождающей игры на музыкальном инструменте. Постепенно она была утрачена, и впоследствии речитативом исполнялись лишь формульные слова *түүрээлгэ*, которые использовались в случаях обращения

⁸ Батор – богатырь.

улигерных персонажей к другому объекту для магического воздействия в императивной форме: просьба, мольба, требование, побуждение к действию, предупреждение, запрещение, угроза, объяснение и т. д. И в текстах Д. Манзарона каждый персонаж (главный герой, его конь, дедушка невесты героя, дочери птицы Хан гаруди, ворона) свой диалог начинает в форме *түүрээлгэ*. Аналогичная ситуация наблюдается в улигере «*Эрдэмтэ соохор морин*» (Премудрый пестрый конь), запись которого относится к 1878 г. (Байгал, 1962, с. 114–154). Произведения Д. Манзарона и В. Юмсунова демонстрируют аутентичный стиль исполнения хоринских улигеров в стихотворной форме с наличием ряда речитативных *түүрээлгэ*.

Выводы

Анализ улигерных текстов Дугара Манзарона показал, что на раннем этапе переселения бурят в Монголию хори-бурятское эпическое наследие сохранялось в своей жанровой целостности, и в сюжетно-мотивной системе проанализированных текстов сказителя не обнаружены следы существенной трансформации. Реализация сюжетного ядра, развивающегося вокруг матримониальной темы, как и в других хори-бурятских улигерах, представляется ключевой в сюжетной структуре двух повествований сказителя. Общим является наличие ключевых составляющих элементов развития сюжета: преодоление препятствий, устранение противников-вредителей, наказание обманщиков, женитьба героя.

Ряд сюжетобразующих мотивов улигеров Д. Манзарона – доставка конем от небожителей живительной воды для хозяина; трансформация своего внешнего вида, уменьшение в размерах коня; отчитывающаяся перед хозяином стрела после достижения цели – присутствует и в структуре других хоринских улигеров.

Локальной особенностью проанализированных произведений является разработка ряда эпизодов буддийской направленности: наличие персонажей из числа священнослужителей-лам, наделенных магическими способностями; описание похоронного ритуала; отсылка к буддийскому тексту «Юм»; показ героя как приверженца буддийских культовых практик. В этом проявляется результат принятия хори-бурятами буддизма, с одной стороны; с другой – усматривается феномен импровизации сказителя.

Выявленные мифологические элементы (оригинальная разработка мотива местонахождения души мангадхая; превращение главного героя в конский помет, его перевоплощение в родственника мангадхая; магическое уподобление отходов жизнедеятельности коня поражающей силе стрелы, уничтожающей противника и т. д.) наполнены архаической семантикой. Эти и другие особенности, связанные с заметным наполнением сказителем своих текстов буддийскими мотивами, обусловлены спецификой индивидуального мастерства и самобытного таланта Дугара Манзарона. Заметим: степень импровизации сказителя ограничена в целом границами материнской этнокультурной традиции.

Установлено, что в произведениях Д. Манзарона сохраняются ключевые смысловые и структурные доминанты хоринских улигеров, что является показателем преемственности традиции.

Список литературы

Балданов С. Ж. Причины эмиграции бурят и их современное положение в Монголии и Китае // Диаспоры в современном мире: Материалы Международного круглого стола. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. С. 3–8.

Бурыкин А. А. Индивидуализация образов персонажей как средство композиции и сюжетообразования в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // *Studia Culturae*. 2002. № 3. С. 79–94.

Бурыкин А. А. Буддийские мотивы в фольклоре (на материале калмыцких, тувинских и бурятских эпических произведений и богатырских сказок) // *Новые исследования Тувы*. 2020. № 3. С. 189–209.

Бурятский язык в регионах России, Монголии и Китая: состояние, проблемы, факторы сохранения и развития / Отв. ред. Д. Д. Бадараев. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2020. 256 с.

Дугаров Д. С. Напевы бурятских улигеров // *Абай Гэсэр Могучий: Бурятский героический эпос*. М.: Вост. лит., 1995. С. 505–519.

Лорд А. Б. Сказитель. М.: Вост. лит., 1994. 368 с.

Намжилова М. Н. Хоринские улигеры. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 172 с.

Нацагдорж Б. Причины миграции бурят в Монголию (на примере ацинских цонгол-бурят) // *Вестник Бурят. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2013. № 1. С. 61–75.

Нимаев Д. Д. Основные факторы формирования бурятской диаспоры в Монголии и особенности ее социокультурной адаптации // *Вестник ВСГУТУ*. 2013. № 1 (40). С. 179–182.

Образцы народной словесности монгольских племён. Тексты. Пг.: Тип. Российской академии наук, 1918. Т. 1: Произведения народной словесности, вып. 3. 648 с.

Скрынникова Т. Д. Функции рода у бурят (конец XIX – XX в.) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 4 (26). С. 11–18.

Уланов А. И. К характеристике героического эпоса бурят. Улан-Удэ: Бурят.-Монг. кн. изд-во, 1957. 172 с.

Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 220 с.

Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 803 с.

Список источников

Агын үльгэрнүүд (Агинские улигеры) / Сост. П. Балданжапов. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1961. 127 с.

Аламжи Мэргэн. Бурятский эпос / Стихотв. перевод И. Новикова; вводная ст. и коммент. Г. Д. Санжеева. М.; Л.: Academia, 1936. 269 с.

Байгал (журнал). 1962. № 4. С. 114–154.

Бурят арадай аман зохёолой түүбэри. Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1960. 410 с.

Дон Ц. Зохёолнууд (Произведения). Бурят-Монголой номой хэблэл. Улан-Удэ, 1958. 335 с.

Монголдохи буряадуудай үльгэрнүүд. Бүридхэгшэ Ц.-А. Дугар-Нимаев (Улигеры бурят Монголии) / Сост. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1992. 96 с.

Намсараев Х. Н. Үльгэрнүүд, зүжэгүүд (Улигеры, пьесы). Улан-Удэ: Бурядайд номой хэблэл, 1988. 416 н.

Руднев А. Д. Хори-бурятский говор (опыт исследования, тексты и перевод). СПб., 1913. Вып. 2: Тексты. 129 с.

Улигеры хори-бурят / Отв. ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев; вступ. ст., подгот. текстов, пер. и примеч. М. Н. Намжиловой. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. 174 с.

Хулдай Мэргэн. Үльгэр (Улигер). Даша Чернинов Гунга Чимитов хоёр найруулан бэшэбэ (Обработка Даши Чернинова и Гунги Чимитова). Улан-Удэ: Тип. Министерства культуры БурАССР, 1958. 176 с.

References

Baldanov S. Zh. Prichiny emigratsii buryat i ikh sovremennoe polozhenie v Mongolii i Kitae [Reasons for emigration of the Buryats and their current situation in Mongolia and China]. In: *Diaspory v sovremennom mire: Materialy Mezhdunar. kruglogo stola* [Diasporas in the modern world: materials of the international round table: materials of the international round table]. Ulan-Ude, BSU, 2007, pp. 3–8.

Burykin A. A. Buddiyskie motivy v fol'klore (na materiale kalmytskikh, tuvinskikh i buryatskikh epicheskikh proizvedeniy i bogatyrskikh skazok) [Buddhist motifs in folklore: the case of Kalmyk, Tuvan and Buryat epics and heroic tales]. *The New Research of Tuva*. 2020, no. 3, pp. 189–209.

Burykin A. A. Individualizatsiya obrazov personazhey kak sredstvo kompozitsii i syuzhetoobrazovaniya v kalmytskom geroicheskom epose “Dzhangar” [Individualization of character images as a means of composition and plot formation in the Kalmyk heroic epic “Dzhangar”]. *Studia Culturae*. 2002, no. 3, pp. 79–94.

Buryatskiy yazyk v regionakh Rossii, Mongolii i Kitaya: sostoyanie, problemy, faktory sokhraneniya i razvitiya [Buryat language in the regions of Russia, Mongolia and China: state, problems, factors of conservation and development]. D. D. Badaraev (Ed.). Ulan-Ude, BSU, 2020, 256 p.

Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar'* [Buryat-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1973, 803 p.

Dugarov D. S. Napevy buryatskikh uligerov [“Text Tunes of the Buryat Uligers”]. In: *Abay Geser Moguchiy: Buryatskiy geroicheskiy epos* [The Mighty Abai Geser: Buryat heroic epic]. Moscow, Vost. lit., 1995, pp. 505–519.

Lord A. B. *Skazitel'* [The Singer of Tales]. Moscow, Vost. lit., 1994, 368 p.

Namzhilova M. N. *Khorinskie uligery* [The Khorinsky uligers]. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1997, 172 p.

Natsagdorzh B. Prichiny migratsii buryat v Mongoliiyu: (na primere atsinskikh tsongol-buryat) [The purpose of Buryat migration in Mongolia: an example of atsink's tsongol-buryats]. *Bulletin of BSU. Humanitarian studies of Inner Asia*. 2013, no. 1, pp. 61–75.

Nimaev D. D. Osnovnye faktory formirovaniya buryatskoy diaspory v Mongolii i osobennosti ee sotsiokul'turnoy adaptatsii [The buryat diaspora in Mongolia: main factors of the formation and the features of its social and economic adaptation]. *ESSUTM Bulletin*. 2013, no. 1 (40), pp. 179–182.

Obraztsy narodnoy slovesnosti mongol'skikh plemen. Teksty [Samples of folk literature of the Mongolian tribes. Texts]. Petrograd, Tip. RAS, 1918, vol. 1: *Proizvedeniya narodnoy slovesnosti* [Works of folk literature], iss. 3, 648 p.

Skrynnikova T. D. Funktsii roda u buryat (konets 19 – 20 vv.) [Functions of the clan among the Buryats (the late 19th – 20th centuries)]. *The New Historical Bulletin*. 2010, no. 4 (26), pp. 11–18.

Ulanov A. I. *Buryatskiy geroicheskiy epos* [The Buryat heroic epic]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1963, 220 p.

Ulanov A. I. *K kharakteristike geroicheskogo eposa buryat* [On the characteristics of the heroic epic of the Buryats]. Ulan-Ude, Buryat.-Mong. kn. izd., 1957, 172 p.

List of sources

Agyn yl'gernyyd [Agyn uligers]. P. Baldanzhapov (Comp.). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1961, 127 p.

Alamzhi Mergen. Buryatskiy epos [Alamzhi Mergen. Buryat epic]. I. Novikov (Verse transl.), G. D. Sanzheev (Introd. art. and comm.). Moscow, Leningrad, Academia, 1936, 269 p.

Baygal. 1962, no. 4, pp. 114–154.

Buryat araday aman zokheoloy tygyberi [Collection of Buryat folklore]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1960, 410 p.

Don Ts. *Zokheolnuud. Proizvedeniya* [Works]. Ulan-Ude, Buryat.-Mong. kn. izd., 1958, 335 p.

Khulday Mergen. Yl'ger [Khulday Mergen. Uliger]. Dasha Cherninov, Gunga Chimitov (Comps.). Ulan-Ude, Tip. Minist. kul'tury BurASSR, 1958, 176 p.

Mongoldokhi buryaaduuday yl'gernyyd [Uligers of Buryats of Mongolia]. Ts.-A. Dugar-Nimaev (Comp.). Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1992, 96 p.

Namsaraev Kh. N. *Yl'gernyyd, zyzhegyyd* [Uligers, plays]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, 416 p.

Rudnev A. D. *Khori-buryatskiy govor (opyt issledovaniya, teksty i perevod)* [Khori-Buryat speech (research experience, texts and translation)]. St. Petersburg, 1913, iss. 2: Teksty [Texts], 129 p.

Uligery khori-buryat [Uligers of Khori-Buryats]. Ts.-A. Dugar-Nimaev (Ed.), M. N. Namzhilova (Introd., text prep., transl. and notes). Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1988, 174 p.

Информация об авторе

Бадма-Ханда Бадмадоржиевна Цыбикова, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
WoS Researcher ID AAW-5969-2020

Information about the author

Badma-Khanda B. Tsybikova, Candidate of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Department of Literature and Folklore of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Ulan-Ude, Russian Federation)
WoS Researcher ID AAW-5969-2020

Статья поступила в редакцию 23.04.2024;

одобрена после рецензирования 17.06.2024; принята к публикации 17.06.2024

The article was submitted on 23.04.2024;

approved after reviewing on 17.06.2024; accepted for publication on 17.06.2024

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1

Научная статья

УДК 398.8 (811.511.152)

DOI 10.17223/18137083/90/3

**О морфологии устной песенной культуры
в контексте междискурсного и межъязыкового взаимодействия
(на сибирско-мордовском материале)**

Павел Сергеевич Шахов

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

Аннотация

На эрзя-мордовском материале, зафиксированном в селах Алтайского края и Кемеровской области с 2007 по 2017 г., рассматриваются заимствованные народными исполнителями музыкально-поэтические тексты, которые систематизированы с учетом трех уровней их атрибуции: формы (устная, печатная, медийная), типа (фольклорный, авторский) и языка (свой, другой). Последовательно описываются выявленные формы адаптации устных, печатных и медиатекстов к устной песенной практике. Охарактеризованы музыкально-поэтические особенности авторских переработок заимствованных текстов, сквозь которые проявляются творческие стратегии носителей фольклорной традиции. Феномен авторства устной песенной культуры этноса рассматривается на примере перемелодизации традиционных песенных текстов, сочинения напевов к заимствованным текстам, а также их перевода на родной язык.

Ключевые слова

мордва-эрзя Сибири, песенный фольклор, письменная и медиаккультура, феномен авторства, межъязыковое взаимодействие

Для цитирования

Шахов П. С. О морфологии устной песенной культуры в контексте междискурсного и межъязыкового взаимодействия (на сибирско-мордовском материале) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 41–60. DOI 10.17223/18137083/90/3

**On the morphology of oral song culture
in the context of inter-discourse and interlanguage interaction
(based on the Siberian-Mordovian material)**

Pavel S. Shakhov

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
pashahoff@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2023-8185>

Abstract

The paper analyzes musical and poetic texts adopted by folk singers based on Erzya-Mordovian material recorded in the villages of Altai Krai and Kemerovo Oblast from 2007 to

© Шахов П. С., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 41–60
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 41–60

2017. The texts have been systematized in terms of three levels of their attribution: text form (oral, printed, media), text type (folklore, authors'), and text language (own, other). A consistent description is provided of the identified adaptation forms of oral, printed, and media texts to the oral song practice. The examination of the unique musical and poetic adaptations of borrowed texts by performers illuminates the creative strategies employed by oral storytellers relying on their own repertoire, genre, and style preferences. The analysis of oral traditional texts adapted to late-tradition musical styles reveals a process of re-stylization impacting poetic structure and contributing to genre transformation by realizing updated musical and stylistic potential. Authors' revisions of printed folklore and literary texts, when examined in their adapted forms, show unique musical and poetic features rooted in Erzya-Mordovian folklore and the style of modern popular songs. The analysis of textual adaptations reveals identifiable adaptation models. Emphasis is placed on the significance of translation activity in the process of mastering the Russian-language segment of the media by ethnophores.

Keywords

Erzya Mordvins of Siberia, song folklore, written and media culture, phenomenon of authorship, interlanguage interaction

For citation

Shakhov P. S. On the morphology of oral song culture in the context of inter-discourse and interlanguage interaction (based on the Siberian-Mordovian material). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 41–60. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/3

Традиционная модель существования песенного фольклора связана с устным процессом воспроизводства (воссоздания) народными исполнителями поэтических, слогоритмических, мелодических форм, которые изустно перенимаются у представителей своей или иной локальной традиции и передаются следующему поколению. В результате этого процесса в песенной культуре появляется и бытует определенное множество песенных вариантов и версий фольклорных произведений. Традиционная модель обеспечивает не только существование, но и развитие фольклорной традиции, обусловленное коммуникативной природой фольклора¹, постоянным притоком текстов извне [Лотман, 2009, с. 223]. При фиксации фольклорных образцов этнофоры подчеркивают связь с традицией («Так пели наши родители, бабушки») и устный характер коммуникации («Эту песню привезла сестра мужа из соседнего села» и пр.). С опорой на теоретические наблюдения ряда исследователей [Ким, Силантьев, 2017; Эмер, 2011] фольклорно-языковую практику с подобным типом обращения текстов можно отнести к традиционному сегменту фольклорного дискурса².

Вместе с тем традиционная модель трансляции песенного фольклора претерпевает определенные изменения. В народной среде, особенно в последние десятилетия, стремительно развивается инновационная модель фольклорного дискурса, связанная с процессами глобализации и расширенным влиянием на устную тра-

¹ Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Электронный портал «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov15.htm> (дата обращения 01.10.2024).

² Фольклорный дискурс в определении Ю. А. Эмер трактуется как особый тип коллективной речевой деятельности, обусловленный социокультурной ситуацией, историческими условиями. Компонентом этой речевой деятельности является эстетически обработанный традиционный текст, отвечающий общественным запросам и отражающий коллективное знание, которое стабилизирует социум [Эмер, 2011, с. 50].

дицию письменной и медиакультуры [Медиатизация культуры..., 2018], а также под воздействием усиливающихся процессов этнической идентификации.

Вопросам изучения фольклора в меняющихся условиях посвящены работы известных фольклористов – И. И. Земцовского [1977], Э. Е. Алексева [1988], С. Ю. Неклюдова [1995; 2003], Е. А. Дороховой [2015], в том числе на сибирском материале [Егле, 2005].

При изучении современного состояния фольклорных традиций исследователи часто фиксируют ситуации, когда носители фольклора и национального языка стремятся обновить или пополнить свой песенный репертуар, обращаясь к письменным (книжным), аудиовизуальным (медиа) источникам, авторским текстам. При этом в творческом процессе народных исполнителей значительно усиливается роль индивидуально-авторского начала, связанного с необходимостью адаптации заимствованных музыкально-поэтических текстов к собственной песенной традиции³. В ответ на вопрос «Откуда Вы знаете эту песню?» часто можно услышать: «Текст из книжки взяли, а мелодию я сама сочинила» или «Мотив известный, а слова мы сами [придумали], по-другому поем» и пр.

Фиксируемые в достаточном количестве подобные «фольклорные» тексты характеризуют современное состояние устной песенной культуры и требуют выработки определенных подходов к их систематизации и изучению. Поэтому актуальной задачей фольклористики является определение морфологических особенностей разных сторон одного из сегментов фольклорной музыкально-поэтической системы, в которой устная традиция взаимодействует с письменной и медиакulturой, доминантами современной цивилизации.

В настоящей статье на эрзя-мордовском материале, зафиксированном в селах Алтайского края и Кемеровской области с 2007 по 2017 г., в том числе при участии автора⁴, рассматриваются используемые народными исполнителями музыкально-поэтические тексты различного рода, которые особым образом адаптируются к собственной фольклорной традиции и – шире – к устной песенной культуре этноса⁵.

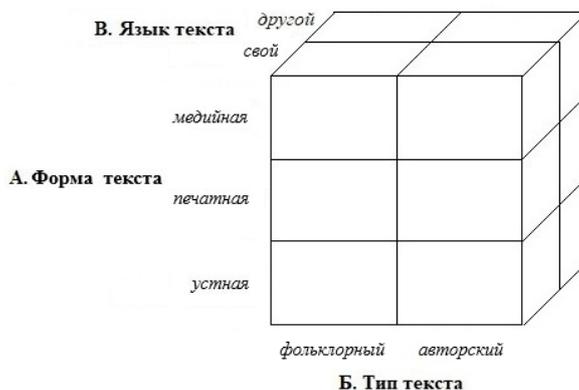
В рамках изучения процессов взаимодействия устной традиции и письменной культуры [Шахов, 2018; 2019а; 2019б; 2023] был сделан вывод о необходимости методологического перехода от бинарной оппозиции «устное / письменное» к более сложной модели, учитывающей междискурсное и межъязыковое взаимодействие. Поэтому в данной работе используемые народными исполнителями

³ В современный период существования фольклорных традиций исследователями отмечается высокая степень проявления индивидуального начала, которая стала нормой во многих регионах России [Дорохова, 2015]. В частности, упоминается о распространенной практике «распевания деревенскими певцами текстов местных самодеятельных поэтов, часто жителей своего села». Некоторые собиратели избегают фиксации таких произведений, считая их не относящимися к фольклорным традициям [Там же, с. 136]. И. И. Земцовский справедливо называет таких собирателей «пуристами от фольклористики» [Земцовский, 2004, с. 16], указывая на необходимость изучения данного феномена.

⁴ Сибирские мордовские коллекции хранятся в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (Ед. хр. А0234 – А0236, А0240, А0243, А0250 – А0253, А0255, А0257) и Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук (материалы 2017 и 2019 гг.).

⁵ Ряд переводов на русский язык эрзянских текстов, представленных в настоящей статье, выполнила Вера Ивановна Алексева, специалист по связям с общественностью Региональной общественной организации «Союз народов Самарской области», за что автор статьи выражает ей глубокую признательность.

песенные тексты предлагается рассматривать с учетом трех уровней их атрибуции: 1) форма текста (устная, печатная, медийная); 2) тип текста (фольклорный, авторский); 3) язык текста (свой, другой). Трехуровневую модель дистрибуции используемых народными исполнителями текстов можно визуализировать в виде схемы (см. рисунок).

Трехуровневая модель дистрибуции используемого текста
A three-level distribution model of the text under study

В дальнейшем описываются и анализируются используемые народными исполнителями тексты, систематизированные по форме (устная, печатная, медийная), типу (фольклорный, авторский) и языку (свой (эрзянский), другой (русский)).

1. Адаптация устного традиционного текста к обновленному музыкальному стилю

Форма	Тип	Язык
<i>устная</i>	<i>фольклорный</i>	<i>эрзянский</i>

Участники сельских фольклорных ансамблей, перед которыми стоят задачи формирования, пополнения, обновления песенного репертуара, в первую очередь являются носителями собственной фольклорной традиции, исполняя народные песни своего села, известные им от старшего поколения. Поэтому традиционные песенные тексты, бытующие внутри локальной традиции, включаются в процесс авторского творчества представителей этнической группы. Диалог с традицией может проявляться в процессе мелодического обновления традиционного напева. Так случилось с эрзянской песней «Вай, верьга, верьга ливтить яксяргот» (Ой, высоко, высоко летят утки), распространенной в с. Борисово Алтайского края, к которой исполнители сочинили новый «мотив»: «Нам бабки сказали, что у нас, у мордвы, все песни на один мотив! Ну, так давайте другой мотив, если не нравится этот. Учили-учили мотив, какой красивый получился, тот и взяли. Бабки послушали, так сказали, чтоб этим пели – хорошо получается» (с. Бори-

сово, Т. Г. Марьина, 2008). Приведем традиционный напев песни, зафиксированный в с. Борисово в 1975 г. (пример 1).

Пример 1. Фрагмент песни «Вай, верьга, верьга» с традиционным напевом

1. Вай, верь - га - (а), верь-(и) - га - (а),
лив-тить я - ксяр-(ы) - го - (о)т.

2. Се - де - як - (а)к верь-(и) - га - (а),
лив-тить и - дим-(и) - ка - (а)т.

1	Вай, верьга, верьга
Ливтить яксяргот,	Ой, высоко, высоко
Летят утки.
2	Седеяк верьга
Ливтить идимкат.	Еще выше
Летят дикие птицы.
3	– Вай, козонь, козонь
Валгить ярсамо?	– Ой, куда, куда
Сядете есть?
4	– Пижи луга лангс
Валгить ярсамо.	– На зелёный луг
Сядем есть.
- (Зап. в 1975 г. Э. Н. Таракиной от А. И. Рябовой в с. Борисово) (перевод П. С. Шахова)

Лаконичный нисходящий мелодический контур, узкообъемный квартовый звукоряд традиционного напева, реализованного в простой, если не сказать элементарной, однострочной форме, отточенной веками, – всё это свидетельствует об архаическом музыкальном стиле, который воспринимается новым поколением фольклорных исполнителей однообразным («на один мотив»), что и способствует проявлению творческого начала современных носителей песенной культуры (пример 2).

Несмотря на то, что в музыкально-стилевом отношении новый напев значительно отличается от традиционного (строфическая форма, звукоряд в диапазоне ноты, секстовые и квартовые мелодические интервалы), слогоритмическая формула, лежащая в основе мелострофы новосочиненного напева, практически идентична традиционному. Мелострофа нового напева строится по принципу четырехкратного повторения слогоритмической формулы, сокращенной на одну счетную долю по сравнению с традиционной (пример 3).

Пример 2. Фрагмент песни «Вай, верьга, верьга»
с новосочиненным напевом

1	Вай, верьга, верьга ливтить яксяргат,
Седеяк верьга, ливтить идимукат.
Седеяк верьга, ливтить идимукат.	Ой, высоко, высоко летят утки,
Еще выше, летят дикие птицы.
Еще выше, летят дикие птицы.
2	– Вай, козонь, козонь ливтить ярцаму?
Вай, козонь, козонь валгить ярцаму?	– Ой, куда, куда летите есть?
Ой, куда, куда сядете есть?
3	– Пижи луга лангс ливтить ярцаму.
Пижи луга лангс валгить ярцаму.	– На зелёный луг летим есть.
На зелёный луг сядем есть.
- (Зап. в 2008 г. Н. В. Леоновой
и П. С. Шаховым от анс. «Умарина»
в с. Борисово)
- (перевод П. С. Шахова)

Пример 3. Словоязыка музыкально-ритмическая форма традиционного
и новосочиненного напевов песни «Вай, верьга, верьга»

Однострочный традиционный напев:

Мелострофа новосочиненного напева:

Расширение формы напева до строфической продиктовано необходимостью реализации мелодического потенциала нового напева, музыкально-стилевые особенности которого выступили фактором композиционных изменений поэтического текста.

При этом тематика и содержание традиционного текста песни остались без изменений (в обоих вариантах песни содержится диалог с птицами, выраженный в вопросно-ответной структуре)⁶. Но если в традиционном варианте вопросно-ответная конструкция повторяется единожды и реализуется с помощью глагола *валгомс* «сесть» (Куда *сядете* есть? / На зеленые луга *сядем* есть), то в новом варианте текста вопрос и ответ повторяются по два раза с использованием глаголов *ливтямс* «лететь» и *валгомс* «сесть» (Куда *летите* есть? Куда *сядете* есть? / На зеленый луг *летим* есть. На зеленый луг *сядем* есть).

Кроме того, вопросно-ответная структура, лежащая в основе поэтического текста, по-разному реализуется с точки зрения соотношения формы стиха и напе-

⁶ За исключением синонимической замены фразы *ашо песок лангс* (на белый песок) в традиционном тексте на *ашо сёвонь лангс* (на белую глину) в новом.

ва. Так, форма напева традиционного варианта равна стиховой полустроке, и для реализации двустрочной вопросно-ответной структуры (где А – вопрос, В – ответ) требуется четыре мелостроки (пример 4).

Пример 4. Соотношение композиции стиха и напева
в реализации вопросно-ответной структуры
(традиционный вариант)

Форма стиха		Текст с традиционным напевом	Форма напева
Вопросно- ответная структура	A	– Вай, козонь, козонь Валгить ярсамо?	a
			a
	B	– Пижи луга лангс Валгить ярсамо.	a
			a

Форма мелострофы нового песенного варианта координируется с двумя поэтическими строками, а вопросно-ответная конструкция, расширенная за счет повторов до четырех строк (А, А¹, В, В¹), реализуется в двух мелострофах (пример 5).

Пример 5. Соотношение композиции стиха и напева
в реализации вопросно-ответной структуры
(обновленный вариант)

Форма стиха		Текст с новосочиненным напевом	Форма напева
Вопросно- ответная структура	A	– Вай, козонь, козонь ливтить ярцаму?	А
	A ¹	Вай, козонь, козонь валгить ярцаму?	
	B	– Пижи луга лангс ливтить ярцаму.	А
	B ¹	Пижи луга лангс валгить ярцаму.	

Эрзянская песня «Вай, верьга, верьга», записанная на «материнской» территории, относится исследователями преимущественно к традиционным приуроченным жанрам (круговые, троицкие песни)⁷. Сибирский вариант, записанный в 1975 г., по композиционной структуре поэтического текста и музыкальному стилю напева (однострочный напев, цезурированный 10-сложник, узкообъемный лад, нисходящий мелодический контур) вполне соответствует жанру эрзя-мордовских календарных приуроченных песен (хотя в Сибири не зафиксирован обрядово-приуроченный контекст исполнения) [Шахов, 2015, с. 20–22].

⁷ Текстовые варианты песни «Вай, верьга, верьга» встречаются в трех томах серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» и имеют различные жанровые определения – в томе 11 «Народные песни мордвы Пензенской области» (раздел «Круговые песни», № 53); в томе 7, ч. 3 «Календарно-обрядовые песни и заговоры» (раздел «Троицкие песни проводов весны», № 91); в томе 2 «Лирические песни» (раздел «Эрзянские песни дооктябрьского периода о природе», № 56).

Учитывая принцип взаимообусловленности структурного и функционального уровней фольклорного текста ⁸, нужно отметить, что музыкально-стилевые и композиционные параметры новосочиненного напева «Вай, верьга, верьга» способствовали увеличению жанровых признаков с выраженной эстетической функцией ⁹.

2. Адаптация печатных текстов к устной песенной практике

Поиск текстовых источников для творчества народных исполнителей в рамках песенной традиции проходит довольно интенсивно – для этого используются печатные издания, в которых опубликованы поэтические тексты мордовских народных песен, а также книги с авторскими стихами на родном языке. Используемые тексты разного типа (фольклорные и авторские) интонируются с напевами, сочиненными самими исполнителями по тем или иным песенным моделям.

2.1. Сочинение напева к фольклорному тексту

Форма	Тип	Язык
<i>печатная</i>	<i>фольклорный</i>	<i>эрзянский</i>

Участнице эрзя-мордовского фольклорного ансамбля «Умарина» с. Борисово Алтайского края Таисии Григорьевне Марьиной, знатоку традиционного эрзянского фольклора, попал в руки один из выпусков журнала «Сятко», в котором опубликован на эрзянском языке поэтический текст народной лирической песни «Эрзянь Полюня» ¹⁰ (Эрзянская девушка Поля). В тексте песни описывается девушка, которую сосватал молодой парень (пример 6).

Пример 6. Поэтический текст песни «Эрзянь Полюня» (Эрзянская девушка Поля) из журнала «Сятко»

1	Эрзянь Полюня, Поля-бояравине...	Эрзянская девушка Поля, Поля-боярыня...
2	Полюня эрясь эрзянь велень кудосо.	Поля жила в эрзянском деревенском доме.
3	Васня оршизе кочкарява палянзо,	Сначала надела свое платье через пятку (снизу),
4	Мейле карсинзе равжо лемзер кемензэ.	Потом обула черные, как черемуха, сапоги.

⁸ Этномузыколог Е. В. Гиппиус определил понятие жанра как «типизация структуры текста под воздействием его общественной функции и содержания» [Народное музыкальное творчество, 2005, с. 59].

⁹ По меткому замечанию И. И. Земцовского, одним из свойств нефольклорных форм народного творчества (преимущественно авторского, самодеятельного) является монофункциональная концентрированность выразительных средств, поэтому современное народное творчество вычленяется в отдельную область художественной деятельности, эстетических переживаний [Земцовский, 1977, с. 74].

¹⁰ *Еремкина Т. И.* Садо, садо Озксонь кужов (кезэрень эрзянь койтнень коряс налксема) [старинные эрзянские игровые обряды] // Сятко. Литературно-художественной ды общественно-политической журнал. 1992. № 9. С. 61–68 (на эрз. яз.).

торые соответствуют традиционным свадебным песням мордвы-эрзи, распространенным в фольклорной традиции Залесовского Причумышья. Свадебные песни с характерным запевом из междометий исполняются на типовой политекстовый напев *морцемкат* во время различных обрядовых ситуаций (в доме невесты во время выкупа, в доме жениха во время знакомства невесты с печкой, во время смены ее девичьей прически) и связаны с женской линией свадебного ритуала – см. пример 9.

Пример 9. Политекстовый свадебный напев *морцемкат*, исполняемый на выкуп цветов (*цецке*) для сватов (группа женщин, с. Борисово, 2008)

Их-я-и-я, я-а-ё-о, я ва-я
ай-я-а-ё ва-а-я
Ва-и,я-а-ё ва-а-ё, ды, ва-ай вай.

Типовая двустрочная строфа из междометий выступает в качестве запева свадебной песни, а в певческой версии Т. Г. Марьиной сокращена до одной строки и преобразована в рефрен «Их ваех, вай, ваех», повторяющийся перед каждым дважды повторенным стихом. Ангемитонный трихорд в квартном диапазоне (G-b-c), характерный для основного голоса традиционного свадебного напева, расширяется в сольной авторской версии до квинты (E-g-a-h), сохраняя нижнюю опору, свойственную *морцемкат*.

Таким образом, свадебная тематика текста лирической песни «Эрзянь Полюня» (описание девушки, сосватанной парнем) позволила исполнительнице произвести авторскую переработку текста с опорой на музыкально-поэтический стиль местной свадебной традиции. «Чужой» фольклорный текст из печатного издания оказался «присвоенным» посредством музыкально-стилевых маркеров «своей» песенной традиции.

2.2. Сочинение напева к авторскому тексту

Форма	Тип	Язык
<i>печатная</i>	<i>авторский</i>	<i>эрзянский</i>

Одним из источников эрзянских поэтических текстов, для которых исполнительницы сочиняют напевы, является творчество известной эрзя-мордовской поэтессы, писательницы и сказительницы второй половины XX в. Серафимы Марковны Люлякиной. Некоторые стихотворения «Од шкам ютась» (Молодость прошла) и «Вай, луга, луга» (Ой, луг, луг), взятые из ее книги¹¹, вошли в ре-

¹¹ Люлякина С. М. Ёвтан тыненк, мезде нудеесь морась. Стихотвореният, ёвкст, ёвтамот, пьесат. Пурныцясь И. К. Инжеватов [Расскажу вам, о чем пела свирель. Стихотворе-

пертуар эрзянского фольклорного ансамбля «Умарина» с. Борисово Алтайского края.

Известно, что поэтесса С. М. Люлякина к некоторым своим стихам сама сочиняла мелодии, многие из которых были нотированы Г. И. Сураевым-Королевым и опубликованы в нотном сборнике¹². Так, песня «Од шкам ютась» (Молодость прошла) (сл. и муз. С. М. Люлякиной) в авторской версии стала популярной и до сих пор исполняется во многих эрзянских фольклорных ансамблях на территории Поволжья и Заволжья (пример 10).

Пример 10. Песня «Од шкам ютась» (Молодость уходит),
сл. и муз. С. М. Люлякиной, нотировка Г. И. Сураева-Королева

Вальсообразно ♩ = 230

Верь - га - ме - нель - га кар - гонь полк лив - тьясь,
кар - гонь полк лив - тьясь - та - го тун - дось сась.
Вай, монь се - дей - знь, вай, монь се - дей - знь,
вай, монь се - дей - знь те - лень ло - вость прась.

Участницы сибирского ансамбля «Умарина» Т. Г. Марьиной и Е. Е. Четверговой к поэтическому тексту С. М. Люлякиной, взятому из ее книги стихов «Ёвтан тыненк» (с. 178–179), сочинили собственный напев в стиле поздней песенной лирики с терцовой второй (пример 11).

Пример 11. Песня «Вай, монь сядейзнь» (Ой, на мое сердце)
(слова С. М. Люлякиной, мелодия Т. Г. Марьиной и Е. Е. Четверговой)

♩ = 55

Верь - га - ме - нель - га кар - гонь полк лив - тьясь, кар - гонь полк лив - тьясь - та - ги тун - дусь сась.
Вай, монь ся - дей - знь, вай, монь ся - дей - знь, вай, монь ся - дей - знь те - лень ло - вость прась.
Вай, монь ся - дей - знь, вай, монь ся - дей - знь, вай, монь ся - дей - знь те - лень ло - вость прась.

ния, сказки, сказы, пьесы / Сост. И. К. Инжеватов]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. 320 с. (на эрз. яз.).

¹² Люлякина С. М. Тонеть, Мордовиям, моран [Тебе, Мордовия, пою]: Сборник. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 56 с. (на эрз. яз.).

Верьга – менельга
Каргынь полк ливтясь,
Каргынь полк ливтясь –
Тагы тундусь сась.

Высоко – по небу
Журавлиный полк пролетел,
Журавлиный полк пролетел –
Опять весна пришла.

Вай, монь сядейзэнь,
Вай, монь сядейзэнь,
Вай, монь сядейзэнь
Телень ловось прась.

Ой, на мое сердце,
Ой, на мое сердце,
Ой, на мое сердце,
Зимний снег выпал.

Зап. Н. В. Леоновой
и П. С. Шаховым в 2008 г.
в с. Борисово от анс. «Ума-
рина»

(перевод В. И. Алексеевой)

Руководительница детского мокшанского фольклорного ансамбля «Мокшень нармынят» (Мокшанские птенчики) А. Г. Самолкина из с. Малый Калтай Алтайского края сочинила мелодию к авторскому поэтическому тексту М. И. Безбородова «Вирь» (Лес), заимствованному из книги «Ваймонь лихтибрат»¹³, где были опубликованы стихотворения из журнала «Мокша».

Любопытно, что приведенные примеры авторских мордовских поэтических текстов известны в Мордовии со своими мелодиями (эрзянская песня «Од шамк ютась», сл. и муз. С. М. Люлякиной; мокшанская песня «Вирь», сл. М. Безбородова, муз. Н. Кошелевой), тем не менее, сибирские исполнительницы поют эти песни с напевами собственного сочинения. Оба описанных случая относятся к нечастым явлениям включения в песенную традицию целостных авторских поэтических текстов практически без изменений.

3. Адаптация медиатекстов к устной песенной практике

Аудиовизуальные источники, в том числе связанные с многочисленными медиаресурсами, продолжают оказывать влияние на песенную культуру этноса, вытесняя или сосуществуя с традиционным песенным фольклором. Важно отметить, что появляющиеся в песенной практике заимствованные из медиаисточников и адаптированные к устной культуре тексты, безусловно, участвуют в современных процессах этнической идентификации.

3.1. Адаптация мордовских народных песен

Форма	Тип	Язык
<i>медийная</i>	<i>фольклорный</i>	<i>эрзянский</i>

Популярная в советское время мордовская народная песня «Умарина» (Ябло-ня), которая часто звучала по радио (и на пластинках) в исполнении Марии Антоновой¹⁴, вошла в репертуар сибирских эрзянских фольклорных ансамблей (со-

¹³ Безбородов М. И. Вирь // Ваймонь лихтибрат. «Мокшетъ» и «Якстеръ тяштентяъ» книгасна. Саранск, 1994. С. 22. (на мокш. яз.).

¹⁴ Мария Антонова, являясь уроженкой мокшанского села Левжа ныне Рузаевского района Республики Мордовия, в числе первых профессиональных певцов заложила основы вокального исполнительства народной песни, создала неповторимый концертный стиль исполнения мордовской народной песни, который отличается сохранением традиционных

поставление текста известной аудиозаписи М. Антоновой с двумя устными вариантами, записанными в Кемеровской области (с. Николаевка, анс. «Ялгам») и Алтайском крае (с. Борисово, анс. «Умарина»), представлено в публикации [Шахов, 2018, с. 50–51]).

Сравнивая тексты песни «Умарина» в исполнении фольклорных ансамблей с оригинальным текстом медиаисточника, можно отметить некоторые особенности его устной адаптации к песенной практике. Так, в кемеровском варианте сохранены поэтические обороты оригинальной версии, но заметно изменение структуры строфы (модель с сохранением поэтической образности и изменением структуры строфы). В алтайском варианте, наоборот, сохраняется трехстрочная композиция радиообразца, но меняется состав поэтических мотивов (адаптационная модель с сохранением структуры строфы и изменением сюжета): «*По радио когда-то раньше слышали один куплет, а слова мы сами по смыслу придумали*» (с. Борисово, Т. Г. Марьина, Е. Е. Четвергова, 2008). Если в сюжетной основе медиаисточника и близкого к нему кемеровского варианта лежит диалогическая конструкция, то в алтайском варианте сюжетная линия в основном повествовательная.

По большей части аудиовизуальная медиакультура представлена русскоязычным сегментом, поэтому заимствованные тексты переводятся исполнителями на родной язык.

3.2. Адаптация русских народных песен с переводом на родной язык

Форма	Тип	Язык
<i>медийная</i>	<i>фольклорный</i>	<i>русский</i>

В 2000-е гг. жители с. Борисово «под мотив» русской народной песни «На улице дождик», известной им в исполнении Надежды Кадышевой, распели собственный поэтический текст на эрзя-мордовском языке «Ушусу пизимись» (На улице дождь): «*Мотив русский, Надежда Кадышева поёт, а слова мы уж по-другому, своё поём*» (с. Борисово, Т. Г. Марьина, Е. Е. Четвергова, 2008) – см. пример 12.

Пример 12. Тексты песни «На улице дождик»

Медиатекст русской народной песни «На улице дождик»
в исполнении Н. Кадышевой

- 1 На улице дождик,
С ведра поливает.
С ведра поливает,
Землю прибывает.

элементов музыкального интонирования [Бояркина, 2016, с. 122]. Значительную популярность народных песен в исполнении Марии Антоновой связывают с 1957-м г., когда она блестяще выступила на трех крупных фестивалях: Зональном смотре творческой молодежи (Горький), где получила звание лауреата и диплом II степени; Всесоюзном конкурсе молодых исполнителей (Москва); Всемирном фестивале молодежи и студентов (Москва), где была удостоена диплома I степени [Там же, с. 123]. Известно, что на последнем фестивале М. Антонова исполняла мордовскую народную песню «Умарина», которая впоследствии стала одной из самых популярных народных песен, своеобразной «визитной карточкой» Республики Мордовия.

- 2 Землю прибивает,
Брат сестру качает,
Ой, люшеньки, люли,
Брат сестру качает.
- 3 Брат сестру качает,
Ещё величает:
«Расти поскорее,
Да будь поумнее».
- 4 Вырастешь большая,
Отдадут ты замуж.
Ой, люшеньки, люли,
Отдадут ты замуж.
- 5 Отдадут тебя замуж,
Во чужу деревню,
Ой, люшеньки, люли,
В семью несогласну.
- 6 На улице дождик,
С ведра поливает.
С ведра поливает,
Землю прибивает.
Землю прибивает,
Брат сестру качает.

Алтайский вариант на эрзянском языке
с переводом

1 Ушусу пизимись,
Вай, вадрясты валы.	На улице дождь,
Ой, хорошо льёт.
2 Вай, вадрясты валы,
Веси моданть начты.	Ой, хорошо льёт,
Всю землю намочит.
3 Веси моданть начты,
Пары суро касты.	Всю землю намочит,
Хорошую пшеницу вырастит.
4 Пары суро касты,
Веси моданть начты.	Хорошую пшеницу вырастит,
Всю землю намочит.
5 Сазырканы Ваня
Лавськисэ нурсизе.	Свою сестрёнку Ваня
В колыбели покачал.
6 Мадсь сазыркама рана,
Оштё эзь чоподе.	Легла сестрёнка рано,
Ещё не стемнело.
7 Кадык онзоть лисить
Мазы нармутъкинеть.	Пусть тебе приснятся
Красивые птички.
8 Мазы нармутъкинеть
Валски мартыст удок.	Красивые птички,
До утра с ними спи.
- (с. Борисово, Т. Г. Марьина,
Е. Е. Четвергова, 2008) (перевод В. И. Алексеевой)

Краткий сюжет русской песни: брат качает сестру в колыбели и величает ее (расти поскорее, будь поумнее, вырастешь большая), предвещающая сложную судьбу (отдадут ты замуж, во чужу деревню, в семью несогласну). Композиция строфы русской песни – четырехстрочная с рефреном «ой, люшеньки, люли», характерным для жанра колыбельной.

В эрзянском тексте имеется схожий инципит («на улице дождь») и поэтический мотив колыбельной, но сюжет мордовской песни лишен драматичной линии. Композиция строфы эрзянского текста устойчиво двустроичная без рефрена. Тема дождя в русской песне выполняет функцию поэтического параллелизма (дождь землю прибывает / брат сестру качает), а в эрзянской версии следует причинно-следственной логике (дождь землю намочит / хорошую пшеницу вырастит).

3.3. Адаптация авторских песен с переводом на родной язык

Форма	Тип	Язык
<i>медийная</i>	<i>авторский</i>	<i>русский</i>

Актуализация родного языка часто осуществляется посредством перевода с русского на родной язык популярных авторских песен из телевизионных фильмов. По словам сибирских информантов, первые случаи перевода авторских песен с русского на эрзянский язык известны с конца 1950-х гг.¹⁵ Переводческая деятельность особо актуальна в селе с большим количеством носителей родного языка, где даже русские жители переходят на эрзянскую речь, а мордва при исполнении русских песен по-мордовски думает: «Я даже когда русские песни пою, сначала по-мордовски думаю» (с. Борисово, Т. Г. Марьина, 2008). В мордовском с. Новорождественка Кемеровской области Л. М. Юдина перевела на эрзянский язык несколько авторских песен, а также русских пословиц и частушек, стараясь соответствовать содержанию оригинальных текстов.

Переводные авторские песенные тексты можно подразделить на две группы: с сохранением заимствованного напева и с новым сочиненным напевом.

В группе текстов *с сохранением напева* действует модель «от мелодии к тексту». При переводе в эрзянских текстах сохраняется количество слогов, согласно размеру оригинального стиха, координированного с мелодией. К таким текстам следует отнести перевод песни «Огней так много золотых» из к/ф «Дело было в Пенькове» (музыка К. Молчанова, стихи Н. Доризо), выполненный Ф. А. Водясовым (пример 13).

Пример 13. Фрагмент текста песни «Огней так много золотых» на эрзянском языке («Сырнень толтне истя ламу»)

Сырнень толтне истя ламу	Золотых огней так много
Улицясонть Саратовань,	На улице Саратова,
Од цёрась мазый кодаму,	Молодой парень красивый какой,
А мон вечкан урвакстозинь.	А я люблю женатого.
(с. Борисово, Т. Г. Марьина, 2008)	(перевод В. И. Алексеевой)

¹⁵ В с. Борисово Алтайского края переводы популярных песен на эрзя-мордовский язык осуществлял школьный учитель рисования Федор Андреевич Водясов: «Мне березка дарила сережки» («Моня килис макс ниспиликски») (сл. В. Харитонова, муз. А. Аверкина), «Огней так много золотых» («Сырнень толтне истя ламу») из кинофильма «Дело было в Пенькове» (сл. Н. Доризо, муз. К. Молчанова). Переведенные песни исполнялись на концертах художественной самодеятельности ученицами пятого класса Е. Буянкиной и Т. Кечайкиной. В настоящее время Т. Г. Марьина (в дев. Кечайкина) уже сама переводит на эрзянский язык русские песни для фольклорного ансамбля «Умарина».

В переводных текстах *без сохранения напева* действует модель «от текста к мелодии», например, песня «Ой, цветет калина» из к/ф «Кубанские казаки» (музыка И. Дунаевского, стихи М. Исаковского), которую на эрзянский язык перевела жительница с. Новорождественка Кемеровской области Л. М. Юдина: «Я частушки слóжила. Думаю, как бы сочинить на мордовском песню? Вот, решила перевести. А это трудно, чтобы было хорошо, в ритм. Вот никак не получается. Я уж и так, и так» (с. Новорождественка, Л. М. Юдина, 2008) – см. пример 14.

Пример 14. Фрагмент песни «Ой, цветет калина» на эрзянском языке, перевод и мелодия Л. М. Юдиной

1. Кар мась цве - тя - мо чев - ги - несь лей чи - ре - сэ пак - ся - со.
 Од цё - рань кар - минь веч - ке - ме, пе - кень - (и) - пе - кень од пря - со.
 Од цё - рань кар - минь веч - ке - ме, пе - кень - (и) - пе - кень од пря - со.

Кармась цветямо чевгинесь	Стала цвести калина
Лей чиресэ паксясо.	На берегу реки в поле.
Од цёрань карминь вечкем	Молодого парня стала любить
Пекень-пекень од прясо.	Очень-очень в молодости.
(с. Новорождественка, Л. М. Юдина, 2008)	(перевод В. И. Алексеевой)

В процессе перевода размер оригинального стиха (6 + 5) увеличился в каждой слоговой группе на два слога (8 + 7), что сделало невозможным координацию эрзянского текста с известной мелодией и потребовало от переводчицы-исполнительницы сочинения нового напева.

Выводы

Для систематизации анализируемых материалов предложена трехуровневая модель дистрибуции используемых народными исполнителями песенных текстов, включающая их форму (устная, печатная, медийная), тип (фольклорный, авторский) и язык (свой, другой).

Выявлены и последовательно рассмотрены формы адаптации устных, печатных и медиатекстов к устной песенной практике. При этом отмечена усиливающаяся роль авторства (народного сочинительства), опирающегося на репертуарные, жанровые и стилевые предпочтения народных исполнителей. При описании форм адаптации устных традиционных текстов (песня «Вай, верьга, верьга») к музыкальному стилю поздней традиции описан процесс перемелодизации, который влияет на изменение структуры поэтического текста и способствует жанровой трансформации, связанной с реализацией обновленного музыкально-стилевого потенциала. При анализе форм адаптации печатных текстов (фольклорных и авторских) выявлены музыкально-поэтические особенности авторских переработок, опирающихся на собственную эрзя-мордовскую фольклорную традицию

(песня «Эрзянь Полюня» на основе свадебного напева *морцемкат*) и стиль поздней песенной лирики (напевы к авторским стихам С. М. Люлякиной).

При описании текстов, заимствованных из медиаисточников, выявлены две адаптационные модели, связанные с соотношением структуры стиха и мотивики. Отмечена высокая роль переводческой деятельности в процессе освоения этноформами русскоязычного сегмента медиа. В результате рассмотрения практики переводов на родной язык выявлены две переводческие модели (с сохранением авторского напева; с сочинением нового напева).

Рассмотренные в работе тексты и особенности их адаптации к устной песенной практике носят в большей степени пограничный характер по отношению к фольклорной традиции (наличие авторства, печатного источника и др.) и могут быть отнесены к феномену фольклоризма. Этномузыковед И. И. Земцовский заметил, что в период господства письменной культуры народное творчество начинает развиваться по «нефольклорному пути» – наступает эпоха преимущественно нефольклорных форм народного творчества, которым свойственна «монофункциональная концентрированность выразительных средств без столь сложной, как в традиционном фольклоре, системы координат» [Земцовский, 1977, с. 74]. Точное замечание, высказанное исследователем в конце 1970-х гг., не потеряло актуальности и в настоящее время. Фольклоризм является постоянно действующим процессом в жизни устной традиции и практически изначально сосуществует с фольклором, ведь его сущностью является любая форма адаптации фольклора [Земцовский, 2004, с. 13–14], в том числе самими носителями фольклорных традиций, которые, создавая авторские тексты или мелодии, так или иначе базируются на канонах собственной традиции¹⁶. Дальнейшее исследование этого феномена позволит лучше понять внутренние творческие процессы создания образца песенной культуры носителем культурно-языковой общности.

Список литературы

Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры: рассуждения о судьбах народной песни. М.: Сов. композитор, 1988. 237 с.

Бояркина Л. Б. Мария Антонова и исполнительское искусство народной песни: к 90-летию со дня рождения // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 122–123.

Дорохова Е. А. Проблема авторства в русской традиционной музыкальной культуре XIX–XX веков // Функционально-структурный метод П. Г. Богатырева в современных исследованиях фольклора: Сб. ст. и материалов / Отв. ред. С. П. Сорокина, Л. В. Фадеева. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2015. С. 127–136.

Егле Л. Ю. Музыкальный фольклор в контексте современной культуры Сибири: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2005. 22 с.

Земцовский И. И. Народная музыка и современность (К проблеме определения фольклора) // Современность и фольклор. Статьи и материалы. М.: Музыка, 1977. С. 28–75.

Земцовский И. И. Жизнь фольклорной традиции: преувеличения и парадоксы // Механизм передачи фольклорной традиции: Материалы XXI Междунар. моло-

¹⁶ Как справедливо отмечает Е. А. Дорохова, освоение авторских текстов локальными традициями является одной из форм проявления адаптационных возможностей народной традиционной культуры [Дорохова, 2015, с. 136]. Это вполне применимо не только к русской песенности, но и к другим этническим фольклорным традициям, в том числе переселенческим [Шахов, 2018; 2019б].

деж. конф. памяти А. Горковенко, апр. 2001 г. / Редкол.: Н. Н. Абубакирова-Глазунова (отв. ред. и сост.) и др. СПб.: РИИИ, 2004. С. 5–25.

Ким И. Е., Силантьев И. В. Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 163–174.

Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 220–239.

Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 30 ноября – 2 декабря 2018 г.). Сост. И. С. Душакова и др. М.: Неолит, 2018. 176 с.

Народное музыкальное творчество: Учебник / Отв. ред. О. А. Пашина. СПб.: Композитор, 2005. 568 с.

Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.

Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор / Ред. коллегия: А. Ф. Белоусов и др. М.: РГГУ, 2003. С. 5–24.

Шахов П. С. Музыкально-фольклорные традиции мордвы Сибири (приуроченные жанры): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Новосибирск, 2015. 27 с.

Шахов П. С. Взаимодействие устной народной традиции и письменной культуры в фольклоре сибирской мордвы // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 42–56. DOI 10.17223/18137083/62/4

Шахов П. С. К проблеме изучения феномена авторства в устной песенной традиции сибирской мордвы // Мельниковские чтения: Материалы Девятой межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 16–17 февраля 2019 г. / Под ред. Н. В. Леоновой. Новосибирск: Изд. ИП Соловьев, 2019а. С. 34–51.

Шахов П. С. Мордовский фольклор Сибири в контексте современной культуры (адаптация медиаисточников к устной песенной традиции) // Манускрипт. 2019б. Т. 12, вып. 8. С. 160–164.

Шахов П. С. Песни литературного происхождения в фольклоре мордвы Сибири: творческие стратегии адаптации заимствованных музыкально-поэтических текстов // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 232–249. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-232-249

Эмер Ю. А. Фольклорный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 50–60.

References

Alekseev E. E. *Fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury: rassuzhdeniya o sud'bakh narodnoy pesni* [Folklore in the context of modern culture: reflections on the fate of folk songs]. Moscow, Sov. kompozitor, 1988, 237 p.

Boyarkina L. V. Mariya Antonova i ispolnitel'skoe iskusstvo narodnoy pesni: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya [Maria Antonova and the performing art of folk songs: on the 90th anniversary of her birth]. *Finno-Ugric World*. 2016, no. 3, pp. 122–123.

Dorokhova E. A. Problema avtorstva v russkoy traditsionnoy muzykal'noy kul'ture 19–20 vekov [The problem of authorship in the Russian traditional musical culture of the 19th–20th centuries]. In: *Funktsional'no-strukturnyy metod P. G. Bogatyreva v sovremennykh issledovaniyakh fol'klora: Sb. st. i materialov* [P. G. Bogatyrev's functional and structural method in modern folklore research: Coll. of art. and materials]. S. P. Sorokina, L. V. Fadeeva (Eds.). Moscow, Gos. institut iskusstvoznaniya, 2015, pp. 127–136.

Egle L. Yu. *Muzykal'nyy fol'klor v kontekste sovremennoy kul'tury Sibiri* [Musical folklore in the context of modern Siberian culture]. Abstract of Cand. of Art. sci. diss. Kemerovo, 2005.

Emer Yu. A. Fol'klornyy diskurs: kognitivno-diskursivnoe issledovanie [Folklore discourse: a cognitive-discursive study]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2011, no. 2 (027), pp. 50–60.

Kim I. E., Silantev I. V. Sfera obshcheniya i diskurs: terminologicheskaya izbytochnost' ili sushchnostnoe razlichie? [Sphere of communication and discourse: terminological redundancy or the essential difference?]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2017, no. 4, pp. 163–174.

Lotman Yu. M. K postroeniyu teorii vzaimodeystviya kultur (semioticheskiy aspekt) [Towards the theory of interaction of cultures (semiotic aspect)]. In: Lotman Yu. M. *Chemu uchatsya l'yudi. Stati i zametki* [What people learn. Articles and notes]. Moscow, Tsentr knigi VGBIL im. M. I. Rudomino, 2009, pp. 220–239.

Mediatizatsiya kul'tury: konstruirovaniye novykh tekstov i praktik: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 30 noyabrya – 2 dekabrya 2018 g.) [Mediatization of culture: the construction of new texts and practices. Proc. of the Intern. sci. conf. (Moscow, November 30 – December 2, 2018)]. I. S. Dushakova (Comp.). Moscow, Neolit, 2018, 176 p.

Narodnoye muzykal'noye tvorchestvo: Uchebnyk [Folk music: Textbook]. O. A. Pashina (Ed.). St. Petersburg, Kompozitor, 2005, 568 p.

Neklyudov S. Yu. Fol'klor sovremennoy goroda [Folklore of the modern city]. In: *Sovremennyy gorodskoy fol'klor* [Modern urban folklore]. A. F. Belousov et al. (Eds.) Moscow, RSUH, 2003, pp. 5–24.

Neklyudov S. Yu. Posle fol'klora [After folklore]. *Zhivaya starina*. 1995, no. 1, pp. 2–4.

Shakhov P. S. K probleme izucheniya fenomena avtorstva v ustnoy pesennoy traditsii sibirskoy mordvy [On the problem of studying the phenomenon of authorship in the oral song tradition of the Siberian Mordvins]. In: *Mel'nikovskie chteniya: Materialy Devyatoy mezhhregion. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk, 16–17 fevralya 2019 g.* [Melnikovsky readings: Materials of the 9th Interregional sci. and pract. conf. Novosibirsk, February 16–17, 2019]. Leonova N. V. (Ed.). Novosibirsk, IP Solovyev, 2019a, pp. 34–51.

Shakhov P. S. Mordovskiy fol'klor Sibiri v kontekste sovremennoy kul'tury (adaptatsiya mediaistochnikov k ustnoy pesennoy traditsii) [Siberian Mordovian folklore in the context of modern culture (adaptation of media sources to oral song tradition)]. *Manuskript*. 2019, vol. 12, iss. 8, pp. 160–164.

Shakhov P. S. *Muzykal'no-fol'klornyye traditsii mordvy Sibiri (priurochennyye zhanry)* [Musical and folklore traditions of the Siberian Mordvians (timed genres)]. Cand. of Art. sci. diss. Novosibirsk, 2015, 27 p.

Shakhov P. S. Pesni literaturnogo proiskhozhdeniya v fol'klоре mordvy Sibiri: tvorcheskie strategii adaptatsii zaimstvovannykh muzykal'no-poeticheskikh tekstov [Songs of literary origin in Siberian Mordvin folklore: creative strategies of adaptation of borrowed lyrics]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 1, pp. 232–249. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-232-249

Shakhov P. S. Vzaimodeystvie ustnoy narodnoy traditsii i pis'mennoy kul'tury v fol'klоре sibirskoy mordvy [Interaction between oral folk tradition and written culture in Siberian Mordvin folklore]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2018, no. 1, pp. 42–56. DOI 10.17223/18137083/62/4

Zemtsovskiy I. I. Narodnaya muzyka i sovremennost' (K probleme opredeleniya fol'klora) [Folk music and Modernity (On the problem of defining folklore)]. In: *Sovremennost' i fol'klor. Stat'i i materialy* [Modernity and folklore. Articles and materials]. Moscow, Muzyka, 1977, pp. 28–75.

Zemtsovskiy I. I. Zhizn' fol'klornoy traditsii: preuvelicheniya i paradoksy [The life of folklore tradition: exaggerations and paradoxes]. In: *Mekhanizm peredachi fol'klornoy traditsii. Materialy 21 Mezhdunar. molodezh. konf. Pamyati A. Gorkovenko, apr. 2001 g.* [The mechanism of transmission of folklore tradition. Materials of the 21st International youth conference. In memory of A. Gorkovenko, April 2001]. N. N. Abubakirova-Glazunova (Ed.). St. Petersburg, RIII, 2004, pp. 5–25.

Информация об авторе

Павел Сергеевич Шахов, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Pavel S. Shakhov, Candidate of Art Criticism, Senior Researcher, Department of the Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025
The article was submitted on 09.01.2025;
approved after reviewing on 16.01.2025; accepted for publication on 16.01.2025*

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31

DOI 10.17223/18137083/90/4

Образ Байкала в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова»

Наталья Николаевна Подrezова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

koine@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-9729>

Аннотация

В романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» (1831) отражается формирование байкальского хронотопа в русской литературе. С байкальским пространством у Калашникова связаны автохтоны Сибири (буряты), разбойники и путешественники. Хронотоп Байкала вбирает в себя признаки хронотопа моря как экстремальной дороги и как двойника вечности. Время байкальского хронотопа характеризуется как экстремальное, в границах которого случаются сакральные моменты переживания вечности. Эстетизацию байкальского пространства полнее всего характеризуют категории возвышенного и величественного. Байкальский хронотоп связан с двумя типами героев, условно разделенных на «постоянных» и «временных». Рассмотрены четыре варианта аксиологических позиций, задающих ценностные ряды рассматриваемого хронотопа.

Ключевые слова

сибирская литература, И. Т. Калашников, роман «Дочь купца Жолобова», образ Байкала, байкальский хронотоп

Для цитирования

Подrezова Н. Н. Образ Байкала в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 61–73. DOI 10.17223/18137083/90/4

The image of Lake Baikal in the novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” by I. T. Kalashnikov

Natalya N. Podrezova

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

koine@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-9729>

Abstract

The novel “The Daughter of the Merchant Zholobov,” written by I. T. Kalashnikov (1831), reflects the formation of the Baikal chronotope within Russian literature. The Baikal space,

© Подrezова Н. Н., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 61–73
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 61–73

as represented by Kalashnikov, is associated with the autochnotes of Siberia (Buryats): brigands and travelers. In this novel, emphasis is placed on the connection between the Baikal space and the Buryat ethnos. Buryats are depicted as guides for Russian travelers and adversaries of the brigands illegally occupying the Baikal region. The brigands are portrayed as purveyors of pagan ideologies concerning Lake Baikal. An aesthetic appreciation of the Baikal area is afforded to Christian travelers. The strategy of creating the Baikal landscape represents the theistic model of the world. Baikal is empowered with ethical potential within the framework of the subject of the writer's plan. The chronotope of Lake Baikal is the space of the road. At the core of the Baikal chronotope is an extreme crossing, accomplished either by land along the lakeshore or by sea. Both the natural and social extremes are highlighted in the Baikal chronotope. In addition, the chronotope of Lake Baikal incorporates maritime chronotope markers, functioning as both an extreme pathway and a representation of eternity. The temporal character of the Baikal chronotope is characterized as extreme, encompassing the sacred moments of experiencing eternity. The aestheticization of the Baikal space is best characterized by the categories of the sublime and majestic. This paper analyzes four distinct axiological perspectives, each proposing a different value system for the chronotope under examination.

Keywords

Siberian literature, I. T. Kalashnikov, novel "The Daughter of the Merchant Zholobov", the image of lake Baikal, the Baikal chronotope

For citation

Podrezova N. N. The image of Lake Baikal in the novel "The Daughter of the Merchant Zholobov" by I. T. Kalashnikov. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 61–73. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/4

Сегодня понятие «сибирский текст» стало предметом рефлексии ряда коллективных исследований, где уточняется объем понятия, выявляются подходы к его пониманию, вписываются новые участники: «Сибирский текст в русской культуре» [2002]; «Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания» [2003]; «Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовные измерения пространства» [2004]; «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» [2010]; «Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте» [2013]. Байкал в знаковом комплексе Сибири занимает особое место, являясь полностью сформировавшейся и структурированной ментальной единицей коллективного сознания, которая часто представляет Иркутск, Восточную Сибирь и Сибирь в целом в текстах массовой коммуникации и художественных произведениях наших современников [Горбунова, 2015, с. 7].

Целью данной статьи является рассмотрение художественного образа озера Байкал в романе «Дочь купца Жолобова» И. Т. Калашникова как отражения формирования байкальского хронотопа в русской литературе.

В истории русской литературы первой половины XIX в. имя Ивана Тимофеевича Калашникова неразрывно связано с сибирской тематикой. Являясь уроженцем Иркутска, он получил известность в литературных кругах благодаря изданию романов «Дочь купца Жолобова» (1831), «Камчадалка» (1833), «Автомат» (1841), повести «Изгнанники» (1834), действие которых полностью или частично разворачивалось в Восточной Сибири. Независимо от того, как оценивались художественные достоинства этих произведений, литераторы, отозвавшиеся на их публикацию, единодушно отметили ценность сибирского материала, поощряя автора и в дальнейшем открывать читателю мало знакомую часть отечества [Пушкин, 1988, с. 491; Кюхельбекер, 1979, с. 402; Некрасов, 1989, с. 133; Белинский, 1955; 1958]. Не став профессиональным писателем, обремененный чиновничьей служ-

бой в Петербурге И. Т. Калашников откликнется на этот запрос своим финальным произведением «Записки иркутского жителя» (1862), которое будет опубликовано после смерти автора и уже современными исследователями литературы осознано как «несомненный шедевр сибирской мемуаристики» [Сергеев, 1990, с. 531].

В советском литературоведении роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» классифицировали как краеведческий исторический роман [Богданова, 1948, с. 101–103] или исторический роман, обладающий «краеведческой точностью и достоверностью» [Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 271]. Причисляя Калашникова к «типичным романтикам», исследователи обращали внимание на трактовку исторической эпохи «как проявление извечной, вневременной борьбы “добра” и “зла”, в которую включен человек» [Постнов, 1985, с. 168]. Новое слово о творческом методе писателя принадлежит Н. В. Хомук [2014а; 2014б], обосновывающему принадлежность романа Калашникова к такому явлению, как сибирское барокко.

Фабула романа «Дочь купца Жолобова» строится на истории любящих молодых людей, которые, преодолевая многочисленные преграды, создают счастливый семейный союз. Калашников, выбирая Сибирь местом действия, изображает ее прошлое, восемнадцатый век, «когда много было не по нынешнему» [Калашников, 1985, с. 6]¹, подчеркивая это в подзаголовке произведения: «роман, извлеченный из иркутских преданий». Изображение стародавней сибирской жизни в целом романа акцентирует семантику самобытности сибирского уклада, его нетронутости веяниями наступающей цивилизации, размывающей уникальность территориальных традиций. В эту общую тенденцию показа Сибири как уникального явления включается и художественная репрезентация озера Байкал на разных структурных уровнях романа: в изображенном сознании героев-сибиряков; в изображающем слове повествователя и фабульных компонентах, которые могут быть осмыслены как производные байкальского хронотопа; в авторских примечаниях, комментирующих отдельные речи героев и повествователя. Охарактеризуем каждый из этих уровней.

В авторском слове, выстраивающем ряд сибирских топосов как место действия персонажей (реки Ангара, Ушаковка, Селенга, остров Ольхон, Гусиное озеро и др.), Байкалу уделено больше всего внимания, об этом свидетельствуют многочисленные комментарии Калашникова, который, выходя за границы художественного пространства, часто дополняет изображенную сферу героев географическими сведениями.

Впервые Байкал встречается как топоним в примечании ко второй главе, где, описывая бытовые подробности жизни иркутян, автор упоминает питье карымского чая, пришедшее из традиции, существующей «за Байкалом» (с. 11). Байкал как географический объект, называемый в произведении, задает координаты, в границах которых структурируется художественное пространство романа. Западной границей изображенного пространства в романе предстает город Иркутск, где происходит завязка и развязка описываемых событий. Крайней восточной границей становятся Нерчинск и его окрестности, т. е. Забайкалье. Байкал соединяет эти две зоны пространства, оказываясь дорогой, которую дважды (туда и обратно) приходится преодолевать одному из главных героев, канцеляристу Алексею Кремневу.

¹ Далее при ссылках на это издание номера страниц указываются в круглых скобках.

Описывая движение героев в Забайкалье по Кругоморской дороге, Калашников акцентирует ее экстремальность, объясняя, что, «когда ужасные бури свирепствуют на Байкале», она является единственным доступным сообщением с Забайкальским краем, идя до Култук как «тележная», а потом превращаясь в тропинку, «способную для одной верховой езды» (с. 44–45). Из слов повествователя и авторских комментариев читателю становится известно, что и нынешнее обустройство Кругоморской дороги мало что изменило для путешественников. Посланный в 1790 г. чиновник «для отыскания кратчайшего пути вокруг Байкала», основываясь «на внушениях и убеждениях тункинских бурят и байкальских тунгусов», которые «знают способнейшие пути через Байкальские горы, но тщательно их скрывают», предложил «нынешнюю Кругоморскую дорогу» (с. 45). Она плохо обустроена, по ней нельзя ездить в экипажах, «она поднимается на высочайшие горы и пролегает частью по вершинам, частью по бокам гранитных утесов» и кажется «подвешенною в воздухе», так как «прикреплена к горе обрубами и идет в виде извилин (en Zigzag), потому что прямой подъем по чрезвычайной крутости был бы почти перпендикулярный» (с. 45).

Автор усиливает представления об экстремальности Кругоморской дороги, наделяя эпизодических персонажей высказываниями о предстоящем пути: «Правду сказать, – говорил казак, – и дорога неблизкая. К тому же грязи, болота, леса, звери, да, пожалуй, брат, еще попадешь в наддачу в руки каторжных, так оберут как липку. Есть о чем поплакать» (с. 45). Комментируя эту реплику в примечании, Калашников поясняет, что в то время действительно дорога из Иркутска в Нерчинск «почиталась дальнейшей, нежели ныне в Москву или Петербург, и всех отъезжающих в Нерчинск, равно и оттуда, оплакивали как умирающих» (с. 45).

Дальнейшие события, произошедшие с героями на Кругоморской дороге, становятся иллюстрацией ее смертельной опасности: встреча с разбойниками, диким зверем (медведем), природные катаклизмы (буря), скатывание в пропасть. Для преодоления всех препятствий русским путешественникам требуется проводник, которым становится «ямщик-бурят», так как дорога «известна одним бурятам» (с. 45).

Первое изображение Байкала появляется при описании бурятской «сказочной деревушки» Култук: «Она стоит на небольшой долине, посреди гор, которые, идучи по берегам озера от востока к западу, мало-помалу стесняют его и наконец на сей долине, сходясь довольно близко между собою, образуют угол (по-бурятски култук), обыкновенно называемый гнилым, ибо бури, свирепствующие на Байкале, большею частью рождаются в сем углу, представляющем род воронки» (с. 40). Именно в этом чужом и опасном байкальском пространстве впервые появляется действующий герой-бурят, для которого это пространство является «своим». Первая сюжетная функция бурят в романе связана с сопровождением русских героев по Кругоморской дороге.

Важным моментом, подчеркивающим связь байкальского пространства с бурятским этносом в романе Калашникова, становится рассказ образованного верхнеудинского воеводы о Чингисхане. Рассказ воеводы об архаической истории бурят-монголов вызван созерцанием Байкала, на горизонте которого герой различил остров Ольхон, «до которого доходил Чингисхан и в память этого поставил там на вершине одной горы большой таган и на нем огромный железный котел» (с. 206). Описывая размах завоеваний Чингисхана, воевода резюмирует: «Было время, когда прекрасные россиянки были увозимы из родного края в пустыни Монголии, дабы там коротать горькую жизнь в объятиях какого-нибудь плоско-

ногого бурята» (с. 207), связывая нити истории русских и бурят и утверждая всеобщий принцип перемен в земной жизни.

Вторая сюжетная функция бурят в романе связана с помощью русским в поимке шайки разбойников, укрывающихся в прибрежных горах Байкала. Калашников изображает антагонизм бурят как исконных насельников Байкала разбойникам, нелегально присутствующим в его окрестностях ².

На уровне изображающего слова повествователя образ Байкала дан как географическая координата, позволяющая структурировать пространство действия героев. Это пространство предстает исконно «своим» для бурят и незаконно присвоенным разбойниками. Байкальское пространство изображено как экстремальное для русских путешественников вследствие особенностей ландшафта, отсутствия цивилизации, возможной встречи с разбойниками и дикими животными. Чужая (бурятская) культура, с которой встречаются русские герои в этом пространстве, становится маркером его экзотики.

Несмотря на то что буряты в романе изображаются как исконные насельники Байкала, их представления об озере лишены экспликации, в отличие от разбойников, чьи разговоры демонстрируют представление русских обывателей о Байкале.

Именно разбойники у Калашникова предстают знатоками календарных примет и носителями мифологических представлений о Байкале. Лишенные бытовых удобств, зависимые от капризов погоды, они строят прогнозы по поведению животных («Ночь будет темная и бурная: недаром галки закружились над морем и разыгрались тюлени») и направлению дующих ветров, наделяя последние антропоморфными признаками («Ну, батюшка култук поднимается») (с. 80).

Знакомство с самым распространенным поверьем о мести Байкала, если его называют озером, автор иллюстрирует сценой реакции разбойников на реплику новенького в их рядах (Коровина), упомянувшего о своем прошлом, где он часто, занимаясь извозом, пересекал озеро.

«Через озеро, – подхватил третий. – Видно, тебе еще худо досталось. Разве не знаешь, что Байкал называется Святое море. Смотри, еще не то будет. Не нырни и сам на дно!» (с. 81). Автор комментирует эту реплику в примечании, поясняя, что так думает «простой народ в Сибири» (с. 81). Номинация озера как моря входит и в авторский текст, оказываясь закрепленной в речи повествователя, а также в официальных топонимах Иркутска, например Заморской улице, имеющей направление в сторону Байкала, или в обозначении дороги вдоль Байкала как Кругоморской.

Повышение категориального статуса озера как природного объекта (благодаря наименованию его морем) дополняется рассказами героев о его чудесах.

Один из разбойников изумляется видимыми на дне озера деревьями: «Ведь взглянешь вниз, так, кажись, сажень сто глубины, словно какой провал подле самого утеса, а на дне деревья. Чудо, подумаешь» (с. 81). Автор в примечании к этой реплике подтверждает, что «многие уверяют, что на дне Байкала, в некоторых местах около берегов, видны большие деревья», и объясняет это тем, что озеро «представляет явные признаки того, что ложе его произошло от оседа Земли при сильнейшем землетрясении» (с. 81).

² Изображению бурят в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» посвящена статья: *Подрезова Н. Н.* Буряты как автохтоны Сибири в романе И. Калашникова «Дочь купца Жолобова» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 9–17.

К чудесам два других разбойника относят замеченные явления на Байкале, которые не согласуются с их представлениями о физических законах: «Отчего, когда сильный ветер, так валы меньше, а когда ветер меньше, так валы больше?» или «...иногда совершенная тишь, около берегов не колыхнет, а посередине моря волны так и ходят, словно полоса какая» (с. 81).

Завершает разговор о байкальских чудесах вопрос-изумление: «Нет, вот что скажите, – подхватил седьмой, – куда вода девается? Ведь шутка ли, сколько рек, больших и маленьких, впадают в это море, а вытекает-то из него, кажись, одна Ангара, да и та, брат, ведь ужась как мелка в верховье» (с. 81). В комментарии к этой реплике автор приводит географические данные об Ангаре и мнение ученого Геденштрама, что «Ангара не может быть достаточным истоком воды, и Байкал должен иметь подземные каналы» (с. 82). Разбойников Калашников наделяет языческими представлениями о Байкале как о грозном мстящем существе, требующем к себе почтения и вызывающем чувство страха.

Иное восприятие Байкала открывается благодаря ряду положительных героев, приобщенных к письменной культуре и христианской вере (Алексей Кремнев и верхнеудинский воевода). Калашников трижды изобразил Байкал как предмет созерцания главного героя, передавая строй его чувств и размышлений. Первый байкальский пейзаж в романе появляется при попадании героя в Култук как начальную точку движения по Кругоморской дороге. Алексей, удрученный роковыми обстоятельствами жизни (разлучение с невестой, побег в Забайкалье как спасение от несправедливого наказания), наблюдает восход солнца на Байкале. Увиденная героем картина организуется как развернутая метафора ритуала царского выхода, происходящего в соответствующей его величию обстановке торжественности и роскоши. Окрашенные солнцем воды сравниваются со «златой тканью, блиставшей при колебании волн изумрудами и бриллиантами», окружавшие воду горы, «подобно великим жертвенникам, издавали курение, птицы воспевали песнь» (с. 40). Передача зрительных, обонятельных и звуковых чувствований воспринимающего в их динамике (изменение света, движение тумана, постепенное проявление горных мысов) не только создает эстетическую многомерность пейзажа, но и передает трансформацию внутреннего состояния героя. Созерцая прояснения туманного Байкала во время восхода солнца, горюющий Алексей преодолевает отчаяние и начинает страстно молиться. Величие увиденного оказывает утешающий эффект на удрученного бедами Алексея, мотивируя его обращение к Творцу, который может разогнать «туман бедствий» (с. 41).

Второе описание Байкала, открывшееся с самой высокой точки Кругоморской дороги, вершины Хамар-Дабана, оказывается вариацией мотивной системы первой пейзажной зарисовки, где всё увиденное и чувственно воспринятое («сливаясь с небом, синелись отдаленные воды Байкала»; «в бездне синелись дремучие леса»; солнце, как «золотой шар», воздух «самый чистый и благодатворенный») «возносило мысли к творцу и благодетелю человека» (с. 55). Герой ощущает «возвышенное парение духа», которое «приближало его к вечнонеизменному, вечнопокойному небу», и осознает, что он испытал редчайшие «минуты небесного блаженства, блистающего иногда в душе» (с. 55). Третья картина Байкала дана по приезду в Посольский монастырь, где в лодочной прогулке герой и его старший друг, воевода из Верхнеудинска, любят зеркальность Байкала и мечтают о «предметах возвышенных», глядя, как «земля почти терялась из глаз, а море и небо, символы беспредельной вечности, окружали его отовсюду» (с. 206).

Величественность Байкала как двойника непостижимого неба явлена не только в состоянии умиротворяющего покоя, но и в образе устрашающей разбушевавшейся стихии. Во время лодочной прогулки в Посольской прорве герои далеко отходят от берега, и их настигает непогода: «Буря усиливалась, и валы стали расхаживать по морю. Наконец туча набежала на солнце, полил дождь, и ударил страшный ураган. Море закипело, и каждая волна, с яростию и пеною упавшая на лодку, готова была ее поглотить. Лодка то вбегала как бы на вершину утеса, то стремительно повергалась в пропасть» (с. 208). Обращает на себя внимание отличие в поведении во время бури героев с христианским сознанием (Алексея и воеводы) от «простых людей» (кормчего и гребцов). Смертный ужас перед разбушевавшейся стихией отражен в репликах последних: «Ну, теперь беда!»; «Без смерти смерть!»; «Гибнем!» (с. 208). В репликах воеводы дважды звучит наставление кормчему: «Не робей!», подбадривание испугавшихся: «Не унывайте!» и утешающее утверждение: «Еще есть надежда!» (с. 208). Помимо речевой характеристики воеводы, свидетельствующей о том, что Калашников наделил его мужеством и неистощимой надеждой на спасение в самой безвыходной ситуации, автор и в слове повествователя противопоставляет поведение героев-христиан «всем», кто оказался с ними в критической ситуации: «Гибнем! – вскричали все в один голос, исключая воеводы и Алексея, который не столько думал о собственной жизни, как о жизни своего благодетеля (т. е. о воеводе. – *П. Н.*)» (с. 208). Таким образом, даже в ипостаси разбушевавшейся стихии Байкал воспринимается главным героем и его идеальным двойником (воеводой-покровителем) как включенный в общую гармонию устройства мира, где всё основано на благой воле Творца, дающего надежду на спасение. Все попытки героев сохранить управление лодкой безрезультатны, но оказавшееся рядом судно спасает их. Так, на фабульном уровне автор дискредитирует концепцию языческого фатализма (народное представление о мстительном грозном Байкале) и утверждает христианскую модель: Байкал оказывается двойником небесной силы, в пространстве которого действует спасительность христианской надежды и любви-заботы о другом (модель поведения Алексея).

Можно обозначить основные мотивы, структурирующие байкальские пейзажи: во-первых, мотив величественной гармонии, в которой есть абсолютное управляющее начало, в чьем подчинении находится весь окружающий мир; во-вторых, отражение небесного в водном пространстве (зеркальность верха и низа), осознаваемого в идеальных категориях вечности / неизменности / абсолютного покоя.

В описании Байкала в романе можно наблюдать генерализирующую стратегию создания пейзажа, при которой выделяется множество разнообразных элементов байкальского пространства (вода / волны, горы, небо, солнце, дремучие леса / тайга, туман / воздух), но все они возводятся к одной теистической модели (присутствие Творца и благость его творения). Христианское сознание главного героя постоянно эксплицируется автором по ходу сюжета и противопоставляется «ахинею» бурятской веры, где многобожие воспринимается русскими героями как недомыслие и ложное понимание мира (с. 60).

Можно выделить еще одну тенденцию восприятия Байкала, намеченную Калашниковым в изображении селенгинского купца Неудачина, который воспринимает байкальское пространство как кладовую, богатством которой сложно воспользоваться. На восхищенную реплику Алексея о «прекрасном виде», открывающемся с Хамар-Дабана, Неудачин реагирует как трезвый прагматик: «Да, батюшка Алексей Федорович, видик больно хорош! – отвечал Гаврило Васильевич

с большим равнодушием, быв из людей не самых чувствительных. – И какие леса чудесные. Жаль только, что они здесь без всякой пользы либо сгниют, либо сгорят от палу» (с. 56). Байкал как пространство несметного богатства рыбой, промысловым зверем, лесами оказался на периферии изображения в романе Калашникова. Единораз упоминается о рыбном промысле при описании реки Селенги, на берегах которой путешественники встречали «трудолюбивых и веселых рыбаков», промышлявших омуля, «рыбу, подобную сельдям, которая в осеннее время миллионами входит в Селенгу из Байкала и доставляет пищу целой Иркутской губернии» (с. 75). Кроме медведя, опасная охота на которого изображена на Кругоморской дороге, байкальская фауна не упоминается. Особенно это заметно на фоне описания Байкала, данного в «Житии Аввакума», где внимание читателя фокусируется на богатстве природного мира с точки зрения пригодности человеку: «Птиц зело много – гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерляди, омули и сига и прочих родов много. И зело жирна гораздо, на сковороде жарить нельзя осетрины: всё жир будет. Вода пресная, а нерпы и зайцы великие в нем, – во акиане, на Мезени живучи, таких не видел. А всё то у Христа наделано человека ради, чтоб упокояся хвалу Богу воздавал» [Житие Аввакума, 1991, с. 51]. Безусловно, Калашников не был знаком с этим описанием озера, так как первая публикация «Жития» была сделана академиком Н. С. Тихонравовым в 1862 г. [Робинсон, 1991, с. 9], через тридцать лет после выхода в свет романа «Дочь купца Жолобова».

Анализ фабульного ряда позволяет утверждать, что события на Байкале в романе Калашникова семантизируются особым образом. Например, Байкал помогает положительным героям и участвует в наказании отрицательных. Так, Наталья Жолобова, оказавшись в руках разбойников, которые везли ее в свое становище, избегает страшной участи потому, что разыгралась буря, которая разбила челнок насильников. Также буря разыгрывается в тот момент, когда жертвы разбойников нападают на своих обидчиков, оставаясь незамеченными. Смерть в Байкале уготована нескольким разбойникам, их вожаку Бузе, обремененному смертными грехами (отцеубийство, изнасилование, разбой и грабеж), и двум героям-бурятам в схватке с Коровиным, который увлекает их за собой в пропасть, но сам выплывает благодаря недюжинной силе. Герои часто подвергаются опасности утонуть, но счастливо избегают ее: наивный и могучий Коровин, по несчастью оказавшийся среди разбойников, Наталья, Алексей с воеводой, попавшие в бурю. Кардинальный поворот в судьбе главного героя также происходит на Байкале: на спасительном судне в Посольской прорве оказался губернатор, который извещает Алексея, что он оправдан и может благополучно возвратиться в родной Иркутск. Можно говорить, что Байкал в границах субъекта авторского плана наделяется этическим потенциалом.

Таким образом, объемность байкальского образа в романе Калашникова достигается за счет изображения языческих представлений о Байкале разбойников, эстетических переживаний героев-христиан при созерцании озерного пространства, этизации байкальского пространства на уровне событийного ряда, отражающего позицию основного субъекта речи (повествователя), наиболее приближенного к автору. Прямому высказыванию автора принадлежит авторитетная область научного знания, представленная в этнографических, исторических, географических сведениях в подстрочных примечаниях.

Образ Байкала в романе Калашникова свидетельствует о формировании байкальского хронотопа, который характеризуется слиянием пространственных

и временных характеристик, порождая целый ряд конструктивных элементов художественного мира произведения (тип героев, тип ситуации, ценностный ряд). Попробуем описать черты байкальского хронотопа, воплощенного в романе Калашникова «Дочь купца Жолобова» и реализующего свой поэтический потенциал в современной прозе (В. Распутин³, Е. Гришковец⁴, О. Ермаков⁵ и др.).

Хронотоп Байкала являет собой пространство дороги (воплощает особый переход от одного пространства к другому). Основу байкальского хронотопа (тип ситуации) представляет экстремальный переход, который может быть наземным, по берегу озера, или по воде. В байкальском хронотопе акцентируется не только природная экстремальность – противопоставленность прежде всего цивилизации как результату комфортного присутствия человека в мире, но и социальная – возможность встречи с другой культурой, другой формой жизни.

Изображенное время в байкальском пространстве имеет свой особый ритм. Несмотря на то, что это экстремальное время труднопроходимой дороги, оно ритмично включает в себя точки «остановки» экстрима, когда героями переживаются минуты тишины, созерцания, мистического откровения (вечность / безвременье).

Аксиологическим двойником Байкала становится небо. Эстетизацию байкальского пространства полнее всего характеризуют категории возвышенного и величественного, где изумление, трепет, восторг или ужас имеют характер приобщения к чему-то безмерному и непознаваемому.

Внутренняя структура байкальского хронотопа имеет парадоксальный характер, проявляющийся в соотношении верха и низа. Небо и вода оказываются в зеркальном отношении друг к другу. Бездонность Байкала становится отражением безмерности неба. Байкал предстает как точка схождения верха и низа в пространственных координатах, во временных являет сопричастие вечности в профанном времени героев. Хронотоп Байкала включается в ряд хронотопа моря и океана, базовые признаки которого вытекают из архетипического «морского комплекса», охарактеризованного В. Н. Топоровым через ряд мотивов: пренатальный (воспринимающийся как «новое рождение», приобщающее к вечности и бессмертию); зеркальности неба и моря; смертный при восприятии дна [Топоров, 1995].

Байкальский хронотоп связан с двумя типами героев. Условно их можно разделить на «постоянных» и «временных». К «постоянным» (длительно принадлежащим его пространству) принадлежат нецивилизованные аборигены и те, кто ищет убежища от цивилизации по каким-либо причинам (разбойники, бродяги, искатели разных форм свободы). К «временным» принадлежат те, для кого он

³ Тема Байкала в творчестве В. Распутина звучит не только в публицистике автора, художественный образ байкальского пространства организует фабульный ряд в таких рассказах, как «Что передать вороне» (1981), «Век живи – век люби» (1981), «Новая профессия» (1998) и др. См.: *Подрезова Н. Н.* Феномен Байкала в художественной прозе Валентина Распутина // *Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф.: материалы.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 115–129.

⁴ Евгений Гришковец в книге «Реки» (2005) представляет Байкал как главную экзотику Сибири. См.: *Подрезова Н. Н.* Байкал в знаковом комплексе Сибири в повести Е. Гришкочева «Реки» // *Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте: Материалы Междунар. науч. конф.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 66–73.

⁵ В романе Олега Ермакова «Свирель вселенной» (1997–1999) основное действие происходит на берегах Байкала, пространство которого наделяется аксиологическим потенциалом.

не является зоной повседневности. Это тип путешественника, преодолевающего Байкал как дорогу, или паломника / туриста.

Способы восприятия байкальского пространства позволяют выделить аксиологические позиции, задающие ценностные ряды рассматриваемого хронотопа. Во-первых, языческая позиция (свойственная аборигенам и «простому народу» в романе Калашникова), где гарантия безопасности требует выстраивания особых отношений с опасной силой. Во-вторых, эстетическая позиция (образованные христиане в романе), в которой Байкал предстает образом, знаком, символом вечности, отражающей идеальную сущность. У Калашникова еще отсутствует герой, который стремится к Байкалу как месту эстетического вдохновения, встречающийся в современной литературе, но намечено его появление благодаря «чувствительному» герою – путешественнику поневоле. В-третьих, прагматическая позиция (герой-купец), утверждающая ценность Байкала как кладовой материальных ресурсов. В-четвертых, этическая позиция задает видение Байкала как справедливого судьи человеческих дел, проявленная на уровне целостной авторской концепции в романе Калашникова.

Список литературы

Белинский В. Г. Прокопий Ляпунов, или Междуцарствие в России, продолжение Князя Скопина-Шуйского. Сочинение того же автора <О. П. Шишкиной> // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Из-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 8–12.

Белинский В. Г. Камчадалка. Соч. И. Калашникова. Второе издание. Санкт-Петербург. 1842. В тип. А. Иогансона. Четыре части // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 164.

Богданова А. А. Сибирский романист И. Т. Калашников // Учен. зап. Новосибир. гос. пед. ин-та. Новосибирск, 1948. Вып. 7. С. 87–120.

Горбунова Л. И. Байкал как центральный элемент концептосферы сибиряка // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 5–15.

Житие Аввакума // Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсон. М., 1991. С. 27–82.

Калашников И. Т. Дочь купца Жолобова: Романы, повесть / Сост. текста, коммент., послесл. М. Д. Сергеева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 640 с.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 792 с.

Некрасов Н. А. Князь Курбский, исторический роман из событий XVI века. Сочинение Бориса Федорова. Четыре части. СПб., 1843. Камчадалка. Роман, сочинение И. Калашникова. Издание второе. Четыре части. СПб. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 11: Книга первая. Критика. Публицистика (1840–1849). С. 129–133.

Очерки русской литературы Сибири / Отв. ред. В. Г. Одинокоев, Ю. С. Постнов. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. 605 с.

Постнов Ю. С. Исторические романы И. Т. Калашникова // Литературные очерки / Сост. Н. Н. Яновский, Б. М. Юдалевич. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 118–186.

Пушкин А. С. Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. 640 с.

Робинсон А. Аввакум (личность и творчество) // Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 5–26.

Сергеев М. Д. Тепло и свет идут издалека // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 504–541.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Монография / Отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: СФУ, 2010. 237 с.

Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. Томск: Сибирика, 2003. 271 с.

Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте: Материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2013. 253 с.

Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания. Томск, 2003. 215 с.

Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовные измерения пространства. Иркутск, 2004. 328 с.

Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 575–622.

Хомук Н. В. Роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко. Статья 1 // Вестник Том. гос. ун-та. 2014а. № 388. С. 35–41.

Хомук Н. В. Роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко. Статья 2 // Вестник Том. гос. ун-та. 2014б. № 389. С. 46–55.

References

Belinskiy V. G. Kamchadalka. Soch. I. Kalashnikova. Vtoroe izdanie. Sankt-Peterburg. 1842. V tip. A. Ioganson. Chetyre chasti [Kamchadalka. Op. I. Kalashnikov. Second edition. Saint Petersburg. 1842. In typ. of A. Ioganson. Four parts]. In: Belinskiy V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Belinsky V. G. Comp. coll. works : In 13 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1958, vol. 13, p. 164.

Belinskiy V. G. Prokopiy Lyapunov ili Mezhdutsarstvie v Rossii, prodolzhenie Knyazya Skopina-Shuyskogo. Sochinenie togo zhe avtora O. P. Shishkinoy [Prokopiy Lyapunov or Interregnum in Russia, continuation of Prince Skopin-Shuisky. Work by the same author O. P. Shishkina]. In: Belinskiy V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Belinsky V. G. Comp. coll. works : In 13 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1955, vol. 9, pp. 8–12.

Bogdanova A. A. Sibirskiy romanist I. T. Kalashnikov [Siberian novelist I. T. Kalashnikov]. In: *Uchenye zapiski Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute* [Scientific notes of the Novosibirsk State Pedagogical Institute]. Novosibirsk, 1948, iss. 7, pp. 87–120.

Gorbunova L. I. Baykal kak tsentral'nyy element kontseptosfery sibiriyaka [Baikal as a central element of the Siberian conceptual sphere]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015, no. 1 (33), pp. 5 – 15.

Kalashnikov I. T. *Doch' kuptsa Zholobova : Romany, povest'* [The Daughter of the Merchant Zholobov: Novels, story]. M. D. Sergeev (Comp., comm., afterword). Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1985, 640 p.

Khomuk N. V. Roman I. T. Kalashnikova “Doch' kuptsa Zholobova” i sibirskoe barokko. Stat'ya 1 [I. T. Kalashnikov's novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” and Siberian Baroque. Article 2]. *Tomsk State University Journal*. 2014а, no. 388, pp. 35–41.

Khomuk N. V. Roman I. T. Kalashnikova “Doch' kuptsa Zholobova” i sibirskoe barokko. Stat'ya 2 [I. T. Kalashnikov's novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” and Siberian Baroque. Article 2]. *Tomsk State University Journal*. 2014б, no. 389, pp. 46–55.

Kyukhel'beker V. K. *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad, Nauka, 1979, 792 p.

Nekrasov N. A. *Knyaz' Kurbskiy, istoricheskiy roman iz sobytii 16 veka. Sochinenie Borisa Fedorova. Chetyre chasti*. SPb., 1843. Kamchadalka. Roman, sochinenie I. Kalashnikova. Izdanie vtoroe. Chetyre chasti. SPb. Ocherki russkoy literatury Sibiri [Prince Kurbsky, a historical novel from the events of the 16th century. Composition by Boris Fedorov. Four parts. St. Petersburg, 1843. Kamchadalka. A novel, written by I. Kalashnikov. Second edition. Four parts. SPb.]. In: Nekrasov N. A. *Poln. sobr. soch. i pisem : V 15 t.* [Nekrasov N. A. Complete works and letters: In 15 vols.]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 11: *Kniga pervaya. Kritika. Publitsistika* [Book one. Criticism. Publicity] (1840–1849), pp. 129–33.

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. V. G. Odinokov, Yu. S. Postnov (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1: *Dorevol'yutsionnyy period* [Pre-revolutionary period], 605 p.

Postnov Yu. S. *Istoricheskie romany I. T. Kalashnikova* [Historical novels by I. T. Kalashnikov]. In: *Literaturnye ocherki* [Literary essays]. N. N. Yanovskiy, B. M. Yudalevich (Comps.). Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1985, pp. 118–186.

Pushkin A. S. *Mysli o literature* [Thoughts on literature]. Moscow, Sovremennik, 1988, 640 p.

Robinson A. *Avvakum (lichnost' i tvorchestvo)* [Avvakum (personality and creativity)]. In: *Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniya* [The Life of Avvakum and his other works]. Moscow, 1991, pp. 5–26.

Sergeev M. D. *Teplo i svet idut izdaleka* [Warmth and light come from afar]. In: *Zapiski irkutskikh zhiteley* [Notes of Irkutsk residents]. Irkutsk, 1990, pp. 504–541.

Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve: Monografiya [Siberian text in the national plot space: Monograph]. K. V. Anisimov (Ed.). Krasnoyarsk, SFU, 2010, 237 p.

Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture [Siberian text in Russian culture]. Tomsk, Sibirika, 2003, 271 p.

Sibirskoe prostranstvo v lingvisticheskom i kul'turnom aspekte: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Siberian space in linguistic and cultural aspects: Materials. of the Intern. sci. conf.]. Irkutsk, 2013, 253 p.

Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury: Opyt samoopisaniya [Siberia in the context of world culture: An experience of self-description]. Tomsk, 2003, 215 p.

Sibir': Vzglyad izvne i iznutri. Dukhovnye izmereniya prostranstva [Siberia: A view from outside and inside. Spiritual dimensions of space]. Irkutsk, 2004, 328 p.

Toporov V. N. *O "poeticheskom" komplekse morya i ego psikhofiziologicheskikh osnovakh* [On the "poetic" complex of the sea and its psychophysiological foundations]. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, 1995, pp. 575–622.

Zhitie Avvakuma [The Life of Avvakum]. In: *Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniya* [The Life of Avvakum and his other works]. A. N. Robinson (Comp., intro. and comm.). Moscow, 1991, pp. 27–82.

Информация об авторе

Наталья Николаевна Подрезова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры новейшей русской литературы факультета теоретической и прикладной филологии, кафедра новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ (Иркутск, Россия)
RSCI Author ID 410899
SPIN 1352-4320

Information about the author

Natalya N. Podrezova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Modern Russian Literature, Faculty of Theoretical and Applied Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 410899
SPIN 1352-4320

*Статья поступила в редакцию 01.06.2024;
одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 26.08.2024
The article was submitted on 01.06.2024;
approved after reviewing on 26.08.2024; accepted for publication on 26.08.2024*

Научная статья

УДК 821.161+821.112.2

DOI 10.17223/18137083/90/5

Последняя сцена второй части «Фауста» в переводе И. С. Тургенева

Иван Олегович Волков

Томский государственный университет
Томск, Россия

wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Аннотация

Разрабатывается проблема переводческого восприятия И. С. Тургеневым трагедии И. В. Гёте «Фауст». Подвергается анализу последняя сцена второй части «Фауста», переведенная писателем на русский язык в первой половине 1840-х гг. В качестве значимых моментов творческого осмысления Тургеневым сцены свидания героев в тюрьме можно назвать изменения лексического и пунктуационного планов. Вытягивая пятистопный ямб оригинала до шестистопного, писатель насыщает стихи Гёте многоточиями и в необходимых местах подбирает необычные эквиваленты, что в результате усиливает существующие акценты и служит возникновению дополнительных смыслов. Работа Тургенева в общем плане идет в русле проявления драматического и лирического элементов, расширяющих пределы рефлексии Фауста и Маргариты и всё более связывающих их друг с другом.

Ключевые слова

И. С. Тургенев, И. В. Гёте, трагедия «Фауст», перевод, сцена в тюрьме, Фауст и Гретхен

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01110, <https://rscf.ru/project/23-78-01110/>

Для цитирования

Волков И. О. Последняя сцена второй части «Фауста» в переводе И. С. Тургенева // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 74–86. DOI 10.17223/18137083/90/5

© Волков И. О., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 74–86

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 74–86

The last scene of the second part of Faust as translated by Ivan Turgenev

Ivan O. Volkov

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

wolkoviv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6317-8397>

Abstract

The paper presents an analysis of the concluding scene of the second part of Faust, translated by Ivan Turgenev in the first half of the 1840s. The alterations to the lexical and punctuation patterns serve as crucial markers of the writer's creative comprehension of the scene in prison where the heroes meet, with this scene being the key to the whole work. Expanding the iambic pentameter of the original to hexameter, Turgenev infuses Goethe's poems with ellipses, structures repetitions and chooses significant equivalents for German words, thereby reinforcing existing accents and generating new meanings. By employing subtle observations, he broadens the scope of reflection surrounding Faust and Margarita, highlighting the nuanced changes in their spiritual worlds and strengthening the connection between them. Therefore, the Russian translation highlights the stark contrast between Faust's desires and his reality, acting as a rebuke to his overall weakness and his specific responsibility for the girl's tragic fate. Conversely, the portrayal of Gretchen achieves depth through the emphasis and amplification of her desperate emotional state. The exacerbation of a tragic turning point, wherein love undergoes a dramatic transformation from a source of joy to a profound torment, serves to enhance the emotional and psychological portrayal of the characters. Moreover, the writer elucidates their internal contradictions, intensified by the violation of past harmony, leading to an escalation of their mental discord.

Keywords

I. S. Turgenev, I. V. Goethe, tragedy "Faust", translation, prison scene, Faust and Gretchen

Acknowledgments

The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project no. 23-78-01110), <https://rscf.ru/project/23-78-01110/>

For citation

Volkov I. O. The last scene of the second part of Faust as translated by Ivan Turgenev. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 74–86. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/5

И. В. Гёте очень рано стал для И. С. Тургенева одним из ключевых авторов – наряду с Гомером, У. Шекспиром и А. С. Пушкиным. Аттестуя себя как «заклятого гётеанца» [Тиме, 1992], русский писатель с самого начала выделил из всего многообразного наследия немецкого классика трагедию «Фауст», ставшую для него своеобразной «книгой бытия» [Гутман, 1959, с. 153], с того самого момента, когда он взялся за полное и глубокое освоение творчества немецкого гения, будучи студентом Берлинского университета. Тургенев вложит личное воспоминание об этих студенческих годах, проведенных за чтением Гёте, просмотром и разбором его «Фауста», в уста главного героя собственной одноименной повести. После возвращения из-за границы, отказа от академической карьеры философа и определения себя в качестве писателя Тургенев принялся за создание русского текста трагедии (в широком понимании), вводя гётевский шедевр не только в личную художественно-эстетическую систему, но и в пространство национальной словесности (и культуры) вообще. Одним из значимых этапов этой объемной

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1

тургеневской рецепции «Фауста», занявшей практически всю жизнь [Беляева, 2018, с. 4], стала переводческая интерпретация последней сцены первой части «Фауста» (1844).

Сцена в тюрьме, являющаяся переходным звеном, границей между двумя сферами фаустовского существования (мир обыкновенный, бытовая реальность vs мир преображенный, аллегорический), привлекла особое внимание Тургенева именно своим кульминационным значением, высоко трагическим изображением человеческого страдания, а совсем не тем «некрасовским» колоритом, о котором писал В. М. Жирмунский, предполагая, что прежде всего она была «созвучна литературе 40-х гг. мотивом социальной жалости к женской доле» [Жирмунский, 1982, с. 277]. О трагическом значении тюремного эпизода писатель очень точно сказал сам в последующей статье о переводе «Фауста» М. П. Вронченко (1845), проводя сопоставление нравственно-психологического состояния Гретхен и Фауста. Девушка в логике писателя оказывается в своем страдании намного выше сострадающего героя, который «не ожидал кровавой развязки» (Тургенев, 1978, с. 214) и в страхе попытался вызволить бывшую возлюбленную. Р. Ю. Данилевский справедливо связал принципиальность тургеневского выбора с последующим развитием в прозе писателя сильного, решительного женского образа («тургеневской девушки»), противопоставленного слабому, рефлектирующему герою [Данилевский, 2001, с. 21].

Обращаясь к финалу первой части «Фауста», Тургенев переводит всю сцену почти полностью, за исключением только «старинной немецкой песенки» (Тургенев, 1978, с. 22). Это изъятие он объясняет тем, что на другом языке песенный текст «теряет свой характер и является каким-то фантастически лирическим излиянием» (Тургенев, 1978, с. 23). Сомневаясь вообще в возможности полно и достоверно передать не только содержание самой песенки, но и всю ее внешне напряженную динамичность и формально отсылая к переводу, сделанному Э. И. Губером (1838), писатель выражает целостное понимание аллегоричного значения исключаемого отрывка. Гретхен, которая практически всегда в песнях заключает про- и ретроспективный план [Аствацатуров, 2010, с. 105], и здесь, будучи в полубезумном сознании, не обходится без параллелей к своей горькой участи. Народная песня гиперболически обнажает душевную драму героини, показывая, как отчаянно ее мучает вина за насильственную смерть своих родных, осмысляемую посредством фольклорного, т. е. типизированного и обобщенного источника, что одновременно делает страдания Гретхен абстрактно-символическими. Это и вызвало опасение Тургенева сойти в лирико-фантастическую образность, заслоняя конкретику личностного выражения.

Сам перевод последней сцены, если характеризовать его целостно, оказывается очень близок к оригиналу, хотя и не «доподлинно верен» ему, как утверждает Н. С. Васин [2012, с. 104], что совершенно естественно. Тургенев не делает кардинальных прибавлений или изъятий относительно лексико-семантического состава гётевских стихов, не пытается сглаживать стиль или выравнивать слог. Главное отличие его перевода от подлинника заключается, во-первых, в изменении размера: преимущественно пятистопный ямб он вытягивает до шестистопного со множеством пиррихий, т. е. четкости и резкости стихового ритма противопоставляет на русском языке более размеренное и плавное течение, звучание размывается и удлиняется, но нарушения хода акцентуации не происходит. Этот прием Тургенев использовал намеренно – не только потому, что нужно было уложить немецкие стихи в структуру русского сложения, но и чтобы проявить,

сделать выпуклым общий эмоционально-психологический рисунок. Вместе с растягиванием ритма он дает дополнительное осмысление пунктуационному строю – это второе и самое важное отличие оригинала от тургеневского перевода. Писатель насыщает текст многоточиями и вопросительными знаками, повсеместно заменяя ими строго присутствующие в оригинале точки и запятые, а также восклицательные знаки.

Многоточие в инструментарии Тургенева (как поэтическом, так и прозаическом) является важным средством выразительности и изобразительности. Используя его во время работы над отрывком из «Фауста», он вовсе не стремится к тому, чтобы напомнить «читателю, что перед ним не подлинный текст произведения, но его перевод, который не способен в полной мере отразить все стилистические и содержательные особенности первоисточника» [Климентьева, 2007, с. 10], – это было бы слишком упрощенно. Практически во всех случаях многоточие употребляется писателем не в одной лишь его «стандартной» функции – для обозначения обычного перерыва в речи (пауза или незаконченность), но прежде всего чтобы обратить особое внимание на состояние говорящего. Тургенев делает этот знак эмоционально наполненным, маркируя не только и не столько свойство самой речи, сколько сторону психологического напряжения героя. Так, уже начальный стих, принадлежащий Фаусту («*Mich faßt ein längst entwohnter Schauer*»¹ (Goethe, 1828, S. 237)²), заключен тремя точками, которые продолжают и следуют шлейфом за высказанным им переживанием: «Я чувствую тревожное волнение...» (Тургенев, 1978, с. 22)³. Еще трижды в пределах первой реплики героя писатель «разбавит» его слова, ставя этот знак после сочетаний, несущих ключевые драматические смыслы. Во-первых, это обозначение самой опасности, нависшей над Маргаритой: Тургенев сопровождает многоточием слово «тюрьма», констатируя печальное положение, в котором оказалась девушка, а затем включает его в словосочетание «...ей смерть грозит...», трезво подчеркивая трагическую участь. Во-вторых, он делает выпуклой рефлексию Фауста, который в обращении к самому себе пытается обрести уверенность и прийти наконец к действию: «Решайся же...» (с. 22). В этом отношении Тургенев существенно дорабатывает самонаправленный анализ героя, меняя резко утвердительные высказывания на вопросительные и этим дробя цельные отрезки речи на более мелкие:

Ты мешкаешь? Ты медлишь к ней	Du zauderst, zu ihr zu gehen!
идти?	Du fürchtest, sie wiederzusehen! ⁴
Иль увидеть ее боишься ты?	(S. 237)
(с. 22)	

Речь Фауста от этого изменения не теряет глубины самообличения и порицания собственной медлительности, беспощадного обвинения в эгоизме, но в утверждении личной слабости герой получает у Тургенева и усиление внутренней напряженности. Фауст в череде вопросов приближается противоречивостью сознания к гамлетовскому состоянию, но если герой Шекспира (а английского драматурга

¹ Меня охватывает давно отринутая дрожь (здесь и далее перевод наш. – *И. В.*).

² Далее текст Гёте цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

³ Далее текст Тургенева цитируется по этому изданию, в круглых скобках указываются страницы.

⁴ Ты медлишь идти к ней!

Ты боишься увидеть её снова!

Гёте высоко почитал, отмечая противоречие как важнейший его принцип при изображении мира)⁵ в размышлениях о своей медлительности приходит к философскому обобщению: «To be, or not to be», то у героя Гёте перед наблюдением трагической судьбы Гретхен выхода во вне не происходит, он заключен полностью в пределы своего «я». Этот аспект Тургенев в нескольких местах усиливает и лексически, намеренно подбирая эквиваленты, которые бы выдвигали на первый план чувство героя. Например, писатель, опять же с помощью многоточия, дробит фразу Фауста, реагирующего на непонимание Маргаритой опасности своего положения и пытающегося ей помочь:

Спешите же, ради бога – Ты нас погубишь... ты меня терзаешь. (с. 25)	Wenn du nicht eilest, Werden wir's teuer büßen müssen ⁶ . (S. 241)
--	---

Разделяя последнюю строку на две части, Тургенев получает возможность оформить обратную градацию, окончанием которой делается фигура героя. Вслед за гётевским предчувствием риска промедления для обоих писатель минимально оформляет жалобу-признание Фауста: «ты меня терзаешь», что снова дает эффект сужения драматического фокуса до одной личности и подчеркивает ее эгоизм.

Примечателен еще один момент лексической интерпретации, в результате которой меняется риторическая направленность всего выражения. Это касается строки, позже отмеченной Тургеневым во время чтения перевода Вронченко⁷:

Зачем я родился! (с. 25)	O wär ich nie geboren! ⁸ (S. 246)
-----------------------------	---

Замена фразы условного типа (*если бы*) на причинную (*зачем*) конструкцию по-иному определяет фаустовское восклицание. В более кратком переводе писателя герой, наблюдая страдания полубезумной Гретхен, нивелирует смысл своего существования, обесценивает сам факт своей жизни, тогда как в оригинале он все-таки не делает из отрицания утверждения, лишь задумываясь или предполагая возможность своего *нерождения*.

Тургенев идет по пути допустимого расширения и развития рефлексивной природы Фауста, стараясь сделать видимым в его минимальных репликах колебания душевного мира. У Гёте главный герой на протяжении всей сцены вообще остается во внешне пассивной позиции, он не столько действует, сколько наблюдает и выражает себя по отношению к тому, что происходит с девушкой. Его реплики служат лишь элементарной и самообращенной реакцией на объемную интенцию, выражаемую осужденной пленницей. Своей «миссии» – одного лишь усилия в сторону единственно любимого существа – Фауст не выполняет, и Тургенев как будто подчеркивает это несоответствие, совершая одну корректировку – заменяя глагол «освободить» (*befreien*) на «спасать» в строке: «Ich komme, dich zu befreien»⁹ (S. 238). Проблема освобождения Маргариты волновала писателя особенно, он видел в ней конкретный план осмысления, в котором самоотвержен-

⁵ См.: (Гёте, 1980, с. 261–264).

⁶ Если ты не поторопишься,
Мы должны будем дорого заплатить.

⁷ Библиотека Пушкинского Дома (Отдел БАН при ИРЛИ РАН). Архив Полонских. Шифр хр. 17 5/8.

⁸ О был бы я никогда не рожден!

⁹ Я пришел тебя освободить.

Не быть мне веселой! Не ведать мне радостной доли! Und niemals werd' ich wieder froh¹⁴
(S. 239)

(с. 23)

Тургенев снова дробит одну фразу на два предложения, увеличивая объем экспрессии, в которой выходит наружу безысходная печаль девушки. Показательно оформление повторов в воображаемой картине, которую рисует перед собой Гретхен. Она по-своему воспроизводит случившееся с ней несчастье, проговаривая смерть матери, произошедшую случайно, не столько по ее вине, сколько по трагической неосторожности. Но девушка не только не избегает ответственности, но и точно сознает себя в качестве убийцы и находит особую постыдность и тяжесть в том, что преступление совершено из сладострастия, которое Тургенев в своем переводе подчеркивает: «Никто не мешал нам с тобой целоваться» (с. 28) («...damit wir uns freuten»¹⁵ (S. 245)).

Писатель включает изобразительный повтор в повествование Маргариты о матери, сохраняя ударение на слове «спала»: «Она так долго спала, спала» (с. 28), которым Гёте драматически обыгрывает смерть от казавшегося безобидным сновторного: «Sie schlief so lange... / Sie schlief...» (S. 245). В описании того, как мать Гретхен сидит на камне («sitzt meine Mutter auf einem Stein» (S. 245)) и качает головой («wackelt mit dem Kopfe» (S. 245)) Тургенев не только подчеркивает одиночество образа, но также увеличивает кратность акцента именно на это последнее безысходное движение: «Кивает, качает – устала она...» (с. 28). Метафора призвана с остротой указать на вечную дремоту матери Маргариты, качающейся от того, что сон никак не может закончиться – попытка проснуться бесплодна. Повтор, употребленный Тургеневым, и «усталость» помогают превращению преобразенного воспоминания Гретхен в своеобразный миф на манер древнегреческого сказания о персонажах, принужденных монотонно совершать одно и то же действие (например, Сизиф). Сама героиня словно мифологизирует свою трагедию, но не отрывается от нее, воспринимая в живой и непосредственной связи с собой.

Особую нагрузку лексический повтор получает у Тургенева в тех случаях, когда он связан с обращением Маргариты к возлюбленному. Во-первых, писатель в пандан к призыву Фауста «Гретхен! Гретхен!» ставит двойное вопрошание девушки: «Где он? Где он?» (с. 24), которое в оригинале звучит лишь один раз: «Wo ist er?» (S. 240). Так писатель усиливает драматическую потерянность и одиночество героини. Сначала, погруженная в свои печальные грёзы, она не узнает возлюбленного, принимает его за другого, затем прислушивается и всматривается, уловив знакомый голос, наконец, обретая внешне прежнего Генриха, прочитывает его навсегда изменившуюся сущность, абсолютную чуждость. Вопрос «Где он?» – это своеобразное перепутье Маргариты от забвения к прозрению. Услышав близкий звук, она ищет следы прежнего мира, той жизни, что раньше была счастливой, но явление Фауста не облегчает мук, наоборот, оно делает их еще более невыносимыми и приводит к кульминации страдания. Одновременно этот повтор падает упреком на героя, оставившего Гретхен наедине не только с обвинителями (церковь и общество), но и с самой собою, что приводит каяющуюся рефлексии к саморазрушению.

Во-вторых, всё в том же тексте воспоминания Гретхен о совершённом преступлении – детоубийстве – Тургенев, меняя оригинальную форму местоимения «те-

¹⁴ И никогда я больше не буду рада.

¹⁵ ...чтобы мы могли быть счастливы.

бе» (dir) на притяжательное «твой», делает иным заданный девушкой ракурс отношения к ребенку: от безличного («dir und mir geschenkt»¹⁶ (S. 245)) к личному: «Ведь он был твой... да – твой и мой... / Твой...» (с. 26). Вместе с этим как будто отменяется общность родительства («dir und mir»), а трехкратный повтор особенно подчеркивает отцовство Фауста. Таким образом писатель углубляет сопричастность героя, но не столько к самому убийству, сколько к тому возможному семейному счастью, что было утрачено по его вине. Тургеневу важно сделать Фауста неотъемлемой частью драматической истории Гретхен, но так, чтобы принадлежность к ней сознавалась самой девушкой, исходила от нее. В том числе для этого писатель здесь же меняет, например, кажимость на действительность. Это касается следов крови, которые, как чудится девушке, остались на руках Фауста. Хотя кровавое «видение» подано у Гёте (вслед за Шекспиром) в русле общего безумного состояния героини, глагол «dünken» (казаться) усугубляет болезненность иллюзии и дополнительно подчеркивает мучительность вдруг возникающей связи нереального (кровь) с реальным (убийство). Тургенев следы крови оформляет в четкое пятно и вкладывает в уста героини слово «вижу», придавая еще большую осязаемость ее ужасу во временном помешательстве: «Я вижу кровь – смотри, пятно какое!» (с. 26).

С общим осмыслением линии Гретхен связано важное дополнение, сделанное Тургеневым во время перевода. К концу сцены девушка приходит к принятию своей участи и всего того несчастья, что с ней произошло. Она смиряется перед тяжелой и мучительной силой, стоящей выше нее, и называет обстоятельства, через которые прошла, случайностью: «Es ist eben geschehn»¹⁷ (S. 246). В этом определении – простота и наивность взгляда, безыскусность отношения Маргариты к собственной трагедии, в которой она и не думает отыскивать причин и следствий. Тургенев меняет элемент случайного на закономерный, переводя целый стих лишь одним словом, но с восклицанием и многоточием одновременно: «Судьба!..» (с. 28). За счет этого взгляд девушки, конечно, не обретает сразу философское свойство и не становится активно созерцательным, полно объемлющим личное страдание, но в нем меняется сам характер отношения. Случайность делает Гретхен частью общего течения жизни, судьбоносность же заявляет о выделенности ее пути.

Еще одна важная деталь, касающаяся особенности тургеневского перевода, связана с натуралистичностью описания. Она возникает в момент воссоздания (воображения) Гретхен собственной казни. Девушка в предчувствии последнего для нее дня рисует свое восхождение на эшафот в сопровождении таких же осужденных, ждущих рокового удара. В этой картине присутствуют минимальные приметы: стул для казни (Blutstuhl), к которому подвели жертву, и занесенное острие (Schärfe). Тургенев добавляет конкретики, уточняя, что к плахе Гретхен именно *привязана*, а размахнулось над ней не просто лезвие, но *топор*:

И вот уже к плахе привязана я...
Топор размахнулся...
(с. 28)

Минимальным усилием эта миниатюра прозаизируется, получает бытовое оформление. Оригинальное *острие* несет в себе два смысла – это и конкретное

¹⁶ Тебе и мне подарен.

¹⁷ Просто так случилось!

орудие казни, но также и абстрактное обозначение той роковой случайности, которая постигла Гретхен, по ее собственному признанию. *Топор* же частично снимает второстепенный план, ставя на первое место предметное значение, которое открывает напряженную наглядность фантазии героини. Заключает эту прозаизацию акцентуация обобщенности страха в ожидании смерти – Тургенев меняет оригинальное дрожание занесенного лезвия на содрогание приговоренных:

Затылок у каждого вдруг	Schon zuckt nach jedem Nacken
содрогнулся.	Die Schärfe ¹⁸ .
(с. 25)	(S. 246)

Маргарита в русском тексте оказывается в ряду других узников, ожидающих казни, она словно сродняется с ними в обреченности, сливаясь своим отчаянием с объединяющим чувством страха.

Наряду с усилением драматической составляющей сцены в тюрьме Тургенев в своем переводе шел также по пути ее лирического оформления, внесения в общую трагическую атмосферу неразрывно с ней связанного поэтического элемента. Он проявляет себя прежде всего в лексических вариантах, которые писатель подбирает для передачи волнительного ожидания обоими героями рокового начала нового дня. Писатель дважды в репликах Фауста и дважды в репликах Гретхен показывает их отношение к рассвету, который являет собой ужас и катастрофу, но собственно природный образ которого всё-таки остается для них прекрасен. Такое противоречие в устах Маргариты создается за счет употребления слова «заря», отсутствующего в подлиннике. В первом случае – «Возьми меня завтра поутру... с зарею...» (с. 23) – это слово, введенное многоточием и им же увенчанное, создает контрастный план изображения. Обращение Гретхен в оригинале – «Ist's morgen früh nicht zeitig genug?»¹⁹ (S. 238) – имеет вопросительную интонацию, которая должна помочь ей защититься, отстоять перед пригрезившимся палачом последние мгновения своей жизни. И утро здесь не имеет дополнительной смысловой нагрузки, оно лишь констатирует время небытия для измученной девушки. В переводе же Тургенева с углубленной пунктуацией жалоба Гретхен звучит как утверждение в смиренности, ее горестным мыслям о приближающейся казни противостоит образ из иной эстетической плоскости, причем получается так, что она сама создает его перед своими глазами (как и палача). Смерти как будто на равных противоположено яркое освещение горизонта перед восходом солнца, и для девушки, которая просит дождаться не просто утра, но именно зари, это сияние становится также своеобразным утешением, последним проблеском вечно прекрасного в тот самый момент, когда придется расстаться с жизнью. Пунктуационное выделение подчеркивает исключительность и необходимость этого мгновения как переходного, в котором душа Гретхен, уподобившись лучу, покинет мир земного страдания. Но при этом здесь не может не иметь значения и цветовая ассоциация, которая допускает сравнение кровавого суда, обрывающего судьбу кроткого и оставленного существа, с яркой цветовой палитрой, преимущественно оранжево-красного оттенка.

Далее заря у Тургенева появляется в сцене, где Гретхен дает указание справиться похороны до рассвета:

¹⁸ Уже вздрагивает над каждым затылком
Острие.

¹⁹ Разве не довольно тебе времени завтра утром?

Хочу описать тебе наши могилы.
Об них ты завтра, до ранней зари,
Мой друг, позаботься – смотри.
(с. 23)

Ich will dir die Gräber beschreiben,
Für die mußt du sorgen
Gleich morgen²⁰.
(S. 246)

Девушка просит Фауста позаботиться о пристанище для себя и своих родных, но сделать это он должен практически в сумерках, и не только потому, что тогда не будет свидетелей среди людей, но и чтобы сам утренний свет, первые его лучи не увидели и не коснулись печальной картины, – так вечность будет отделена от жизни. Заря служит олицетворением чистоты и ясности, обновления, снимающего болезненно-греховное состояние не только для самой Маргариты (что знаменует голос свыше), которая хочет уйти уверенной в том, что ее мертвые (убитые) обрели покой, но и мира в целом, возвращающегося в свое прежнее состояние. Этому жизнеутверждающему началу образа зари Тургенев даст развитие в «Записках охотника». Так, рассказ «Хорь и Калиныч» (1846) завершается картиной зачинающегося дня («заря только что разгоралась») (Тургенев, 1979, с. 18), который не только становится живописной пространственной перспективой для едущих героев, но и нравственно-философским символом, позитивно обобщающим впечатление от крестьянского мира и двух его ярких представителей²¹.

Осмысление нового дня, столь важного для Гретхен, в устах Фауста звучит как ожидание неминуемой опасности в неудачных попытках и тщетных усилиях склонить пленницу к бегству. Проявляя нетерпение, он торопит ее и в этой спешке не понимает в полной мере всё то, что она проговаривает, обращаясь к нему. Воспринимая страдания Гретхен в совокупности и внешне, не вникая в разность и насыщенность ее переживаний, он всё больше сосредотачивается на мысли о постепенно утекающем времени, а вместе с этим и об убегающей возможности вызволить девушку из тюрьмы. Фауст сознает предрассветное время как несущее за собой гибель, у него это ощущение еще острее, поскольку Маргарита со своей участью смиряется, а он же, не готовый к самопожертвованию, боится и разоблачения, и окончательной неудачи. Но в этом нарастающем страхе герой в переводе Тургенева оказывается способен к тонкому восприятию переходного от ночи к утру состояния. Фауст в русском тексте дает лирическое определение моменту, который его страшит: «Скорей... уже редет мрак ночной...» (с. 25). В оригинале его реплика также не лишена образности: «Komm! komm! schon weicht die tiefe Nacht»²² (S. 242), однако русский писатель из содержательной метафоры делает поэтическое выражение, наделяя ее живописным компонентом.

Во второй раз Фауст прибегает к лирической обрисовке, когда Гретхен отвергает его насильственную попытку увести ее из темницы. После этого герой уже практически отчаялся забрать девушку с собой и принимает на пике ужаса от безысходности признак наступающего дня: «Der Tag graut! Liebchen! Liebchen!»²³ (S. 245). В переводе Тургенева реакция героя получает другой оттенок за счет всё тех же многоточий – это уже смирение в отчаянии: «Да вот уж

²⁰ Я хочу описать тебе могилы,
О которых ты должен позаботиться
Непременно завтра.

²¹ См. также о значении темы зари в рассказе «Гамлет Щигровского уезда»: [Волков, 2021, с. 246–249].

²² Пойдем! Пойдем! Глубокая ночь уже уступает место.

²³ Рассветает! Любимая! Любимая!

и день... загорается свет...» (с. 28). Но писателю также важно сделать выпуклым, облечь в минимальную рефлексию внимание Фауста именно к этой смене двух природных состояний, которая и для него будет означать окончательный разрыв между прошлым и настоящим, между его любовью к Гретхен и новым стремлением к познанию. Важно, что Тургенев заменяет живописным определением не просто эквивалентные по смыслу слова, а еще и двукратное восклицательное обращение героя к девушке, т. е. отчаянная мольба уступает место более спокойному осознанию практически наступившей гибели. Само же сочетание «загорается свет» предельно просто в своем изобразительном плане, оно выражает то постепенное и неотступное движение, которое совершает время и которое так тревожило героя. Свет *загорается*, т. е. пространство небосвода начинает издали меняться, сияние проступает из одного участка и готовится распространиться во всю ширь и даль.

Таким образом, в переводческом восприятии «Фауста» Тургенев идет по пути углубления чувственно-психологического состояния героев с обострением того трагического перелома, когда любовь из прекрасного переживания вдруг становится тяжелой мукой. Давая собственную интерпретацию сцене последнего свидания Фауста и Гретхен, писатель считает необходимым усилить и сделать явными их внутренние противоречия, которые оказываются еще более драматичными ввиду нарушения прежней гармонии и, как следствие, увеличения душевного разрыва между ними. Эта же логика будет наблюдаться и в последующем – собственно творческом – обращении Тургенева к трагическому содержанию поэмы Гёте, но с особой проработкой также линии, связанной с мировоззренческой составляющей в ее поэтической огласовке. В рассказе «Свидание» (1850), повестях «Фауст» (1856) и «Ася» (1858) писатель не просто пользуется образами и сюжетными элементами «Фауста», он дает собственное звучание заглавной теме в обстоятельствах национального мира и психологии русского человека с обнаружением действия подобных трагических закономерностей.

Список литературы

Аствацатуров А. Г. Поэзия. Философия. Игра: Герменевтическое исследование творчества И. В. Гёте, Ф. Шиллера, В. А. Моцарта, Ф. Ницше. СПб.: Геликон Плюс, 2010. 496 с.

Беляева И. А. Творчество И. С. Тургенева: фаустовские контексты. СПб.: Нестор-История, 2018. 248 с.

Васин Н. С. Образ Фауста в отражении русской литературы: XIX век (1820–1860-е годы). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2012. 142 с.

Волков И. О. «Гамлет» У. Шекспира в творческом восприятии А. А. Фета и И. С. Тургенева (к 200-летию А. А. Фета) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2021. № 70. С. 233–256.

Гутман Д. С. Тургенев и Гёте // Учен. зап. Елабужского пед. ин-та. 1959. № 5. С. 149–183.

Данилевский Р. Ю. И. С. Тургенев и Маргарита (о тургеневском переводе сцены из «Фауста» И. В. Гёте) // Спасский вестник. 2001. № 8. С. 18–27.

Жирмунский В. М. Гёте в русской литературе. Л.: Наука, 1982. С. 276–284.

Климентьева А. С. И. С. Тургенев – переводчик: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 22 с.

Тиме Г. А. Заклятье гётеанства (диалектика субъективного и объективного в творческом сознании И. С. Тургенева) // Русская литература. 1992. № 1. С. 30–42.

Список источников

Библиотека Пушкинского Дома (Отдел Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы Российской академии наук). Архив Полонских. Шифр хр. 17 5/8.

Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1980. Т. 10. 513 с.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978. Т. 1. 574 с.; 1979. Т. 3. 526 с.

Goethe J. W. Werke: Faust. Stuttgart-Tübingen, 1828. Т. 5. 328 S.

References

Astvatsaturov A. G. *Poeziya. Filosofiya. Igra: Germenevticheskoe issledovanie tvorchestva I. V. Gete, F. Shillera, V. A. Motsarta, F. Nitsche* [Poetry. Philosophy. Game: Hermeneutic study of the creativity of J. W. Goethe, F. Schiller, W. A. Mozart, F. Nietzsche]. St. Petersburg, Gelikon Plyus, 2010, 496 p.

Belyaeva I. A. *Tvorchestvo I.S. Turgeneva: faustovskie konteksty* [Creativity of I. S. Turgenev: Faustian contexts]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018, 248 p.

Danilevskiy R. Yu. I. S. Turgenev i Margarita (o turgenevskom perevode stseny iz “Fausta” I. V. Gete) [I. S. Turgenev and Margarita (about Turgenev’s translation of a scene from “Faust” by I. V. Goethe)]. *Spasskiy vestnik*. 2001, no. 8, pp. 18–27.

Gutman D. S. Turgenev i Gete [Turgenev and Goethe]. *Uchen. zap. Elabuzhskogo pedagogicheskogo instituta*. 1959, no. 5, pp. 149–183.

Time G. A. Zaklyat’e geteanstva (dialektika sub’ektivnogo i ob’ektivnogo v tvorcheskom soznanii I. S. Turgeneva) [The spell of Goetheanism (dialectics of subjective and objective in the creative consciousness of I. S. Turgenev)]. *Russkaya Literatura*. 1992, no. 1, pp. 30–42.

Vasin N. S. *Obraz Fausta v otrazhenii russkoy literatury: XIX vek (1820–1860-e gody)* [The image of Faust as reflected in Russian literature: 19th century (1820–1860s)]. Gorno-Altaysk, GASU, 2012, 142 p.

Volkov I. O. “Gamlet” U. Shekspira v tvorcheskom vospriyatii A. A. Feta i I. S. Turgeneva (k 200-letiyu A. A. Feta) [Hamlet by William Shakespeare in the Artistic Perception of Afanasy Fet and Ivan Turgenev (To the 200th Anniversary of the Birth of Afanasy Fet)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2021, no. 70, pp. 233–256.

Zhirmunskiy V. M. *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad, Nauka, 1982, pp. 276–284.

List of sources

Biblioteka Pushkinskogo Doma (Otdel Biblioteki Akademii nauk pri Institute russkoy literatury Rossiyskoy akademii nauk). Arkhiv Polonskikh [Library of the Pushkin House (Department of the Library of the Academy of Sciences at the Institute of Literature of the Russian Academy of Sciences). Polonsky Archive]. Storage cipher 17 5/8.

Goethe J. W. Sobr. soch.: V 10 t. [Complete works: In 10 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1980, vol. 10, 513 p.

Goethe J. W. *Werke: Faust*. Stuttgart-Tübingen, 1828. Т. 5, 328 p.
Turgenev I. S. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sochineniya: V 12 t.* [Complete works and letters: In 30 vols. Letters: In 18 vols.]. Moscow, Nauka, 1978, vol. 1, 574 p.; 1979, vol. 3, 526 p.

Информация об авторе

Иван Олегович Волков, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Ivan O. Volkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 26.04.2024;
одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 25.06.2024
The article was submitted on 26.04.2024;
approved after reviewing on 25.06.2024; accepted for publication on 25.06.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1.09 (571.1. /5) «188/189»

DOI 10.17223/18137083/90/6

**Сибирская беллетристика 1880–1890-х годов
в контексте областничества и «народной литературы»
как факторов развития сибирской литературы**

Владимир Николаевич Яранцев

Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

yarancev@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-0017>

Аннотация

Сибирская беллетристика рассматривается в статье как необходимый этап формирования сибирской литературы в 1880–1890-е гг. в контексте развития общерусской литературы и литературных канонов сибирского областничества. Исследуется критика областниками произведений беллетристики как «личностная», т. е. с точки зрения авторитетности его вождей, идущая в противовес значению «массовой» литературы и ее роли в развитии сибирской литературы. Показаны противоречивость позиции главы областников Н. М. Ядринцева, явления беллетризации в его творчестве. Подчеркнута необходимость учитывать «народную литературу» самоучек и рукописную традицию при изучении формирования массива сибирской литературы, включая издательский аспект. Делается вывод об ослаблении областнической тенденциозности в ходе процессов демократизации литературы в рамках системных процессов на этапе становления сибирской литературы.

Ключевые слова

сибирская литература, беллетристика, беллетризация, Н. М. Ядринцев, областничество, рассказы, романы, «народная литература», системность

Для цитирования

Яранцев В. Н. Сибирская беллетристика 1880–1890-х годов в контексте областничества и «народной литературы» как факторов развития сибирской литературы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 87–99. DOI 10.17223/18137083/90/6

© Яранцев В. Н., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 87–99
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 87–99

Siberian belles-lettres of the 1880s–1890s: regionalist and folkloric influences on the development of Siberian literature

Vladimir N. Yarantsev

State Public Scientific and Technical Library
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
yarancev@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3143-0017>

Abstract

Insufficient research attention has been paid to belles-lettres as a “mass” literature in the Siberian literature of the late 19th century. This study investigates the influence of belles-lettres on the evolution of Siberian literature, considering regional literary demands that fostered bias and the emulation of prominent Russian literary works. Analysis of scholarly articles written by N. M. Yadrintsev reveals a demonstrable lack of objectivity in his assessment of Siberian fiction, as well as the inconsistency of his criticism and the fictionalization of genres in his works. This inconsistency can be explained by the complex genesis of Siberian regionalism. Attention is drawn to the personal nature of the regionalists’ claims in fiction, emphasizing the dominance of “vital material.” The portrayal of the Siberian writer is modified within this framework, with examples provided illustrating the conflation of the writer’s personal attributes and their creative work. The research investigates the significance of the Siberian library readership patterns in illustrating the primacy of fiction within the Russian literary canon. The inclusion of late 19th-century belles-lettres within the broader study of Siberian literature is substantiated by the historically significant role of “mass” literature in transforming the genre and thematic landscape, reader expectations, and the local publishing industry. This context proved highly conducive to the development and proliferation of Siberian literature at the outset of the 20th century.

Keywords

Siberian literature, belles-lettres, fictionalization, N. M. Yadrintsev, regionalism, stories, novels, “folk literature”, consistency

For citation

Yarantsev V. N. Siberian belles-lettres of the 1880s–1890s: regionalist and folkloric influences on the development of Siberian literature. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 87–99. (in Russ.) DOI 10.17223/1813 7083/90/6

В посвященных сибирской литературе (далее – СЛ) исследованиях беллетристики, «массовой» литературе как отдельной теме, на определенном этапе развития СЛ сыгравшей важную роль, уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания. Понятие «беллетристика» соотносилось с понятием степени художественности. М. К. Азадовский в «Очерках литературы и культуры Сибири» главу о литературе 1830-х гг. помещает под названием «беллетристика», подчеркивая, что «удельный художественный вес этих произведений был невелик», но «они сыграли огромную роль» «в развитии сибирской темы в русской художественной литературе» [Азадовский, 1947, с. 118]. Б. Жеребцов считает беллетристкой и прозу «народников», которые «ставили в центр своего внимания человека с его страстями», а не пейзаж [Жеребцов, 1928, с. 35]. Главными критериями развития СЛ в «Очерках русской литературы Сибири» оставались реализм, социологичность, но здесь немало материала о рукописной литературе, повлиявшей на ста-

новление СЛ. Г. Ф. Кунгуров в книге «Сибирь и литература» (1965) поставил задачу «установить органическую связь литературы печатной с литературой рукописной» [Кунгуров, 1965, с. 58]. Исследуя состав сочинений учащихся Иркутской гимназии, он отметил, что «структура» сборника «подтверждает наше предположение, что он является продолжением рукописных выпусков» [Там же, с. 94]. Сами произведения позволяют говорить об их принадлежности беллетристике.

Реабилитация беллетристики и осмысление ее роли в развитии СЛ происходит с конца 1980-х гг. В монографии Б. А. Чмыхало «массовая» литература рассматривается как проявление закономерности в СЛ в одном ряду с «формированием реализма». И. А. Гурвич обосновал тезис о срединном положении беллетристики в «трехступенчатой градации: высокая поэзия, “средняя” проза, лубок» [Гурвич, 1991, с. 12]. Для этого должен был сформироваться «беллетристический массив», так как литературные «направления могли реализовать себя лишь в той мере, в какой программировали и поощряли деятельность писателей-беллетристов» [Там же, с. 20]. Наша статья ставит вопрос о беллетристике в связи с другими особенностями СЛ – с развитием рукописной и «народной литературы» в личностном и издательском аспектах. Такой подход обусловлен процессами становления СЛ на этапе формирования массива текстов, читательской аудитории и издательских мощностей для обретения самостоятельности в рамках общероссийского литературного процесса. В настоящее время темы беллетристики и ее роли в становлении СЛ касались Н. В. Жиликова [2014; 2020], В. Н. Волкова [1995; 2001], Е. А. Макарова [2013], И. А. Айзикова [2017], Е. В. Александрова [2022], А. В. Смольянинов [2022], статьи которых используются в данной работе.

К 1880-м гг. в СЛ обнаруживаются признаки появления беллетристики как «массовой» литературы, массового чтения. В число причин ее появления, быстрого роста и распространения входит и стремление противопоставить политизации СЛ с позиций областничества «чистую» литературу, обычное чтение. Предвестием этого явления были «Сибирские рассказы», изданные Н. С. Щукиным вразрез с мнением Г. Н. Потанина: «Теперь время прокламаций, а вы мечтаете о каких-то романтических повестях, о живописании и воспроизведении» [Письма Г. Н. Потанина, 1987, с. 58]. Прежде всего, «интересы народа, а не интересы литературы!», внимание к «местным интересам», идее «автономии провинции» [Там же, с. 59]. Однако Н. С. Щукин утверждал, «что в Сибири много литературных талантов кроется, да не могут обнаружиться» [Там же, с. 60]. Ответ Г. Н. Потанина он оставил без ответа, издав сборник «Сибирские рассказы».

Предисловие Н. С. Щукина к книге звучало как программа иной СЛ, которая уже имеет у публики большой спрос: «Издавая в Сибири первую книгу чисто литературного содержания, непременно долгим считаем заявить здесь нашу глубокую благодарность за сочувствие и материальную поддержку <...>, билеты на значительное число экземпляров этой книги были раскуплены в Иркутске и других сибирских городах за несколько месяцев до выхода в свет “Сибирских рассказов”» (Сибирские рассказы, 1862, с. 1). В книгу вошли пять произведений разных жанров, демонстрировавшие возможности сибирской беллетристики в создании произведений разных жанров – очерка, «путевых впечатлений», бытовой фантастики, легенды. В середине 1880-х гг. Н. М. Ядринцев писал о книге: «В Иркутске он (Н. С. Щукин. – В. Я.) издал небольшую книжку “Сибирских рассказов” <...>. Это была первая, весьма робкая литературная попытка» [Ядринцев, 1980, с. 297]. Состав авторов книги и художественный уровень их творчества был действительно невысок: «два-три начинающих автора», но осталась незамеченной

тенденция к росту массива беллетристики по сравнению с публицистикой. Красноречив и такой факт: «В 1888 г. Ядринцевым был издан спец(иальный) сб(орник) “Сибирские рассказы. Из жизни приискового люда”, куда вошли очерки из приложений к “Вост. обозрению”» [Азадовский, 1932, стб. 178]. Poleмическое сходство названия со сборником Н. С. Щукина подчеркивает неизменность мнения Н. М. Ядринцева о том, какой должна быть подлинная беллетристика.

Сам Ядринцев был талантливым беллетристом, писавшим научные и публицистические статьи в той или иной литературной форме, в том числе в жанре фельетона. Н. М. Ядринцев так оценивал свою книгу «Русская община в тюрьме и ссылке»: «Сведения, добытые личными наблюдениями и расспросами, автор признал необходимым проверить исследованием об историческом значении русской ссылки» [Ядринцев, 2015, с. 48]; очерково-беллетристические разделы здесь отделены от исследовательских. Роман «Тайжане», начатый Г. Н. Потаниным на основе очерка, был завершен Ядринцевым беллетристически. В письме В. А. Острогорскому он пишет: «Покажу тебе и похвастаюсь художественной обработкой предмета» [Потанин, 1997, с. 117]. Законченный вариант романа не обнаружен, но следует отметить факт обработки и завершения потанинских «Тайжане», представлявших собрание разнообразных материалов.

Стремление к художественности отразилось и на преобладании «беллетристического» [Жилиякова, 2020, с. 22] фельетона в творчестве писателей и журналистов 1880-х гг., включая Ядринцева. Влияние сатирической прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина на свое творчество он пытался сочетать с областническими идеями, как в статье «Летучая интеллигенция»: сибирская интеллигенция не ограничивается одной только «наживой» – главный порок «ташкентцев», т. е. приехавших в Ташкент русских чиновников. Сибирская интеллигенция патриотична, имеет «долг гражданского служения», хотя и не всегда связана с «известной местностью» (Сборник избранных статей..., 1919, с. 97). В. М. Крутовский писал о фельетоне Н. М. Ядринцева как «особой форме» с преобладанием либо «художественно-литературного», либо «обличительного» и «сатирического» начал [Ядринцев, 1919, с. 159].

Мнение Ядринцева, авторитетнейшего деятеля сибирского областничества, много значило для нового поколения сибирских писателей, тем более что вокруг «Восточного обозрения» (далее – ВО) и приложений к газете Ядринцев сплотил лучшие литературные силы Сибири. При этом требовал от произведений сибирских писателей проникнутости «складом жизни», «страданиями населения», «местной драмой» [Ядринцев, 1980, с. 110], высоких художественных достоинств, сострадания к изображаемым «порочным и больным сторонам жизни» [Там же, с. 102]. В конструировании образа сибирского писателя Ядринцев и Потанин использовали свои «излюбленные областнические идеи» [Айзикова, 2017, с. 91], ставя в пример И. Кушевского, И. Оммулевского, Н. Наумова, выросших на сибирской почве. И хотя образ «писателя-сибиряка, вдохновляемый интересами Сибири», далек от идеала, тем не менее Ядринцев и Потанин «не допускают в своих публикациях развенчания этой фигуры и в ее лице идеологии областничества» [Там же, с. 94].

Лучшим образцом здесь мог быть писатель уровня не меньше, чем Ф. Достоевский, на которого Ядринцев и ссылается в статье «Нравы далеких окраин и бойкие романисты» (1886). С точки зрения завышенных требований к современной литературе Ядринцев и судит о романах Д. Ольшанина и Н. Д. Ильина, подробно разбирая их тексты, близких тому, что «печется толкучим рынком» [Ядринцев,

1980, с. 101], хотя они и «не претендуют на то, чтобы имя их ушло дальше лавочки, куда они сбыли произведения» [Там же]. Их романы ограничиваются занимательным или «пикантным» сюжетом, отсюда и непритязательность содержания. Неслучайно роман Н. Д. Ильина печатался в журнале «Книжки недели», беллетристическом приложении к газете «Неделя», где печатались и Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин (Н. Щедрин), Н. С. Лесков, Г. И. Успенский, что говорит о нетвердой еще грани между «серьезным» и «несерьезным» чтением. Следует отметить, что критика Н. М. Ядринцевым романа Н. Д. Ильина, точнее пересказ его содержания, предвзят и неполон: там есть и «туземные», этнографические главы, представляющие определенный интерес. Н. М. Ядринцев готов допустить и такую «выдуманную» литературу, но при условии, что «автор оказался знатоком, мастером и <...> соблюл чувство меры» [Там же, с. 105]. Таким писателем являлся для Ядринцева Н. Н. Каразин, на котором Ядринцев не сосредотачивается, чтобы не нарушить созданного им и Г. Н. Потаниным «образа сибирского писателя» обнаружением достоинства нетенденциозной литературы. Однако данная литература зачастую служила почвой для литературы большой: так Ф. М. Достоевский, пользуясь приемами массовой литературы, получил репутацию создателя романов-фельетонов. В одном из недавних современных исследований доказывалось, что «поэтика романа-фельетона», в частности романов Э. Сю и его русского последователя Е. П. Ковалевского, достаточно очевидна в романе «Униженные и оскорбленные» [Александрова, 2022, с. 7].

Причина более мягкого отношения Ядринцева к «восточным» романам Н. Н. Каразина могла заключаться в амбивалентности изображения писателем населения покоренных в 1860–1870-е гг. среднеазиатских государств: это и нетронутые европейской культурой «дикари», и униженные колонизаторами народы со своими традициями и обычаями, презиравшиеся новыми хозяевами. Известно, насколько вдумчиво относился Ядринцев к «инородческому вопросу», «поголовному избиению инородцев и захватам их в рабство». Тогда как «исторический долг русской народности на Востоке» состоит в сохранении этих народов и «развитии образования среди них» [Ядринцев, 2003, с. 158]¹. Для данной статьи важно осмысление места и роли нетенденциозной, «массовой» литературы в становлении СЛ как части общероссийской литературы (далее – ОРЛ). Одним из писателей, замалчиваемых после 1917 г., был Н. Н. Каразин. В романе «На дальних окраинах», составляющем с романом «Погоня за наживой» дилогию, автор больше изображает офицера Батогова, попадающего в плен к разбойникам-«барантачам», чем дельцов, в «Погоне...» они в своей деятельности почти не показаны, в центр повествования перемещаются путешественники-авантюристы Ледоколов и Бурченко и приглашенные купцом Лопатиным для интимных утех дамы. При этом нарисованы пейзажи этих мест, интерьеры домов и жилищ, костюмы, быт героев произведений. О «срединности» такой беллетристики писали и современники Н. Н. Каразина: «Его (Н. Н. Каразина. – В. Я.) таланту совершенно чужда всякая субъективная рефлексия, он не вносит в изображаемое почти ничего сво-

¹ В книге «Сибирь как колония» Ядринцев выступал за мирную, народную колонизацию. Смысл термина «колониальная русская проза» и «колониальный автор», используемого в современной науке по отношению к произведениям Н. Н. Каразина 1870-х гг., ближе к беллетристическому. Он состоит в реалистически-натуралистическом изображении присоединенных среднеазиатских земель, близком к картинам художника В. Верещагина, о которых можно спорить: «Кто их создатель – пацифист или приверженец империи» [Шафранская, 2013, с. 64].

ego, лично ему принадлежащего» [Никитин, 2019, с. 570] (цит. по: [Шафранская, 2019]). Напротив, прозу Н. М. Ядринцева невозможно представить без личного начала его как автора. Стоит сравнить эти романы с его книгой «Русская община в тюрьме и ссылке», печатавшейся одновременно с произведениями Н. Н. Каразина в том же журнале «Дело». Но и у Н. Н. Каразина есть публицистические очерки «От Оренбурга до Ташкента», предшествовавшие романам.

Это, по сути, «этнографическая беллетристика», заключающаяся в озабоченности «именно познанием неизведанных уголков России» через «известное и узнаваемое», это «установка на понятность», «обкатанные литературой модели, мотивы» и т. д. [Созина, 2018, с. 24–25]. Такое понимание литературы явно облегчало путь к писательству выходцам из самых разных слоев населения и обеспечивало широкую адресованность беллетристики, тогда как областническая литература обладала меньшим спросом. Было очевидно, что только развитие и рост беллетристики обеспечит рост и развитие СЛ, лучшие образцы которой могли появиться только на почве «средней» литературы. Усиление демократизации литературы на всех этапах ее функционирования: создание произведения, его издание и чтение, означало появление среди писателей и читателей всё большего числа выходцев из народа – чиновников, рабочих, крестьян и т. п., включая книгоиздание: частное, артельное, складчину, гектографированное; не теряет актуальности и рукописное распространение прозы и поэзии.

Областническая тенденциозность уже к концу 1880-х гг. замедляет развитие литературы в силу недостижимости декларируемых идеалов. С другой стороны, сибирское областничество имело сложный генезис, находясь «между народниками и “шестидесятниками”» и отличаясь «крайней гибкостью и многоаспектностью: параллели ему находятся и в “шестидесятничестве”, и в народничестве, и в либеральной концепции, и даже в декабризме» [Жилиякова, 2014, с. 48–49], и абсолютным тормозом для СЛ всё-таки не являлась. Положительным моментом было то, что существование областничества препятствовало превращению СЛ в копию ОРЛ. Именно с этих позиций Ядринцев в статье против «бойких романистов» столь резко критикует роман Л. П. Блюммера «На Алтае». Печатавшийся в беллетристическом журнале «Всемирный труд», где публиковались известные беллетристы П. Д. Боборькин, В. В. Крестовский, И. И. Лажечников с начала 1870-х гг., роман Л. П. Блюммера, согласно Ядринцеву, «рисовал выдуманных героев, выводил романтические интриги, бил на эффекты и нимало не задевал горькой действительности» [Ядринцев, 1980, с. 109]. Однако автор несколько лет жил и работал в изображаемых местах, поэтому трудно назвать весь роман выдуманным: «Роман Блюммера изрядно сдувал сусальную позолоту с <...> идиллического представления об едино-патриархальной Сибири <...> Ядринцева и Потанина» (Кушникова, 1993).

Но критика вождем областников рядового беллетриста имела и другой аспект: кроме концептуального она носила и личностный характер. Если Ядринцев был известен как крупный литературный талант, коренной сибиряк, преданный идее областничества и пострадавший за нее, способствовавший развитию местной печати и литературы, то Д. Ольшанин, Н. Ильин, Н. Каразин, Л. Блюммер и др. были для Ядринцева «залетными», «летучей интеллигенцией» из европейской России. По значимости, авторитету, роли в поддержании роста СЛ, масштабу личности Ядринцеву равен был только Г. Н. Потанин, «чистым» писателем, однако, не являвшийся. Очевидно, что СЛ нуждалась в новом типе личности, преимущественно литературной, в ущерб универсальности и «титаничности» личностей

Ядринцева и Потанина. Помимо уже отмеченных черт образа сибирского писателя: верность местной жизни и ее проблемам, наличие художественного таланта, он должен быть востребованным читателем, иметь мастерство в построении сюжета, ведении повествования и др., что входит в понятие беллетристики.

Здесь роль личности в развитии литературы 1860–1870-х гг. и СЛ, истории и культуры Сибири в целом из исключительной становится рядовой, значимой для развития СЛ с точки зрения ее востребованности читателем. В сборниках биографий ученых, чиновников, купцов, писателей, способствовавших развитию Сибири: «Судьбы, связанные с Сибирью» М. В. Шиловского и «Личность в истории Сибири XVIII–XX веков» коллектива авторов, 54 очерка-портрета объединены мыслью, что «разобраться в ключевых моментах областнической истории невозможно без учета личностного фактора» [Шиловский, 2007, с. 7], не всегда, однако, ключевого. Так, Н. Н. Каразин был воином, талантливым художником, участником научных экспедиций, но литература была для него средством оформления своих разнообразных впечатлений. Л. П. Блюммер, либеральный журналист, соратник А. И. Герцена, только сосланный в Сибирь стал писателем. Поднятая им тема золота и золотодобычи, изломанных золотом человеческих судеб богачей и бедняков, воплощенная в незаконченном романе «На Алтае», получила развитие в СЛ, особенно в произведениях сибиряков по происхождению В. М. Михеева («Золотые россыпи») и Д. Н. Мамина-Сибиряка («Золото») в 1890-е гг. Личности обоих писателей не отличаются масштабом, и они также жили в основном в европейской России.

Таким образом, можно говорить о формировании нового образа писателя – беллетриста, учитывающего опыт областничества по Н. М. Ядринцеву и Г. Н. Потанину, но редуцировавшего публицистическую составляющую их творчества. Этому процессу демократизации, обмирщения литературы сопутствовало явление «народной литературы» – выходцев из народа, мещан, крестьян, рабочих, недалеко ушедших от рукописной литературы, часто работавших на рынок и лубок, в лучшем случае близких к самиздату или печатавшихся в небольших частных издательствах. «Беллетрист из народа оставался за флагом не потому, что был бездарен. Дарование у него было чаще, чем думаем, но не было умения пользоваться пером <...> и это решало судьбу его», – писал известный исследователь «народной литературы» Л. М. Клейнборт о начальном периоде ее развития [Клейнборт, 1924, с. 6]. В книге «Очерки народной литературы (1880–1923)» он описал течения внутри этого пласта беллетристики («зачинатели», «бедность несмелая», «сивачевщина» и т. д.), дал типы писателей-самоучек («беллетрист-мужик», «полукрестьянин, полупролетарий», «пролетарий-неудачник», «бродяга, босяк по духу» и т. д.), показав, что набиравшая силу литература из гущи народа не менее широка и разветвлена, чем «народническая» беллетристика, исследованная А. М. Скабичевским. Хотя Л. М. Клейнборт и признавал, что «художественная ценность» таких писателей, как П. Травин, М. Тихоплесец, Ф. Шкулев, Гр. Завражный и др. «ничтожна», «но всё же это этап в народном писательстве» [Там же, с. 55]. В издательском аспекте первым шагом от рукописного бытования их произведений к печатному для «народной литературы» были газеты и альманахи, в основном не входившие в мейнстрим и не имевшие широкого читателя. Таковы провинциальные газеты «Судоходец», «Порывы», альманахи «Степь», «Серый труд», «Волжские утесы» и мн. др. На этапе формирования литературного процесса эти новые явления «народнической» и «народной» литературы не были еще

отрегулированы писательским профессионализмом и квалифицированностью читательского спроса и лишь воспроизводили литературный шаблон.

Ядринцев, как и другие областники, связывал развитие СЛ с появлением сибирских Достоевских, Чеховых, Толстых. Тогда как 1880–1890-е гг. явились лишь «периодом накопления», созданием почвы СЛ для появления крупных сибирских писателей и литературных форм – романов. Эту задачу и выполняли произведения беллетристов «бытовых» и «этнографических», к которым помимо названных можно добавить С. Я. Елпатьевского, В. Л. Серошевского, В. Г. Тан-Богораза, А. К. Ордынского, В. Сибирского и др. Свою роль играли и малотиражные издания и произведения. Например: «Ныдро Х. Зашаманенная будка. Рассказ (Тобольск, 1895) – 25 экз.; Словцов И. В чем счастье? (Тобольск, 1895) – 35 экз.; Кузнецов Е. В. Тарасевич. Сибирская святочная новелла (Тобольск, 1893) – 50 экз. Незначительные тиражи были и у сборников стихов, печатавшихся местными авторами за свой счет» – по 400–600 экз. [Волкова, 1995 с. 139]. Такая специфическая тиражность характерна для самиздата и рукописной литературы, той ее разновидности, которая «претендовала на печатный статус своих творений» [Волкова, 2001, с. 72]. Большинство же произведений местных авторов оставалось в рукописном виде и не было известно широкой публике. Эта традиция существовала в Сибири с давних лет и в XIX в. только укрепились как одна из ведущих особенностей СЛ. Формировалась она и на основе летописания XVII – начала XVIII в., и как форма инакомыслия или альтернативы ОРЛ и ее сибирским подражаниям. Получала она и дополнительный импульс от политической ссылки, особенно декабристов, свою роль играла традиция ведения семейных альбомов и самодельных газет и журналов учащихся гимназий. Об этом говорят и цифры: в Иркутске, например, «выходило около 30 рукописных журналов, причем большая часть из них относится к концу XIX – началу XX в.» [Кунгуров, 1965, с. 19].

Но главным оставался фактор отсутствия местных издательств и типографий – необходимые книги переписывались от руки. Но «нелегальные рукописные работы» всё чаще переводились «в разряд печатных», а легальная рукописная периодика «всё больше смыкалась с нелегальной» [Волкова, 2001, с. 73]. Тем самым тоньше становилась грань между рукописной литературой и печатной, а самиздатские рукописи в виде малотиражных изданий превращались в издаваемые типографиями книги и журналы, начиная с небольших тиражей. Как подчеркивает В. Н. Волкова, «даже беглый взгляд на рукописную книгу Сибири XIX – начала XX в. убеждает в том, что она занимала важное место в духовной жизни общества», и роль ее была «значительнее и многограннее, чем в европейской России» [Там же]. И хотя «большинство сибирских рукописей конца XIX – начала XX в. до нашего времени не сохранилось» [Там же, с. 74], но факты распространенности, бытования, авторитета рукописно-самиздатской литературы в Сибири свидетельствуют о значительности ее влияния на формирование литературного процесса и СЛ. Это дает основания сблизить ее с произведениями беллетристической литературы по признаку востребованности читателями. Не зря в публичных библиотеках тех лет пользовались спросом писатели типично беллетристические. Так, по данным статистики Иркутской народной библиотеки, почти все 1890-е гг. лидировал такой беллетрист, как А. К. Шеллер-Михайлов, соревнуясь с Л. Толстым. Первое место А. К. Шеллер-Михайлов занимает в 1889 г. – 363 заказа против 233 заказов книг Л. Толстого; в 1891 г. – 695 против 316; в 1895 г. – 492 против 350; в 1896 г. – 500 против 416; в 1898 г. – 658 против 477 [Кунгуров, 1965, с. 175–176]. В лидерах также были беллетристы В. В. Крестовский и А. Ф. Писем-

ский. Об этом также в работах А. И. Рейтблата по социологии провинциального чтения [Рейтблат, 2009; 2014].

На этом основании тезис Б. А. Чмыхало о роли «массовой беллетристики» в развитии СЛ в конце XIX – начале XX в. в «самой организации “сибирской литературы”», формировавшей «связи системного характера», можно дополнить. Справедливо говорить о «литературном развитии в Сибири именно как о процессе» [Чмыхало, 1992, с. 99], но включающем в свою орбиту и рукописно-самиздатовскую литературу, в той же мере отражавшую массовый читательский спрос, как и беллетристика. Такого же рода дополнение можно внести и в тезис о том, что не только «“массовая” беллетристика» и «восточные таланты, взошедшие, по выражению Потанина, на столичных дрожжах», сыграли здесь свою роль [Там же], но и писатели-самоучки из народа, всё чаще выходившие из рукописной литературы в печатную. Предпосылки для появления СЛ как «системного» единства создавало также и явление беллетризации газетных жанров, особенно фельетона, что отразилось в совместном романе Н. М. Ядринцева и Г. Н. Потанина «Тайжане», а также феномен «Сибирских сборников» – приложения к ВО, где «значительное место» «отводилось произведениям художественной литературы. Публиковались, как правило, очерки, рассказы, драматические сценки» [Очерки истории книжной культуры..., 2001, с. 59]. Созданные Ядринцевым как «целостный авторский проект <...>, скрепленный единой концепцией» [Макарова, 2013, с. 68] областничества и универсальности содержания (наука и литература) в «межкультурном диалоге <...> столицы и Сибири» [Там же, с. 72], предполагавший взаимозависимость литературных явлений («культурный трансфер»), «Сибирские сборники» продемонстрировали необходимость беллетристики для полноценного развития сибирского самосознания. Пусть даже и беллетристики в специфическом понимании областника Ядринцева, в то время как уже к концу 1890-х гг. существовала классификация беллетристики второй половины XIX в.: «идеалистически-сентиментальная» 1840-х гг., народническая («беллетристика из народного быта») 1860–1870-х, «публицистическая (тенденциозная) демократического лагеря», «идеалистическая школа беллетристики “Русского Слова”», «реакционная», «пессимистическая школа восьмидесятых годов» [Скабичевский, 1903, с. 375] т. д.

Таким образом, в 1880–1890-е гг. наблюдается процесс постепенного отхода от тенденциозности в произведениях СЛ, ослабление ее публицистического начала, связанного с областничеством, в пользу беллетристического. Происходившая на всех уровнях демократизация элементов литературного процесса: автор – произведение – издание – читатель, обуславливает, во-первых, менее выраженное личностное начало; во-вторых, использование в произведениях приемов «массового» романа: остросюжетность, упрощение психологии героев, усредненный стиль; в-третьих, делает явными подспудные процессы рукописно-самиздатовских практик, обусловленных «народной литературой». Всё это позволяет говорить о формировании системных процессов и метатекстовых структур на уровне уже не отдельных изданий и сборников, как «Сибирские рассказы» Н. С. Щукина (это не только «первый литературный сборник, напечатанный в Сибири, но и «явление метатекстуальной, коммуникативной природы» [Смолянинов, 2022, с. 62]) и «Сибирские сборники», а на уровне всего массива СЛ.

Список литературы

Азадовский М. К. Литература сибирская // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. Т. 3. 804 стб.

- Азадовский М. К.* Очерки литературы и культуры в Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. Вып. 1. 203 с.
- Айзикова И. А.* Образ сибирского писателя в литературной критике и публицистике Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева (1870–1900-е гг.) // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2017. № 49. С. 83–97.
- Александрова Е. В.* Роман-фельетон в творчестве Е. П. Ковалевского и Ф. М. Достоевского // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2022. № 481. С. 5–14.
- Волкова В. Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1995. 239 с.
- Волкова В. Н.* Светская рукописная книга Сибири XIX – начала XX в. как отражение духовных потребностей времени // Вестник Ом. гос. ун-та. 2001. № 4. С. 71–74.
- Гурвич И. А.* Беллетристика в русской литературе XIX в.: Учеб. пособие. М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1991. 90 с.
- Жеребцов Б.* О сибирской литературной традиции. Наблюдения и заметки // Сибирский литературно-краеведческий сборник. 1. Иркутск, 1928. С. 23–50.
- Жулякова Н. В.* Журналистика дореволюционной Томской губернии: идея общности. Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 209 с.
- Жулякова Н. В.* «Обличать, колоть и жалить». Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск: Изд-во ТГУ, 2020. 388 с.
- Клейнборт Л. М.* Очерки народной литературы (1880–1923 гг.). Беллетристика. Факты, наблюдения, характеристики. Л.: Сеятель, 1924. 312 с.
- Кунгуров Г. Ф.* Сибирь и литература. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 204 с.
- Макарова Е. А.* «Сибирский сборник» Н. М. Ядринцева в аспекте развивающегося литературного и издательского дела Сибири рубежа XIX–XX веков // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 66–73.
- Никитин П.* Ташкентские рыцари. // Дело. 1874. № 11. С. 17.
- Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2001. Т. 2: Конец XIX – начало XX в. 368 с.
- Письма Г. Н. Потанина: В 5 т. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. Т. 1. 280 с.
- Потанин Г. Н. Тайжане. Историко-литературные материалы. Томск: Изд-во ТГУ, 1997. 304 с.
- Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: НЛЮ, 2009. 447 с.
- Рейтблат А. И.* Писать поперек: статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. 415 с.
- Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы. 1848–1903 гг. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1903. 523 с.
- Смолянинов А. В.* Метатекстовые признаки сборника «Сибирские рассказы» и его место в становлении литературного процесса региона второй половины XIX в. // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2022. № 485. С. 53–64.
- Созина Е.* Писатели-этнографы в русской литературе второй половины XIX в.: ремесленники, популяризаторы, номады от литературы? // Acta Universitatis Lodzianensis Folia Litteraria Rossica. 2018. № 11. С. 21–33.
- Шафранская Э. Ф.* Колониальная русская проза (рубеж XIX–XX вв.) в контексте политики намеренного забвения // Вестник Твер. гос. ун-та. 2013. Вып. 6. С. 60–69.

Шафранская Э. Ф. «Каразин! Азия!» // Каразин Н. Н. На далеких окраинах. Погоня за наживой. Романы. М.: Наука, 2019. С. 1–20. (Литературные памятники)

Шиловский М. В. Судьбы, связанные с Сибирью. Биографические очерки. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 376 с.

Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь. Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

Ядринцев Н. М. Нравы далеких окраин и бойкие романисты // Литературное наследство Сибири: В 8 т. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 5. 408 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 556 с.

Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. М.: Ин-т русской цивилизации, 2015. 752 с.

Список источников

Кушникова М. М. Роман о сибирском золоте. Леонид Петрович Блюммер, 1840–1887 гг. // Место в памяти: Вокруг старого Кузнецка. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. 245 с. (154_1 Meri_Kushnikova.pdf)

Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Николая Михайловича Ядринцева. Издание журнала «Сибирские записки». Красноярск: Тип. Енисейского губ. союза кооперативов, 1919. 224 с.

Сибирские рассказы. Иркутск: Тип. штаба войск, 1862. 122 с.

References

Azadovskiy M. K. *Literatura sibirskaya* [Siberian literature]. In: *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet encyclopedia]. Novosibirsk, Zap.-Sib. otd. OGIz, 1932, vol. 3, 804 columns.

Azadovskiy M. K. *Ocherki literatury i kul'tury v Sibiri* [Essays on literature and culture in Siberia]. Irkutsk, Irkut. obl. izd., 1947, iss. 1, 203 p.

Ayzikova I. A. *Obraz sibirskogo pisatelya v literaturnoy kritike i publitsistike G. N. Potanina i N. M. Yadrintseva (1870–1900-e gg.)* [The image of the Siberian writer in literary criticism and journalism of G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev (1870–1900s)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2017, no. 49, pp. 83–97.

Aleksandrova E. V. *Roman-fel'eton v tvorchestve E. P. Kovalevskogo i F. M. Dostoevskogo* [The novel-feuilleton in the work of E. P. Kovalevsky and F. M. Dostoevsky]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2022, no. 481, pp. 5–14.

Chmykhalo B. A. *Molodaya Sibir'. Regionalizm v istorii russkoy literatury* [Young Siberia. Regionalism in the history of Russian literature]. Krasnoyarsk, KSPI, 1992, 200 p.

Gurvich I. A. *Belletristika v russkoy literature 19 v.: Ucheb. posobie* [Fiction in Russian literature of the 19th century. Tutorial]. Moscow, Izd. Rossiyskogo otkrytogo univ., 1991, 90 p.

Kleynbort L. M. *Ocherki narodnoy literatury (1880–1923 gg.). Belletristy. Fakty, nablyudeniya, kharakteristiki* [Ocherki narodnoy literatury (1880–1923). Belles-lettres. Facts, observations, characteristics]. Leningrad, Seyatel', 1924, 312 p.

Kungurov G. F. *Sibir' i literatura* [Siberia and literature]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1965, 204 p.

Makarova E. A. “Sibirskiy sbornik” N. M. Yadrintseva v aspekte razvivayushchegosya literaturnogo i izdatel'skogo dela Sibiri rubezha 19–20 vekov [“Siberian Collection” of N. M. Yadrintsev in the aspect of the developing literary and publishing business]

ness of Siberia at the turn of the 19th – 20th centuries]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2013, no. 4, pp. 66–73.

Nikitin P. Tashkentskie rytsari [Tashkent knights]. *Delo*. 1874, no. 11, p. 17.

Ocherki istorii knizhnoy kul'tury Sibiri i Dal'nego Vostoka [Essays on the history of book culture in Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 2001, vol. 2: Konets 19 – nachalo 20 v. [The end of the 19th – the beginning of the 20th centuries], 368 p.

Pis'ma G. N. Potanina: V 5 t. [Letters of G. N. Potanin: In 5 vols]. Irkutsk, ISU, 1987, vol. 1, 280 p.

Potanin G. N. *Tayzhane. Istoriko-literaturnye materialy* [Taijan. Historical and literary materials]. Tomsk, TSU, 1997, 304 p.

Reytblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury* [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow, New Literary Observer, 2009, 447 p.

Reytblat A. I. *Pisat' poperek: stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: articles on biography, sociology and literary history]. Moscow, New Literary Observer, 2014, 415 p.

Skabichevskiy A. M. *Istoriya noveyshey russkoy literatury. 1848–1903 gg.* [History of the newest Russian literature. 1848–1903]. St. Petersburg, Tip. tov. “Obshchestvennaya pol'za”, 1903, 523 p.

Smol'yaninov A. V. Metatekstovye priznaki sbornika “Sibirskie rasskazy” i ego mesto v stanovlenii literaturnogo protsessa regiona vtoroy poloviny 19 v. [Metatextual features of the collection “Siberian Stories” and its place in the formation of the literary process of the region in the second half of the 19th century]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2022, no. 485, pp. 53–64.

Shafranskaya E. F. “Karazin! Aziya!” [“Karazin! Asia!”]. In: Karazin N. N. *Na dalekikh okrainakh. Pogonya za nazhivoy. Romany* [On the distant edges. Chase for profit. Novels]. Moscow, Nauka, 2019, pp. 1–20. (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments])

Shafranskaya E. F. Kolonial'naya russkaya proza (rubezh 19–20 vv.) v kontekste politiki namerennogo zabveniya [Colonial Russian prose (the turn of the 19th–20th centuries) in the context of the policy of deliberate oblivion]. *Herald of Tver State University*. 2013, iss. 6, pp. 60–69.

Shilovskiy M. V. *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu. Biograficheskie ocherki* [Fate associated with Siberia. Biographical essays]. Novosibirsk, ID “Sova”, 2007, 376 p.

Sozina E. Pisateli-etnografy v russkoy literature vtoroy poloviny 19 v.: remeslenniki, populyarizatory, nomady ot literatury? [Writers-ethnographers in Russian literature of the second half of the 19th century: craftsmen, popularizers, nomads from literature?]. *Acta Universitatis Lodzianensis Folia Litteraria Rossica*. 2018, no. 11, pp. 21–33.

Volkova V. N. *Sibirskoe knigozhdanie vtoroy poloviny 19 veka* [Siberian book publishing in the second half of the 19th century]. Novosibirsk, SPSTL SB RAS, 1995, 239 p.

Volkova V. N. Svetskaya rukopisnaya kniga Sibiri 19 – nachala 20 v. kak otrazhenie dukhovnykh potrebnostey vremeni [Secular handwritten book of Siberia in the 19th – early 20th centuries. as a reflection of the spiritual needs of the time]. *Herald of Omsk University*. 2001, no. 4, pp. 71–74.

Yadrintsev N. M. Nравы dalekikh okrain i boykie romanisty [The manners of distant outskirts and lively novelists]. In: *Literaturnoe nasledstvo Sibiri: V 8 t.* [Literary heritage of Siberia in 8 vols.]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1980, vol. 5, 408 p.

Yadrintsev N. M. *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [Russian community in prison and exile]. Moscow, Institut russkoysivilizatsii, 2015, 752 p.

Yadrintsev N. M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 2003, 556 p.

Zherebtsov B. O sibirskoy literaturnoy traditsii. Nablyudeniya i zametki [About the Siberian literary tradition. Observations and notes]. In: *Sibirskiy literaturno-kraevedcheskiy sbornik. 1* [Siberian literary and regional studies collection. 1]. Irkutsk, 1928, pp. 23–50.

Zhilyakova N. V. “Oblichat', kolot' i zhalit'”. *Satiricheskaya zhurnalistika Tomskaya kontsa 19 – nachala 20 veka* [“Rebuke, stab and sting.” Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th century]. Tomsk, TSU, 2020, 388 p.

Zhilyakova N. V. *Zhurnalistika dorevolyutsionnoy Tomskoy gubernii: ideya oblastnichestva* [Journalism of the pre-revolutionary Tomsk province: the idea of regionalism]. Tomsk, TSU, 2014, 209 p.

List of sources

Kushnikova M. M. Roman o sibirskom zolote. Leonid Petrovich Blyummer, 1840–1887 gg. [A novel about Siberian gold. Leonid Petrovich Blummer, 1840-1887]. In: *Mesto v pamyati: Vokrug starogo Kuznetska* [Place in memory: Around the old Kuznetsk]. Novokuznetsk, Kuznets. Krepost', 1993, 245 p. (154_1 Meri_Kushnikova.pdf)

Sbornik izbrannykh statey, stikhotvorenyy i fel'etonov Nikolaya Mikhaylovicha Yadrintseva. Izdanie zhurnala “Sibirskie zapiski” [Collection of selected articles, poems and feuilletons of Nikolai Mikhailovich Yadrintsev. Edition of the journal “Sibirskie zapiski” (Siberian Notes)]. Krasnoyarsk, Tip. Eniseyskogo gub. soyuza kooperativov, 1919, 224 p.

Sibirskiye rasskazy [Siberian stories]. Irkutsk, Tip. shtaba voysk, 1862, 122 p.

Информация об авторе

Владимир Николаевич Яранцев, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории книговедения ГПНТБ СО РАН (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Vladimir N. Yarantsev, Candidate of Philology, Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 24.08.2023;
одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 21.11.2023
The article was submitted on 24.08.2023;
approved after reviewing on 21.11.2023; accepted for publication on 21.11.2023

Научная статья

УДК 82.09:821.161.1

DOI 10.17223/18137083/90/7

**«Почувствовать свое предназначенье»:
художественное творчество Г. Н. Кузнецовой**

Марина Альбертовна Хатямова

Томский государственный университет
Томск, Россия

khatyamovama@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>

Аннотация

Анализируется художественное творчество Г. Н. Кузнецовой (поэтическая книга «Оливковый сад», сборник рассказов «Утро», роман «Пролог» и «Грасский дневник») в аспекте самоопределения в литературе русской эмиграции первой волны; делается вывод о том, что художественная система Г. Кузнецовой как автора второго ряда эклектична: как наследница логоцентризма русской классики и литературности Серебряного века, она, несомненно, находилась под сильным эстетическим влиянием Бунина (благодаря совпадению в главном – в представлении о мире как божественном космосе), но и принадлежала к своему поколению, с его другим опытом и потребностью в письме как способе самопознания, собирания личности и освобождения от пережитого, с интенцией к созданию из собственной жизни «человеческого документа».

Ключевые слова

литература младоэмигрантов, творчество Г. Кузнецовой, саморефлексия, литературность, «человеческий документ»

Для цитирования

Хатямова М. А. «Почувствовать свое предназначенье»: художественное творчество Г. Н. Кузнецовой // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 100–110. DOI 10.17223/18137083/90/7

**“To feel your destiny”:
artistic creativity of Galina Kuznetsova**

Marina A. Khatyamova

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

khatyamovama@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4373-4461>

Abstract

The paper analyzes the artistic work of Galina Kuznetsova through the lens of self-determination within the early Russian émigré literature. The focus is on the poetic book “Olive Garden,” the collection of short stories “Morning,” the novel “Prologue,” and

© Хатямова М. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 100–110

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 100–110

“Grassy Diary.” The artistic system of Galina Kuznetsova, the author of the second row, is determined to be eclectic. Her literary heritage, rooted in the logocentrism of Russian classics and Silver Age literature, reveals a significant aesthetic influence from Bunin, particularly regarding their shared worldview – a perception of reality as a divine cosmos. Also, she was a product of her generation, marked by unique experiences and a consequent need for self-expressive writing to forge her identity and liberate her from past experiences, thereby creating a “human document” from her own life. The artistic works (poems, stories, and novel) and the “Grasse Diary” of Galina Kuznetsova formed a single text of self-definition. There, the author constructed the constants of the self-identification plot, as opposed to the plot of the self-identification crisis of the representatives of the “Paris note”: nature as cosmos, divine beauty, love and creativity, and art. The “Grasse Diary,” a compilation of chosen diary entries, constitutes the definitive work of self-reflection, distinct from autobiography or memoir. This project functions as a monument created by the author in honor of Ivan Bunin.

Keywords

literature of young immigrants, creativity of G. Kuznetsova, self-reflection, “human document”

For citation

Khatyamova M. A. “To feel your destiny”: artistic creativity of Galina Kuznetsova. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 100–110. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/7

Осмысление художественного творчества Галины Николаевны Кузнецовой (1900–1976) находится в самом начале пути. Современные писательнице критики разделились в оценке ее творчества: одни говорили о несамостоятельности и сильном влиянии Бунина (Н. Андреев, Л. Червинская), другие (среди которых, заметим, были ведущие критики эмиграции – Г. Адамович, В. Ходасевич, М. Цетлин) отмечали особую гармонию ее неповторимого – «низкого, печального и задумчивого» (Ф. Степун) – лирического голоса¹. Двойственность восприятия сохраняется и по сей день: немногочисленные исследователи ее творчества (О. Демидова [2007], М. Михайлова [2016], Е. Анненкова [2020], польские литературоведы И. Бжыкцы [2018; 2019] и П. Витчак [2019]; а также А. Беляева [2016] и Ван Инь [2018], написавшие кандидатские диссертации соответственно о поэтике прозы и «Грасском дневнике» Г. Н. Кузнецовой) возражают против инерции видеть в Кузнецовой только слабую тень и мемуаристку Бунина («ведомую», «Лауру», «музу»), говорят о проблеме становления личности в ее художественном творчестве и наличии поколенческой тематики эмигрантских «детей», даже о близости «заветам Г. Адамовича» и «парижской ноте». В данной статье также предпринимается попытка развенчать довольно устойчивые штампы в восприятии творчества Г. Н. Кузнецовой.

Очевидно, что принадлежность к поколению эмигрантских «детей» и одновременно близость к Бунину, «солнцу» эмигрантской литературы (как назвал его И. Фондаминский в разговоре с Г. Кузнецовой), поставили перед начинающей писательницей проблему личной и поколенческой самоидентификации наиболее остро (сопоставимым оказался разве что опыт Нины Берберовой, но человека другого склада). В этой связи важным представляется исследование сюжета самоопределения молодого автора в пространстве литературы первой волны, наиболее интенсивного ее творческого периода; поэтому остановимся на основных ее про-

¹ См. об этом: [Мельников, 1997].

изведениях – поэтическом сборнике «Оливковый сад» (1937), книге рассказов «Утро» (1930) и романе «Пролог» (1933).

Все стихи Г. Кузнецовой до сих пор не собраны, в 1937 г. она выпустила лишь одну книгу – «Оливковый сад», куда вошли стихотворения 1923–1929 гг. Книга имеет строго продуманную композицию: состоит из 2 неравных по объему частей (в I части – 12 более ранних стихотворений, во II – 50) и открывается стихотворением 1937 г., дедуктивно задающим амбивалентную по своей семантике биографически-поэтически-культурную тему Сада: с одной стороны, связанную с изгнанием, потерей, эмиграцией, с другой (оливковый – «древо жизни») – с победой над судьбой, с плодородием, долголетием и духовным очищением. «Биографический» оливковый сад становится свидетелем грасского существования и единственным собеседником лирической героини в счастливый и драматичный период ее жизни: «Сад принял слез младенческий поток, / Благославил своею чащей чистой, / Послав щекам чуть слышный холодок / Целебной свежести на лентах травянистых» [Кузнецова, 1995, с. 357]².

Художественное время (от счастливого «лета любви» – к осени, «зрелости чувств» – через «зиму» потерь и разочарований – к новой весне повзрослевшей героини) довершает семантику хронотопа сада – переживания любви, судьбы и обретения творчества как надежды на спасение.

Стихотворения первой части проникнуты острым чувством потери родины, Киева («города дальнего детства»), фиксируют встречу с иным берегом – турецким востоком, с темой смерти, но и вечности (в стихотворении «Турецкое кладбище» «поет о вечной жизни душа»). В них идет поиск своих тем, языка, сильно влияние Анненского, Ахматовой (что было характерно для женской эмигрантской поэзии в целом), Цветаевой, Пушкина. Присутствует и неотрадиционалистская вещьность, предметность, стремление передать переживания через реалии внешнего мира, и бунинская способность вписать субъективные ощущения в природный космос («Благодарю тебя, природа, / За все, чему названья нет. / За все, что дышит, светит, манит, / Томит тревожною тщетой, / Все, что сиять не перестанет, / Когда я стану пустотой» (с. 362)). Стилистически ощутимо подражание Ахматовой (в стихотворениях «И я жила, за днем встречая день», «Русь», «Осенняя муза»), структурно же – Анненскому, с выводом-сентенцией в финале лирического описания и конкретными реминисценциями из его стихотворений. Уже в ранних стихах Кузнецовой начинается осмысление своего дара, поэтического голоса как негромкого и «смирненного», т. е. традиционного: «Мне – правнучке упрямого Дедала – / Отмерена смиренная земля» (с. 359) («Почувствовать свое предназначенье»).

Вторая часть книги открывается самым известным стихотворением Г. Кузнецовой – «Оставить в мире память о себе», начинающем разговор о земном предназначении, о разгадывании «узора» судьбы, любви и творчества. Лирический сюжет движется от прощания с прошлым к переживанию драматизма любви, вначале «летней» – счастливой, страстной, пленяющей человека, затем исполненной потерь и страданий и, наконец, к осмыслению своей судьбы, творчества, пути, природы / мира, в котором человек существует, т. е. к становлению философской лирики. Стихотворения выстраиваются в форме лирического (любовного) дневника, в котором легко вычитываются и конкретно-биографические реалии, однако

² Далее при ссылке на это издание в круглых скобках указывается номер страницы.

отдельные страницы этого дневника выстроены по законам неотрадиционалистской поэтики Анненского и Ахматовой.

На горной дымке, смутно-голубой,
Узор ветвей раскинутых и снежных...
Все, все, что мне даровано тобой,
Я сохрани в сокровищнице нежной.
Меня ничто не мучает, не жжет
Под взглядом глаз твоих орлино-зорких...
Так пчелы собирают сладкий мед
С иных цветов, губительных и горьких
(с. 364).

Кузнецова олитературивает дневниковую форму; ее поэтический дневник балансирует между «человеческим документом» («по заданию» литературы младших) и металитературной формой Серебряного века – Бунина, Ходасевича («по исполнению»), «заряжая» стихотворения о любви молодого автора целым шлейфом образов русской лирики предшествующей эпохи. Любовь и осознается лирической героиней как вход в вечный храм культуры, творчества, без которого существование немислимо, поэтому любящая душа «в муках вырастает».

Стихотворения Кузнецовой получают смысловую объем благодаря ценной поэтике: конкретным отсылкам к поэтическим образам, воспроизведению композиции, интонации, мелодики стиха предшественников. Например, в стихотворении «Чем так пленяет мрачный мыс» не только сравнение маяка с аметистом, огней в заливе – с «хрустально-золотым венком», но и форма риторических вопросов, а также финал-вывод многократно отсылают к лирической системе Анненского.

Однако постепенно появляются свои, неповторимые интонация и музыкальность, исчезает ученическая ориентация на образцы и излишняя аллюзивность. Пережитая драма любви, воплощенная в хронотопе осеннего сада, отмечает начало зрелости души героини, осознающей включенность своей судьбы в постоянно меняющееся мироздание: «Сердце ль стало старше, / Душа ль трезвее от суровых мыслей, / Но сумрачней, спокойней и мудрей / Смотрю на мир, сияющий, прекрасный, / Бесмысленный, как песня соловья...» (с. 376) (см. стихотворения «Печальным звуком колокол звонит», «Настали дни холодные», «Пусть все изменит, все пройдет»). И созерцание сада в снегу дарует чудо обновления, вдруг «светло и странно» «вспыхнувшее» в героине.

Природа – не окружающий пейзаж, а космос, вмещающий в себя человека и властно подчиняющий его бытие своим вечным ритмам (в этом Кузнецова близка к своему наставнику – Бунину). Не случайно почти все стихотворения Кузнецовой строятся по одной и той же лирической модели: природная зарисовка «перетекает» в изображение переживаний героини. Может быть и наоборот – природа состроена переживаниям субъекта: «Все проходит – пройдут и мои неутешные ночи. / Вот опять на горах розовеет и рдеет миндаль, / Дует сладостный ветер в мои воспаленные очи, / И волшебной дорогой внизу простирается даль» (с. 382) («Я давно ни о чем не прошу...»). Лирическая героиня испытывает «сладостное волнение» «рождения мучительного звуков» именно с приходом теплого ветра весны («Опять на взгорьях тонкая трава»). Перед исцеляющей природой героиня испытывает чувство вины за то, что только она «безутешно» смущает «счастливую землю». Однако именно гармония природы – «неземная тишина» –

и дает возможность принять наступившее одиночество не как личную драму, а как необходимое для творческого человека состояние: «Стучало сердце... Я была одна» (с. 382).

Поэтическая книга «Оливковый сад» балансирует на границе двух, казалось бы, взаимоисключающих, эстетических концепций: любовный дневник постепенно трансформируется в философское осмысление собственного пути, творчества, любви и смерти, начала и конца человеческой жизни, природы и мира цивилизации. Лирический сюжет, пронизанный мифологемой оливы (символа долголетия, очищения, мира между человеком и богом, победы над собой, смирения, душевного и духовного здоровья), встраивает поколенческий «человеческий документ» Кузнецовой в мощную культурную и поэтическую традицию Серебряного века и творчества И. А. Бунина, становясь мостом между поколениями литературных «отцов» и «детей» эмиграции.

Книга малой прозы «Утро» [Кузнецова, 2007, с. 25–196] (куда вошли не все рассказы конца 1920-х гг., что важно, а только отвечающие замыслу автора) выстроена в логике «изживания воспоминаний». Несмотря на фикциональность (представлены разные героини, а в последнем рассказе центральный герой – мужчина), это автопсихологическая проза. Главное в ней – не автобиографическое совпадение событий с обстоятельствами судьбы биографического автора, а освобождение от тяжелого прошлого – испытаний гражданской войны, бегства из страны, эвакуации, одинокой жизни на чужбине. Наррация 4-х рассказов организована в технике «я-повествования», остальных – из фокуса сознания близкого автору героя. Композиция, расположение рассказов обнажает логику сюжета книги: от предчувствия испытаний и потерь, осознания связи любви со смертью в начале (в первом, одноименном рассказе «Утро») – через проживание трагедии исхода и близости смерти в рассказах «Кунак», «В пути», «Номер сорок три», «Последняя повесть» (однако здесь же присутствует и стремление найти опору в красоте, природе, любви, добре – «Бахчисарай», «Олесь», «Дом на горе»; в новых отношениях с мужчиной, так возникает мелодраматический сюжет Золушки в рассказах «Синие горы», «Золотой рог») – к воскресению души для новой жизни (рассказ «Осень», в котором переживший тяжелую потерю одинокий Колосов после посещения семьи своего знакомого вдруг чувствует себя под звездным небом, среди ночных деревьев живым, способным жить дальше).

Выход весной 1933 г. романа «Пролог» [Кузнецова, 2007, с. 197–325], который был завершён ещё в декабре 1931 г., переживался писательницей сильнее, чем более ранняя публикация сборника рассказов «Утро». Именно с романом, который писался параллельно «Жизни Арсеньева», связывалась потребность автора в итоговом высказывании, о чем свидетельствует запись в «Грасском дневнике» от 20 мая 1933 г.: «Резюмируя, все-таки должна сказать, что с книгой поступила правильно. Её нужно было издать *для собственного моего* (курсив автора. – М. Х.) какого-то душевного завершения. Она как бы развязала мне в чём-то руки» (с. 276). Рецензии на книгу в эмигрантской периодике оставили Г. Адамович, П. Бицилли, В. Ходасевич, и каждая глубоко волнует Кузнецову (останется в дневнике): «еще не роман, а пролог к роману, вступление к рассказу о женской жизни» (Г. Адамович), «вымышленная автобиография» – «труднейшая и совершеннейшая форма романа» (В. Ходасевич). Ходасевич сравнивает «Пролог» с «Жизнью Арсеньева», написанной в форме «воображаемой автобиографии», к которой писатель пришел, в отличие от своей ученицы, в результате долгого писательского опыта. В этом смысле ученица значительно уступает Бунину, поскольку «её слово ещё не имеет

той зрелости <...> той внутренней мощи, которая заменяет у Бунина мощь фавулы и служит основой и оправданием всего романа» [Ходасевич, 1933, с. 3]. «Обновлением формы автобиографического романа» называет «Пролог» и П. Бицилли [1933, с. 453].

Несмотря на то что современные исследователи по-разному стремятся эмансипировать роман Кузнецовой от бунинского (О. Демидова отмечает гендерный и поколенческие аспекты: «Женский опыт, описанный женским пером» [Демидова, 2007, с. 14]; Н. Мельников пишет об оригинальности раскрытия «“прустианских” тем» («любовное воссоздание трудноуловимого единства жизни»), которые растворяются «в безудержной стихии животворящего, жизнеутверждающего женского начала, не замутненного дряблой рефлексией и рассудочностью, проникнутого светлым чувством любви и благостного доверия к миру» [Мельников, 1997, с. 226]; П. Витчак предлагает рассматривать «Пролог» как роман инициации, в котором на первый план выдвигается духовное, эмоциональное взросление героини [Witczak, 2018, с. 647]), – всё же шлейф автобиографического романа «Памяти» не дает возможности обозначить своеобразную жанровую доминанту романа Г. Кузнецовой, а она, на наш взгляд, другая.

Роман «Пролог» только в самом общем виде ориентирован на «Жизнь Арсеньева» (реалистический дискурс, лирическая организация повествования, описательность, сосредоточенное погружение в детство – юность – молодость). Однако отсутствие в произведении Кузнецовой сюжета творчества, становления писателя (Ксения, несомненно обладающая способностью переживать красоту мира, природы, в гимназии мечтает стать актрисой) значимо и указывает на его другую, не бунинскую (сохранение от небытия, воскрешение утраченного – в Памяти) эстетическую установку, а «экзистенциально-психотерапевтическую». Об этом свидетельствует и медитативная сосредоточенность на изображении сложных, драматических обстоятельств жизни семьи (развод родителей, героиня растет у дедов), взаимонепонимание с матерью, отчужденность в гимназии, брак с оказавшимся неблизким человеком, т. е. отсутствует и тема «потерянного рая». Роман отличает дробность, фрагментарность наррации (4 главы, соответствующие изображению детства, отрочества, юности и молодости – замужеству, внутри делятся на подглавки – от 6 до 15 – завершенные лирические звенья, в которых запечатлены памятные, чаще всего кризисные или переломные моменты внутренней судьбы героини), стилистическая неоднородность: поэтизация, лиризация дорогих сердцу воспоминаний (о бабушке, прогулках с дедом, ранней юности, красоте Печерска и родной природы) и сухая протокольность в описании тяжелых переживаний, связанных со вторым браком матери, фигурой отчима, непостоянством отца, перипетиями в личной жизни подруги Зины, драматическим осознанием, что ее собственное замужество является ошибкой.

Переживание опыта автора в повествовании о судьбе вымышленного героя (Ксенин, Ксаны), т. е. в сюжете романа, документальная основа, дневниковость, тематизация воспоминания как процесса самопознания, – сообщают роману Кузнецовой автопсихологическую основу [Гинзбург, 1977, с. 269–442]. Кроме того, внутренняя художественная логика небольших главок романа имеет лирическую организацию: в них воспроизводятся не сами по себе обстоятельства жизни биографического автора (и его альтер эго – героини с вымышленным именем Ксана), а скорее психологическое и поэтологическое осмысление этого сырого, ничем не примечательного, жизненного материала. Важно здесь, что личностная авторефлексия (детская, затем юношеская, женская) трансформируется в поколенче-

скую, становясь еще одним «человеческим документом» «незамеченного поколения». Не случайно ранние стихи Г. Кузнецовой (1-я часть из книги стихов «Оливковый сад») воспринимаются как стихи из романа, образуют единый с романом лирико-психологический сюжет. Автопсихологический заряд имеют и рассказы из сборника «Утро», написанные раньше, но повествующие о следующем этапе жизни условной героини Г. Кузнецовой на пути и уже в эмиграции.

Для автопсихологического высказывания важны претекстовые структуры: название, предисловие, композиционное разделение частей. Название «Пролог» символично: пролог жизни и пролог творчества, покинутая Россия, которая не отпускает, а пора уже переходить от пролога к самой жизни... Функции своеобразного предисловия выполнит позднее «Грасский дневник», ставший комментарием и к истории создания романа, и к его восприятию критикой, а также к оценкам этих отзывов самим автором. Финальная фраза романа ставит точку, окончательно завершает сюжет переживания и освобождения от прошлого: «Я одна стояла у окна <...> Нерешительно, точно колеблясь, раздумывая, не вернуться ли ему назад, отходило мое прошлое» [Кузнецова, 2007, с. 325].

Во второй половине жизни Г. Н. Кузнецова совсем перестает писать стихи, ее отдельные прозаические произведения имеют мемуарно-документальное основание и посвящены Бунину и литературному окружению («Друзья», «Художник», «На вершине холма»). Поэтому именно дневник как главная форма самопознания станет итоговым произведением, в котором автор обозначит константы сюжета самоидентификации.

В составленном автором более чем через четверть века из реальных дневников «Грасском дневнике» обнаруживается синтез поэтического и эстетического подходов, хотя сам жанр дневника как фиксатора повседневного жизненного потока, казалось бы, и не требует этого. Исследователи писали о его мемуарной и авторефлексивной природе [Демидова, 2017; Ван Инь, 2018]. В последней работе было замечено, что на становление молодой писательницы оказывали влияние не только Бунин, но и гости виллы Бельведер. Однако важно обратить внимание на модус этих мемуарных вкраплений: автор изображает в первую очередь творческое поведение именитых гостей (Б. Зайцева, И. Фондаминского, М. Алданова, Д. Мережковского и З. Гиппиус, В. Ходсевича и др.); передает (записанные в свое время в дневнике) разговоры о чтении, событиях литературной жизни, эстетических представлениях, оценках, мнениях и т. п. Поэтому жизненно-бытовые реалии редуцированы, так как задача автора – дать эстетический срез эмигрантской жизни и близкого к Бунину круга; не только оставить в памяти потомков сложного, противоречивого, эксцентричного Бунина-человека, но, главным образом, выдающегося писателя, во многом опережающего свое время, а потому одинокого, творчески расходящегося со своей (модернистской) эпохой. В этом контексте может быть переосмыслен и фактор «умолчаний», касающихся взаимоотношений с Буниным и домочадцами Бельведера: для Кузнецовой сюжет личных отношений становится избыточным, ибо не об этом ее итоговая книга³. Источник личной

³ В опубликованной недавно переписке Г. Кузнецовой с Н. Берберовой последняя после выхода «Грасского дневника» недоумевает, почему Кузнецова ничего не пишет о личной жизни обитателей Грасса («...Вы ничего не говорите о самом главном – отвергаете цепь причин и следствий, не распутываете никаких узлов»), и цитирует любимого Кузнецовой Мориака: «Только то, что есть самого тайного для человека, может по-настоящему тронуть другого». На что Кузнецова отвечает: «...Говорить о том, что вы называете “тайным” не нужно, для меня не нужно в этом дневнике. Для кого, зачем? Для обывателя? Тонкий

любовной драмы ей видится, в том числе, и в проблеме поколений: «...Нельзя всю жизнь чувствовать себя младшим, нельзя быть среди людей, у которых другой опыт, другие потребности в силу возраста...» (запись от 25.06.1930) (с. 147).

Сюжет поколений будет семантически разветвляться в книге Кузнецовой в разных направлениях: от размышлений об изменившихся ценностях и образе жизни ее ровесников (общественная работа и «народ» перестали их волновать)⁴ до не совпадающих представлений о творчестве и оценок появляющихся авторов и произведений, особенно европейских. Причем ее собственное понимание необходимости эмансипации от старших подкрепляется и их высказываниями на эту тему (И. И. Фондаминского⁵, Веры Николаевны⁶). Однако она вполне разделяет со своим учителем представление о продуктивности дневника как формы, способной схватить саму жизнь, цитирует Бунина на эту тему, а позже сделает свой дневник универсальным метатекстом. Не писавшийся параллельно «Жизни Арсеньева» ее роман «Пролог», а «Грасский дневник» (помимо очень важных культуросохраняющей и авторефлексивной задач) станет книгой о рождении писателя – на фоне «музеефикации» гения, непререкаемого образца творчества и творческого поведения. Поэтому Кузнецова собирает его из своих реальных дневников по эстетическим законам Серебряного века, исповедуемым и Буниным, – «творчество прежде всего». Это тем более неожиданно, что по сравнению с Н. Берберовой и И. Одоевцевой Кузнецова почти уйдет из литературы и вторую половину жизни будет заниматься журналистикой и переводами. Возможно, потому и уйдет, что функцию инструмента самопознания ее письмо выполнило, а уровень задания, идущего от Бунина, был слишком высок. Может быть, и из-за несовпадения с эстетическими исканиями своего поколения (оказалась между литературоцентричными Набоковым и Газдановым, с одной стороны, и пишущими «человеческий документ» монпарнасцами, с другой). Не случайно Лидии Червин-

человек и сам почувствует, а об остальных я не особенно забочусь» [Нина Берберова... 2022, с. 194–197].

⁴ См. запись от 11 июля 1929 г.: «Вчера В. Н. опять ездила к Гиппиус. А мы работали. Написана новая очень интересная глава: вхождение молодого Арсеньева в революционную среду и описание этой среды, блестяще-беспощадное. С этих пор “Жизнь Арсеньева”, собственно перестает быть романом одной жизни, “интимной” повестью и делается картиной жизни России вообще, расширяется до пределов картины национальной. За завтраком И. А. прочел нам эту главу вслух. Мы говорили о том, что скажет Вишняк и даже Илюша. Во всяком случае, это блестяще и во многом вполне верно. Замечательно как изменились с тех пор русские люди. Наше поколение (вспоминаю Киев, войну, университет в Праге) занималось другим. Конечно, пелись еще при случае те же песни, но неуверенно и вообще потерявши для нас всякий прежний смысл. А в Праге уже больше занимались спортом да учением, если не романами. О “народе” никто никогда не думал и “революционной среды” никакой не было. Мне все больше хочется написать роман нашего поколения» (с. 116).

⁵ Разговор с И. И. Фондаминским передается в записи от 30 мая 1929 г.: «Ведь это подумать страшно – такой слабый мотылек в огромном чужом мире! <...> Конечно, И. А. не хочет вашей самостоятельности. Он как солнце, а разве солнце переносит еще какой-нибудь свет? Но вы должны думать о себе и помнить, что, когда у вас будет независимость, вся ваша психика изменится, и вы найдете в себе смелость, которой в вас пока нет, и найдете тему, которой пока не можете найти. У вас прекрасный талант – вы должны развивать его» (с. 107).

⁶ См. запись от 8 января 1930 г.: «В. Н. вчера сидела со мной в темноте, при горящей печке, и говорила, что очень рада. Что у нас живет З., что он внес в дом оживление, молодость и влияет на меня в этом смысле, а то я чересчур поддаюсь влиянию И. А., живу вредно для себя, не по летам» (с. 127).

ской ее проза напомнила «что-то знакомо-хорошее, что-то обще-русское в литературе» – писательскую манеру Тургенева, Чехова, Бунина, а именно – близость к традиции русской лирической прозы (способность «рисовать стихами», по ее словам): «Чувствую, что избрала себе самый трудный и неблагодарный путь. В моем, лирическом, восприятии мира нет ни иронической гримасы Ходасевичей, ни “любовной презрительности”, столь модной теперь. Моя простота никого не пленит, никого не отравит, а многим будет и скучна. Но что же делать? Ведь то, что я делаю, моя сущность» (запись от 8 сентября 1927 г.) (с. 41). Как видим, причина не в творческой несамостоятельности и уж точно не в личностной «ведомости». Хотя на этом вполне самостоятельном и осмысленном пути человеческий и творческий «маяк» Бунина будет для Г. Кузнецовой очень важным: «Пусть все изменит, все пройдет: / И прелесть этих слов влюбленных, / И томность этих рук сплетенных, – / Есть в мире неба синий свод, / Дороги белый поворот / И гроздь звезд меж елей темных...» (с. 379).

Художественная система Г. Кузнецовой как автора второго ряда эклектична: наследница логоцентризма русской классики и литературности Серебряного века, она, несомненно, находилась под сильным эстетическим влиянием Бунина (благодаря совпадению в главном – в представлении о мире, реальности как божественном космосе, чему нельзя научить и научиться), но вместе с тем и принадлежала к своему поколению, с его уже другим опытом и потребностью в письме как способе самопознания, собирания личности и освобождения от пережитого (заметьте, что об этом же и первые романы В. Набокова, Г. Газданова, Н. Берберовой), а также в создании из собственной жизни «человеческого документа» (здесь уместно вспомнить и статью Г. Кузнецовой о судьбе Марии Башкирцевой, опубликованную 12.01.1929). Стоит ли удивляться, что именно «Грасский дневник», собранный из конкретных дневниковых записей, как главная форма самопознания (а не автобиография, мемуар или воспоминания) станет итоговым произведением, в котором автор, во-первых, простроит константы сюжета самоидентификации (в противовес сюжету кризиса самоидентификации представителей «парижской ноты» – «голый человек на голой земле» – Б. Поплавского): природа как космос, божественная красота, любовь и творчество, искусство; а во-вторых, возьмет на себя миссию по созданию «памятника» истинному художнику – И. А. Бунину.

Список литературы

Анненкова Е. С. «Оставить в мире память о себе!»: Автобиографизм как творческая стратегия Галины Кузнецовой // Вестник Университета имени Альфреда Нобеля. 2020. № 1 (19). С. 122–130.

Беляева А. В. Творчество Г. Н. Кузнецовой: особенности поэтики: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 202 с.

Бицилли П. Г. Кузнецова. Пролог. [Рецензия] // Современные записки. Париж, 1933. № 53. С. 453–454.

Бжыкцы И. Картины Прованса в творчестве Галины Кузнецовой // Slavia Orientalis. 2018. Т. 67, № 4. Р. 631–645.

Бжыкцы И. Поэтический комплекс моря в поэзии Галины Кузнецовой // UWM Olsztyn. Acta Polono-Ruthenica. 2019. Т. 24/1. Р. 19–37.

Ван Инь. «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецовой: проблема становления творческой личности: Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2018. 155 с.

Витчак П. Поэзия Галины Кузнецовой в контексте творчества Ивана Бунина (тематический аспект) // *Acta Universitatis Lodziensis folia litteraria rossica*. 2019. № 12. P. 109–120.

Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Худож. лит., 1977. 450 с.

Демидова О. «Оставить в мире память о себе!» // Кузнецова Г. Пролог. СПб.: ИД «Мир», 2007. С. 3–24.

Демидова О. Вступительная статья // Кузнецова Г. Грасский дневник / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. О. Р. Демидовой. М.: АСТ, 2017. С. 5–23.

Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М.: Моск. рабочий, 1995. 410 с.

Кузнецова Г. Н. Пролог. СПб.: ИД «Мир», 2007. 327 с.

Мельников Н. Г. Г. Н. Кузнецова // *Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918–1940*. М.: РАН; ИНИОН, 1997. С. 225–227.

Михайлова М. В. Творческие взаимоотношения Ивана Бунина и Галины Кузнецовой как конфликт молодости и старости // *Wielkie tematy kultury w literaturach slawianskich. Starosc*. Серия: *Slavica Wratislaviensia*. Wrocław: Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 2016. Т. 12. С. 129–137.

Нина Берберова – Галина Кузнецова: переписка 1920-х – 1960-х годов / Подгот. текстов и коммент. И. З. Белобровцевой, О. Р. Демидовой; вступ. ст. О. Р. Демидовой. М.: ИМЛИ РАН, Изд-во Дмитрий Сечин, 2022. 272 с. (Библиотека «Литературного наследия». Вып. 9)

Ходасевич В. Г. Кузнецова. Пролог. [Рецензия] // *Возрождение*. Париж, 1933. № 2956, 6 июля. С. 3.

Witczak P. Wokół autobiograficzności powieści “Prolog” Galiny Kuzniecovej // *Slavia Orientalis*. 2018. Т. 67, № 4. S. 647–659.

References

Annenkova E. S. “Ostavit’ v mire pamyat’ o sebe!”: Avtobiografizm kak tvorcheskaya strategiya Galiny Kuznetsovoy [“Leave a memory of yourself in the world!”: Autobiography as a creative strategy of Galina Kuznetsova]. *Alfred Nobel University Journal of Philology*. 2020, no. 1 (19), pp. 122–130.

Belyayeva A. V. *Tvorchestvo G. N. Kuznetsovoy: osobennosti poetiki* [Creativity G. N. Kuznetsova: features of poetics]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2016, 202 p.

Bitsilli P. G. Kuznetsova. Prolog. Retsenziya [G. Kuznetsova. Prologue. Review]. *Sovremennye zapiski*. Paris, 1933, no. 53, pp. 453–454.

Bzhyktsy I. Kartiny Provansa v tvorchestve Galiny Kuznetsovoy [Paintings of Provence in the works of Galina Kuznetsova]. *Slavia Orientalis*. 2018, vol. 67, no. 4, pp. 631–645.

Bzhyktsy I. Poeticheskiy kompleks morya v poezii Galiny Kuznetsovoy [Poetic complex of the sea in the poetry of Galina Kuznetsova]. *UWM Olsztyn. Acta Polono-Ruthenica*. 2019, 24/1, pp. 19–37.

Demidova O. “Ostavit’ v mire pamyat’ o sebe!” [“Leave a memory of yourself in the world!"]. In: Kuznetsova G. *Prolog* [Prologue]. St. Petersburg, Mir, 2007, pp. 3–24.

Demidova O. Vstupitel’naya stat’ya [Introductory article]. In: Kuznetsova G. *Grasskiy dnevnik* [Grasse diary]. O. R. Demidova (Prep. text, intro. article, comm.). St. Petersburg, Moscow, AST, 2017, pp. 5–23.

Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [On psychological prose]. Leningrad, Khudozh. lit., 1977, 450 p.

Khodasevich V. G. Kuznetsova. Prolog. Retsenziya [Kuznetsova. Prologue. Review]. *Vozrozhdenie*. Paris, 1933, no. 2956, July 6, p. 3.

Kuznetsova G. N. *Grasskiy dnevnik. Rasskazy. Olivkovyy sad* [Grasse diary. Stories. Olive Garden]. Moscow, Mosk. rabochiy, 1995, 410 p.

Kuznetsova G. N. *Prolog* [Prologue]. St. Petersburg, Mir, 2007, 327 p.

Mel'nikov N. G. *G. N. Kuznetsova* [G. N. Kuznetsova]. In: *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya: 1918–1940* [Literary encyclopedia of Russian abroad: 1918–1940]. Moscow, RAS, INION, 1997, pp. 225–227.

Mikhaylova M. V. *Tvorcheskiye vzaimootnosheniya Ivana Bunina i Galiny Kuznetsovoy kak konflikt molodosti i starosti* [Creative relationship between Ivan Bunin and Galina Kuznetsova as a conflict of youth and old age]. In: *Wielkie tematy kultury w literaturach slowianskich. Starosc*. Series Slavica Wratislaviensia. Wrocław, Wydawnictwa Uniwersytetu Wrocławskiego, 2016, vol. 12, pp. 129–137.

Nina Berberova – Galina Kuznetsova: Peregiska 1920-kh – 1960-kh godov [Nina Berberova – Galina Kuznetsova: Correspondence of the 1920s – 1960s]. I. Z. Belobrov'tseva, O. R. Demidova (Prep. text and comm.), O. P. Demidova (intro. art.). Moscow, Dmitry Sechin, 2022, 272 p. (Biblioteka "Literaturnogo nasledstva". [Library of "Literary Heritage"]. Iss. 9).

Van In'. "*Grasskiy dnevnik*" *G. N. Kuznetsovoy: problema stanovleniya tvorcheskoy lichnosti* ["Grasse Diary" of G. N. Kuznetsova: the problem of developing a creative personality]. Cand. philol. sci. diss. Moscow, MSU, 2018, 155 p.

Vitchak P. *Poeziya Galiny Kuznetsovoy v kontekste tvorchestva Ivana Bunina (tematicheskiy aspekt)* [Poetry of Galina Kuznetsova in the context of the work of Ivan Bunin (thematic aspect)]. *Acta Universitatis Lodzianensis folia litteraria rossica*. 2019, no. 12, pp. 109–120.

Witczak P. *Wokół autobiograficzności powieści "Prolog" Galiny Kuzniecovej*. *Slavia Orientalis*. 2018, vol. 67, no. 4, pp. 647–659.

Информация об авторе

Марина Альбертовна Хатямова, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы XX–XXI веков и литературного творчества Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия)
Scopus Author ID 57193680046

Information about the author

Marina A. Khatyamova, Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature of the 20th–21st Centuries and Literary Creativity of National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
Scopus Author ID 57193680046

*Статья поступила в редакцию 09.06.2024;
одобрена после рецензирования 01.07.2024; принята к публикации 01.07.2024
The article was submitted on 09.06.2024;
approved after reviewing on 01.07.2024; accepted for publication on 01.07.2024*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/90/8

Сибирь как идеальное пространство в творчестве Всеволода Иванова

Елена Алексеевна Папкина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Аннотация

Рассматривается образ Сибири как пространства, приближенного к идеальному, в творчестве Всеволода Иванова. Произведения разных лет: легенда «Сон Ермака», повести «Бегствующий остров» и «Гибель Железной», роман «Похождения факира», сценарий «Сибиряки», очерки «Хмель, или Навстречу осенним птицам» – раскрывают образы реального пространства Сибири и Сибири, которая, становясь для автора или героя «далекой землей», приобретает черты идеального пространства. Иванов представляет идеальную Сибирь как место «взаимодействия двух цивилизаций» или возникновения городов будущего и как благословенную землю крестьянской справедливости (Беловодье). Анализ творческого пути писателя показывает, что искусственно смоделированное или легендарное пространство в итоге идеальным не оказывается, напротив, пространство, кажущееся обыденным, преображаясь светом любви к родине, идеальным становится.

Ключевые слова

Всеволод Иванов, Сибирь, далекая земля, моделирование идеального пространства, преобразование реального пространства

Для цитирования

Папкина Е. А. Сибирь как идеальное пространство в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 111–122. DOI 10.17223/18137083/90/8

© Папкина Е. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 111–122
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 111–122

Siberia as an ideal space in the works of Vsevolod Ivanov

Elena A. Papkova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

elena.iv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5776-1802>

Abstract

This paper examines how Vsevolod Ivanov portrays Siberia as a unique and almost ideal place in his writing. Early texts, created through dialogue and dispute with regional ideas, depict the image as both a future “arena of interaction between two civilizations” (“Ermak’s Dream”) and a real space characterized by social and national complexities. The space of Siberia begins to approach the ideal in those works where events take place outside the region. The stories “The Fleeing Island” and “The Death of the Iron Division” refer to the ideal space of Russian utopian legends, Belovodye. The Moscow novel “Y” chooses not the capital but the factory or town built beyond the Urals as an ideal space. The city of Gremyashchiy from the unfinished script “Siberians” is compared with this ideal space of the novel “Y.” The story of the city, intended to be “the first all-encompassing health resort in Eastern Siberia,” reveals an ironic twist. As the narrative moves away from Siberia, the region begins to acquire the qualities of an ideal space. The main character of “The Adventures of a Fakir” leaves a dull, gray Siberia looking for a vibrant life in India, but after facing a series of setbacks, he has to return home. Ivanov shows that the artificial space of the “new civilization,” cities of the future, the legendary Belovodye, or India are not ideal. Conversely, it is the ordinary space transformed by love for the motherland that becomes ideal (the essay “Hops, or towards the autumn birds”).

Keywords

Vsevolod Ivanov, Siberia, distant land, modeling an ideal space, transforming real space

For citation

Papkova E. A. Siberia as an ideal space in the works of Vsevolod Ivanov. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 111–122. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/8

Понятие «идеального пространства» в художественных текстах не раз рассматривалось исследователями. «Для большинства художников <...> характерно стремление к построению идеала, противостоящего несовершенному миру, – пишет О. Н. Павляк. – Для этого поэты чаще всего обращаются к историческому прошлому, к культурно-религиозной традиции (Библии, историческим хроникам, эпосу древних народов, фольклору и т. д.), в которых находят необходимые образы, ситуации, сюжеты» [Павляк, 2011, с. 132]. Рядом с райским садом, блаженными островами и близкими по смыслу образами в художественных произведениях редко можно встретить образ Сибири. Однако представление о Сибири как идеальном пространстве или, во всяком случае, некоем особом пространстве, приближенном к идеальному, нередко встречается в трудах культурно-исторических деятелей.

О том, что именно в Сибири, являющейся континентальным, транспортным и культурным мостом между Востоком и Западом, зародится «новая цивилизация», заговорили еще во второй половине XIX в. представители сибирского областничества, выдающиеся ученые и общественные деятели Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев. Особую актуальность эти идеи приобрели в предреволюцион-

ные годы. Комментируя в 1916 г. в журнале «Сибирские записки» статьи Ядринцева «Крестовый поход науки на Восток» и «Возрождающаяся Азия», Н. Козьмин писал:

Ядринцеву мечталось, что Сибирь, покрытая высшими учебными заведениями, культурная, экономически сильная, с развитой гражданской жизнью, не только займет подобающее место, но явится посредницей между Востоком и Западом, носительницей начал цивилизации, прогресса. <...> И Ядринцев выдвигает величавую проблему. «Чем явится, – говорил он в заключение статьи, – слитие нового мира Европы с древним миром Азии, какая *новая цивилизация* вытечет из обмена цивилизаций столь разнообразных и какое оригинальное здание водрузится под влиянием объединения народов, когда-то разлученных в среде мира – вот вопросы, достойные остановить внимание философа-историка» <...>. И сибирскому патриоту рисовалась головокружительная мечта, что Сибирь может сделаться ареной взаимодействия двух цивилизаций...¹

Но, замечает автор статьи, сибирская действительность представлялась ученому «далеко не соответствующей будущим возможностям. <...> Ведь это был только “непокрытый балаган”, как в своих фельетонах любовно и грустно Ядринцев называл часто свою родину. Вот сделать из этого балагана жилое здание, превратить его в дворец, в храм, с мраморными колоннами и светлыми богами – и должно стать задачей патриота»².

На настоящем этапе развития цивилизации различные деятели культуры вновь обращаются к Сибири, исследуя ее «социокультурный потенциал», ее «место и миссию в рамках России и Большой Евразии» [Цивилизационная миссия Сибири..., 2022, с. 7]. Сибирь как особое пространство, призванное занять «ключевое положение» в «переходную эпоху от нынешней цивилизации, которую можно охарактеризовать как техногенно-потребительскую, к будущей цивилизации, которую мы называем духовно-экологической» [Там же], представлена в современном коллективном труде «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» (Барнаул, 1922). Авторы А. Иванов, Ю. Попков, И. Фотиева, М. Шишин утверждают: «Именно Сибирь с ее важнейшими культурно-био-сферными районами, типа алтайского и байкальского, призвана стать российской, общеевразийской и одновременно глобальной “стартовой площадкой” для перехода человечества к ноосферной цивилизации нового типа...» [Там же, с. 36].

Всеволод Иванов, родившийся в 1895 г. в Сибири и проживший там до своего отъезда в Петроград в 1921 г. юные годы жизни, без сомнения, был знаком с идеями областников (см. об этом: [Папкова, 2014]). Возможно, писатель относился к своей родине столь же двойственно, как и Ядринцев: размышлял, например, в «Легендах об ушедшей (вариант – «умершей») Сибири», о ее великом прошлом и будущем и в то же время видел ее убогое настоящее. В легенде «Сон Ермака» (1916) из названного цикла посланец хана Бурая Темирбей объясняет Ермаку, «пришедшему из далекой умной страны», его сон, в котором узнается областническая идея «новой цивилизации» в Сибири: «...дикарь – это народ си-

¹ По поводу писем Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 72–73. Подпись: *Ландарма*.

² Там же. С. 73.

бирский, звезда – это то, что вместе с *вашей силой и нашим умом* <курсив наш. – *Е. П.*> воспитанным на долгом размышлении о Божьем мире, воплотилось в новый путь, по которому пошел народ сибирский» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 44]. По пророчеству Темирбея, создание новой цивилизации на пространстве Сибири не осуществится: «Вы растерзаете свою родину и нас затемните, и погибнет народ сибирский, не сделав великое» [Там же]. Однако заканчивается легенда словами Ермака, обращенными к неизвестному мальчику как символу будущего: «...я посылаю тебя к людям с моим сном – поведай им о красоте родины их...» – и рассказом о том, как идет мальчик по тайге «с душой, наполненной таинственным сном» [Там же, с. 45].

О реальном пространстве Сибири Иванов в том же 1916 г. напишет в очерке, опубликованном в газете «Приишимье»: «Тонем в грязи. В городе – грязь, грязь, азиатчина» [Там же, с. 107].

Можно сказать, что в рассказах, статьях и очерках писателя сибирского периода (1915–1920) Сибирь больше предстает как реальное пространство, со всей сложностью его социальных, национальных, бытовых и других проблем. Но это пространство, в котором есть место красоте и поэзии, что особенно видно в легендах и сказках Иванова.

Переехав в Петроград и вступив сначала в Пролеткульт, а затем в группу «Серапионовы братья», Иванов продолжает писать о Сибири. В 1922 г. известный критик В. Львов-Рогачевский отмечал: «Коренной сибиряк принес в литературу глубокое, нутряное знание и острое ощущение Сибири. *Он открыл нам Сибирь во всей ее первобытной красочности*, во всей ее гомерической огромности и со всей ее разноязычной пестротой и таежно-звериным крестьянским бытом» [Львов-Рогачевский, 1922, с. 159]. Уже из этой оценки видно, что Сибирь Иванова необычна, привлекательна, но не идеальна. По словам другого критика, А. Воронского, «она разноцветная и пестрая, дикая и первобытная, приключенческая и романтическая» [Воронский, 1987, с. 258], но опять же не идеальная. В «партизанских повестях», повести «Возвращение Будды» и рассказах книги «Седьмой берег», написанных в 1921–1923 гг. в Петрограде, действие которых происходит в Сибири, это по-прежнему двойственное пространство, сочетающее в себе жесткую реальность Гражданской войны и идеальные устремления героев к неким «далеким землям».

Иной Сибирь предстает в тех текстах 1920-х и последующих годов, действие которых вынесено за ее пределы. В рассказе 1921 г. «Полая Арапия», написанном Ивановым после поездки в районы голодающего Поволжья, крестьяне стремятся в некую «далекую землю», которая располагается на Востоке: «Сказывают, за Сыр-Дарьей открылась земля такая – полая Арапия. Дожди там, как посеешь – так три недели подряд. И всех пускают бесплатно, иди только. Земель много» (Иванов, 2012, с. 180). На страницах повести «Бегствующий остров» (1925) упоминаются уже конкретные сибирские реалии. Действие начинается с того, что в поезде, идущем, видимо, из Москвы на Кавказ, некто Галкин рассказывает автору-повествователю о раскольниках, которые еще в XVII в. искали спасения на Белом острове, расположенном «дальше крепости Тюмень да ближе крепости Тобольск, середь топей, середь болот...» (Иванов, 2012, с. 95), и до сих пор живут там в скитах, скрытые от людских глаз и от революции. О том, что образ Белого острова Ивановым создается с опорой на русскую народную утопическую легенду о Беловодье, нам уже приходилось писать (см.: [Папкина, 2021]). Важно, что

справедливая, чистая, праведная земля, мечта о которой воплотилась в легенде о Беловодье, у Иванова находится именно в Сибири.

Легенду о Беловодье сибиряк Иванов не мог не знать. Известно, что опубликованный в монографии замечательного исследователя народной утопии К. В. Чистова текст «Путешественника» XVIII в., авторство которого приписывается Марку Топозерскому (или иноку Михаилу), имеет три редакции, две из которых северно-русские, а третья – сибирская. Для Сибири беловодская легенда особенно важна: дорога, описанная в «Путешественнике», идет от Москвы (в одной из редакций – от Керженца) через реальные пункты средней России и Урала до Горного Алтая – названы Бухтарминская и Уймонская долины. Далее топонимика становится фантастической. Местонахождение Беловодья названо где-то «за Китаем» и около «Опоньского царства» [Чистов, 2011, с. 404–413]. В то же время, отмечает ученый, наряду с «легендами о далеких землях», в том числе и о Беловодье, «непрерывно бытовали сходные по функции рассказы о Сибири...» [Там же, с. 335].

Выскажем предположение о том, что пространство Сибири в произведениях Иванова приближается к идеальному, как только Сибирь становится для автора такой «далекой землей». Эта мысль подтверждается на примерах различных произведений писателя, основное действие которых в Сибири не происходит. В каждом из них образ Сибири представлен по-своему.

Повесть «Гибель Железной» (1927) рассказывает о войне с белополяками в 1920 г. При ее написании Иванов использовал опубликованный в 1924 г. в журнале «Пролетарская революция» очерк Л. С. Дегтярева «Политотдел в отступлении», действие которого происходит на Украине. Однако во вступлении к повести, написанном для 5-го тома собрания сочинений в 1928 г., Иванов указывал, что «характеры частью выдуманы, частью сделаны по истории N-ского Сибирского полка из бывших алтайских партизан» (Иванов, 2012, с. 525). О «Железной дивизии», гибель которой при взятии Киева описана в повести, идет молва в народе: «Ваша дивизия мужицкая, она всем мужикам счастье несет и освобождение, – говорит неизвестный крестьянин. – Ее одну поэтому вся земля прозвала Железной» (Иванов, 2012, с. 279). Аллюзия к легенде о земле народной, крестьянской справедливости (Беловодью) прочитывается на финальных страницах повести, где комиссар Плешко видит, как проходят, «тяжело ступая старыми мужицкими ногами, партизаны с Алтая»: «Они шли по снегам Сибири в белых балахонах, на лыжах, а затем сели в теплушки и поехали встречать весну к Польше, на Украину... <...> Тут есть и из Бийского уезда, и из Бухтарминской долины» (Иванов, 2012, с. 317). Напомним, что Бухтарминская и Уймонская долины, как убедительно показал Чистов, «оказались между государственными границами России и Китая на нейтральной территории, интереса к которой не проявляло ни одно, ни другое правительство. <...> Возможно, к концу XVIII в. слухи о существующей мужицкой земле, без чиновников и попов, достигли и европейских губерний. Есть сведения о том, что во второй половине XVIII в. эти две долины и назывались Беловодьем» [Чистов, 2011, с. 288]. Но путь героических партизан – это путь из идеального пространства к смерти: Железная дивизия практически полностью погибает.

Роман «У» представляет новый вариант образа идеальной Сибири. Действие романа происходит в Москве, и работа над ним идет в 1931–1933 гг., т. е. в то время, когда, в советском искусстве, как отметила Н. В. Корниенко, «предпринимается фундаментальная по своему замыслу акция под названием “Пролетарская

Москва ждет своего художника»» [Корниенко, 2000, с. 215]. Летом 1933 г. в «Литературной газете» определяются рамки новой темы: «Тема Москвы – это тема боевой перестройки, тема международного звучания, тема мировой революции. <...> ...почему читатели не знают этого замечательного города, в который съезжаются люди всего мира, пытаясь понять, что же такое эта красная Москва, где Коминтерн, ЦК ВКП (б), красный интернационал профсоюзов, лучшие театры мира и пролетариат, изменивший под руководством большевиков во главе с тов. Кагановичем лицо своего города, превращающий его в новую образцовую столицу» (цит. по: [Корниенко, 2000, с. 218]). В первой половине 1930-х гг. создается немало произведений на заданную – московскую – тему: поэтические книги Д. Бедного. А. Жарова, А. Безыменского, Я. Смелякова, «Московские повести» И. Катаева, пьесы о Москве В. Катаева, М. Левинова.

Казалось бы, в московском романе, о котором в 1931 г. Иванов, отвечая на вопрос «Литературной газеты»: «Что вы дадите пролетариату к 15-й годовщине Октябрьской революции?» – высказался так: «Посмотрите на эти новые дома, на эту другую Москву. <...> Разве это не отблеск воли Кремля <...>. Вот о чем будет мой роман “У”, всё же я надеюсь, что великая тень 15-й годовщины Октября будет лежать на его робких страницах»³, – как идеальное пространство должна быть представлена Москва. Но ее в романе нет. В гротескно-сатирическом ключе показаны и старая Москва: герой романа Леон Черпанов вербует рабсилу на строящийся за Уралом некий комбинат в доме № 42 – притоне, где собрались воры, спекулянты, девицы легкого поведения, карточные шулеры, прикрывающиеся службой в советских учреждениях; и новая: «...багровое здание Моссовета, статуя Свободы. Отсюда начинают клики манифестанты, здесь пробуют голоса, здесь уютно и тепло крикнуть – да здравствует! – чтобы затем пронестись в каком-то ошеломляющем урагане по Красной площади – и ничего не запомнить, а увидев фотографию вождей, глядящих с мавзолея, машущих фуражками...» (Иванов, 1990, с. 394–395).

Черты идеального пространства, поданного, как всё в романе, также не без иронии, имеет будущий не то металлургический комбинат, не то город за Уралом, который представляет себе «секретарь большого человека» Егор Егорович. Он рассматривает чертежи, и перед его изумленным взором проходят баня, в которой можно «выжать из человека грязь, пот и мерзость»; дома «с газом, лифтами, разноцветными клумбами»; «библиотечный зал в клубе», где взрослые читают и играют в шахматы, а дети занимаются в чудесном детском театре; «чистые улицы, залитые светом, прямые голубые горы, леса вокруг, полные грибов и ягод» (Иванов, 1990, с. 398–399). Однако, как становится ясно в финале романа, Черпанов – обманщик, и вряд ли создание этого идеального пространства осуществится в реальности.

Интересно, что в написанном позднее, видимо в 1950-е – начале 1960-х гг., неопубликованном и незавершенном сценарии «Сибиряки» (недатированный автограф хранится в архиве писателя), где события разворачиваются непосредственно в Сибири, рассказ о городе Гремящем, который должен стать идеальным пространством, ведется писателем совершенно в другом ключе.

Образ идеального города в Сибири, возможно, возникает у Иванова не без отсылки к международному городу знаний Звенигороду, который Николай Рерих в 1920-е гг. мечтал построить на Алтае, в Уймонской долине, или к идее конца

³ Литературная газета. 1931. 7 нояб. С. 3.

1950-х – начала 1960-х гг. о строительстве на Алтае же города Кедрогора; название городу было предложено писателем В. Чивилихиным, горячо поддержавшим идею студентов Лесотехнической академии в Ленинграде всемерно способствовать «охране и комплексному исследованию биологических ресурсов кедровых лесов Алтая» [Цивилизационная миссия Сибири..., 2022, с. 107–109].

Город с названием «Гремящий», «первая всеохватывающая здравница Восточной Сибири»⁴, описан в тексте сначала восторженно, затем – с горькой иронией. «Дела на Гремящем – грандиозные! Вот уж воистину Гремящий – на всю Сибирь прогремит», – восхищается доктор Баух. Далее следуют слова автора, представляющего «вид на Гремящий»: «Очаровательное место! Неширокая, но глубокая река с естественными прудами и островами. Заливы, старицы. Сколько открытых, благовонных лужаек! И сколько закрытых укромных приютов отдохновения, как говорили в старину. Кажись, дотронься человек-строитель своей волшебной рукой, и долина украсится еще лучше». «Прямо, рай», – восхищается приехавший на строительство Иннокентий Андреевич. «Верно, рай, – соглашается автор. – Собственно, не совсем рай, но контуры рая явственно видны. Возле одного из прудов высится громада стадиона. На островах, где вода образует естественный забор, высятся коттеджи сильных и не совсем еще сильных области сей. Те, кто сознает, что им следует быть особенно скромными, – а может быть, и по врожденному чувству скромности, – воздвигли домики себе среди белых куц цветущей черемухи, у ручьев и заливчиков. На виду – гостиницы и дома отдыха всех существующих и несуществующих профессий. / Ах, как будут ясно петь здесь птицы над цветниками, садами и индивидуальными садиками! Как быстротечна будет здесь жизнь, как безмятежны и возвышенны будут дни, проведенные здесь!»⁵

Черты пространства, приближенного к идеальному, Сибирь в текстах Иванова начинает приобретать также по мере удаления действия произведения и его героя от нее. Яркий пример тому – автобиографический роман писателя «Похождения факира» (1935). На первый взгляд это кажется странным. Все исследователи творчества Иванова сходились на мысли, что идеальным пространством является в этом романе Индия – мир, куда герой и его друзья стремятся, отрицая и покидая «серую» Сибирь. Алешка, спутник автобиографического героя, во сне видит Индию:

Его страна очень походила на ту страну, о которой думал я. Небо розовое, а не такое, как у нас – серое. Деревья распускаются наверху громадными пучками листьев, а не так, как у нас ель ползет от самой земли мелкой, как песок, хвоей (Иванов, 1975, с. 277).

«Причина тяготения к воображаемому миру Индии, – отмечает исследователь из Индии Ранджана Банерджи, – отражается в высказывании героя: “Индия не такая, как реальная Сибирь, не серая”. <...> Этот ирреальный мир становится антиподом реального мира» [Банерджи, 2017, с. 384]. В статье Банерджи эта мысль соотносится с выводом другого исследователя творчества Иванова, Е. А. Краснощековой: Индия в романе Иванова – «прекрасный сон, рожденный отталкиванием от окружающей обыденности. Образ Индии и создается по принципу: всё там не так, как у нас» (цит. по: [Банерджи, 2017, с. 384]). Всё это, безус-

⁴ Личный архив Всеволода Иванова.

⁵ Там же.

ловно, верно, если иметь в виду только завершённые и опубликованные части романа, особенно первую. Однако на страницах сохранившегося в рукописи текста начала четвертой части романа, «Факир проходит цирк», появляется мотив духовной пустыни, возникающий по мере ухода автобиографического героя из Дома и, казалось бы, приближения к Индии:

Ты шел, страстно уверенный, <...> в эту Индию, где люди необыкновенной воли... Что от этого осталось?

Пустота.

Все мысли твои были пустотой (Иванов, 1975, с. 698).

До Индии герой не доходит. Более того, весь его путь – это путь разочарований и потерь: на цирковые выступления факира Бен-Али-Бея не приходит публика, пьесы его или проваливаются, или запрещаются, так как подписаны чужим именем; он работает наборщиком в типографии, лакеем, куплетистом, но его отовсюду выгоняют; подаренное кольцо с огромным изумрудом оказывается фальшивым и т. п. Злоключения героя напоминают похождения персонажей плутовских барочных романов, а окружающая действительность встает в абсурдных, гротескных ситуациях и странных сюжетных поворотах. Несмотря на легкий, ироничный тон повествования, обилие анекдотов, комических ситуаций, нелепых и забавных персонажей, книга «Похождения факира» получалась едва ли не страшнее «висельных», как их называли критики, рассказов книги Иванова «Тайное тайных» (1926). Как и персонажи «Тайного тайных», автобиографический герой Всеволод в «Похождениях факира» – «без креста». Богоборчество героя, заявленное в начале романа как «веселое» (описание разоблачения «святости» бабки Феклы, договор с дьяволом, чтобы получить «валенки-чесанки цвета яичного желтка в молоке, барнаульские, расшитые; коньки, ножик и окончание романа “Таинственный остров”») – (Иванов, 1975, с. 16–20)), вырастает во второй части до создания им своего «высшего духовного идеала», выработки собственной «системы» знаний, воли и поведения (Иванов, 1975, с. 305–307). Одни из лучших страниц романа описывают, как будущий дервиш Всеволод на «серебряной полянке» понимает язык зверей и слышит, как растут травы (Иванов, 1975, с. 317–322). Но духовная связь с миром животных и растений также утрачивается. Последнее, что теряет герой, это – чувство родины. «Это чрезвычайно странно, если человек не имеет родины! Может быть, увидев Петербург, столицу России, я пойму и почувствую наконец свою родину?» (Иванов, 1975, с. 500) – думает Всеволод. Но и этого не происходит. Начинается Первая мировая война. «На поля Галиции и Восточной Пруссии несется вооруженная армия, проходят полки за полками», «горят красными крестами тихие санитарные поезда» (Иванов, 1975, с. 504), причитают матери, а юноша Всеволод играет в добровольца, мечтает о битвах с природой и сочиняет романы под именем Альберт Монти: «Так как у меня не было родины, то естественно, что мне была безразлична моя фамилия» (Иванов, 1975, с. 660).

Парадоксально, но идеальным пространством в этом романе Иванова оказывается покинутый родной Дом в Сибири. Первая часть «Похождений факира» заканчивалась тем, что юноша Всеволод оставляет родительский дом, и картина, которую он видит перед уходом, на протяжении всего пути, в самые тяжелые его моменты, будет вставать перед глазами героя: «Отец стоит ко мне лицом, слегка склонившись над самоваром. Позади отца широкий и черный выгон. Отец весь в желтом. Он раздувает самовар длинным сапогом. Острые искры летят на чер-

ный выгон» (Иванов, 1975, с. 131). Работа над романом из пяти книг остановилась на четвертой, но о предполагаемом финале Иванов много раз рассказывал своему сыну Вячеславу: «В конце книги герой факир после скитаний в цирке возвращался к отцу и к дому. Отец, как в воспоминаниях о детстве, сапогом раздувал самовар, Всеволод видел его над обрывом, поднимаясь к нему снизу. Этим должна была кончаться книга» [Иванов, 2000, с. 507–508]. Таким образом, именно «серое», обыденное пространство Сибири, которую покинул герой, стремясь в прекрасную Индию, в итоге и оказывается идеальным. Введенный в роман мотив «блудного сына» не нов для писателя: он присутствовал еще в сибирских рассказах 1919 г. «Клуа-Лао – дух родины» и «Степь духмяная».

Обобщая сказанное, отметим, что Сибирь как идеальное или приближенное к идеальному пространство появляется именно в тех произведениях Иванова, действие которых или вообще в Сибири не происходит, или удаляется от нее по мере развития сюжета. При этом искусственно смоделированное человеком пространство «новой цивилизации», городов будущего, как и легендарное пространство благословенного Беловодья или прекрасной Индии, на поверку идеальным не оказывается. И, напротив, то реальное пространство, которое кажется привычным и обыденным, в действительности, преображенное светом любви – у Иванова любви к родному Дому, идеальным становится.

Подтверждением нашим выводам являются ежегодные путешествия Иванова на родину, в Сибирь, совершаемые в начале 1960-х гг., незадолго до смерти, и нашедшие отражение в дневниках писателя и в очерках «Хмель, или Навстречу осенним птицам» (1962). В. Б. Шкловский, познакомившийся с Ивановым еще в Петрограде 1920-х гг., вспоминал:

Всеволод поехал в дальние места, на границу Китая, на реку, где нет не только деревень, но и домов и юрт, нет почтовых отделений. Река течет через Монголию и с разгону вбегает в Сибирь. <...> Всеволод, человек между шестьюдесятью и семьюдесятью годами, на надувной лодке проехал по этой реке восемьсот километров. <...> ...есть его рассказ «Хмель», и видно, что Всеволод не состарился, не изменился, не озлобился. По-прежнему умел видеть людей не только такими, какими они должны быть, но и такими, какими они были [Всеволод Иванов..., 1975, с. 24–25].

Отметим, что и пространство Сибири Иванов научился видеть «не только таким, каким оно должно быть», но и таким, каким оно на самом деле является. Герой-рассказчик в этих очерках находится как бы в двух измерениях. С одной стороны, он описывает грустные реалии Сибири: замечает с горечью «черные застывшие клубки грязи» по дороге к гостинице в селе Чара, «скуку и тесноту» ее маленьких комнат (Иванов, 1978, с. 54), пьянство, которое «здесь принимает отвратительные формы» (Иванов, 1978, с. 77), отсутствие в продаже в Наминге и в Чаре носков (Иванов, 1978, с. 87), непролазные летом дороги, с «колдобинами, яминами да речками» (Иванов, 1978, с. 96), и многие другие приметы «азиатчины», кажется, не изменившиеся с 1916 г. Но герой не мечтает ни покинуть, ни преобразовать этот «серый» мир, создать некое идеальное пространство будущего. Путешественник, добравшийся до чудесной «далекой земли», но кровно связанный с ней, научился видеть преображенную реальность. И сибирская река Онон кажется ему «Гангом монгольских пустынь и гор» (Иванов, 1978, с. 38), и «неизвестные нам, московским жителям», небо и скалы, «залитые розоватым утренним светом, чистым и жгучим», в его глазах «отливают красками раду-

ги» (Иванов, 1978, с. 48). Особенно ярко эта двойственность взгляда автора-повествователя видна в пейзажах очерков. Пространство «серой» Сибири, где «накрапывает легкий и мелкий осенний дождичек, и все вокруг <...> выглядит немножко линиялым», вдруг сменяется необычной по красоте и яркости картиной: «Дождичек скоро кончился, и распахнулось небо: густо-зеленое в середине и ослепительно алое по краям, будто Байкал весь захлестнулся одной волной и мчится над нами, освещая нас блеском пожарищ, пылающих на его берегах! А глубина зелени все нарастала, а ярь алости все расширялась...» Преображенное пространство «тотчас же» напоминает автору «детство и “налистники” – блины, которые мать пекла на капустных листьях». И ему «вспоминаются Иртыш, наш дом, детство, пылающая печь, снега за окнами и мать со сковородником в руке...» (Иванов, 1978, с. 16). «Неисчерпаемая, широкая, богатая, не узнанная до конца страна была увидена заново немолодым и неуставшим Всеволодом Ивановым» [Всеволод Иванов..., 1975, с. 25], – так написал о сибирском пространстве «Хмеля» Шкловский.

Рассмотренные нами произведения Всеволода Иванова разных лет показывают, что Сибирь всегда оставалась для него если не идеальным пространством в чистом виде, то таким местом, куда он обязательно должен вернуться. К концу своего творческого пути писатель смог увидеть это пространство идеальным не потому, что на нем возникнет новая цивилизация или будут построены города будущего, не потому, что здесь могли бы быть созданы царство справедливости или зона максимального комфорта для человека, а потому, что оно было пространством родины.

Список литературы

Банерджи Р. Мир воображения героя в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / Отв. ред. В. В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 382–389.

Всеволод Иванов – писатель и человек. Воспоминания современников. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1975. 448 с.

Воронский А. К. Искусство видеть мир. М.: Сов. писатель, 1987. 700 с.

Иванов Вяч. Вс. «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г) // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2: Статьи о русской литературе. С. 504–512.

Корниенко Н. В. Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10–30-х гг. XX в. // Москва в русской и мировой литературе: Сб. ст. М.: Наследие, 2000. С. 210–247.

Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 155–169.

Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / Отв. ред. Е. А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.

Павляк О. Н. Концепция идеального пространства в лирике В. А. Жуковско-го // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2011. Вып. 8. С. 132–136.

Папкина Е. А. Всеволод Иванов и сибирское областничество // Вопросы культурологии. 2014. № 3. С. 72–78.

Папкива Е. А. Исторический и литературный контексты повести Вс. Иванова «Бегствующий остров» // Культура и текст. 2021. № 3 (46). С. 171–184.

Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Отв. ред. А. В. Иванов. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 523 с.

Список источников

Иванов Вс. Похождения факира // Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1975. Т. 4. 728 с.

Иванов Вс. Хмель, или Навстречу осенним птицам // Иванов Вс. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 8. 784 с.

Иванов Вс. Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990. 528 с.

Иванов Вс. Тайное тайных / Изд. подгот. Е. А. Папкива, отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: Наука, 2012. 566 с. (Литературные памятники)

References

Banerdzhi R. Mir voobrazheniya geroya v romane Vsevoloda Ivanova “Pokhozhdeniya fakira” [The world of the hero’s imagination in Vsevolod Ivanov’s novel “The Adventures of a Fakir”]. In: *Russkaya revolyutsiya 1917 goda v literaturnykh istochnikakh i dokumentakh* [The Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents]. Polonskiy V. V. (Ed.). Moscow, IWL RAS, 2017, pp. 382–389.

Chistov K. V. *Russkaya narodnaya utopiya (genезis i funktsii sotsial’no-utopicheskikh legend)* [Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2011, 523 p.

Ivanov Vyach. Vs. “I mir opyat’ predstanet strannym...” (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Vsevoloda Ivanova, 24 fevralya 1895 g) [“And the world will appear strange again...” (On the 100th anniversary of the birth of Vsevolod Ivanov, February 24, 1895)]. In: Ivanov Vyach. Vs. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul’tury* [Selected works on semiotics and cultural history]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, vol. 2: Stat’i o russkoy literature [Articles on Russian literature], pp. 504–512.

Kornienko N. V. Imya Peterburga i Moskvy v russkoy literature 10 – 30-kh gg. 20 v. [The name of St. Petersburg and Moscow in Russian literature 10 – 30s of the twentieth century]. In: *Moskva v russkoy i mirovoy literature: Sbornik statey* [Moscow in Russian and world literature: Collection of articles]. Moscow, Nasledie, 2000, pp. 210–247.

L’vov-Rogachevskiy V. Novyy Gor’kiy (Vsevolod Ivanov) [New Gorky (Vsevolod Ivanov)]. *Sovremennik*. 1922, no. 1, pp. 155–169.

Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. *Materialy biografii i tvorchestva* [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity]. Papkova E. A. (Ed.). Moscow, IWL RAS, 2010, 784 p.

Papkova E. A. Istoricheskiy i literaturnyy konteksty povesti Vs. Ivanova “Begstvuyushchiy ostrov” [Historical and literary contexts of the story “The Fleeing Island” by Vs. Ivanov]. *Culture and text*. 2021, no. 3 (46), pp. 171–184.

Papkova E. A. Vsevolod Ivanov i sibirskoe oblastnichestvo [Vsevolod Ivanov and the Siberian regionalism]. *Issues of Cultural Studies*. 2014, no. 3, pp. 72–78.

Pavlyak O. N. Kontsepsiya ideal'nogo prostranstva v lirike V. A. Zhukovskogo [The concept of an ideal space in the lyrics of V. A. Zhukovsky]. *IKBFU's Vestnik*. 2011, iss. 8, pp. 132–136.

Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitel'skoy k dukhovno-ekologicheskoy strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya [The civilizational mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development]. Ivanov A. V. (Ed.). Barnaul, Novyy format, 2022, 368 p.

Vsevolod Ivanov – pisatel' i chelovek. Vospominaniya sovremennikov [Vsevolod Ivanov as a writer and a man. Memoirs of contemporaries]. 2nd ed., exp. Ivanova T. V. (Comp.). Moscow, Sov. pisatel', 1975, 448 p.

Voronskiy A. K. *Iskusstvo videt' mir* [The art of seeing the world]. Moscow, Sov. pisatel', 1987, 700 p.

List of sources

Ivanov Vs. *Khmel', ili navstrechu osennim ptitsam* [Hops, or towards the autumn birds]. In: Ivanov Vs. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1978, vol. 8, 784 p.

Ivanov Vs. *Kreml'. U: Romany* [Kremlin. Y: Novels]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, 528 p.

Ivanov Vs. Pokhozheniya fakira [The adventures of a fakir]. In: Ivanov Vs. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1975, vol. 4, 728 p.

Ivanov Vs. *Taynoe taynykh* [The secret of secrets]. Papkova E. A. (Comp.), Kornienko N. V. (Ed.). Moscow, Nauka, 2012, 566 p. (Literaturnye pamyatniki [Literary monuments])

Информация об авторе

Елена Алексеевна Папкина, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)

Information about the author

Elena A. Papkova, Doctor of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 15.01.2024;
одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 26.02.2024
The article was submitted on 15.01.2024;
approved after reviewing on 26.02.2024; accepted for publication on 26.02.2024*

Научная статья

УДК 82

DOI 10.17223/18137083/90/9

**Сюжет путешествия в повести А. Г. Битова
«Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975).
Мифопоэтика Куршской косы**

Екатерина Дмитриевна Буханова

Томский государственный университет
Томск, Россия

Сибирский государственный медицинский университет
Томск, Россия

Ekaterinabuhh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1974-1303>

Аннотация

Статья посвящена поэтике повести-путешествия А. Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Анализируется натурфилософская, космогоническая и антиутопическая, мортальная семантика представленного в повести геопозэтического образа Куршской косы. В качестве ключевых мифологем топоса рассматриваются символический код Косы как «дна воздушного океана», «границы двух сред» и зоософия пространства, прежде всего своеобразие орнитофауны. Показывается, что органическому ландшафту Косы уподобляется лирико-эссеистский рельеф самого текста повести. Исследуется символический потенциал отдельных локусов Косы (биостанция, дюны, Восточное и Западное побережья), соположение которых открывает «ландшафт сознания» лирического героя-путешественника.

Ключевые слова

А. Г. Битов, «Птицы, или Оглашение человека», сюжет путешествия, мифопоэтика, геопозэтика, Куршская коса

Для цитирования

Буханова Е. Д. Сюжет путешествия в повести А. Г. Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975). Мифопоэтика Куршской косы // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 123–136. DOI 10.17223/18137083/90/9

© Буханова Е. Д., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 123–136
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 123–136

Travel plot in the story “Birds, or Catechesis of a Man” by Andrei Bitov: mythopoetics of the Curonian Spit

Ekaterina D. Bukhanova

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

Siberian State Medical University
Tomsk, Russian Federation

Ekaterinabuhh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1974-1303>

Abstract

This paper is part of a four-part series exploring the poetics of travel narratives by Andrei Bitov, specifically his travel story “Birds, or Catechesis of a Man” (1970, 1975). The analysis delves into the natural-philosophical, cosmogonic, anti-utopian, and mortal semantic aspects of the geopoetic image of the Curonian Spit. The symbolic code of the Spit as “the bottom of the air ocean” or “the border of two environments” and the zoosophy of space, primarily the originality of avifauna, are considered the key mythologemes of the topos. An evident parallel is revealed between the organic landscape of the Spit and the lyrical and essayistic relief found within the text of the story. The symbolic possibilities of separate locations on the Spit, including the “dancing forest,” biostation, dunes, and East and West coasts, are examined. Their juxtaposition reveals a “landscape of consciousness” for the lyrical hero-traveler. The heterogeneity and distinctive morphology of the Spit, a slender sandbar separating two bodies of water, have been interpreted as a metaphorical representation of human life. The writer views it as a symbol of existence in a state of tension “on the border of two environments,” belonging simultaneously to both realms: earth and sky, flesh and spirit, logos and eros, good and evil, life and death, being and non-being. The conception of Bitov is compared with the aesthetic systems of A. Platonov and I. Brodsky, as well as the philosophical ideas of N. Fedorov.

Keywords

A. G. Bitov, “Birds, or the Catechesis of a Man”, travel plot, mythopoetics, geopoetics, Curonian Spit

For citation

Bukhanova E. D. Travel plot in the story “Birds, or Catechesis of a Man” by Andrei Bitov: mythopoetics of the Curonian Spit. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 123–136. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/9

А. Г. Битов (1937–2018) – современный русский писатель, мыслитель, философ-эссеист, общественный и культурный деятель. Настоящая публикация посвящена повести Битова «Птицы, или Оглашение человека» (1971, 1975), относящейся к зрелому этапу творчества писателя (натурфилософская проза).

Указанная повесть была впервые опубликована в 1976 г. в сборнике «Дни человека» под заглавием «Птицы, или Новые сведения о человеке». В 1995 г., уже под названием «Птицы, или Оглашение человека», повесть вошла в состав романа-трилогии «Оглашенные» (1971–2018) – как его первая часть. Текст романа был дополнен четвертой частью в 2011 г. и опубликован как «тетраптих» в 2018 г.

Как и во всём романе, в «Птицах...» повествование ведется от первого лица. В основу истории легли реальные впечатления Битова об очередной поездке на биостанцию Зоологического института АН СССР в поселке Рыбачий (б. Росситтен) на Куршской косе (российская Прибалтика) к своему другу – директору

станции, орнитологу, доктору биологических наук (1976) В. Р. Дольнику (1938–2013), ставшему прототипом персонажа повести доктора Д.

Работы исследователей творчества Битова, ранее обращавшихся к повести «Птицы...», отличались ракурсами анализа. Л. Аннинский в конце 1980-х гг. вписал повесть в ряд битовских путешествий, увидев в ней след экзистенциального кризиса автора, связанного с отказом от «наива» молодости. Однако акцент Аннинского на преемственности творческих задач Битова определил краткость его анализа этой конкретной повести [Аннинский, 2020, с. 26–27]. И. С. Скоропанова в конце 1990-х гг. осмыслила роман «Оглашенные» как «первое произведение русского экологического постмодернизма»¹, однако собранные в ее пособии статьи не дают целостного анализа сюжета странствия в романе и повести. Э. Ф. Тугушева проанализировала повесть в аспекте динамической модальности автора-странника, однако рассмотрела в качестве ведущей линии не историю путешествия, а метасюжет творчества [Тугушева, 2011, с. 139].

В настоящей статье внимание фокусируется на геопозитическом образе Куршской косы в повести «Птицы...». Автор трудов по философии и мифологии путешествия И. Сид определил «антропологический статус» Битова, назвав его «геопозитом», «живым воплощением теории путешествия» [Сид, 2020, с. 191]. По мнению Сиды, «персональный модус путешествия» Битова заключается в том, что это, как правило, «тот или иной вариант бегства» [Там же, с. 192]. Антрополог представил Битова как адепта российской художественной геопозитики, ссылаясь в первую очередь на его яркую номадную биографию и – в обобщенном виде – на сюжетно-нарративное содержание его текстов.

В повести «Птицы...» рассказчик-писатель приезжает на Куршскую косу в поисках вдохновения и успокоения в контексте напряженной социополитической обстановки брежневской эпохи: «С Виктором Дольником я познакомился во время творческого кризиса <...> после ввода танков в Чехословакию» (Битов, 2012, с. 155). Автобиографический рассказчик не называет точно год, в который происходит действие повести, но отмечает, что это его седьмая поездка на Косу, а первая была совершена в 1968 г.: «Впервые я бежал сюда от 1968 года, как за границу» (Битов, 2018, с. 16)². На биостанции лирический герой приобщается к быту ученых-орнитологов и во время прогулок по дюнам Куршской косы ведет с доктором Д. этологические и экологические споры.

Соответствие этапов развития сюжета нескольким параллельно разрабатываемым нарративным пластам уподобляет пространство текста естественному, органическому рельефу нелинейной мысли нарратора.

Во-первых, рассказчик рефлексировал *фабулу* путешествия. История его передвижений, включающая в себя приезд из Москвы на Косу, перемещения по биостанции (в том числе общение с орнитологами и птицами) и прогулки по дюнам, раскрывает динамику *эмпирического пространства* как материал для будущего литературного осмысления. Символизм топоса Косы задается семантикой отдельных локусов, созерцаемых и мифологизируемых нарратором:

I. Куршский пейзаж:

1. Воздух: «воздушный океан» (с. 14).
2. Земля: дорога от «большой земли» до станции, «танцующий лес».
3. «Огонь»: созданные ветром, раскаленные солнцем желтые пески – дюны.

¹ Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. URL: <http://niv.ru/doc/poets/rus-postmodern-literature/106.htm> (дата обращения 01.05.2023).

² Далее при ссылке на это издание номер страницы указывается рядом в скобках.

4. Вода: омывающие Косу акватории.

II. Сама биостанция, пространство которой также делится на локации:

5. Помещения полевого стационара, в которых живут ученые: «лекционная аудитория», «людская», чердак, в котором лирический герой жил в прошлый свой приезд, будка, в которой он живет сейчас.

6. Исследовательские приспособления орнитологов: сети для ловли птиц, «марковник» (устройство для изучения механизмов их пространственной ориентации) и др.

Во-вторых, *сюжет* создания текста о путешествии героем-писателем реализует коллизию воссоздания образа мира в слове, художественного «жизнетворчества».

В-третьих, автобиографический герой в позиции «ученика» ведет беседы с «учителем» доктором Д., которые можно интерпретировать и как факт реальной коммуникации, и как метафорическое воплощение «бифуркации» сознания героя.

Тематические и нарративные пласты тесно переплетаются. Так, сцены созерцания героем куршского пейзажа (фабульный уровень) перетекают в геопоэтическое осмысление пространства косы как однородной среды, близкой сфере чистого духа, и порождают восприятие героем пространства Косы как обостряющего в человеке ощущение смертности (по модели натурфилософского отступления).

Повесть дает осмысление онтологических проблем Битовым как художником, ориентированным на «поэтику географических образов в литературе и искусстве» [Сид, 2015, с. 154]. Геопоэт анимирует натурфакт, выявляет ранее «не прочитанные» грани образа пространства, репрезентирующие его глубинный смысловой потенциал. Он обновляет складывающееся вокруг топоса семантическое поле и на уровне метанаррации задает новый дискурс, «превращая» локус в текст. Поскольку до повести Битова образ Куршской косы в искусстве был представлен преимущественно в кинематографе («Схватка» (1972), «Дорогой мальчик» (1974) и др.) и только локально – в литературе (в прозе и поэзии М. Г. Родионовой, А. М. Краснова, А. П. Дарьялова и др.), Битова можно считать одним из творцов художественной мифологии Косы.

Куршская коса – самая протяженная из трех кос балтийского комплекса, простирающаяся от Калининградской области до Литвы и отделяющая Куршский залив от Балтийского моря. Согласно словарю, коса – это «низкая намывная полоса суши на берегу моря или озера <...> Сложена песком, галькой, ракушкой. Образуется в результате перемещения наносов волнами <...> и их аккумуляции на участке падения энергии волны» [Географический энциклопедический словарь, 1988, с. 146]. В формировании уникального ландшафта Куршской косы определяющую роль сыграло гармоническое сотворчество, совлиание природных и антропогенных факторов: будучи сотворенной эоловыми отложениями, она поддерживается деятельностью человека, в частности строительством защитных авантюнов [Ромина, Мякокина, 2021]. В повести Битова сюжет подвигания песчинок-атомов первоматерией воды на перекрестке стихий, посреди «воздушного океана» (с. 14), повторяет коллизии архаических космогонических мифов.

Битов изображает Куршскую косу как тонкий слой биоса, подпертый земной твердью снизу и придавленный толщей воздуха сверху, который воплощает одновременно целостность, плотность и внутренний драматизм, бурление разнонаправленных потоков: земное стихийно переплетается с космическим, ментальное и материальное волнами находят друг на друга. Указывая на парадоксальность

самой возможности зарождения и самовоспроизведения жизни в пустоте, в ничто, битовский герой-повествователь использует фигуру остранения, сравнивает человека с крабом, птиц – с рыбами (с. 14–15), погруженными, как и вся планета, в «воздушный океан» – космическое подобие «амниотической жидкости» Галактики. Это позволяет подчеркнуть тварную природу жизни на Земле, идентифицировать ее как «пренатальное» состояние, а неизбежность смерти – как предопределенность нового рождения – понятого не отвлеченно-метафорически, а органически-закономерно.

Гетерогенная природа и самобытная морфология Косы – узкой длинной полосой песка между двумя водными бассейнами – позволили герою-писателю увидеть в ней метафору жизни человека, существующего в напряжении «на границе двух сред» (с. 15) и принадлежащего им обеим – земле и небу, плоти и духу, логосу и эросу, добру и злу, жизни и смерти, бытию и небытию. По Битову, антиномическая сущность человека определяет фатальность его разлада с самим собой, непрестанное стремление к обретению утопической гармонии.

«Заброшенность-в-мир», «на границу двух сред» (с. 15) герой битовской повести воспринимает как универсальное экзистенциальное испытание для человека, который, как странник, под бременем ответственности за себя и за мир «тяжко идёт <...> по земле <...> Как будто ему больно» (с. 15). В целом «напряжение границы» (с. 15) – т. е. априорная неустойчивость положения человека в бытии – становится для автобиографического героя-писателя стимулом духовного поиска и толчком к совершению путешествия на Куршскую косу.

Узость Косы символизирует в повести «Птицы...» хрупкость пойманного актом творения биотического равновесия, зыбкость человеческого существования, на мгновение материализующегося в вечности – и растворяющегося в ней. Антропоморфность центрального геопозитического образа повести можно соотнести с современными Битову философскими концепциями, выразившимися в формулировании «антропного принципа» (термин введен Б. Картером в 1973 г.), согласно которому мироздание изначально было ориентировано на появление человека-созерцателя – не в метафизическом, а в материалистическом, синергетическом контексте, «в рамках принципов саморазвития, самоорганизации, эволюции мира» [Черникова, 2011, с. 159].

Выбор заглавного образа повести («птицы») констатирует ограниченность человеческой картины мира, акцентирует существование в повседневности другого, более универсального и отстраненного взгляда «сверху», как бы подобного трансгредивентному [Бахтин, 2000, с. 319] взгляду Автора или Бога-Создателя, но максимально приближенного к человеческому бытованию, – взгляда птиц, существующих между землей и небом. В осмыслении битовского героя-писателя ключевая мифологема Косы – именно орнитофауна. С одной стороны, путешествующий герой обращает внимание, что ежегодно миллионы мигрирующих птиц используют эту тянущуюся по меридиану полосу суши как перевалочный пункт для отдыха, кормежки, гнездования. Ученые-орнитологи здесь всеми возможными способами исследуют миграции птиц. С другой стороны, взгляд автобиографического героя, ищущего этологического разрешения проблемы болезненной раздвоенности человека, падает именно на птиц как на обитателей безбарьерного «воздушного океана» (с. 14), чья экзистенциальная целостность представляется герою причастной сфере абсолютного духа.

Битов-автор ритмическими паузами, волнообразными сменами интонации создает неоднородность ландшафта текста, как будто уподобляя само повествование

«воздушному океану» (с. 14). Однако с точки зрения организации нарратива это позволяет ему перебирать разнообразные модальности, проверяя научные, натур-философские, художественные, религиозные идеи.

Сюжетным контрапунктом метафорического путешествия в повести становится вынесенный автором в заглавие феномен *оглашения*. Согласно «Православной энциклопедии» «оглашение» – это «период подготовки, предшествующий принятию новых членов в Церковь» [Православная энциклопедия, 2018, с. 380]. В этом контексте герой Битова может быть осмыслен как паломник, стремящийся к метафизическому ориентиру, ищущий путь к спасению души. По признанию рассказчика, Коса – это «единственное место» на Земле, действующее на него «воскрешающе благотворно» (с. 16): человек здесь может ощутить причастность тому абсолютному покою, которым в Библии был отмечен седьмой день Творения – день отдохновения Бога от дел.

Отмечая, что Коса напоминает «родину, которой никогда не видел» (с. 17), герой утверждает реальное существование метафизических измерений (в аристотелевском понимании) и возможность достижения человеком этих «истоков истоков». Лирический герой объясняет уникальную энергетику таких мест, как Коса, их самоцельностью и самодостаточностью: «...настолько <...> существует без тебя, что и не исторгает тебя» (с. 17).

Это представление об «изначальной» лояльности пространства по отношению к человеку соответствует антропному принципу как центральной философской идее повести: Коса может существовать без созерцателя, но способность осмысления собственной природы она получает, только отражаясь в «зеркале» человеческого сознания.

Таким образом, во время путешествия на Куршскую косу автобиографический герой переживает новый духовный опыт. Это определяет и напряженность его «творческих мытарств» – в изображении Битова герой-писатель постоянно ищет наиболее адекватные формы самовыражения в слове, воплощающие его смирение перед Бытием.

Так, если орнитологическая биостанция представлена как единственный антропогенный локус на Косе, одинокий цивилизационный элемент в зоне первозданного куршского пейзажа, то большая часть эпизодов философских поисков героя выносится за пределы этого научно-исследовательского стационара, в открытое природное пространство, «океан непознанного». Центральная линия сюжета – прогулки героя-рассказчика с доктором Д. по куршским пескам с обсуждением этологических истоков и экологических перспектив человечества. К середине повести он начинает совершать не только «перипатетические» прогулки с доктором Д., но и индивидуальные созерцательные выходы на Косу. В повествовании изображение этих прогулок перемежается медитациями героя наедине с природой Косы, выражающими его способность к деятельному созерцанию и напряженной интеллектуальной рефлексии, а также пассажами натурфилософских (экологических и этологических) отступлений, сформулированных героем-нарратором уже как бы в момент создания им данной повести и воплощающих эволюцию его сознания.

Такая сложная организация сюжета указывает, что, по Битову, познание автобиографическим героем философских вопросов не предполагает единственно верных ответов, так как воплощает вечное движение, углубление и разветвление мысли.

Об этом свидетельствует и изображение движения героя внутри пространства Косы, насыщенное многообразным культурным контекстом. Во-первых, семантика прогулки беседующих героев в пространстве Косы восходит к античному образу гимназия, где преподавал Аристотель: располагавшийся рядом с храмом Аполлона Ликейского близ Афин, он включал в себя пространство для перипатетических прогулок [Словарь античности, 1989, с. 316]. Индивидуальные созерцательные выходы героя на Косу восходят как к прообразу к знаменитым «философическим» променадам немецкого мыслителя эпохи Просвещения И. Канта (1724–1804), жившего в находящемся в непосредственной близости от Косы городе Кёнигсберге (Калининграде).

Во-вторых, у Битова восхождение беседующих персонажей на дюны материализует и символизирует их интеллектуальное напряжение: состоящие из крупно-песчаные наносы за годы складываются в плотные, слоноподобные горы: «Они покачивались перед глазами при каждом шаге, как <...> караван слонов» (с. 34). Вверх по склонам Косы в небо «взлетают» зайцы – «косые», которых герой воспринимает как «наглядные пособия» для своих этологических споров со спутником.

В-третьих, сцены прогулок с доктором Д. и медитаций героя наедине с пространством Косы актуализируют множество культурных традиций XX в. Битовский сюжет преодоления гор из песка как органической пыли земли можно рассмотреть как аллюзию на философию «вещества» космиста Н. Ф. Фёдорова, писавшего о победе над смертью как «общем деле» человечества, о возвращении к жизни предков, долженствующем свершиться через собирание их рассеянного по миру праха («земля – прах наших предков, материал воскрешения» [Фёдоров, 1995, с. 245]). Написание Битовым слова «Коса» с заглавной буквы акцентирует семантику смертности: в славянской мифологии коса (и кости) – атрибуты персонифицированной смерти [Славянские древности..., 2012, с. 58–71]. Песочные насыпи с «лёгким птичьим следом» (с. 38), со скользящими вниз «трупиками жучков» (с. 38) и божьих коровок-паломниц, идущих вверх, к морю, но погибающих в пути, в битовской повести семантически сближаются с курганами. Как на могилах, на них растут скромные «микроцветочки» (с. 38).

Сюрреалистическая образность косы у Битова предвосхищает метафизический топос Рима у И. А. Бродского как пространства, «где громоздка / даже мысль о себе», на котором «звук, из земли подошвой / извлекаемый – <...> серенада, которую время оно / напеваает грядущему» [Бродский, 1993, с. 259] (1981). Ср.: в «Птицах...» собеседники в абсолютной тишине поднимаются по сыпучим откосам дюн босиком, и герой-писатель всматривается в поверхность песка, в остающиеся на ней отпечатки – следы собственного шага.

М. Пекло, обращавший особое внимание на преобладание стихии воздуха в описании косы и интерпретировавший «Птицы...» как стадию «вдоха» в контексте «романа-дыхания» «Оглашенные», назвал куршский пейзаж в повести «чюрлёнисовским»³. О творчестве М. К. Чурляниса Вяч. Иванов писал как о провидческой, прозревающей сквозь материальную оболочку одну лишь суть предметов попытке синтеза статического искусства живописи и временного – музыки⁴, что

³ Интерпретация Михаила Пекло // Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. URL: <http://niv.ru/doc/poetics/rus-postmodern-literature/109.htm> (дата обращения 23.06.2023).

⁴ Иванов Вяч. Чурлянис и проблема синтеза искусств. URL: <http://ivanov.lit-info.ru/ivanov/kritika-ivanova/churlyanis-i-problema-sinteza-iskusstv.htm> (дата обращения 23.06.2023).

оказывается близким битовскому пониманию морфологии Косы, глубиной пространства восполняющей остановившийся хронос.

Открывающийся с покоренных героями песочных вершин куршский пейзаж встраивается в парадигму и собственно битовских боговдохновенных «видов» – точек приближения к анагоризису, к катарсису (арка Чаренца в повести «Уроки Армении», хивинский минарет в повести «Наш человек в Хиве...» (1972), Зедазенский монастырь в повести «Грузинский альбом» (1973), Стена Плача в эссе «В ночь под Рождество» (2004) и т. д.).

Сюжет прогулок и медитаций героя в природном пространстве Куршской косы, стягивающий различные культурные контексты и становящийся центральным в повести «Птицы, или Оглашение человека», формирует мифопоэтику Косы и требует последовательного рассмотрения.

В поисках точного определения герой в прямом эссеистском лирико-аналитическом высказывании характеризует локус Косы как место абсолютного соответствия реальности и имени⁵. Здесь ему кажется преодолимым разрыв между явлением и называющим его словом: «овеществление понятий, осуществление словаря» (с. 42). В этом гуманистическом «заповеднике» (с. 42) сглаживается «апокалипсический овраг» (с. 41) сурового жизненного опыта, полного неясностей, противоречий, несоответствий между ожиданиями и действительностью.

Созерцание пространства во время прогулок приводит героя Битова к восприятию Косы как оси зеркальной симметрии между двумя бассейнами (Западный – Балтийское море и Восточный – Куршский залив), где водная и небесная лазури перетекают друг в друга и сливаются воедино. На пике *горы из песка* (оксюморон по своему существу) герой (геолог, как и Битов) впервые остро ощущает *отсутствие земли под ногами*, дарующее пространству Косы и всем происходящим здесь событиям ауру иллюзорности, онейроидности, «географического небытия» (с. 41). Нестандартная форма Косы (протяженность «в длину» и «в высоту» и сокращенность «в ширину») переживается путешественником как гипнотическая деформация пространственно-временных отношений.

В этой архитектонике куршского пейзажа для героя зримое, материальное воплощение получает преобладание зоосферы над антропологическим, цивилизационным уровнем: на лезвии узкой полосы суши даже некрупные представители фауны кажутся ему несоразмерно огромными, как на детской зоогеографической карте. При всём многообразии заселяющих Косу видов орнитофауна выделяется квантитативно и онтически: птиц привлекает возможность совершать вдоль меридиана косы свои сезонные перелеты на «автопилоте» (с. 44).

Битов закрепляет в повествовании и мифопоэтический образ «воздушного океана»: герой-рассказчик, рассуждая об исследовательской деятельности на Косе, отмечает, что расставленные учеными для ловли и последующего кольцевания птиц сети напоминают рыбацкие («...пробка здесь всплывает вверх лишь чуть-чуть, и то из бутылки шампанского» (с. 44)). Таким образом, битовский герой постоянно рифмует закономерности человеческого и животного миров, воздушной и морской стихий, но прибегает к юмору как атрибуту маски профана.

В сюжет геопозитической мифологизации пространства включен еще один аспект осмысления героем феномена двухмерности Косы (простирающейся *вдоль*, открывающей перспективу *вверх* и редуцированной *вширь*, остановившейся

⁵ Содержание любого мифа «исчерпывается его мифологическим именем» (Ковалёва И. Миф: повествование, образ и имя // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 93).

во *времени*) – как топоса, задающего символическую вертикаль, сопрягающего сферы физического и сверхчувственного. Коса как пространство двоемирия актуализирует романтическую модель путешествия (дающую представление о человеке как об отвергающем обиходную аксиологию страннике, противостоящем стихии жизни в поиске подлинной свободы).

Сюжет странствия обнаруживает потенциал экзистенциальной метафоры: «Окончательно равны мы лишь в самом низу (прах) и на самом верху; остальное – пути» (с. 52). Образ Косы у Битова устойчиво воплощает семантику послесмертия. Во-первых, в восприятии лирического героя Коса эфемерна, миражна, фантомна, мнима: это не прочная земля, а морская отмель, вышедшая из воды на одно лишь геологическое мгновение и движимая ветром к берегу. Сравнение Косы с выглянувшей из воды спиной кита (с. 54) порождает ассоциацию с фольклорно-сказочным дискурсом, но образ Чудо-Юдо Рыбы-Кита в поэме П. П. Ершова «Конёк-Горбунок» (1834) связан как с сотериологическим сценарием чуда, волшебства, победы добра над злом, так и с библейской ветхозаветной традицией, где морское чудовище Левиафан – антагонист Бога, а также «Адская пасть», пожирающая грешников [Мифы народов мира, 1980, с. 580–581].

Во-вторых, в восприятии рассказчика топос Косы – уникальный инвариант гармонического примирения противостоящих в вечности полюсов спасения (рая) и возмездия (ада), воспринимаемый одновременно как воплощение инфернального начала и как обособленный уголок «земли обетованной». Здесь человек получает возможность рационализировать идею неизбежности конца – самую неотступную из человеческих дум – и принять ее. Бесстрашное принятие мысли о Танатосе как истинном хозяине всего живого ощущается героем как прорыв к подлинной свободе.

В пространстве Косы автобиографический герой-писатель преодолевает свой «творческий ступор»: в событии письма он пытается превозмочь несказанную, неотразимую энергетику места, но одиночные медитации на Косе открывают ему бессилие слов перед живой природой, о котором должен помнить любой писатель.

Размышляя о смерти, рассказчик ищет психологические рифмы в пейзаже и отправляется не на западный балтийский берег Косы, куда море вымывает «мусор» (с. 65) – артефакты деятельности людей, а на восток, к заливу, где максимально ощущается неостановимый бег песчаного «тела» в сторону большой земли. Воссоединение с ней будет означать для Косы – растворение в большом целом. Утопический (как будто «приснившийся» (с. 65)) топос Косы, где оставленный путником на песке след сразу же замечает ветер, символизирует для героя границу между жизнью и смертью. Пережитая на восточном берегу включенность в пейзаж Косы, которую каждый миг существования приближает к небытию, дает ему возможность прочувствовать диалектику собственного присутствия в мире как «жизнесмерти».

С одной стороны, утёсистые дюны восточного берега – «лысого» (с. 65), в отличие от облесённой западной стороны, – порождают ассоциации с Лысой горой, в славянском фольклоре являющейся «традиционным местом шабаша ведьм» [Славянские древности..., 1995, с. 520]. С другой стороны, восприятие путешественником этого края Косы как безлюдной песчаной пустыни обращает к библейскому контексту: согласно Новому Завету после Крещения Христос удалился в пустыню, чтобы там победить Сатану, преодолев его искушения. Здесь у лирического героя возникает ощущение присутствия враждебных потусторонних сил:

кружится голова, перед глазами плывут миражи, время и пространство искажаются, появляется готовность поддаться духовному соблазну («Я сделал шаг в пустоту, испытывая чувства Икара» (с. 65)).

Евангельский сюжет победы Иисуса над Дьяволом, рассчитывавшим уязвить человеческую ипостась Богочеловека, видится ориентиром герою-страннику, ищущему путей примирения антиномических начал собственной природы. Подробно о том, что Христос находился в пустыне «со зверями; и Ангелы служили Ему» (Мк. 1:13), толкователи Священного Писания интерпретировали, в том числе, как знак превращения Сыном Божиим пустыни в рай [Толковая Библия..., 1912, с. 20]. Лирический герой замечает у воды «мёртвого леща» со «съеденным боком», чья «продолжающаяся смерть» кажется ему «единственной здесь жизнью», поднимает голову и видит плывущую в воздухе «умершую вчера» (с. 66) чайку с зажатой в клюве песчинкой, символизирующей невозможность физически остановить бег времени.

В христианстве из прочтения «анаграммы греческой фразы: *Iesus Christos Theou Huios Soter* <...>, содержащейся в латинском *слове* *Ichthus*» [Энциклопедия..., 2004, с. 431], возникла интерпретация образа рыбы как одного из первых символов Христа. Однако у Битова страшный антиутопический образ неживого-немёртвого, наполовину съеденного леща выражает концепцию жизни и смерти, близкую не христианству, а, скорее, драматической эсхатологической парадигме, обнаруженной исследователями в творчестве А. Платонова: «Сказать, кто из героев Платонова жив <...> а кто уже мёртв, нельзя <...> одни находятся в начале умирания, другие на пороге могилы, а третьи уже мертвы <...> воскресения мёртвых не будет» [Никольский, 2014, с. 111]. Напротив, образ вернувшейся к жизни птицы воплощает идею реального бессмертия – не как патетического религиозного воскрешения, а как естественной самовоспроизводимости органической жизни.

Отдавая предпочтение оригинальному образу птицы перед вторичным образом рыбы как «птицы земли» [Энциклопедия..., 2004, с. 430], герой-повествователь открывает симметрию бытия – зеркальную не-тождественность земли и неба: в реальности птица выше, свободнее рыбы. Проверка сакрализованной языковой метафоры («*Ichthus*») на референциальность (рыба – символ воскрешения?) приводит героя-писателя к мысли о том, что в действительности язык лишь маскирует, но не определяет и не объясняет реальность: «Может быть, передо мной до горизонта простиралась рыба, а над головою была одна бездонно голубая птица? <...> Слова были наконец пусты <...> Я отделился от языка, бубнящего мне, что мир есть <...>» (с. 66).

Катарсическое прозрение героя Битова оказывается близким школе «критики языка» (М. Фуко, Ж. Деррида), из которой выйдут основные принципы постструктурализма – философского течения последней четверти XX в., заявившего о неприятии рационально обосновывающего феномены действительности позитивного знания, о вдохновенности бессознательным [Западное литературоведение..., 2004, с. 329]. Антидидактическое открытие лирического героя заключается в том, что отражение мира в человеческом знании, в языке подобно неверному зеркальному отражению, которое искажает суть предмета, меняет местами правое и левое – при сохранении пиксельной точности.

По Битову, высшим замыслом не было предусмотрено посвящение человека в абсолютное знание. Созерцая летящую над Косой стаю из неизвестного количества птиц, герой-путешественник прибегает к математической метафоре и конста-

тирует, что у человека есть представление о бесконечности числового ряда, но сам он умеет считать не дальше единицы. Разлитые в бытии намеки подсказывают герою, что истина существует, но находится в ведении одного лишь Творца. Однако закрытая для человека возможность непосредственно видеть *себя* как *себя*, напрямую созерцать свой «внутренний мир» (как бы он ни был назван – «душа», «дух», «истинная природа») компенсируется глубоким гносеологическим смыслом путешествия: обновление вида бытия перед глазами странника дает ему более полное представление о самом себе, чем ретроспективный взгляд, попытки вывести содержание своего «я» путем разглядывания собственного тела.

Таким образом, центральный топос повести Битова (Куршская коса) представлен пространством философской рефлексии, организующим сюжет путешествия как метафору ментального странствия. Поездка героя на Куршскую косу продиктована поиском новизны, интенцией к мифологизации реальности, но имеет место и обратный процесс: путешествие в ландшафте переходит в путешествие в духовном измерении (поиск истины о себе и о человеке вообще), итогом которого становится метафизическая интуиция, приоткрывающая дверь к катарсису.

Однако в финале повести Битов показывает, что, достигнув в индивидуальном созерцании куршского пейзажа максимально возможного на данном этапе пути духовного результата, рассказчик возвращается к формату прогулок с доктором Д. по западному берегу Косы и наблюдает, как море вымывает поглощенные им когда-то артефакты человеческой деятельности. Эта сцена говорит о том, что найденные в повести ответы не следует считать окончательными. Выбрасываемые морем яркие ящики и ведра, с точки зрения героя, символизируют «блестящие мысли», которые нельзя «доказать или подтвердить экспериментально» (с. 68). На уровне автора это метафора, воплощающая его постмодернистскую иронию: по Битову, двигаясь к природе в поисках ответов на онтологические и экзистенциальные вопросы, человек должен трезво понимать, что природа постоянно вторично подбрасывает ему для познания продукты его собственной жизнедеятельности.

Список литературы

- Аннинский Л.* Странный странник // Портрет поздней империи: Андрей Битов / Авт.-сост. Е. Чигрин. М.: АСТ, 2020. С. 14–30.
- Бахтин М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
- Бродский И.* Избранное. М.: Третья волна; Мюнхен: Нейманис, 1993. 295 с.
- Географический энциклопедический словарь: Понятия и термины / Гл. ред. А. Ф. Трещников. М.: Сов. энциклопедия, 1988. 432 с.
- Западное литературоведение XX в.: Энциклопедия. М.: Интрада, 2004. 560 с.
- Мифы народов мира / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 1147 с.
- Никольский С. А.* Живое и мёртвое: путешествие Андрея Платонова по царству смерти // Вопросы философии: научно-теоретический журнал. 2014. № 9. С. 110–120.
- Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 41: Ливаний – Львовский в честь Преображения Господня женский монастырь. 751 с.; 2018. Т. 52: Ной – Онуфрий. 751 с.

Ромина Л. В., Мякокина О. В. Природные особенности и антропогенные факторы формирования экосистем Куршской косы // Жизнь земли. 2021. Т. 43, № 2. С. 248–257.

Сид И. Геопоэт, или По дороге на Лхасу // Битов, или Новые сведения о человеке: [Сборник] / Сост. А. Бердичевская. М.: Эксмо, 2020. С. 190–195.

Сид И. История понятия «геопоэтика» // Вестник МГЛУ. 2015. № 11. С. 153–170.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого; Ин-т славяноведения РАН. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. 575 с.; 2012. Т. 5. 736 с.

Словарь античности: Пер. с нем. / Сост. Й. Ирмшер; отв. ред. В. И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989. 704 с.

Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Пб.: Издание преемников А. П. Лопухина, 1912. Т. 10. 519 с.

Тугушева Э. Ф. Метапоэтика А. Г. Битова: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 224 с.

Фёдоров Н. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Прогресс, 1995. Т. 1. 518 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.

Черникова И. В. Философия и история науки: [Учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности 030101 «Философия»]. Томск: Изд-во НТЛ, 2011. 388 с.

Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы / Авт.-сост. В. Андреева и др. М.: Астрель: АСТ, 2004. 556 с.

Список источников

Битов А. БАГАЖЪ: книга о друзьях. М.: ArsisBooks, 2012. 176 с.

Битов А. Г. Оглашенные: Роман в четырёх частях. М.: Вече, 2018. 448 с.

References

Anninskiy L. Strannyy strannik [Strange wanderer]. In: *Portret pozdney imperii: Andrey Bitov* [Portrait of the Late Empire: Andrey Bitov]. Chigrin E. (Ed.). Moscow, AST, 2020, pp. 14–30.

Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg, Azbuka, 2000, 336 p.

Brodsky I. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Tret'ya volna, Munich, Neimanis, 1993, 295 p.

Chernikova I. V. *Filosofiya i istoriya nauki: uchebnoe posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030101 "Filosofiya"* [Philosophy and history of science: textbook for students studying in the specialty 030101 "Philosophy"]. Tomsk, NTL, 2011, 388 p.

Entsiklopediya. Simvoly, znaki, emblemy [Encyclopedia. Symbols, signs, emblems]. Andreeva V. et al. (Comps.). Moscow, Astrel, AST, 2004, 556 p.

Fedorov N. F. *Sobr. soch.: V 4 t.* [Collection of works: in 4 vols.]. Moscow, Progress, 1995, vol. 1, 518 p.

Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar': Ponyatiya i terminy [Geographical Encyclopedic Dictionary: Concepts and terms]. Tryoshnikov A. F. (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1988, 432 p.

Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Bibikhin V. V. (Transl. from Germ.). Kharkiv, Folio, 2003, 503 p.

Mify narodov mira [Myths of the nations of the world]. Tokarev S. A. (Ed. in Ch.). Moscow, Sov. entsikl., 1980, 1147 p.

Nikol'skiy S. A. Zhivoe i mertvoe: puteshestvie Andrey Platonova po tsarstvu smerti [The living and the dead: Andrey Platonov's journey through the kingdom of death]. *Voprosy filosofii: nauchno-teoreticheskiy zhurnal*. 2014, no. 9, pp. 110–120.

Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia]. Patriarch Kirill of Moscow and All Rus' Kirill (Ed.). Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsiklopediya," 2016, vol. 41: Livaniy – L'vovskiy v chest' Preobrazheniya Gospodnya zhenskiy monastyr' [Lviv church in honor of the Transfiguration of the Lord], 751 p.; 2018, vol. 52: Noy – Onufriy, 751 p.

Romina L. V., Myakokina O. V. Prirodnye osobennosti i antropogennyye faktory formirovaniya ekosistem Kurshskoy kosy [Natural features and anthropogenic factors in the formation of ecosystems of the Curonian Spit]. *Life of the Earth*, 2021, vol. 43, no. 2, pp. 248–257.

Sid I. Geopoet, ili Po doroge na Lkhasu [Geopoet, or On the way to Lhasa]. In: Berdicevskaya A. [Ed.]. In: *Bitov, ili Novye svedeniya o cheloveke: sbornik* [Bitov, or New information about a person: collection]. Moscow, Eksmo, 2020, pp. 190–195.

Sid I. Istoriya ponyatiya "geopoetika" [The history of the concept of "geopoetics"]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2015, no. 11, pp. 153–170.

Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes]. Tolstoy N. I. (Ed.). Institute of Slavic Studies of RAS. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995, vol. 1, 575 p.; 2012, vol. 5, 736 p.

Slovar' antichnosti [Dictionary of antiquity]. Y. Irmsher (Comp.), V. I. Kuzishchin (Ed. in Ch.). Moscow, Progress, 1989, 704 p.

Tolkovaya Bibliya, ili Kommentariy na vse knigi Sv. Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [Explanatory Bible, or Commentary on all the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. St. Petersburg, Izd. preemnikov A. P. Lopukhina, 1912, vol. 10, 519 p.

Tugusheva E. F. *Metapoetika A. G. Bitova* [Metapoetics of A. G. Bitov]. Cand. philol. sci. diss. Saratov, 2011, 224 p.

Zapadnoe literaturovedenie XX v.: Entsiklopediya [Western literary criticism of the 20th century: an encyclopedia]. Moscow, Intrada, 2004, 560 p.

List of sources

Bitov A. *BAGAZh: kniga o druz'yakh* [BAGGAGE: a book about friends]. Moscow, ArsisBooks, 2012, 176 p.

Bitov A. G. *Oglashennyye: roman v chetyryokh chastyakh* [Catechumens: a novel in four parts]. Moscow, Veche, 2018, 448 p.

Информация об авторе

Екатерина Дмитриевна Буханова, аспирант филологического факультета НИ ТГУ, старший преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии СибГМУ (Томск, Россия)

Information about the author

Ekaterina D. Bukhanova, Postgraduate Student, Faculty of Philology, Tomsk State University, Senior Lecturer, Department of Latin Language and Medical Terminology, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.10.2023;
одобрена после рецензирования 01.04.2024; принята к публикации 01.04.2024
The article was submitted on 06.10.2023;
approved after reviewing on 01.04.2024; accepted for publication on 01.04.2024*

Научная статья

УДК 811.161.1, 82-14

DOI 10.17223/18137083/90/10

Слово в тексте лирического стихотворения

Игорь Юрьевич Размашкин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Санкт-Петербург, Россия

igor.razmashkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6555-7119>

Аннотация

Рассматривается преобразование системных (словарных) значений лексем в стихотворном тексте на материале творчества А. Ахматовой. Базой для трансформации и обогащения смысла становится композиционно-синтаксическая организация «стиховых рядов» с их законом единства и тесноты (по Ю. Н. Тынянову). Представлена идея неоднократной степени взаимодействия и преобразования лексических единиц в стихотворных контекстах различного диапазона. Развивается идея исследования автореминисцентного контекста как метода выявления глубинного смысла произведений. Актуализированы проблемы читательского понимания авторского замысла, интерпретации художественного текста, текстов лирических стихотворных циклов и анализа конкретных стихотворений – на примере «Предвесенней элегии» из «Полночных стихов». Применяются компоненты структурного анализа стихотворного текста с целью постичь глубину содержания. Выстраивается парадигма исследований поэтического языка от начала XX в.

Ключевые слова

поэтический язык, слово, преобразование значений, композиционно-синтаксическая организация, стихотворный текст, лирическое стихотворение, цикл, Ахматова

Для цитирования

Размашкин И. Ю. Слово в тексте лирического стихотворения // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 137–150. DOI 10.17223/18137083/90/10

A word in the text of a lyrical poem

Igor Yu. Razmashkin

St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russian Federation

igor.razmashkin@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6555-7119>

Abstract

The paper discusses how the system or dictionary meanings of words can be transformed in a poetic text based on the analysis of the creativity of Anna Akhmatova. According to Yuri

© Размашкин И. Ю., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 137–150
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 137–150

Tynyanov, the transformation and enrichment of meaning rely on the composition and syntax of “verse rows” and their principle of unity and coherence. This study introduces the concept of repeated degrees of interaction and transformation of lexical units in various poetic contexts. The author puts forward the idea of studying the context of auto-reminiscences as a tool to understand the profound meaning of works. Additionally, the challenges of understanding the author’s ideas and interpreting literary texts are actualized by examining the “Pre-Spring Elegy” from “Midnight Poems.” It is suggested that the reader can engage in creative conjectures (their co-creation) when interpreting the text, but the interpretation must always align with the author’s original intent. A meticulous examination of linguistic methods employed to convey the “author’s persona” and inclusive consideration of broad contexts geared towards the discerning reader can allow one to extract the utmost conceptual information and comprehensively interpret the text of a lyrical poem. The study aims to comprehend the profound depths of meaning within a poetic text by employing the structural analysis methodology. Finally, the author develops the paradigm of poetic language research from the beginning of the twentieth century.

Keywords

poetic language, word, transformation of meanings, compositional-syntactic organization, verses text, lyrical poem, cycle, Akhmatova

For citation

Razmashkin I. Yu. A word in the text of a lyrical poem. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 137–150. (in Russ.) DOI 10.17223/1813 7083/90/10

Труды выдающихся филологов XX в. выстраиваются в научную парадигму исследований поэтического языка в различных аспектах и являются фундаментом ее продолжения, см., например: [Брик, 2012¹; Виноградов, 1976; Гаспаров, Скулачева, 2004; Гинзбург, 1974; Жирмунский, 1921; 2001²; Золян, 1981; 2013; Ильенко, 2008; Ковтунова, 1986; Лотман, 1972; Очерки..., 1993; Русские поэты..., 2021; Словарь..., 2001–2022; Стих, язык, поэзия..., 2006; Тарановский, 2000; Тименчик, 2014; Томашевский, 1959; Труды..., 2017; Тынянов, 1965; Фарино, 1980; Щерба, 1957; Эйхенбаум, 1969; Эткинд, 1985³; Якобсон, 1985]. Каждая из работ, при всём их различии, выявляя индивидуальный подход исследователей к тому или иному вопросу из широкого спектра, утверждает в сознании философскую мысль о науке как о многолетнем коллективном деле.

Стимулом для размышлений над проблемами преобразования лексических значений в тексте лирического стихотворения стали идеи, высказанные сто или более ста лет назад в дискуссионных научных докладах и развитые в опубликованных трудах прежде всего О. М. Брика, Ю. Н. Тынянова, В. В. Виноградова, В. В. Жирмунского, Б. М. Эйхенбаума. В настоящей работе поиски новых ракурсов в изучении поэтического языка и стихотворных текстов вдохновлены творчеством Анны Ахматовой.

По меткому замечанию В. В. Степановой, «свобода соединения, функциональная нагруженность лексических средств, специфическая их организация (при относительной непротяжённости текста) делает поэтический текст весьма интересным объектом исследования, направленного на определение закономерностей

¹ Впервые: Новый ЛЕФ. 1927. № 3. С. 15–20; № 4. С. 23–29; № 5. С. 32–37; № 6. С. 33–39.

² Впервые: *Жирмунский В. М.* Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 332–336.

³ Репринтное издание: СПб.: Гуманит. союз, 1998.

организации лексического уровня, мотивированности его состава, смысловых связей между лексическими единицами» [Степанова, 2006, с. 197]. Результатом такого исследования становится, в частности, обоснование того, что «смысловое членение линейной организации предполагает нераздельность группы слов, связанных общим смыслом» [Там же, с. 206].

Для уяснения истинного смысла словоупотребления в конкретном лирическом произведении необходимо учитывать идеи О. М. Брика [2012], Ю. Н. Тынянова [1965] и В. В. Виноградова [1976] (высказавшихся независимо друг от друга), что именно стихотворная (поэтическая) **строка является единицей стихотворной речи**, а **ритм – конструктивным фактором** стиха, так как «универсальное значение для семантики и синтаксиса поэтического текста имеет закон единства и тесноты стихового ряда» (Ю. Тынянов) [Очерки..., 1993, с. 7]. Под действием этого закона в поэтическом произведении, точнее – в лирическом стихотворении, часто происходит преобразование (трансформация) системных значений лексических единиц. При этом нужно постоянно иметь в виду, что «только весь поэтический текст как единое, целостное, структурно и семантически неделимое высказывание даёт возможность распознать значения и функции... языковых средств в поэзии» и что «отличия от общеязыковых значений выступают лишь в рамках текста» [Там же].

Почти обо всех словах, употребленных А. Ахматовой в стихотворных произведениях, можно сказать следующее, повторяя вслед за В. В. Виноградовым его вывод о функционировании лексем в ее ранней поэзии: «...Хотя онтологически предметное значение их может остаться в существенных чертах не изменённым, тем не менее, поскольку они ощущаются и воспринимаются как части определённой целостной композиции... они имеют лишь внешнюю “морфологическую” связь с однородными лексемами повседневно-диалектической речи» [Виноградов, 1976, с. 374]. Именно такое словоупотребление В. В. Виноградов называет «символическим», выделяя в стихотворных текстах «символы-слова», «символы-фразы» и «символы-предложения» (термины, не вошедшие в стабильное научное употребление из-за очевидной омонимии по отношению к словам «символ» и «символический» в их общепринятых и в устоявшихся терминологических значениях). «Согласно В. В. Виноградову термин *символ* означает всякое поэтическое слово, семантически всегда определенное своим контекстом. В этой трактовке символичность оказывается одним из признаков поэтической речи наряду с многозначностью, повышенной ассоциативностью и т. д. Все эти качества поэтического слова порождены его структурной зависимостью от целостного “эстетического объекта”, с его тесными, часто противоречивыми смысловыми связями» [Гинзбург, 1974, с. 11]. В ахматовской поэтической речи «обычные словосочетания разговорно-интеллигентской речи выступают... как тесно слитые, как неделимые семантические единицы, легшие в основу словесно-художественных построений» [Виноградов, 1976, с. 377].

Вспомним, что стихотворная речь, в своей основе априори имеющая тот же языковой «строительный» материал, что и прозаическая, отличается от нестихотворной речи упорядоченной ритмической повторяемостью на различных уровнях ее организации, от фонетического до интонационно-синтаксического: чередованием ударных и безударных слогов, метроритма, созвучий, рифм, расчлененностью на интонационные отрезки, на стихи строго определенной длины, на строфы с регулярной последовательностью стихов. Такая инвариантная упорядоченность реализуется в конкретных поэтических текстах каждого поэта всякий раз по-но-

вому, тем самым создавая дифференциальные признаки индивидуального авторского стиля (идиостиля).

Всегда актуальной и требующей отдельного исследования представляется проблема соотношения ритмического (в широком смысле) и синтаксического членения стихотворной речи: как накладываются друг на друга синтаксические отрезки и стиховые строки, порождая не только интонационно-ритмический эффект, но и дополнительные смыслы.

Именно композиционно-синтаксическая основа стихотворного текста с его законом единства и тесноты стихового ряда является базой для преобразования системных (словарных) лексических значений под влиянием этого закона и платформой для возникновения «символов-слов», «символов-фраз» и «символов-предложений». «Лексический признак значения находится <...> в своеобразных условиях в стихе. Единство и теснота стихового ряда, динамизация слова в стихе, сукцессивность (т. е. “непрерывная последовательность”. – *И. Р.*) стиховой речи совершенно отличают самую структуру стиховой лексики от структуры лексики прозаической» [Тынянов, 1965, с. 133]. В функционировании лексических единиц поэтического произведения есть характерные особенности, обусловленные необычным взаимодействием слов в стихе и подчинением их метроритму как генеральному организующему фактору стихотворной поэтической речи.

Необходимо говорить не только о проблемах преобразования значений лексических единиц в стихотворном тексте, но также о специфических проблемах и о более тонких нюансах своеобразного **взаимодействия** лексем внутри стихотворного текста. Причем нужно иметь в виду причинно-следственную **двунаправленность** взаимодействия и **неоднократную степень** такого взаимодействия.

Причинно-следственная двунаправленность заключается в том, что взаимодействие лексем “словарного уровня” в стихотворном тексте является не только причиной трансформации их значений, но и следствием, особым результатом этой трансформации, когда на “текстовом уровне” по-новому взаимодействуют лексические единицы, уже преобразованные в «символы-слова», «символы-фразы» и «символы-предложения», выводя к глубинному смыслу лирического стихотворения.

Неоднократная степень взаимодействия заключается в том, что преобразование словарных значений лексических единиц происходит в контекстах различных диапазонов:

- в диапазоне одной стиховой строки, т. е. внутри стихового ряда;
- в диапазоне всего стихотворения (микротекста в составе цикла, если стихотворение включено в цикл), т. е. во взаимодействии с другими преобразованными лексемами и / или их сочетаниями внутри стихотворного текста;
- в диапазоне целого лирического цикла (макротекста, организованного автором), т. е. во взаимодействии с другими преобразованными лексемами и / или их сочетаниями внутри циклически организованного стихотворного текста, между различными компонентами макротекста;
- и, наконец, в диапазоне всего творчества поэта, т. е. во взаимодействии с другими словоупотреблениями в более или менее широких контекстах в зависимости от целей их сопоставления и / или при выявлении «автореминисцентного контекста» [Размашкин, 2004]. В автореминисцентном контексте учитываются интертекстуальные (аллюзивные и образно-ассоциативные) связи стихотворений с другими произведениями разных лет самой же А. Ахматовой. Ср., например:

Была над нами, как звезда над морем, / Ища лучом девятый смертный вал... («И последнее» в цикле «Полночные стихи») и *И встретить я была готова / Моей судьбы девятый вал* («По той дороге, где Донской...» в цикле «Шиповник цветёт»). Благодаря таким автореминисценциям образ *девятого вала*, воспринимаемый в любом искусстве и в речевом фразеологическом употреблении как традиционный символ трагических испытаний, становится более объемным и лично-относительно окрашенным, а смысл каждого из произведений взаимообогащается.

Действительно, «поэтический контекст – понятие растяжимое: от фразы, от непосредственно данной ритмико-синтаксической единицы он восходит к произведению, циклу, творчеству писателя, наконец, к литературным направлениям, стилям. В разные эпохи, в разных индивидуальных системах доминируют контексты того или иного охвата» [Гинзбург, 1974, с. 257]. При восприятии лирической поэзии включение слова или строки в более развернутый контекст и соотношение его с другими контекстами представляется наиболее органичным, в том числе и в связи с обозначенными особенностями существования слова в стихотворном тексте, с преобразованием его системного значения и многократного взаимодействия с другими компонентами как причины смысловых приращений.

Продемонстрировать и подтвердить такой эффект в поэтическом тексте можно на примерах многих лирических произведений, принадлежащих перу выдающихся авторов. Рассмотрим «**Предвесеннюю элегию**», 1-й номер из цикла А. Ахматовой «Полночные стихи. Семь стихотворений» (1963–1965):

Меж сосен метель присмирела,
Но, пьяная и без вина,
Там, словно Офелия, пела
Всю ночь нам сама тишина.
А тот, кто мне только казался,
Был с той обручен тишиной,
Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной.
(10 марта 1963, Комарово)

Текст «Предвесенней элегии» построен из восьми строк трехстопным амфибрахийем, объединенных в два четверостишия и не разделенных на строфы. Ему предпослан эпитафия из стихов Жерара де Нерваля на французском языке: «...toi, qui m'as consolee», в переводе означающий: «...Ты, которая меня утешала».

Заголовок состоит из двух слов, каждое из которых значительно для понимания смысла стихотворения и его включенности в контекст цикла или более широкий. Если слово *элегия* настраивает на традиционное читательское ожидание от поэтического жанра, совершенно оправданное, то неожиданный эпитет *предвесенняя* становится одним из ключевых в организации текстового пространства как композиционно, так и концептуально. *Предвесенняя* не только по времени года, но и по эмоциональному предчувствию обновления, воскрешения и утверждения жизни, звучащему в финале цикла («Вместо послесловия»): *...сила / Была в нём как приход весны*. В партитуре цикла, с первого поэтического мотива и далее через *Адажио Вивальди* («Ночное посещение»), постепенно нарастает лирическое крещендо: от *присмирившего предвесеннего* пиано к кульминации *девятого смертного вала* («И последнее») и до возвращающих к жизни *славословий* финального *весеннего* форте.

1-й стих: *Меж сосен метель присмирела...*

Каждое слово в отдельности употреблено здесь, на первый взгляд, в своём прямом словарном значении или в привычном для носителей языка переносном значении (*присмирела*: о природной стихии), не теряя связи с денотатом. Однако в целом строка приобретает значение «символа-фразы», где “снимается” конкретная вещественная семантика: строка означает, с одной стороны, успокоение стихии в предвесеннем ожидании, а с другой – затаённое ожидание лирической героиней чего-то неизвестного в этом тревожном затишье. И это неизвестное «символически» обозначится дальше. Кроме того, в первой строке актуализируется стёртое метафорическое употребление глагола *присмиреть* по отношению к природному явлению. *Метель*, персонифицируясь, становится образом, в контексте цикла восходящим до уровня философского художественного обобщения. Сравните его с судьбоносными образами снежной стихии в стихотворении «Бесы», в главе «Вожатый» из «Капитанской дочки» и в повести «Метель» А. С. Пушкина, «...который для Ахматовой был, кажется, мерой всех вещей» [Попова, Рубинчик, 2000, с. 38].

Стихи уносят из физической реальности одиночества в окружении заснеженных комаровских сосен в элегическую реальность в окружении воспоминаний и переживаний прошлого как нигде не ушедшего настоящего, когда «жизнь переходит в память». (Сравните почти буквальное название мемуаров Б. Мессерера, где трансформируется прецедентный текст: строка *При жизни переходит в память...* из стихотворения Б. Пастернака «Мне по душе строптивый норов...» (1935) в цикле «Художник».) Поэтическая формула «жизнь переходит в память» точно и ёмко отражает лирическую ситуацию «Полночных стихов» и обстоятельства всего позднего творчества А. Ахматовой, когда *меж сосен метель* парадоксальным образом выводит художника слова к непредсказуемым поэтическим воплощениям из «подвалов памяти».

2-й стих: *Но, пьяная и без вина...*

Противительный союз *но* в инициальной позиции, оказавшись синтаксически и графически обособленным с обеих сторон, принимает на себя функцию сигнала к логическому акценту в перспективе ближайших строк, оправдывая этим интонационно-ритмическое выделение, своеобразный спондей, на первом безударном слоге первой стиховой стопы в совокупности с пиррихием второй стопы на частице *и*. Обособленное определение *пьяная и без вина* в результате взаимодействия с другими «стиховыми рядами» выступает как фразеологизированное сочетание, означающее ‘*как бы одурманенная, словно сумасшедшая*’ в контексте стихотворения. Это становится ясным при учете компаративного тропа (сравнения) в следующем стихе и ассоциации также с трагическим финалом жизни французского поэта Жерара де Нерваля, строка которого об *утешении* используется как эпиграф.

3-й и 4-й стихи: *Там, словно Офелия, пела*

Всю ночь нам сама тишина.

Лирические мотивы, связанные с образом Офелии, в мировой и в русской поэзии представлены широкой интертекстуальной ассоциативной палитрой, отразить которую здесь невозможно и не входит в наши задачи. Тем не менее, стихотворение «Офелия гибла и пела...» (1846) А. Фета, словно “проступающее” сквозь текст А. Ахматовой, создано также в двух четверостишиях трехстопным амфибрахией, однако двумя строфами, с такой же схемой рифмовки (*aBaB*), с тем же рифмуемым словом *пела*, но в самой первой строке. Совпадения, которые, ско-

рее всего, сознательно “организованы” автором «Предвесенней элегии» (1963) для создания образно-ассоциативного диалога в русской лирике. *Но, может быть, поэзия сама – / Одна великолепная цитата*, как подметила сама же А. Ахматова в четверостишии 1956 г. И тем ярче на фоне “сходства” с классическим образцом XIX в. проявляются и структурные и содержательные отличия в обращении к образу Офелии, единожды возникшему в цикле «Полночные стихи».

Интонационно-синтаксическая структура всего стихотворения «Предвесенняя элегия» находится в консонансном соответствии с метроритмической его организацией: естественные логико-смысловые паузы и акценты подчеркиваются расположением межстиховых и внутривсестрочных пауз (цезур), метрических ударений, пиррихий и спондеев. Текст представляет собой восьмистишие, интонационно-синтаксически и по рифмовке четко оформленное двумя четверостишиями, но при этом не разделенное на две строфы: *aBaBcDcD*. Каждое четверостишие охватывается совпадающим с ним по объему сложным предложением, что подчиняется заданной в «Вместо посвящения» интонационно-синтаксической инерции. Будто по инерции же, в 1-й номер «Полночных стихов» переходят и трехстопный амфибрахий (от четных строк «Вместо посвящения»), и перекрестная рифма, однако *зеркально* отраженная в мужских и женских клаузулах (*AbAb*) вступительного четверостишия цикла:

По волнам блуждаю и прячусь в лесу,
Мерещусь на чистой эмали,
Разлуку, наверно, неплохо снесу,
Но встречу с тобою – едва ли.

В «Предвесенней элегии» сравнение *словно Офелия* ассоциациями с героиней трагедии В. Шекспира раскрывает значение предыдущего «символа» *пьяная и без вина*. Однако в стихотворении А. Фета, в первом четверостишии, *пела* именно Офелия как персонаж трагедии, не оторванный в контексте от гибельных сюжетных событий, хотя и ставший во втором четверостишии символом *тёмного дна* лирической *души*, куда *многое с песнями канет*. В стихах же А. Ахматовой *пела сама тишина*, вне времени и пространства пророчащая и оплакивающая трагические судьбы, *словно Офелия*. Словоформа *пела* рифмуется со словоформой *присмирела*, чем подчеркивает противоречивость значения глагола *петь* (‘издавать музыкальные звуки голосом’) по отношению к значению глагола *присмиреть* (‘успокоиться’) и, конечно, актуализирует метафорическую суть того и другого. Противительный союз *но* в инициальной позиции 2-го стиха подчеркивает оппозицию *присмирела – пела*, закрепленную в рифме 1-го и 3-го стихов.

Между 3-й и 4-й строками возникает стиховой перенос, поскольку полнота двусоставной синтаксической конструкции реализуется здесь только в объеме двух стихов, в которых предикативная основа *пела тишина* последовательно распределяется и выносится в заключительные стопы обеих строк, перекрестно рифмуясь с предыдущими: *пела с присмирела, тишина с без вина*.

В конце 4-го стиха, усиленная рифмой *без вина*, лексема *тишина* (так же, как и другие в этом тексте) из «повседневной-диалектической речи» и из «обычных словосочетаний разговорно-интеллигентской речи» (по В. В. Виноградову) приобретает уже не словарное значение ‘отсутствие шума, безмолвие’ или ‘спокойствие, умиротворённое состояние’. Эти значения вступают в противоречие со значениями предшествующих «символов-фраз» *пьяная и без вина* и *словно Офелия, пела*, как будто пророча грядущие потрясения, которые словно констати-

руются уже постфактум в «Полночных стихах»: *Над сколькими безднами пела / И в скольких жила зеркалах* («Первое предупреждение»).

Тишина, персонифицируясь (как и *метель*), становится «символом-словом», образом, которому суждено стать тематическим, взять на себя роль одного из сквозных лейтмотивов в контексте всего цикла «Полночные стихи». Важность этого образа подчеркивается усилительным словом *сама* и финальным его положением в первом четверостишии и, следовательно, в центре всей композиции текста «Предвесенней элегии». Сочетание *всю ночь* напоминает о времени лирического действия, как смысловой и фонетический отзвук слова *полночные* из заголовка цикла.

Лейтмотив *тишины* зарождается вместе с лейтмотивом *зазеркалья* еще в эпиграфе ко всему циклу из VIII строфы Второй части «Поэмы без героя» (доминирующего прототекста всего позднего творчества А. Ахматовой): *Только зеркало зеркалу снится, / Тишина тишину сторожит*. Далее в тексте цикла *тишина* «тревожно» отзовется во 2-м стихотворении («Первое предупреждение»): *И гул затихающих строчек / <...> В тревожной своей тишине*; еще раз «запоет» в 4-м номере («Тринадцать строчек»): *И вокруг тебя запела тишина*; примет «жертву» в 5-м («Зов»): *Твоя мечта – исчезновенье, / Где смерть лишь жертва тишине*.

В совокупности вторая, третья и четвертая строки «Предвесенней элегии» рожают ассоциации с сумасшествием Офелии, ее гибелью и ее любовью, а в контексте «Полночных стихов» вызывают также аллюзии на заключительные строки стихотворения А. Ахматовой «Все ушли, и никто не вернулся...» (1959), первая строка которого дана как эпиграф к 6-му номеру цикла («Ночное посещение»). В этом, только обозначенном в эпиграфе, мощном по воздействию стихотворении после «перечисления» пережитых трагедий (вот уж воистину беспощадная констатация постфактум!) лирическая героиня с горькой иронией резюмирует: *Любо мне, городской сумасшедшей, / По предсмертным бродить площадям*.

Таким образом, в «Предвесенней элегии» кроме лейтмотива *тишины* включается и лейтмотив *смерти* (увы, в неразрывной связке с развивающимся лейтмотивом *любви*), также сквозной и поэтому интегрирующий макротекст цикла и открывающий авторский замысел. Важно подчеркнуть, что лейтмотив *смерти* возникает в «Полночных стихах» почти всегда параллельно и переплетаясь с лейтмотивами *тишины* и *любви*: *Где смерть лишь жертва тишине*. Если же вспомнить, о чем именно пела в трагедии «Гамлет» Офелия (которая, по А. Фету, *гибла и пела*), то мотив *смерти* станет еще более ощутимым в «Полночных стихах». Например, в переводе Б. Л. Пастернака: *Помер, леди, помер он, / Помер, только слёг. / В головах зелёный дрок, / Камушек у ног. / «Неужто он не придёт? / Нет, помер он / И погребён, / И за тобой черёд»* (Шекспир, «Гамлет», акт IV, сцена V). Благодаря ассоциациям звучит в «Полночных стихах» вечный дуэт *любви* и *смерти*, венчая квартет лейтмотивов – *тишины*, *зазеркалья*, *смерти* и *любви* (которая, заметим, так ни разу и не была обозначена в тексте ни словом *любовь*, ни однокоренными, будто призрочно ускользающий в *Зазеркалье... тот, кто... только казался*).

5-й стих: *А тот, кто мне только казался...*

Этот «стиховой ряд» вводится противительным союзом *а*, разделяющим и одновременно объединяющим реальное и нереальное, *зазеркальное*, и впервые с начала стихотворения содержит указание на лирического героя, тоже так и не назвав его (ведь его *мечта – исчезновенье*), субстантивирова местоимение *тот* и актуализируя значение глагола *казаться* («представляться в воображении,

в мыслях') усилительной частицей *только*. При этом *казаться* вступает в парадигматические отношения с глаголами *блуждать*, *прятаться*, *мерещиться* из «Вместо посвящения», вступительного к циклу.

Отмеченные глаголы поддерживаются контекстуальным значением «символов», развивающих лейтмотив *зазеркалья*: *Только зеркало зеркалу снится* (в эпиграфе из «Поэмы без героя»); *И в скольких жила зеркалах* (во 2-м номере, «Первое предупреждение»); *В Зазеркалье* (собственно заголовок 3-го номера); *А может, это и не мы* (финальная строка в 3-м номере); *Твоя мечта – исчезнове- нье* (в 5-м номере, «Зов») и др.

Такая окказиональная текстовая парадигма создает дополнительные условия для взаимодействия значений лексических единиц и порождения образных ассоциаций внутри лирического цикла, выводящих к смысловому и эмоциональному спектру стихов в автореминисцентном контексте.

6-й стих: *Был с той обручен тишиной...*

Один их ключевых мотивов – лейтмотив *тишины* – раскрывается также через текстовую парадигму, которая неизбежно и многократно перекрещивается с другими: *Тишина тишину сторожит* (в эпиграфе); *...метель присмирела; ...пела / Всю ночь нам сама тишина* (в 1-м номере, «Предвесенняя элегия»); *...гул затихающих строчек; В тревожной своей тишине* (во 2-м номере, «Первое предупреждение»); *И вокруг тебя запела тишина; Почти благоговейно замолчала* (в 4-м номере, «Тринадцать строчек»); *...смерть лишь жертва тишине* (в 5-м номере, «Зов»); *...в немом смертельном стоне / Эти полчаса* (в 6-м номере, «Ночное посещение»).

Здесь, в шестой строке «Предвесенней элегии», “отменяется” денотативное значение глагола *обручить* (т. е. ‘*совершить над кем-нибудь обряд обручения, надевая кольца жениху и невесте*’) и метафорически символизируется разьединенность лирических героев (сравните фольклорный образ Смерти-невесты, уводящей возлюбленного). Весь символ-стих становится контекстуальным синонимом слову *разлука* в предыдущем стихотворении, «Вместо посвящения», вступительном четверостишии цикла. Мотив разлуки и, так сказать, ее “особой формы” – *встречи-невстречи* – также один из главных сквозных мотивов в позднем творчестве А. Ахматовой. В диапазоне всего цикла «Полночные стихи» объемная текстовая парадигма поддерживает этот мотив, создавая наиболее пронзительную эмоциональную тональность: *Разлуку, наверно, неплохо снесу, / Но встречу с тобою – едва ли* (противопоставление и неразрывность *разлуки* и *встречи* заданы уже во вступительном четверостишии); *Вдвоём нам не бывать...* (3-й номер, «В Зазеркалье»); *Мы с тобой в Адажио Вивальди / Встретимся опять* (6-й номер, «Ночное посещение»); *А ночью ледяной рукой душила / Обоих разом. В разных городах* (7-й номер, «И последнее», с акцентирующими межстиховым переносом и парцелляцией).

7-й стих: *Простившись, он щедро остался...*

В этом «символе-предложении» содержится смысловое противоречие (оксюморон) между значениями глагола *проститься* (‘*покинуть кого-нибудь, расстаться*’) и глагола *остаться* (‘*продолжить пребывание, нахождение где-нибудь*’; ‘*сохраниться, не исчезнуть*’). Однако слово *щедро* своим значением (‘*не скупясь*’) подчеркивает важность, исключительность действия-состояния, означаемого глаголом *остаться*, именно в лирическом контексте. Подчеркивается эта важность и необычной, окказиональной синтагматической сочетаемостью слов: *щедро остался*, а грамматическая форма прошедшего времени совершенного вида

простившись и *остался* неотвратно “констатирует” конечность и необратимость результата лирических событий. ...*Тревога*, / *Ставшая судьбой* (из 6-го номера, «Ночное посещение») утверждает сквозной мотив *встречи-невстречи* (*встречи-разлуки*) уже здесь, в 1-м номере цикла, усиливая реальность «жизни, переходящей в память».

8-й стих: *Он насмерть остался со мной*.

Этот «символ-предложение» закрепляет значение предыдущего, играя одновременно роль парадоксального контекстуального синонима к слову *встреча* из «Вместо посвящения». Местоимение *он*, указывающее на лирического героя, и местоимение *я* в творительном падеже, указывающее на лирическую героиню, расставлены по разные стороны строки, как бы материализуя тем самым в синтаксической композиции разлученность, разъединенность лирических героев. Но в то же время они словно “стягиваются” друг к другу в «стиховом ряду» словосочетанием *насмерть остался*.

«Слова оказываются внутри стиховых рядов и единств в более сильных и близких соотношении и связи, нежели в обычной речи; эта сила связи не остается безрезультатной для характера семантики» [Тынянов, 1965, с. 121]. Некоторые слова (например, *насмерть*) в стихотворном тексте и слова в словаре – это, образно выражаясь, своеобразные омонимы, потому что поэтическое слово – это не только лексема, реализующая в конкретном употреблении одно из значений полисеманта или тропа. Слово в стихотворном тексте – это как будто авторский **поэтический омоним** к словарной лексеме: настолько бывает далек контекстуальный / окказиональный / ассоциативный смысл употребленного в лирической поэзии слова по отношению к его словарному семантическому составу. «Слово не имеет одного определенного значения. Оно – хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски» [Там же, с. 77]. Так, *насмерть*, словно поэтический омоним, имеет окказиональное значение, в котором совместились и словарное значение ‘*так, что наступает смерть*’, воспринимаемое, однако, метафорически, и пояснительное к контекстуальному синониму *щедро* – наведенное лирическим контекстом значение ‘*неотвратно, навсегда*’.

Восьмой стих, занимая одну из самых сильных позиций – финальную, своим значением (значением «символа-предложения») подводит итог всему стихотворению: несмотря на *разлуку*, на *метель*, на *обручение с тишиной*, на *смерть*, лирический герой *щедро* и *насмерть остался* с лирической героиней в ее памяти, воображении и чувствах и, как выяснится далее, в ее жизни и творчестве (см. также [Размашкин, 2022]).

Только учитывая «тесноту» семантических связей в стихах, спаянные стихотворным ритмом синтагматические отношения, и имея в виду также их парадигматическое текстовое взаимодействие, можно интерпретировать значения лексических единиц, погруженных в поэтический контекст, и смысл отдельного стиха (строки) или лирического стихотворения в целом адекватно художественному замыслу автора. Тогда начинают выявляться не только основные, но и те самые, выводящие к авторской концепции дополнительные смыслы, которые обретаются стихами (строками) и стихотворениями в результате их взаимодействия с другими стихами и стихотворениями в контексте различного диапазона: от одной строки до целостного текста лирического стихотворения, от конкретного поэтического текста до единого лирического цикла и далее – до всего творчества поэта.

Список литературы

- Брик О. М.* Ритм и синтаксис (материалы к изучению стихотворной речи) // Славянский стих. IX. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2012. С. 501–550.
- Виноградов В. В.* О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 369–459.
- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В.* Статьи о лингвистике стиха. М.: ЯСК, 2004. 283 с.
- Гинзбург Л. Я.* О лирике. 2-е изд., доп. Л.: Сов. писатель, 1974. 407 с.
- Жирмунский В. М.* Композиция лирических стихотворений. Пг.: ОПОЯЗ, 1921. 107 с. (Сборники по теории поэтических языков. Вып. 4.)
- Жирмунский В. М.* К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой // Анна Ахматова: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001. С. 716–719.
- Золян С. Т.* Семантическая структура слова в поэтической речи // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 6. С. 509–520.
- Золян С. Т.* Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS; Либроком, 2013. 331 с.
- Ильенко С. Г.* Лингвистические аспекты пушкиноведения: Избранные статьи. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 227 с.
- Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
- Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
- Очерки истории языка русской поэзии XX века: Грамматические категории. Синтаксис текста / М. Л. Гаспаров, Ж. А. Дозорец, И. И. Ковтунова и др. М.: Наука, 1993. 238 с.
- Попова Н. И., Рубинчик О. Е.* Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб.: Невский Диалект, 2000. 160 с.
- Размашкин И. Ю.* Автореминисцентный контекст «Полночных стихов» А. А. Ахматовой // Слово. Словарь. Словесность: Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию проф. С. Г. Ильенко. СПб.: Сага, 2004. С. 190–195.
- Размашкин И. Ю.* «И последнее» в творчестве Анны Ахматовой // Гуманитарные науки и вызовы нашего времени: Сб. науч. ст. по итогам IV Всерос. (нац.) науч. конф. с междунар. участием. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. С. 51–54.
- Русские поэты XX века: материалы и исследования. Анна Ахматова (1889–1966). М.: Азбуковник, 2021. 472 с.
- Словарь языка русской поэзии XX века / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.) и др. М.: ЯСК, 2001–2022. Т. 1–9.
- Степанова В. В.* Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. СПб.: Наука, 2006. 272 с.
- Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова / Сб. ст. М.: РГГУ, 2006. 686 с.
- Тарановский К. Ф.* О поэзии и поэтике. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 432 с.
- Тименчик Р. Д.* Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. 2-е изд., испр. и расшир. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2014. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 621 с.
- Томашевский Б. В.* Стих и язык: Филологические очерки. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 471 с.

Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Славянский стих / Гл. ред. А. М. Молдован; отв. ред. вып. Т. В. Скулачева. М., 2017. Вып. 11. 352 с.; Вып. 14. 368 с.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка: Статьи. М.: Сов. писатель, 1965. 301 с.

Фарино Е. (Jerzy Faryno). «Тайны ремесла» Ахматовой // Wiener Slawistischer Almanach, 6. Вена, 1980. С. 17–82.

Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 26–44; 97–109.

Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л.: Сов. писатель, 1969. С. 75–147.

Эткинд Е. Г. Материя стиха. Париж, 1985. 506 с.

Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

References

Brik O. M. Ritm i sintaksis (materialy k izucheniyu stikhotvornoy rechi) [Rhythm and syntax (materials for the study of poetic speech)]. In: *Slavyanskiy stikh. IX* [Slavic verse. IX]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki drevney Rusi, 2012, pp. 501–550.

Etkind E. G. *Materiya stikha* [The materia of verse]. Paris, 1985, 506 p.

Eykhensbaum B. M. Anna Akhmatova. Opyt analiza [Anna Akhmatova. The experience of analysis]. In: B. M. Eykhensbaum. *O poezii* [About poetry]. Leningrad, Sov. pisatel', 1969, pp. 75–147.

Farino E. (Jerzy Faryno). “Tayny remesla” Akhmatovoy [“Secrets of the craft” by Akhmatova]. In: *Wiener Slawistischer Almanach, 6*. Vienna, 1980, pp. 17–82.

Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles on the linguistics of verse]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 283 p.

Ginzburg L. Ya. *O lirike* [About lyrics]. 2nd ed. Leningrad, Sov. pisatel', 1974, 407 p.

Il'enko S. G. *Lingvisticheskie aspekty pushkinovedeniya: Izbrannye stat'i* [Linguistic aspects of Pushkin studies: Selected articles]. St. Petersburg, RSPU im. A. I. Gertsena, 2008, 227 p.

Kovtunova I. I. *Poeticheskiy sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow, Nauka, 1986, 205 p.

Lotman Yu. M. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the poetic text. The structure of the verse]. Leningrad, Prosveshchenie, 1972, 271 p.

Ocherki istorii yazyka russkoy poezii 20 veka: Grammaticheskie kategorii. Sintaksis teksta [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century: Grammatical categories. Syntax of the text]. M. L. Gasparov, J. A. Dozorets, I. I. Kovtunova, et al. Moscow, Nauka, 1993, 238 p.

Popova N. I., Rubinchik O. E. *Anna Akhmatova i Fontanny Dom* [Anna Akhmatova and the Fountain House]. St. Petersburg, Nevskiy Dialekt, 2000, 160 p.

Razmashkin I. Yu. Avtoreminiscentnyy kontekst “Polnochnykh stikhov” A. A. Akhmatovoy [The auto-reminiscences context of “Midnight poems” by A. A. Akhmatova]. In: *Slovo. Slovar'. Slovesnost': materialy nauch. konf., posvyashch. 80-letiyu prof. S. G. Il'enko* [Word. Dictionary. Literature: materials of the scientific conference dedicated to the 80th anniversary of Prof. S. G. Ilyenko]. St. Petersburg, Saga, 2004, pp. 190–195.

Razmashkin I. Yu. "I poslednee" v tvorchestve Anny Akhmatovoy ["And the last" in creativity of Anna Akhmatova]. In: *Gumanitarnye nauki i vyzovy nashego vremeni: sb. nauch. st. po itogam IV Vseross. (nats.) nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Humanities and challenges of our time: a collection of scientific articles on the results of the IV All-Russian (national) sci. conf. with intern. participation]. St. Petersburg, SPbSEU, 2022, pp. 51–54.

Russkie poety 20 veka: materialy i issledovaniya. Anna Akhmatova (1889–1966) [Russian poets of the 20th century: materials and research. Anna Akhmatova (1889–1966)]. Moscow, Azbukovnik, 2021, 472 p.

Shcherba L. V. Opyty lingvisticheskogo tolkovaniya stikhotvorenii [Experiments of linguistic interpretation of poems]. In: L. V. Shcherba. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz, 1957, pp. 26–44; 97–109.

Slovar' yazyka russkoy poezii 20 veka [Dictionary of the language of Russian poetry of the 20th century]. V. P. Grigoriev, L. L. Shestakova (Comps.) Moscow, LRC Publishing House, 2001–2022, vols. 1–9.

Stepanova V. V. *Slovo v tekste. Iz lektsiy po funktsional'noy leksikologii* [Word in the text. From lectures on functional lexicology]. St. Petersburg, Nauka, 2006, 272 p.

Stikh, yazyk, poeziya. Pamyati Mikhaila Leonovicha Gasparova. Sb. st. [Verse, language, poetry. In memory of Mikhail Leonovich Gasparov. Coll. of art.]. Moscow, RSUH, 2006, 686 p.

Taranovskiy K. F. *O poezii i poetike* [On poetry and poetics]. Moscow, LRC Publishing House, 2000, 432 p.

Timenchik R. D. *Posledniy poet. Anna Akhmatova v 1960-e gody* [The last poet. Anna Akhmatova in the 1960s]. 2nd ed. Moscow, Mosty kul'tury, Ierusalim, Gesharim, 2014, vol. 1, 592 p.; vol. 2, 621 p.

Tomashevskiy B. V. *Stikh i yazyk: Filologicheskie ocherki* [Verse and language: Philological essays]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat, 1959, 471 p.

Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Slavyanskiy stikh [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. Slavonic verse]. A. M. Moldovan, T. V. Skulacheva (Eds.). Moscow, 2017, iss. 11, 352 p.; iss. 14, 368 p.

Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka: Stat'i* [The problem of poetic language: Articles]. Moscow, Sov. pisatel', 1965, 301 p.

Vinogradov V. V. O poezii Anny Akhmatovoy (Stilisticheskie nabroski) [About the poetry of Anna Akhmatova (Stylistic sketches)]. In: V. V. Vinogradov. *Poetika russkoy literatury: Izbrannye Trudy* [Poetics of Russian literature: Selected works]. Moscow, Nauka, 1976, pp. 369–459.

Yakobson R. O. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress, 1985, 455 p.

Zhirmunskiy V. M. *Kompozitsiya liricheskikh stikhotvorenii* [Composition of lyrical poems]. Petrograd, OPOYaZ, 1921, 107 p. (Sborniki po teorii poeticheskikh yazykov. Vyp. 4 [Collections on the theory of poetic languages. Iss. 4.]

Zhirmunskiy V. M. K voprosu o sintaksise A. Akhmatovoy [On the question of A. Akhmatova's syntax]. In: *Anna Akhmatova: Pro et contra*. St. Petersburg, RCHA, 2001, pp. 716 – 719.

Zolyan S. T. Semanticheskaya struktura slova v poeticheskoy rechi [Semantic structure of a word in poetic speech]. *Izvestiya AN SSSR, Seriya literatury i yazyka*. 1981, vol. 40, no. 6, pp. 509–520.

Zolyan S. T. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. 2nd ed. Moscow, URSS, Librokom, 2013, 331 p.

Информация об авторе

Игорь Юрьевич Размашкин, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Igor Yu. Razmashkin, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.04.2023;
одобрена после рецензирования 08.02.2024; принята к публикации 08.02.2024
The article was submitted on 01.04.2023;
approved after reviewing on 08.02.2024; accepted for publication on 08.02.2024*

Научная статья

УДК 80/81

DOI 10.17223/18137083/90/11

Художественное событие в системе литературных родов и проблема типологии мотива

Игорь Витальевич Силантьев

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Аннотация

Рассматриваются вопросы спецификации художественного события в системе литературных родов. Показано, что в составе эпики, лирики и драмы художественное событие обретает свои особенности и различным образом взаимодействует с инстанциями героя, повествования и читателя (зрителя). Типология мотива как обобщения семантически подобных художественных событий может опираться на различия в их литературно-родовой природе. Сущность мотива в лирике, по существу, та же самая, что и в эпическом повествовании: и там, и здесь в основе мотива лежит предикативный аспект событийности – однако при этом принципиально различается природа самой событийности в лирике и эпике. Драматургическое событие, в отличие от эпического и лирического, образуется не в среде внешнего действия или внутреннего переживания, а в сфере дискурса самой театральной постановки. Оно осуществляется не в измерении действия, а в измерении драматургической речи как таковой. Поэтому мотив в драме по своей сущности принципиально противостоит мотиву в эпике и лирике.

Ключевые слова

нарратология, факт, событие, литературный род, эпика, лирика, драма, мотив

Для цитирования

Силантьев И. В. Художественное событие в системе литературных родов и проблема типологии мотива // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 151–157. DOI 10.17223/18137083/90/11

© Силантьев И. В., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 151–157
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 151–157

An artistic event in the system of literary genres and the problem of motif typology

Igor V. Silantev

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

silantev@philology.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1399-8960>

Abstract

The paper explores the specification of artistic events within the literary genre system. It demonstrates that in the genres of epic, lyric, and drama, artistic events acquire distinct characteristics and interact differently with the hero, narration, and reader (or spectator) instances. The typology of a motif, which serves as a generalization of semantically similar artistic events, can be based on the genre-specific differences. The essence of a motif in lyric poetry is essentially the same as in epic narration, as both rely on the predicative aspect of eventfulness. However, the nature of eventfulness itself differs significantly between lyric poetry and epic narration. In epic literature, the thematic-semantic substrate of an artistic event is the external action of a hero. In contrast, in lyric poetry, the thematic-semantic substrate is the internal action of a lyric hero, their actual experience. In general, a lyrical event can be summarized as a qualitative change in the state of the lyrical subject, carrying existential meaning for the subject itself and aesthetic meaning for the reader engaged in the lyrical discourse. Unlike epic and lyrical events, a dramatic event is not formed within the context of a narrated external action or a revealed internal experience. Instead, it emerges directly within the sphere of the theatrical production's actual discourse. It takes place in the dimension of dramatic speech rather than action. Consequently, a motif in drama fundamentally differs from a motif in epic and lyric poetry.

Keywords

narratology, fact, event, literary genre, epic, lyric, drama, motif

For citation

Silantev I. V. An artistic event in the system of literary genres and the problem of motif typology. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 151–157. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/11

Наши рассуждения коснутся трех проблемных точек, которые можно обозначить следующими формулами: факт и событие; художественное событие в системе литературных родов; проблема типологии мотива.

Факт и событие. С нарратологической точки зрения под фактами как таковыми можно понимать динамические моменты, которые человек вычленяет из наблюдаемого процесса, руководствуясь определенной точкой зрения. Подчеркнем – динамические, а не статические. Статических фактов не существует вообще. Например, передо мной лежит книга. Фактом, который я фиксирую, является не книга как вещь сама по себе, а момент ее характерного и в то же время уникального бытования среди других предметов на столе и в кабинете.

Таким образом, для квалификации факта достаточно критерия *замеченности* (с определенной точки зрения, позиции). Событие предполагает *вовлеченность* человека в отмеченный им факт или совокупность фактов. При этом вовлеченность может быть не только социально-ситуативная, но и личностная, и поэтому событие не только ментально, но и отчетливо аксиологично.

Так, ментально существенные и ценностно значимые для человека факты его личного и социального жизненного целого воспринимаются как события его судьбы. Незапланированные и неожиданные, но в той же мере значимые для человека повороты и нарушения его повседневной жизни воспринимаются как события авантюрного характера, приключения. Возможна (и вполне характерна) ситуация личностного вовлечения в сверхличные события общественной и мировой истории, и в таком случае судьба человека приобретает над-личный и над-личностный, сверх-личный и сверх-личностный, а в своем пределе эпохальный смысл. Подчеркнем, что в целом речь идет о вовлечении личностном, а не просто личном, т. е. вовлечении ценностно-смысловом, а не только и просто внешне-биографическом.

Таким образом, событие можно трактовать как результат личностного вовлечения в определенный факт в процессе сопричастного осмысления и аксиологизации этого факта. При этом событие неизбежно обретает свойства автокоммуникативного явления, потому что индивидуальный или коллективный субъект сознания, присваивая определенный факт и образуя тем самым событийные смыслы своей сопричастности происходящему, адресует эти смыслы в первую очередь самому себе.

Художественное событие в системе литературных родов. Собственно художественное событие специфично по отношению к категории события как такового.

Во-первых, аспект личностного вовлечения в художественное событие опосредован. Оно мыслится происходящим «не со мной», не в сфере Я-сознания, но опосредовано инстанцией литературного героя. Это событие, происходящее с героем. И только потом – с читателем, поскольку последний в смысловом и ценностном отношении отождествляет себя с героем (или растождествляет).

Во-вторых, художественное событие наделяет героя не просто смыслом (например, житейским, шире – прагматическим или этическим), а эстетическим смыслом. Проходя через смысловое поле художественного события, литературный герой становится и завершается в своем эстетическом статусе – собственно героическом, трагическом, комическом, идиллическом и др.

В составе литературных родов – эпике, лирике и драме – художественное событие обретает свои особенности и различным образом взаимодействует с инстанциями автора, читателя (зрителя), повествования и героя.

Представим литературно-родовое своеобразие художественного события в схематизированном виде (рис. 1–3).

Для эпического строя литературы характерны следующие отношения инстанций автора, читателя, повествования, события и героя:

- автор и читатель находятся *вне* художественного события эпического произведения и не сопряжены с его героем;
- повествование говорит о действии в *прошедшем* времени;
- тематико-семантическим субстратом художественного события является *внешнее* действие героя.

В лирике системные отношения выстраиваются противоположно эпике:

- автор и вместе с ним читатель находятся *внутри* художественного события и сопряжены с лирическим героем произведения;
- голос лирического произведения (системный аналог повествования в эпике) говорит о действии в *настоящем* времени;
- тематико-семантическим субстратом художественного события является *внутреннее* действие героя, собственно, экзистенциальное переживание.

Рис. 1. Эпика
Fig. 1. Epic

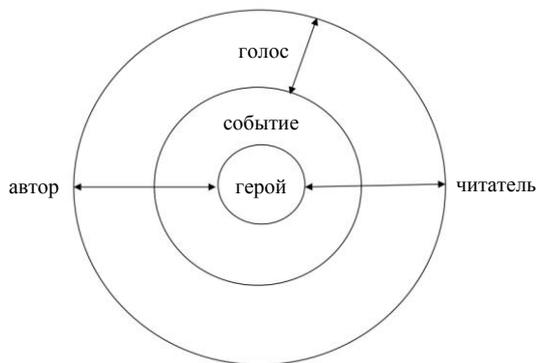

Рис. 2. Лирика
Fig. 2. Lyric

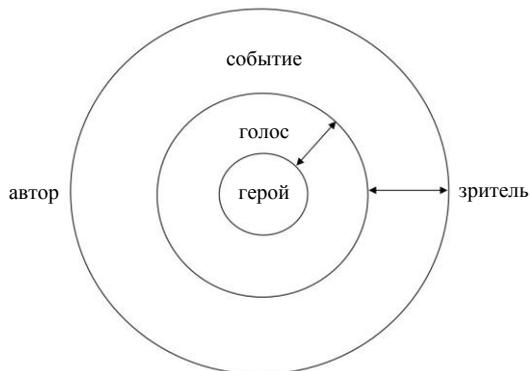

Рис. 3. Драма
Fig. 3. Drama

В систему драматургического произведения художественное событие встраивается следующим образом:

- автор находится *вне* художественного события театральной постановки как актуального осуществления драматургического произведения и не сопряжен с его героем; зритель находится *внутри* временного измерения художественного события, но *вне* его пространственного измерения (в классическом варианте театра), поэтому зритель сопричастен художественному событию драматургической постановки, но не сопряжен с ее героем;
- драматургическое действие разворачивается в *настоящем* времени;
- субстратом художественного события выступает не действие, но *голос* (*голоса*) драматургического произведения, сопряженный с его героем (героями), драматургическое событие, таким образом, является дискурсивным по самой своей природе, оно осуществляется не в измерении действия, а в измерении драматургической речи как таковой.

Проблема типологии мотива. Мотив представляет собой обобщенную форму семантически подобных художественных событий, взятых в системе определенного литературного рода и, как правило, в рамках сложившегося жанрово-тематического единства. В эпике примерами жанрово-тематических единств могут, в частности, выступать авантюрный и плутовской роман, а позднее, например, детективный роман, в лирике – баллада или элегия, в драме – устойчивые драматургические жанры в том или ином историко-литературном складе.

В центре семантической структуры *эпического* мотива находится *внешнее действие*, своего рода предикат, организующий систему действующих лиц и систему пространственно-временных характеристик событий повествования. Так, можно говорить о «мотиве погони» или «мотиве поединка», имея в виду то, что в литературных произведениях эти мотивы выражаются в форме конкретных событий погони или поединка, связанных с конкретными персонажами и конкретными обстоятельствами.

В системном единстве своего обобщенного значения и в совокупности синтагматических валентностей эпический мотив представляет собой единицу повествовательного языка литературной традиции. Взятый на уровне своего языкового статуса, мотив находится вне состава конкретных нарративов. Поэтому говорить о мотиве как о непосредственном элементе повествовательного произведения так же некорректно, как говорить о лексеме (обобщенной единице лексического уровня языка) в составе конкретного в своих словоупотреблениях речевого высказывания.

На повествовательном уровне мотив, будучи определен в своих семантических признаках и синтагматических валентностях, облекается в плоть непосредственного действия и взаимодействует с системой персонажей, что, собственно, и выражается в формировании конкретного и уникального события. Именно событие является конечным выражением мотива в нарративе.

Специфика мотива *в лирике* обусловлена существом самого лирического события, которое по своей природе принципиально отличается от события в составе эпического повествования.

Основой лирической событийности выступает, в формулировке Ю. Н. Чумакова, «перемещение лирического сознания» [Сюжетосложение..., 1980, с. 159], иначе – дискретная динамика состояния лирического субъекта. И в другой работе: «Лирический сюжет возникает как событие-состояние, проведенное экзистенциально-поэтическим временем» [Чумаков, 2010, с. 85].

Эпическое событие – это *рассказанное* событие, это событие, *объективированное* рассказом и потому отделенное от читателя. Это событие происшествия, случившегося с кем-либо, или событие действия, совершенного кем-либо, но только не мной, читателем, принципиально отделенным и от инстанции героя, и от инстанции повествователя.

Напротив, лирическое событие – это *субъективированное* событие экзистенциального переживания [Левин, 1994], через посредство лирического *голоса* вовлекающее в свое целое и меня, читателя, сопряженного с инстанцией лирического субъекта. О лирическом событии не может быть рассказано (потому что некому и нечего рассказывать), а может быть только *явлено* в самом дискурсе, предъявлено лирическим голосом. Еще раз процитируем Ю. Н. Чумакова: «...лирика – это предъявление, а эпос – повествование» [Чумаков, 2010, с. 49].

В общем виде существо лирического события можно свести к следующей формуле: это *качественное изменение состояния лирического субъекта*, несущее *экзистенциальный смысл* для самого лирического субъекта и *эстетический смысл* для вовлеченного в лирический дискурс читателя.

Особо подчеркнем, что пресуппозиция лирического события может быть не явлена в лирическом высказывании и, соответственно, опущена в самом лирическом тексте – как это характерно, например, для лирики А. А. Фета.

Определив особенности лирического события, мы получаем достаточные основания для предметного разговора о специфике мотива в составе лирики. Представляется, что существо мотива в лирике то же самое, что и в эпическом повествовании: и там, и здесь в основе мотива лежит предикативный аспект событийности – однако при этом принципиально различается природа самой событийности в лирике и эпике.

Самое лирическое изложение, или «предъявление» (Ю. Н. Чумаков) развертывается вне линейной наррации, и поэтому оно, как правило, внешне дезорганизовано: лирический голос может говорить о всяком действии, о всяком происходящем, что только попадает в сферу его «перемещающегося сознания», иначе – в сферу его причастного событийного созерцания.

Феномен мотива в *драме* практически не изучен в литературоведении. Это связано с проблемой драматургического события, которое, в отличие от эпического и лирического события, образуется не в среде внешнего действия или внутреннего переживания, а в сфере самого дискурса театральной постановки. Драматургическое событие является дискурсивным по своей природе. Оно осуществляется в речи как таковой. В. И. Тюпа в статье «Драматургия как тип высказывания» связывает это свойство событийности драматургической речи с ее изначальной перформативностью: «...конструктивная роль в организации драматургического дискурса принадлежит перформативным (событийным) репликам» [Тюпа, 2010, с. 10].

Аспекты качественного изучения возможного спектра дискурсивных событий в рамках различных традиций драматургических жанров практически не исследованы, а значит, феномен драматургического мотива еще ждет своего раскрытия в науке о литературе.

Список литературы

Левин Ю. И. Заметки о лирике // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 62–72.

Сюжетосложение в русской литературе: Сб. ст. / Отв. ред. Л. М. Цилевич. Даугавпилс, 1980. 158 с.

Тюна В. И. Драматургия как тип высказывания // Новый филологический вестник. 2010. № 3. С. 7–16.

Чумаков Ю. Н. В сторону лирического сюжета. М.: ЯСК, 2010. 87 с.

References

Chumakov Yu. N. *V storonu liricheskogo syuzheta* [Towards the lyrical plot]. Moscow, LRC Publishing House, 2010, 87 p.

Levin Yu. I. Zametki o lirike [Notes on lyrics]. *New Literary Observer*. 1994, no. 8, pp. 62–72.

Syuzhetoslozheniye v russkoy literature: Sb. st. [Plot formation in Russian literature: Coll. art.]. L. M. Tsilevich (Ed.). Daugavpils, 1980, 158 p.

Тюна В. И. Драматургия как тип высказывания [Dramaturgy as a type of utterance]. *The New Philological Bulletin*. 2010, no. 3, pp. 7–16.

Информация об авторе

Игорь Витальевич Силантьев, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Scopus Author ID 57196703813

WoS Researcher ID S-7121-2016

RSCI Author ID 143736

SPIN 8643-6461

Information about the Author

Igor V. Silantev, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology, Principal Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

Scopus Author ID 57196703813

WoS Researcher ID S-7121-2016

RSCI Author ID 143736

SPIN 8643-6461

Статья поступила в редакцию 09.01.2025;

одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025

The article was submitted on 09.01.2025;

approved after reviewing on 16.01.2025; accepted for publication on 16.01.2025

Языкознание

Научная статья

УДК 81.2.2

DOI 10.17223/18137083/90/12

Цифровизация ульчско-русского словаря: разработка концепции

Виктория Александровна Горбунова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

Аннотация

Выстраивается стратегия цифровизации переводного ульчско-русского словаря. Автор адаптирует разработанную концепцию к виртуальному формату на макро- и микроуровне. На макроуровне стандартный формат трансформируется в словник-справочник, содержащий краткие сведения о каждой лексеме, а также ссылки на словарные карточки с развернутой информацией. Модификации на микроуровне в первую очередь представлены радикальной переработкой зоны помет и введением дополнительной зоны языковых связей. Реорганизация зоны толкования и зоны заглавного слова связана с решением частных проблем лексикографирования ульчского языка, как то: оформление статей о синкретичных словах, раскрытие культурно специфичных понятий, необходимость перечисления многочисленных вариантов.

Ключевые слова

ульчский язык, ульчско-русский словарь, двуязычные словари, электронный словарь, цифровизация

Для цитирования

Горбунова В. А. Цифровизация ульчско-русского словаря: разработка концепции // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 158–169. DOI 10.17223/18137083/90/12

Conceptualizing the digitalization of the Ulch-Russian dictionary

Viktoriya A. Gorbunova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

Abstract

This paper addresses the challenges of converting print-based lexicographical materials to a digital format. The organizational structure of the Ulch-Russian bilingual dictionary has

© Горбунова В. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 158–169
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 158–169

been previously examined. However, the author argues that eliminating the constraints inherent in analog formats allows for the data to be grouped and allocated in such a manner as to facilitate better comprehension. On the macro-level, the landing page is designed to take the form of a reference guide presenting basic word information and hyperlinks to full dictionary entries. The micro-level modifications are detailed by the author when moving from zone to zone. Specifically, the labeling is reorganized into blocks corresponding to different levels of linguistic information to provide a logically coherent presentation. Cross-references are listed within a designated area of the screen, creating a comprehensive overview of the word's relationship with other lexical units. Attention is also paid to the peculiar features of the language that affect the format of entries. For example, it is necessary to provide the extended context for lexemes denoting cultural entities that may be unfamiliar to the user and require advanced knowledge of the traditional household routines, religious rituals, and mythology of the Ulch people. Aids in the form of overlaying text or direct hyperlinks combined with brief textual commentaries are intended to facilitate a smooth cognitive process. Another specific feature is addressing grammatically ambiguous units that require a customized entry page design that represents their unique properties.

Keywords

Ulch language, Ulch-Russian dictionary, bilingual dictionary, virtual dictionary, digitalization

For citation

Gorbunova V. A. Conceptualizing the digitalization of the Ulch-Russian dictionary. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 158–169. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/12

Лексикографическое описание является одним из обязательных этапов исследования любого языка. Для миноритарных языков, которые находятся на грани исчезновения, задача составления словарей приобретает особую важность. С одной стороны, таким образом документируется лексический состав, функционирование которого в условиях вытеснения доминирующим языком региона может стремительно сокращаться с течением времени, сопровождаясь необратимой утратой значительной доли единиц. С другой стороны, наличие справочного издания облегчает освоение и совершенствование языковых компетенций для коренного населения и создает основу для дальнейших разработок, направленных на консервацию и ревитализацию языка (учебных пособий, разговорников, хрестоматий и др.).

Современный уровень развития технологий позволяет внедрять принципиально новые форматы конструирования, хранения и распространения лексикографической информации. Наряду с изданиями классического типа появляются электронные базы данных, предоставляющие доступ к словарным материалам через веб-интерфейс. Подобный метод дистрибуции устраняет ограничения, связанные с традиционной моделью публикации: расширяет круг потенциальных читателей и делает издание общедоступным, что повышает вероятность успешной популяризации языка. Кроме того, дополнительные возможности, предоставляемые программными системами, вкупе с отсутствием устоявшихся образцов оформления и тенденцией к комбинированию жанров позволяют исследователям приспосабливать структуру словаря к поставленным задачам. Опыт разработки электронных словарей сибирских языков включает примеры самых разных подходов: от простого переноса существующего издания в веб-интерфейс с сохранением, в общих чертах, исходной композиции (Нанайский электронный словарь; Эвенкийско-русский словарь; Тувинско-русский словарь; Шорско-русский словарь) до создания систем с радикально переработанной макроструктурой (Большой толковый

словарь якутского языка; Хакасский словарь), расширенным проблемным полем и функциональностью (Якутский словарь).

Цель данной статьи заключается в разработке самообитной стратегии цифровизации ульчско-русского словаря. Концепция аналогового двуязычного словаря была выработана нами ранее [Горбунова, 2022]; на данном этапе его материалы (около 6 000 словарных статей) оформлены и готовы к переносу на виртуальную платформу. Однако переход к данному этапу работы должен предваряться адаптацией модели построения макро- и микрокомпонентов словаря сообразно изменениям в параметрах рабочей области и наборе доступных инструментов для систематизации данных. В ходе предшествующего исследования мы выделяли требования, которые накладывает на словарное описание статус ульчского как миноритарного языка, находящегося на грани исчезновения: экстенсивный подход к сбору материала, размытие границы между словами активного и пассивного запаса, важность представления безэквивалентной лексики, необходимость предельно широкой репрезентации единиц в разных аспектах, обуславливающая особую значимость иллюстративных материалов. Эти базовые принципы будут в целом определять концепцию также и цифрового издания.

Подчеркнем, что в наши задачи не входит расширение области применения словаря; его основным назначением остается представление лексического состава языка и полное описание семантической структуры каждой из единиц с сопутствующим, более ограниченным освещением грамматических характеристик и функциональных возможностей [Озолиня, 2018, с. 186]. Но при этом мы допускаем точечное внедрение дополнительных инструментов там, где это может содействовать основному назначению словаря – удовлетворять информационные потребности широкого круга читателей с разным уровнем погруженности в ульчскую этнокультуру. Хотя на текущем этапе языкового сдвига приходится заключить, что издание будет представлять наибольший интерес для исследователей, работающих над научным описанием и сопоставлением урало-алтайских языков, оно также может оказаться полезным для круга наиболее компетентных носителей, в особенности тех, кто вовлечен в инициативы по возрождению языка, преподавательскую, методическую и просветительскую деятельность.

Коренным отличием электронного ресурса от аналогового издания является принципиально иная природа пространства, на котором размещаются данные. Виртуальная плоскость экрана в противоположность странице является незамкнутой за счет своей многослойности: в ходе интеракции с пользователем пространство может трансформироваться, открывая области, которые ранее оставались скрытыми, или выводя данные поверх рабочей области, вторым уровнем. Эта особенность задает структуру электронного словаря, резко отличающуюся от традиционной. Компонент **макроструктуры** (словник с перечислением всех словарных единиц) и компоненты микроструктуры (карточки, отображающие отдельные словарные статьи) существуют не в слитном виде, а обособленно, оставаясь, тем не менее, неразрывно связанными через систему гиперссылок.

Словник является заглавной страницей, с которой начинается взаимодействие пользователя со словарем. Она может иметь переходный характер, представляя собой простой набор ссылок на словарные карточки, но, с нашей точки зрения, более рациональным путем будет обеспечить ей информационное наполнение. Табличный формат препятствует выведению на экран большого объема данных, но допускает отображение основных сведений о каждой лексической единице, как то:

- заглавное слово;
- лексико-грамматическая характеристика;
- краткое толкование;
- транскрипция ¹;
- тематическая группа (опционально).

Наличие краткого толкования превращает словник в своего рода словарь-справочник, позволяя минимально удовлетворять информационные запросы пользователя даже на стартовом экране. Включение помет, указывающих на лексико-грамматическую принадлежность слова, не только дополняет базовое представление о нем, но также делает возможным фильтрацию списка лексем по ключевому параметру – части речи. Той же цели служит указание на отнесенность к одной из крупных тематических групп, представленных в ульчском языке (наименования частей тела, растений, животных, ритуальная лексика). Инструменты сортировки могут оказаться полезны как для исследовательских, так и для учебных целей.

Другим центральным компонентом макроструктуры словаря является комплекс связей между статьями, демонстрирующий системные отношения на лексическом уровне языка. В ульчском языке отражения требуют прежде всего отношения синонимии. В исходной концепции словаря предполагалась особая маркировка, подчеркивающая оттенки смыслового соотношения в синонимических парах: полное (*также*) и частичное (*сх.*) совпадение семантики, наличие на фоне общего сходства значимых различий, важных для понимания смыслового наполнения лексем (*ср.*).

Специфика цифровой платформы дает возможность делать связи между словарными статьями не условными, сводящимися к простому упоминанию релевантных вокабул, а буквальными, обеспечивающими прямой переход от одной карточки к другой. Функциональность такого рода значительно упрощает навигацию по словарю, а в случае синонимов также дает дополнительное преимущество, позволяя читателю осмыслить лексему в сопоставлении с другими, близкими по семантике единицами, что способствует корректному словоупотреблению и точному подбору слов. Таким образом, представляется необходимым, с одной стороны, инкорпорировать в словарную статью интерактивные ссылки, с другой – сохранить метки, транслирующие важную информацию о разновидности парадигматических отношений.

Оптимальным решением следует считать отдельное поле для синонимов, маркированное соответствующим образом, в нижней части карточки. При этом инструментарий должен давать составителю возможность вносить в поле метки из перечисленного набора наряду с вокабулами, связь с которыми требуется установить. Допустимой, технически упрощенной альтернативой является вариант, при котором вокабулы-ссылки перечисляются в поле синонимов без дополнительных пояснений, однако дублируются (в виде гиперссылок или простого текста) в зоне толкования, уже снабженные пометами, как например:

кэтэ-тэ чуть-чуть, едва (*сх. зукэ(н)-зукэ(н), ср. тэмбу, кэтэлэ*)

Синонимы: **зукэ(н)-зукэ(н), тэмбу, кэтэлэ**

¹ В настоящее время базы аудиозаписей, которая могла бы в полной мере проиллюстрировать материалы словаря, не существует, однако ее формирование входит в цели нашей дальнейшей работы.

Избыточность в данном случае мотивирована рядом причин. Помимо уточнения типа отношения, подобная схема также позволяет конкретнее соотносить смысловые компоненты многозначных слов путем размещения ссылки в определенной позиции внутри текста толкования. Вместе с тем сохраняется и представленная обособленно цепочка синонимов, которая сама по себе сообщает ценные для пользователя сведения, интегрируя в словарь элементы тезауруса.

Другим типом системных отношений, лексикографическая репрезентация которых требует детальной проработки, является вариантность. Для ульчского языка данный вопрос стоит особенно остро, так как варианты представлены в языковом материале крайне широко и разнообразно. В частности, нами были выделены следующие разновидности вариантности:

- фонетические варианты, различающиеся наличием или отсутствием некоторого акустического эффекта у согласного или долгой гласной звука: «агдакту (агдакту) доверчивый, наивный»; «лаху (лаху) руль в плавающем гарпуне»²;

- фонематические варианты, различающиеся наличием или отсутствием определенной фонемы в составе. Выпадать могут как гласные так и согласные в середине или конце слова: «алуку (алку) < ма. деревянный поднос, блюдо»; «авунза (аунза) 1) палатка, шалаш (для ночлега); 2) место для краткого отдыха»; «камавли (камали) 1. прил. тесный; 2. нар. тесно; «жури (жур) серый», «уйчэку (уйчэу) низкий помост для кормления собак в старом ульчском доме»;

- фонематические варианты, имеющие разные гласные звуки в одной и той же позиции: «корча(н) (курча(н)) стена». Несовпадение в таких случаях может быть вызвано ассимилятивными или диссимилятивными процессами: «кучу(н) (кучи(н)) ночной горшок»;

- варианты с неодинаковым слоговым составом – дополнительный слог в подобных парах может появляться в конце или середине лексемы: «базила (бадузила) напротив, на той стороне»; «далан- (даланчи-) 1) разливаться (о реке); 2) прибывать (о воде в реке)»; «даксавамбу- (даксаван-) прилепить, приклеить»;

- варианты с комплексными отличиями в структуре, при которых мена звуков происходит сразу в нескольких позициях: «мокчунзи (мукчумди) 1) криво, вкривь; 2) согнувшись»; варьируется фонетический состав дополнительного слога: «лагдила- (лагдила-, лагдичи-, лагдичу-) грубо трясти кого-либо»; или же сочетается несколько типов вариантности из перечисленных выше: «агбумбу- (агбумбу-, агбуму-, агбумузу-) вытащить, извлечь, достать».

Учитывая компилятивную природу словаря, можно предположить, что часть этих трансформаций связана с экстралингвистическими факторами, влияющими на процесс фиксации языкового материала исследователями. Также очевидно, что вариативность отчасти объясняется и фонетическими преобразованиями, которые происходят в потоке речи. Однако для выявления фонематического инварианта в каждом случае требуется дополнительная полевая работа по верификации записи, возможно, анализу звучания слов с привлечением технических средств, сопоставлению частотности разных видов произношения. Пока эти шаги не приняты, мы придерживаемся экстенсивного подхода к представлению вариантов – конечной целью является обеспечение пользователю любого уровня владе-

² Выдержки из словарных статей, которые приводятся без ссылок на источник, взяты из авторской рукописи ульчско-русского словаря.

ния языком возможности соотнести увиденную или услышанную единицу с соответствующим толкованием.

В свете сказанного размещать набор вариантов в структуре словаря предполагается следующим образом. На макроуровне, в словнике отображаются все фонетические варианты лексемы, которые были выделены исследователями, в алфавитном порядке; как и прочие единицы, они снабжены краткими толкованиями и пометами. При переходе с макро- на микроуровень путь от любого из вариантов выводит к общей для всех словарной карточке, где вокабулой является тот, который признан основным, в то время как прочие только перечисляются в выделенном поле на странице, в зоне языковых связей (сообразно частотности при наличии подобных сведений или же в алфавитном порядке). Такая схема наглядно отражает единство всего набора вариантов как реализаций одной и той же лексемы с незначительными модификациями плана выражения, при этом позволяя пользователю с удобством осуществлять поиск на начальных этапах взаимодействия с электронным словарем.

Что касается отношений антонимии, пары лексем с противоположной семантикой в ульчском словарном составе немногочисленны по сравнению с синонимическими рядами. С нашей точки зрения, ввиду малой распространенности данного типа связей выносить антонимы в отдельное поле наряду с синонимами нет необходимости; достаточно указывать их в тексте толкования с пометой *против*.

Далее мы рассмотрим преобразования на **микроуровне**, в пределах отдельной словарной статьи, которые представляются желательными при переводе словаря на цифровую платформу. Описание будет организовано в соответствии с делением статьи на зоны, в порядке, который был ранее установлен нами для аналогового словаря [Горбунова, 2022].

Зона заглавного слова претерпевает два основных изменения. Во-первых, она становится предельно компактной в результате переноса всех зафиксированных дублетов вокабулы в особое поле, расположенное в нижней части карточки. Во-вторых, подобная лаконичность в сочетании с менее плотным расположением элементов в виртуальном пространстве экрана обеспечивает заглавному слову особое, доминирующее положение на карточке. Оно оказывается изолированным от прочих информационных блоков, находится в суперпозиции по отношению к ним и сохраняет типографическое оформление, притягивающее внимание читателя (полужирное начертание, верхний регистр букв). Вокабула, таким образом, в полной мере предстает заглавным элементом словарной статьи. Отметим, что в перспективе, когда база аудиоматериалов для оснащения словаря будет собрана, данную зону следует считать наиболее подходящей для размещения кнопки прослушивания транскрипции – информация об аудиальном облике лексической единицы логически дополнит ее визуальное представление.

Зона помет, которая при традиционном оформлении должна следовать за зоной заглавного слова, подлежит кардинальной реорганизации. Среди прочих зон она выделяется разнородностью своего содержания (сведения о парадигме слова, его сочетаемости, происхождении, принадлежности к той или иной тематической группе, контекстах употребления и др.), подаваемого к тому же в крайне сжатом виде³. Облегчить восприятие и визуально сгруппировать данные по смысловым

³ Как показало исследование словарного состава, в ульчском языке у вокабул практически не встречается крупных кластеров помет, чаще всего их число ограничивается двумя или тремя: «**бавлус** *междом.*, *фольк.* восклицание в объяснении между зверями»; «**санси-**

типам можно менее «инвазивными» способами, например, цветовыделением. Однако, на наш взгляд, трансформированная структура виртуальной словарной статьи позволяет разместить данные более удачным образом.

В целом, информацию, вынесенную в зону помет, можно разбить на две основные разновидности: 1) всё, что имеет прямое отношение к смысловому наполнению лексемы; 2) прочие сведения, относящиеся к другим аспектам функционирования слова как языковой единицы. К первой группе относятся прежде всего показатели принадлежности к одной из крупных лексико-семантических групп (*анат., бот., зоол., ритуальн., мифолог., собств.*) и пояснения о взаимоотношениях между лексико-семантическими вариантами (*перен., в знач.*). Сюда же примыкают маркеры эмоционально-оценочной окрашенности (*пренебр., бран., ласк., почит.*) и пометы, определяющие речевой жанр, в котором функционирует лексема с ограниченной сферой употребления (*фолькл., шам.*). Соответственно, этот ряд помет естественным образом может быть перемещен в блок с толкованиями, либо начиная его, либо распределяясь по лексико-семантическим вариантам, в зависимости от отнесенности.

Ко второй группе помет относятся те, которые раскрывают происхождение лексем, появившихся в словарном составе относительно недавно (через указание на язык-источник, если речь идет о заимствовании: < *рус.*, < *кит.* и др., или же через восстановление исходного словосочетания для единиц, образованных способом сращения). Комментарии такого рода служат дополнением к основной информации, касающейся функционирования слова в речи, и могут быть безболезненно вынесены в обособленное поле, располагающееся за зоной толкования. Кроме того, к данной группе мы относим сведения об особенностях склонения или спряжения, которые передаются в меньшей степени через стандартизированные маркеры и в большей – путем перечисления нерегулярных форм или изложения правил формообразования в произвольном виде. Они не носят такого же факультативного характера, как этимологическая справка, и играют значительную роль в овладении речевыми навыками. Однако развернутая форма изложения делает вынесение данного информационного блока в отдельное поле, помеченное как поле грамматического комментария, уместным: это позволяет устранить смешение разнородных сведений в пределах одной зоны и избежать ситуации, при которой менее релевантная для пользователя информация (отклонения от стандартной парадигмы) предшествует более релевантной (значение слова).

Наконец, необходимо оговорить место еще одной разновидности помет – маркеров частеречной принадлежности. Разрабатывая структуру традиционного словаря, мы определяли их как опциональный элемент, который необходимо вводить только в тех случаях, когда подбор русского эквивалента аналогичной части речи невозможен (послелогии, изобразительные слова) или затруднен (междометия, звукоподражания), а также для синкретичных основ (см. ниже). Однако в электронном словаре, как мы уже упоминали, говоря о стартовой странице, обязательное включение лексико-грамматических характеристик вокабул оправданно уже потому, что позволяет подключить дополнительную функциональность фильтрации. Для полноты описания языковых единиц и единообразия оформления карточек

лавйо (< *кит. шам.* старший дух, “дедушка”»). Однако в таких тематических группах, как, например, термины родства, комментарии, касающиеся формообразования, могут быть развернутыми и достигать длины, превосходящей собственно толкование: «**эн’э мн. ч. эн-тинэ, энтил, эн’энэ** (при обращении) мать, мама».

эти данные представляется целесообразным отображать и на микроуровне в виде общепринятых маркеров (*сущ., прил., гл., нар.* и т. д.), примыкающих непосредственно к заглавному слову, сбоку или снизу. Показатель лексико-грамматической отнесенности, таким образом, остается единственным элементом в зоне помет.

Интегрируя лексико-семантические и прагматические пометы, в остальном **зона толкования** остается практической неизменной с точки зрения своего содержания (раскрытие значения слова через перечисление его лексико-семантических вариантов в порядке, соответствующем их иерархии) и представления (единый крупный текстовый блок, организованный при помощи нумерации и дифференцированного начертания символов). Но отдельные детали оформления ставят перед составителем вопросы, требующие подробного освещения.

Ранее мы указывали на необходимость применять разные подходы к толкованию лексических единиц в зависимости от того, являются ли связанные понятия культурно специфичными, возможно ли подобрать для них прямые аналоги из картины мира носителей русского языка [Горбунова, 2022, с. 136]. В тех случаях, когда требуется раскрыть содержание лексем, называющих компоненты сложных ритуальных практик, сооружения или орудия, характерные для традиционного хозяйственного уклада, зачастую не представляется возможным дать все необходимые пояснения в рамках словарной статьи. Решение, которое мы предложили изначально, заключается в цепочке отсылок к другим вокабулам, позволяющей пошагово наращивать объем информации до восполнения необходимого контекста. Недостаток данной стратегии состоит в том, что когнитивный процесс протекает прерывисто; необходимость поиска связанных статей путем физического перехода от страницы к странице препятствует формированию полной и стройной картины взаимосвязей.

Особенно актуальной эта проблема становится тогда, когда ряд лексем представляет части сложного объекта или события, которое предстает перед читателем в расщепленном виде. Например, для наименований различных зон внутри помещения традиционной постройки ключевой характеристикой, фигурирующей в толкованиях, является их расположение относительно друг друга: так, **дуэ гило** определяется как «часть нар в традиционном ульском доме (слева при входе в дом, между **мали** и **дуэ пуску**)» [Суник, 1985, с. 195]. Соответственно, для полного осмысления данной лексической единицы необходимо одновременно оперировать тремя понятиями. Вместе с тем совокупность сведений, представленных в этих вокабулах, позволяет реконструировать организацию жилого пространства ульского дома, что выводит читателя за пределы изолированных понятий на уровень культурных реалий. Однако удержать весь объем топологической информации может оказаться затруднительным, если он представлен в дробном виде.

Электронный формат словаря во многом разрешает подобные сложности за счет своих базовых особенностей: устранения физической дистанции и возможности мгновенного перехода между записями внутри базы данных. Но при этом представляется необходимым дополнительно стимулировать обращение к словарным статьям с релевантными культурологическими данными посредством структурной организации толкования. Оформление подобных ссылок в отдельное поле, вынесенное за пределы текстового блока, по аналогии со списками синонимов и вариантов, предполагает осложнение пользовательского пути дополнительными шагами. Это снижает вероятность перехода к следующим звеньям информационной микросети и, кроме того, делает порядок получения сведений произвольным, не соответствующим логике протекания когнитивного процесса.

С другой стороны, если интерактивные отсылки встроены непосредственно в текст толкования, читатель может получать дополнительную информацию в тот момент, когда в ней возникает потребность. Реализовать подобную схему можно разными способами: через добавление гиперссылок в теле текста или же внедрение всплывающих подсказок с кратким определением связанного понятия. Второй способ позволяет снизить «трение» до минимума, практически устраняя необходимость специальных действий по извлечению информации со стороны пользователя. Первый способ, отличаясь большей сложностью, имеет преимущество в том, что выводит читателя на полную версию связанной словарной статьи, органично продолжая процесс освоения этнокультурных реалий через изучение смежных понятийных полей.

Проблема выбора одного из двух этих подходов косвенно связана с проблемой определения того объема отсылок, который является оптимальным для словарной статьи. В качестве примера рассмотрим лексему **э̄́қтэкси**. В словаре О. П. Суника соответствующая вокабула имеет следующее описание: «*ритуальн.* задняя часть туши медведя (ели только женщины)» [Суник, 1985, с. 261]. Более полное представление о семантике данной лексической единицы, типе ситуаций, в которых она должна использоваться, особенностях ее референта могли бы дать указания на ее принадлежность к концептуальному полю комплексного, социально значимого ритуала – медвежьего праздника. Однако это поле включает в себя большое количество лексем, что создает необходимость отбора. Даже если ограничить круг единицами, относящимся к тому же этапу ритуала, список будет включать целый ряд вокабул: «**зуһдунда** малый медвежий праздник (заключительная часть большого медвежьего праздника – съедение остатков мяса медведя)»; «**нарқа** часть медвежьего праздника – варка и поедание мяса и сала медведя»; «**дура**- отрезать (по кусочку от каждого куска медвежатины)»; «**йали** кусок мяса медведя (подарок участникам медвежьего праздника)»; «**хусэкси** передняя часть туши медведя (на медвежьем празднике ее ели только мужчины)». Кроме того, в лексическом фонде также представлено несколько единиц, которые можно считать ядром поля: «**буйумбэ хупуву** название медвежьего праздника (*букв.*: играть медведя)»; «**дуэнтэ покто** правила устройства медвежьего праздника», отсылки к которым также были бы оправданны.

Учитывая сказанное, при формировании контекста, необходимого для осмысления лексемы, составитель словаря может пойти по экстенсивному пути интеграции в толкование наименований связанных объектов и сопутствующих обстоятельств внеязыковой реальности, которые полнее раскрывают суть понятия и роль его референта в ритуальной практике (для вокабулы **э̄́қтэкси** к таковым можно отнести **зуһдунда**, **нарқа**, **хусэкси**, **йали**). Это решение хорошо сочетается с пояснениями в виде всплывающих подсказок – так как выход за пределы статьи за дополнительными сведениями не предполагается, расширенная информация размещается непосредственно в вокабуле, в виде второго, скрытого слоя текста. Нельзя не отметить, что подобная организация данных придает лексикографическому описанию энциклопедический оттенок, что в некоторой степени входит в противоречие с принятой изначально концепцией переводного словаря.

С другой стороны, применение гиперссылок открывает путь для альтернативной стратегии – разворачивания лексической сети по принципу цепочки. Вокабула содержит ссылки только на самые ассоциативно близкие понятия (**зуһдунда**, **хусэкси**), толкования которых, в свою очередь, выводят на другие, не имеющие настолько тесной связи с исходной лексемой. Таким образом формируется разветв-

ленная сеть, охватывающая все компоненты микрополя и соединяющая их с понятиями верхнего уровня – **буйумбэ хупуву, дуэнтэ покто** и др.

На наш взгляд, второй из описанных способов представляет разумный баланс между скоростью получения необходимых пояснений и сохранением компактности и структурной стройности словарной статьи. Напротив, включение большого объема дополнительных сведений, даже представленных в сжатом виде, может размывать толкование конкретной вокабулы. В качестве компромиссного варианта для лексем, относящихся к полям сложных понятий с разветвленной структурой и высокой культурной значимостью (например, ритуальных практик, религиозных верований и т. п.), возможно внедрение дополнительного когнитивного инструмента – особого поля в нижней части карточки, где перечислены все словарные единицы, онтологически связанные с описываемой лексемой.

Организация зоны толкования также связана с разрешением дискуссионного вопроса, касающегося особой группы лексем, характерных для тунгусо-маньчжурских языков, которые известны в научной литературе как конверсивные, или синкретичные, основы. Лексема такого типа «изначально на уровне языка обладает не одним, а несколькими категориальными или общеграмматическими значениями, число которых может колебаться от двух до четырех⁴ <...> в каждом случае своего употребления <...> реализует лишь одно категориальное значение, которое и обусловливает его лексическое значение, частнограмматические категории и синтаксические функции» [Болдырев, 2007, с. 53–54]. Как видно из данного терминологического описания, у плана содержания конверсивов имеется дополнительный уровень членения, который занимает позицию выше стандартного дробления на лексико-семантические варианты и в некоторой степени задает рамки последнего. Соответственно, визуальное представление толкований подобных единиц должно отражать многомерность и иерархичность членения.

Изначально для этой цели нами использовались нумерация и пометы, однако гибкость электронного формата издания позволяет передать нужное содержание также через разные виды пространственной композиции. Расширенное по сравнению с бумажным носителем пространство карточки можно разбить на блоки по горизонтали, зрительно разделив их за счет очерченных границ и применения пустого пространства. Также возможно радикальное разграничение категориальных реализаций лексической единицы путем выноса каждой из них на отдельную вкладку внутри поля толкования на словарной карточке. Первый из вариантов предоставляет полный обзор лексико-грамматического потенциала конверсива, второй же проводит четкую границу между взаимоисключающими модусами его функционирования.

Как и в аналоговом словаре, **иллюстрирующая зона** остается тесно переплетенной с зоной толкования: примеры и переводы следуют непосредственно после описания семантики соответствующего лексико-семантического варианта. Только такое расположение позволяет информационному блоку в полной мере осуществлять свои функции. **Зона фразеологии**, напротив, может быть незначительно отделена от собственно блока толкования – такое расположение приводит черту между свободным и связанным типами словоупотребления. Однако она должна сохранять позицию после зоны толкования и создавать с ней визуальное единство

⁴ В ульском языке в пределах одной синкретичной основы, как правило, объединяется два категориальных значения, в редких случаях – три.

в противовес нижеследующим блокам с дополнительными комментариями и языковыми связями.

Заключительной зоной словарной карточки является **зона языковых связей**, в которой представлено несколько полей: поле синонимов, поле вариантов и, опционально, поле связанных понятий. Комментарий к каждому из этих компонентов был дан нами выше.

Подводя итог, мы можем заключить, что цифровизация ульчско-русского переводного словаря связана с существенной трансформацией его структуры, прежде всего на макроуровне, в то время как микроструктура комбинирует в себе традиционные элементы с новыми или значительно переработанными зонами. В электронном формате словарная статья принимает следующий вид: зона заглавного слова (предельно сокращена) + зона помет (содержит только маркер частеречной принадлежности) – зона толкования + иллюстративные зоны – зона языковых связей (расширена за счет полей вариантов и связанных понятий). Наименьшей переработке подвергаются зона толкования и иллюстративные зоны, наибольшей – зона помет. Изменения в последней направлены на распределение информации о слове по блокам, освещающим разные аспекты его функционирования в речи. Также применение программных инструментов позволяет расширить сферу практического применения издания, внедряя элементы других жанров – справочника, тезауруса, энциклопедического словаря.

Список сокращений

< *рус.* – из русского; < *кит.* – из китайского; *бот.* – ботаническое; *бран.* – бранное; *букв.* – буквально; *в знач.* – в значении; *гл.* – глагол; *зоол.* – зоологическое; *ласк.* – ласкательное; *междом.* – междометие; *мифолог.* – мифологическое; *мн. ч.* – множественное число; *нар.* – наречие; *перен.* – переносное; *почт.* – почтительное; *пренебр.* – пренебрежительное; *прил.* – прилагательное; *против.* – противоположное; *ритуальн.* – ритуальное; *собств.* – собственное; *сущ.* – существительное; *фольк.* – фольклорное, *шам.* – шаманское.

Список литературы

- Болдырев Б. В.* Морфология эвенкийского языка. Новосибирск, 2007. 932 с.
Горбунова В. А. Принципы словарного описания ульчского языка // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 128–141. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-128-141
Озолия Л. В. О составлении двуязычных словарей (на материале русско-орокского словаря) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 185–195.
Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. 263 с.

Список словарей

- Большой толковый словарь якутского языка. URL: <https://igi.ysn.ru/btsja/index.php?lang=ru> (дата обращения 18.02.2025).
Нанайский электронный словарь. URL: <https://mari-lab.ru> (дата обращения 18.02.2025).
Тувинско-русский словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=1056871> (дата обращения 18.02.2025).
Хакасский словарь онлайн. URL: <http://sostik.info/> (дата обращения 18.02.2025).
Шорско-русский словарь. URL: <http://tili.tadarlar.ru/tadar/shor-rus.html> (дата обращения 18.02.2025).

Эвенкийско-русский словарь. URL: <https://www.evengus.ru/slovare/evk-rus/> (дата обращения 18.02.2025).

Якутский словарь. URL: <https://sakhatyala.ru/> (дата обращения 18.02.2025).

References

Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of the Evenki language]. Novosibirsk, 2007, 932 p.

Gorbunova V. A. Printsipy slovarnogo opisaniya ul'chskogo yazyka [Principles of lexicographic coverage of the Ulch language]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2022, no. 2, pp. 128–141. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-128-141.

Ozolinya L. V. O sostavlenii dvuyazychnykh slovarej (na materiale russko-orokskogo slovary) [On compiling the corpora of bilingual dictionaries (based on Russian-Orok dictionary)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2018, no. 2, pp. 185–195.

Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, 1985, 263 p.

List of dictionaries

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Big explanatory dictionary of the Yakut language]. URL: <https://igi.ysn.ru/btsja/index.php?lang=ru> (accessed 18.02.2025).

Evenkiysko-russkiy slovar' [Evenki-Russian dictionary]. URL: <https://www.evengus.ru/slovare/evk-rus/> (accessed 18.02.2025).

Khakasskiy slovar' onlayn [Online Khakas dictionary]. URL: <http://sostik.info/> (accessed 18.02.2025).

Nanayskiy elektronnyy slovar' [Nanai electronic dictionary]. URL: <https://mari-lab.ru> (accessed 18.02.2025).

Shorsko-russkiy slovar' [Shor-Russian dictionary]. URL: <http://tili.tadarlar.ru/tadar/shor-rus.html> (accessed 18.02.2025).

Tuvinsko-russkiy slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/dict?id=1056871> (accessed 18.02.2025).

Yakutskiy slovar' [Yakut dictionary]. URL: <https://sakhatyala.ru/> (accessed 18.02.2025).

Информация об авторе

Виктория Александровна Горбунова, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Viktoriya A. Gorbunova, Candidate of Philology, Researcher at the Department of Siberian Languages, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 09.01.2025;

одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025

The article was submitted on 09.01.2025;

approved after reviewing on 16.01.2025; accepted for publication on 16.01.2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1

Научная статья

УДК 81.373.21:528.4

DOI 10.17223/18137083/90/13

Топография в топонимии (на материале географических названий Пермского края)

Мария Владимировна Боброва

Институт лингвистических исследований Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

bomaripgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

Аннотация

На материале наименований поселений Пермского края рассмотрен вопрос о принципах организации топонимического пространства в его соотношении с пространством географическим. Представлены пермские источники таких данных. Определено, что наиболее информативны списки населенных мест, которые составлялись в регионе начиная с XIX в.; самым полным и точным является справочник 1928 года издания. Исследование показало, что средствами ойконимии физико-географическое пространство организуется: по горизонтали, по вертикали и по «вектору» (направленности) движения, который в условиях тайги задается водными потоками. Иллюзорно буквальное дублирование ойконимами местной топографии, приоритетен ценностно ориентированный подход к номинации географических объектов. Проведенное исследование позволило подтвердить универсальность лингвокультурных закономерностей организации ономастикона, выявленных ранее В. А. Никоновым и Е. Л. Березович, сделать новые наблюдения и подчеркнуть ведущую роль культурно-ценностного принципа освоения физического пространства.

Ключевые слова

ономастика, ойконимия, топонимическая модель, принципы номинации, лингвокультурный аспект, Пермский край

Для цитирования

Боброва М. В. Топография в топонимии (на материале географических названий Пермского края) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 170–184. DOI 10.17223/18137083/90/13

Topography in toponymy (a case study of geographical names of Perm Krai)

Maria V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

bomaripgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>

Abstract

The paper investigates the principles underlying the organization of toponymic space in correlation with geographical space. The focus is on the toponymic material of the Perm region.

© Боброва М. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 170–184

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 170–184

The discussion of data sources acknowledges the limited availability of early information concerning the oikonym system in the region, emphasizing the importance of local sources, such as population and land censuses. The most informative regional settlement lists are those compiled since the 19th century, with the 1928 edition considered the most comprehensive and authoritative. The most prevalent word formation patterns in oikonoms prove to be (1) terms derived from the “Geographical terminology” vocabulary and (2) metonymic place names that correlate with the names of adjacent geographical objects. The naming of settlements is frequently tied to three fundamental geographical elements: topographical variations, forested regions, and water sources. Taiga spatial organization has three dimensions: horizontal, vertical, and the movement “vector” related to the water flows. While the detailed specification of oikonoms might suggest a naming duplication of local topography, a comparative analysis has revealed the substantial influence of a value-oriented approach on naming practices. The research demonstrated a distinct linguocultural character, confirming the universality of the organizational patterns of onymic space previously identified by V. A. Nikonov and E. L. Berezovich and emphasizing the paramount importance of the cultural-value principle in space exploration.

Keywords

onomastics, oikonomy, toponymic model, principles of nominating, linguocultural aspect, Perm Krai

For citation

Bobrova M. V. Topography in toponymy (a case study of geographical names of Perm Krai). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 170–184. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/13

Введение

В настоящей статье представлены материалы доклада, сделанного нами 20 февраля 2021 г. на II однодневном форуме (субботнике) «Текст и карта», регулярно организуемом в Институте лингвистических исследований РАН. Следуя общему тематическому принципу заседаний, мы определили цель выступления: осветить вопрос о соотносительности особенностей ландшафта определенной местности и исторически сложившейся здесь системы ойконимов (главным образом комонимов – названий сельских поселений). Иными словами, нас заинтересовали принципы организации топонимической системы в ее отношении к системе топографической. Исследовательские задачи решались на основе данных по Пермскому краю.

Прежде всего остановимся на принципиально важном вопросе об источниках интересующих нас сведений. В нашем случае это источники письменные, официальные, так как неофициальная топонимическая номенклатура в силу своей специфики и по причине ограничений, диктуемых жанром журнальной статьи, должна стать предметом специальных исследований.

1. Источники топонимии Пермского края

Необходимо констатировать, что ранняя история Западного Урала в письменных свидетельствах представлена скупо. Наиболее древними источниками по данному региону следует считать, вероятно, Никоновскую, Симеоновскую и Вычегодско-Вымскую (Мисаило-Евтихиевскую) летописи (см.: (Никоновская летопись, с. 148; Симеоновская летопись, с. 241; Вычегодско-Вымская летопись, с. 262)), сообщающие о походе Федора Пестрого в Пермь Великую (Чердын, Чердынские земли, ныне это северные районы Пермского края) в 1472 г. с целью

окончательного ее присоединения к Московской Руси (см. подробнее: [Корчагин, Лобанова, 2012]); но и здесь упоминаются лишь единичные топонимы.

С расширением Русского государства наступил момент, когда была осознана потребность в инвентаризации имеющихся ресурсов, в том числе территориальных. При Иване Грозном была создана так называемая «Книга Большому чертежу» [1950] – описание территории Руси с привязкой к дорогам и рекам, связующим ее части. В ней зафиксированы наиболее крупные, «узловые» географические объекты и расстояние между ними.

Более значимы переписи тягловых дворов (XVI–XVII вв.), а затем подушные переписи населения (писцовые книги, переписные книги, ревизские сказки XVIII–XIX вв.), которые осуществлялись с фискальной целью – для определения числа налогоплательщиков, но с привязкой к определенным географическим объектам. Такие переписи предпринимались еще в Древнем мире, на Руси подобный список впервые был составлен в 1275 г., но в Пермском крае – территории достаточно позднего заселения русскими – это памятники письменности, относящиеся к концу XVI в. (писцовые книги Ивана Яхонтова (1579), Михаила Кайсарова (1623–1624)), переписные книги Прокопия Елизарова (1647), Федора Бельского (1678) и более поздние ревизские сказки. Каждая последующая перепись строилась на базе предыдущей, но сведения корректировались с учетом умерших, переселившихся на новые места, рекрутированных и т. д. Приведем в качестве примера отрывок из книги Ивана Яхонтова: *Деревня Бердникова на речке на Усолке против Чюдцкого городища: двор Иванко Зыков, дв[ор] Левка Труфанов, дв[ор] Якуш Иванов да сын его Мартинко. Пашины двадцать три чети в поле, а в дву потому же; земля средняя; лесу пашенного пять десятин; сена по речке по Усолке сорок копен* (л. 6 об.)¹. Здесь имеются привязки к определенным поселениям и подушный список проживавших там лиц мужского пола (женщины упоминались редко, только если они оказывались во главе хозяйства).

Источником разрозненных сведений об исторической топонимии служат юридические документы разнообразнейших жанров: имущественные, судебные, административные (делопроизводственные) документы, церковные деловые акты, частные деловые письма, расспросные речи о соседних землях и др.²

Позднее, в начале XIX в. стали создаваться хозяйственные («географическо-статистические», «историко-статистические») описания типа справочников, которые включали и некоторые этнографические, лингвистические, топонимические сведения (см., например: (Попов, 1811–1813; Чупин, 1873–1887; Кривошеков, 1914)).

В 20-х гг. XIX в. возникла идея создания реестров населенных мест Российской империи. Для Пермской губернии известны списки 1869, 1904–1909 гг., затем списки 1926–1927 гг. по отдельным округам Уральской области, образованной после Октябрьской революции. Позднее создавались списки для Пермской области 1963, 1969, 1981 и 1993 гг. Есть также атласы (альбомы карт) с приложением алфавитных списков топонимов, но очень часто неточных, с устаревшими

¹ *Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г.*: Рукопись РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. № 308. Л. 1–46. Здесь и далее текст приводится в упрощенной орфографии, без использования устаревших кириллических букв «ять», «фита».

² В настоящее время начата работа по составлению свода таких данных. В 2020 г. опубликована первая книга из этой серии [Полякова, 2020], сейчас составляется словарь исторической топонимии Пермского края XVI – начала XVIII в.

или ошибочными данными, ср., например: река *Козетка* вм. *Козекта*, урочище *Букорские Десятины* вместо *Десятины* в Чайковском районе, др.

До 1930-х гг. количество поселений постоянно возрастало. Этому способствовала специфика истории заселения края, так как здесь искали прибежища те, кто испытывал гонения в центральных областях России (например, старообрядцы), и сюда переселяли крестьян для работ на рудниках и металлургических заводах. В значительной степени повлияли столыпинские реформы, в результате которых на обширные незанятые территории Уральских предгорий переместили большое количество крестьян из центральных, западных и даже южных губерний (крестьян, оставшихся безземельными после реформы 1861 г.). Еще одна «волна» была после революции 1917 г., когда возникли многочисленные выселки, хутора, поселки, сельскохозяйственные коммуны и подобные поселения. Но затем в связи с коллективизацией, Великой Отечественной войной, укрупнением поселений и объявлением множества деревень неперспективными, с распадом СССР и последующими процессами количество поселений непрерывно падало. Сложно назвать точное количество населенных мест на территории, соответствующей современному Пермскому краю, в первой половине XX в., когда происходило постоянное перекраивание границ уральских территорий (хотя, по приблизительным подсчетам, к 1928 г. их было не менее 10 000), но для сравнения: еще в 1960-е гг. здесь было около 6 400 населенных пунктов, в начале 1990-х – около 4 000, в наши дни – около 2 700. И процесс сокращения их количества продолжается.

По этим причинам наиболее точным (хотя и не лишенным опечаток абсолютно) и полным среди известных справочников оказался «Список населенных пунктов Уральской области», данные для которого собирались в 1926–1927 гг. и были обнародованы в 1928 г. Именно это издание отражает систему ойконимов того периода, когда количество ее элементов достигло исторического максимума. В табличной форме в нем отражены различные сведения о поселениях, сгруппированных по соответствующим округам, районам, сельсоветам Уральской области: общее число хозяйств, количество населения общее и по полу, по национальности (преобладающей и иных), принадлежность к волости Пермской губернии по состоянию на 1916 г., ближайший водный источник, расстояние в километрах до различных пунктов (до райцентра, школы, больницы, телефона, почты и др.).

В силу сказанного материалом для анализа в настоящем случае послужили данные XVI – начала XVIII в. и сведения из справочника 1928 г.

2. Отражение физико-географических характеристик территории Пермского края в местной топонимии

Обнаруживаем прежде всего, что в ойконимах Пермского края весьма многочисленна и разнообразна нарицательная лексика тематической группы «Географические термины», частично древняя по происхождению, нередко диалектная, а в ряде случаев такая, которая утрачена современным русским языком (в его литературном варианте или в целом) и восстанавливается только на основе имен собственных. Выделены следующие группы географической терминологии, отражающей топографические особенности местности³:

³ Иллюстрации содержат следующие элементы: 1) выделенная курсивом реконструированная лексема или словосочетание: а) соотносимые с зафиксированными в различных источниках языковыми состояниями либо б) (за знаком астериска *) не подтвержденные

1) названия леса, участков леса: *дуброва* ‘сухой участок, поросший хорошим лесом’ (СГТ, с. 99) > *Дуброва, Дуброва Бор; парма* ‘густой, труднопроходимый лес’, ‘возвышенность, покрытая густым лесом’, ‘болотистое место, покрытое лесом’, заимствовано из коми языка (СГТ, с. 262; Фасмер, т. 3, с. 208; АС, т. 3, с. 13; СРНГ, т. 25, с. 229; Мурзаев, с. 429; СПГ, т. 2, с. 75) > *Парма; растес* ‘граница лесных угодий, обозначенная натесами, зарубками на деревьях’ (СЛПП, т. 2, с. 191) > *Растес*;

2) названия участков, поросших определенным видом растительности: *губник* ‘грибной лес; место, поросшее грибами’ (СГТ, с. 103) > *Губник; вольхняк* ‘заросли ольхи’ (СПГ, т. 1, с. 117) > *Вольхняк; осинник* > *Осинник, Осинники, Гарь в Осинниках, Заосинник*;

3) названия открытых участков в лесу: *забегаловка* ‘поляна, отделенная от поля деревьями и кустами’ (СГТ, с. 114) > *Забегаловка; кругляшка* среднеуральское ‘лесная полянка’ (СРНГ, т. 15, с. 302) > *Кругляшка*;

4) названия участков леса, выгоревших, выкорчеванных или вырубленных: *выгарки* ‘место лесного пожара’ (СПГ, т. 1, с. 134) > *Выгорки; вылом* ‘участок, на котором лес повалило бурей’, ‘участок, расчищенный от леса с хозяйственными целями’ (АЯ, с. 67; СГТ, с. 78) > *Вылом; шишмара* ‘участок, расчищенный от дерьевьев и кустов’ (СГТ, с. 403) > *Русская Шишмара, Татарская Шишмара*;

5) названия дорог, просек: *звоз* ‘дорога в гору от реки или перевоза’ (Панин, с. 50; СРНГ, т. 11, с. 220) > *Крутой Звоз; матица* ‘главная лесовозная дорога’, ‘широкая дорога’ (СГТ, с. 213) > *Матица*;

6) названия безлесных участков: *хижи* ‘заросшее поле, заброшенная рощица’ (Фасмер, т. 4, с. 236), [Востриков, 1990, с. 65] > *Хижи*;

7) названия возвышенностей, их частей: *дуван* ‘высокая безлесная гора, обдуваемая ветрами’ (АЯ, с. 10) > *Дуван; челтан* ‘гора, холм округлой формы с высокими склонами’, ‘вершина горы’ (СГТ, с. 397; СРГСУ, т. 7, с. 21; СПГ, т. 2, с. 525; Даль, т. 4, с. 589; Фасмер, т. 4, с. 329), [Полякова, 1991, с. 183] > *Челтан; шоломень* ‘небольшая горка округлой формы’, ‘склон бугра’ (СГТ, с. 403–404; Фасмер, т. 4, с. 424) > *Шоломень*;

8) названия оврагов, логов, низменных мест: *вар* ‘овраг’ (АЯ, с. 10) > *Вары; корчага* ‘круглая яма, котловина’ (СРНГ, т. 15, с. 29) > *Корчага; лоза* ‘низкое ровное место, где хорошо растет трава’ (СРНГ, т. 17, с. 111) > *Лоза*;

9) названия сырых, болотистых мест, болот: *арай* ‘сырое низкое кочковатое место на лугу’, ‘заливной луг’, ‘топкий участок болота’, ‘яма естественного происхождения’, ‘галька на берегу реки, у самого уреза воды’ (АЯ, с. 49; СГТ, с. 22) > *Арай; мокруша* ‘сырое, топкое место на лугу, в лесу, в пойме реки, у ручья, в болоте’ (СГТ, с. 218) > *Мокруша; сутяга* ‘топкое, сырое место на лугу или в поле’ (АЯ, с. 13) > *Сутяга, Большая Сутяга, Малая Сутяга*;

10) названия водоемов и их частей: *ручей* > *Ручей*; *суплес ‘участок, примыкающий к части реки со спокойным течением’ > *Суплес; урай* ‘речной залив, старица’ [Востриков, 1990, с. 62, 92], (СРГСУ, т. 5, с. 131) > *Урай, Малый Урай; холуй* ‘место наноса на реке веток, кустов, дерьевьев; завал на реке’ (СЛПП, т. 2, с. 377;

письменными источниками устаревшие слова, вышедшие из употребления, 2) гипотетически определяемое значение реконструируемого слова или словосочетания, 3) ссылка на источник данных, не являющихся общерусскими, 4) (за знаком раствора) ойконим, выделенный курсивом.

АЯ, с. 162; СГТ, с. 392), [Востриков, 1990, с. 63; Полякова, 1991, с. 154, 158] > *Холуи*;

11) названия островов, мелей: *брод* > *Брод, Ванькин Брод, Новый Брод, Стан-Брод, Старый Брод, Бродовский, Бродовая, Броды*; *остров* > *Прорывенский Остров*;

12) названия берегов, их видов, а также местности в окрестностях водоема: *б-еи* 'береговая скала, на которую направлено сильное течение реки' [Полякова, 1991, с. 14], (АЯ, с. 52–53; СГТ, с. 32) > *Боец*; *песьянка* 'низкий песчаный берег, заливаемый во время половодья', 'участок с песчаной почвой' (АЯ, с. 126; СГТ, с. 272–273) > *Песьянка, Песьянки*;

13) названия участков местности, указывающие на их форму, особенности почвы и т. п.: **беляшка* 'участок с почвой очень светлого цвета (содержащей известняк)' > *Беляшка*; *красик* 'участок с красной глиной' (АЯ, с. 95; СГТ, с. 173) > *Красики*; *лопата* 'узкий недлинный участок земли', 'участок земли, один конец которого расширяется' (СРНГ, т. 17, с. 132) > *Лопата*.

С точки зрения отражения топографии не менее значимы ойконимы метонимической природы (т. е. ойконимы, образованные путем транстопонимизации – переноса наименования с одного географического объекта на другой), которые могут не только называть близлежащий относительно поселения объект (чаще реку, реже возвышение или что-либо еще), но и характеризовать его с какой-либо точки зрения (курсивом указаны пермские ойконимы, содержащие такую лексему):

1) лексика, отражающая особенности расположения географического объекта: *Ближний Ручиб, Дальний Пальник, Восточный Уклон, Нижний Черный Ключ, Правый Бизяр, Средние Новинки, Выше Бору, Горная Шушпанка, Усть-Боровая*; ср. также метафорические названия, косвенно указывающие на удаленность объектов: *Америка, Камчатка*, под.;

2) лексика, характеризующая объект по форме, по величине и т. п.: *У Глубокого Лога, Долгий Мост, Косой Мост, Круглая Гарь, Узкое Место*;

3) лексика, отражающая особенности почвы, рельефа в месте нахождения географического объекта: *Гладкий Луг, Логоватый, Мокрое Поле*;

4) лексика, отражающая цвет географического объекта: *Белый Камень, Грязный Мост, Красный Берег, Черный Яр*;

5) лексика, характеризующая особенности течения гидрообъекта: *Быстрая, Северная Рассоха, Шумишка*;

6) лексика, отражающая особенности русла, ложа, прибрежной зоны гидрообъекта: *Галечный Ключ, У Кривого Озера, По Реке Омутной, Вершина Сухой Платошны*;

7) лексика, отражающая вкусовые качества воды в гидрообъекте: *Гнилая, Поганиха*;

8) лексика, отражающая особенности температуры воды в гидрообъекте: *Студеная, Теплый Ключ, Холодный Ключ*;

9) лексика, характеризующая объект по очередности возникновения: *Первая Делянка, Вторая Нужда*.

С учетом семантики качественных компонентов и мотивационных признаков названий второго уровня (метонимически перенесенных названий) обнаруживаем, что наименования чрезвычайно детализированы: они указывают на специфику почвы, форму называемой реалии, особенности ее расположения, специфику местной флоры и т. д. Названия как будто образуют штрихи к «портрету» уральских

предгорий – с выраженными неровностями (многочисленными возвышенностями и впадинами), с обильной растительностью (значительная часть территории Пермского края покрыта тайгой) и развитой гидронимической системой (по подсчетам географов, в крае около 30 000 рек, речек, ручьев общей протяженностью около 90 000 км). Количество «топографически обусловленных» названий настолько обильно, что создается впечатление, будто в ойконимах продублирована физико-географическая карта. Но в какой степени?

Можно предположить, что основная цель номинации – привязка поселений к локальным ориентирам. Однако анализ названий подводит к выводу, что данный фактор не является решающим, и «выборка» географических объектов номинаторами ценностно ориентирована. Значительная часть онимов – это метонимически перенесенные наименования угодий, и, следовательно, в ойконимах опосредованно фиксируются особенности ландшафта, которые важны в хозяйственной деятельности человека, т. е. обусловлены прагматически. Подчеркнем, что в названиях поселений нередко запечатлелась даже не собственно нарицательная географическая лексика (*Корчага, Лопата, Плотбище, Перебор*), а микротопонимы: *Сурнинское Плотбище, Заячий Перебор, Соленая Грязь*. Значимо также, что в ойконимии актуализируется топонимия узлокального значения, но не названия крупных объектов древнего субстратного происхождения типа *Кама, Колва, Вишера*. Показательна и такая особенность: о характере местности (а она холмистая) говорят, в частности, многочисленные названия возвышенностей, но небольших (*угор, сгорок, взлобок* и под.); для наименования значительных возвышений используется лишь общерусская лексема *гора* и (реже) диалектное слово *камень*. Очевидно, это объясняется возможностью использования пригорков в каких-либо целях (для возделывания земли, для собирательства) при ведении натурального крестьянского хозяйства, локализованного «точечно», в то время как горы важны в качестве ориентира на местности, мыслимой масштабно.

Обращает на себя внимание то, что номинации мотивационно связаны с лексикой прежде всего тех лексико-семантических групп, которые отражают привязку: а) к участкам, характеризующимся перепадами рельефа (возвышенности и низменности); б) к лесным участкам; в) к водным источникам. Как мы видим, это географические объекты, организующие пространство по вертикали, горизонтали и (условно) «вектору», т. е. направленности движения, которая в условиях тайги и холмистости местности задается водными потоками.

Иными словами, это не дублирование карты, а итог культурного освоения данного локуса. Перед нами результат «вживания» русских переселенцев в окружающую среду, основные координаты которой были заданы предшественниками, т. е. аборигенным (субстратным и даже субсубстратным) населением, и последующего «встраивания» вновь образуемых региональных русских ойконимов в организованную топосистему, в топонимическое пространство.

И это подводит нас к решению логически возникающего вопроса о том, что же является главенствующим принципом отбора топографических ориентиров в ойконимии. Отбор этот подчиняется, вероятно, центральной, универсальной культурной оппозиции «свой – чужой». И в этой связи можно вспомнить множество высказываний, среди которых, например, слова А. В. Суперанской: «Имена собственные – необходимый инвентарь языка, служащий для определения тех данностей, которые не могут быть достаточно точно и однозначно определены с помощью имен нарицательных, нумерического ряда, системы координат, описательных фраз и т. п.» [Суперанская, 2012, с. 136] – или слова Е. Л. Березович:

«Какой бы мотив ни отражался в топонимической номинации, само наличие имени у географического объекта свидетельствует об осваивании последнего хотя бы на перцептивном уровне» [Березович, 2021, с. 184].

Очень показательными с этой точки зрения мы считаем ойконимы, которые транслируют информацию об особенностях освоения земель в тяжелых местных условиях, настолько тяжелых, что невольно всплывает в памяти выражение «вгрызаться в землю». О многом говорят, в частности, количественные показатели. Так, например, по данным 1928 г. нами выявлено около 50 населенных пунктов с компонентами *палица, паль, пальник, пальники* ‘выгоревшее или выжженное место под пашню в лесу’ (АЯ, с. 122–123; СГТ, с. 260–261), ‘место, где лес вырублен и сожжен под пашню’ (СПГ, т. 2, с. 73; Мурзаев, с. 428), более 130 поселений, названия которых включают термин *гарь* и его производные (ср.: *гарь* ‘выжженный участок леса, предназначенный под пашню’ (Сл XI–XVII, т. 4, с. 12), ‘выкорчеванный участок в лесу’ (Фасмер, т. 1, с. 395), ‘выжженное место в лесу’ (АЯ, с. 48), *гари* ‘места в лесу, расчищенные для пахоты или сенокоса’ (СПГ, т. 1, с. 158; Мурзаев, с. 140)), а также ряд иных аналогичных терминов. Это термины подсечно-огневого земледелия, которое было актуально для пермских территорий и менее 100 лет назад; еще в конце XX в. в речи сельских жителей фиксировались реликтовые термины, называющие расчищенные под пахоту участки в лесу (типа *вылом, почка / подчека / поччика*). Теперь они обнаруживаются только в микротопонимии.

Основные лексико-семантические группы такого рода терминологии:

1) названия участков, подготавливаемых под пашню, например: *вылом* ‘участок, расчищенный от леса с хозяйственными целями’ (АЯ, с. 67) > *Вылом; пал* ‘подсека с сожженным лесом’ (Сл XVIII, т. 14, с. 131) > *Палы; сечище* ‘участок с вырубленными деревьями’ [Полякова, Новиков, 1972, с. 162] > *Сечище*;

2) названия пахотных участков, например: *подстава* ‘земля, пригодная для пашни, под покос’ (СРНГ, т. 28, с. 193) > *Подставы; суземье* ‘поле на расчищенном от леса месте’ (СРНГ, т. 42, с. 190) > *Суземье*;

3) названия заброшенных пахотных участков, например: *хижи* ‘заросшее поле, заброшенная рощица’ (Фасмер, т. 4, с. 236), [Востриков, 1990, с. 65] > *Хижи; пустошь* ‘заброшенное, невозделываемое поле’ > *Пустош[ь]; шутём* ‘заброшенное, заросшее поле’ (СЛПШ, т. 2, с. 413; Фасмер, т. 4, с. 492; СПГ, т. 2, с. 564; АЯ, с. 167; СГТ, с. 405–406), [Полякова, Новиков, 1972, с. 162; Полякова, 1991, с. 48] > *Шутёмы*.

Обращает на себя внимание отсутствие лексем, которые имеют корень *-чист-* (типа *росчисть, новочисть, чисть, чищенина* и под.), обозначают расчищенные и раскорчеванные под поля или луга лесные участки и встречались в пермских говорах (см.: [Беляева, 1964; Житников, 1965]). В ойконимии сохранились названия лишь с аналогичным элементом *новина, новинка* (*Новинка, Новинки, Верхние Новинки, Средние Новинки, Нижние Новинки*). Чаше участки назывались по способу подготовки их к пахоте (ср. примеры выше).

В ряде случаев реконструируется лексика, ушедшая из литературного языка и говоров, не зафиксированная в словарях древнерусского и современного русского языка, в словарях XI–XVII, XVIII в. Она представляется особенно значимой, поскольку говорит о древности ее и, соответственно, образованных на ее базе ойконимов. Приведем несколько примеров с гипотетически восстанавливаемой семантикой производящих слов: *Богодуи* < **богодуи* ‘открытый возвышенный участок’, *Мокрида* < **мокрида* ‘сырое, заболоченное место’, *Важ-Сочище* <

**сочище* ‘место, где сочили, то есть подсекали кору и подрубили с целью высушить на корню, деревья’; *Разориха* < **разориха* ‘пахотный участок, пашня’. Подчеркнем, что прямо или косвенно такие термины также указывают на возможность или невозможность использования того или иного участка в хозяйственной деятельности крестьян.

Не менее «прагматических» ойконимов показательно, на наш взгляд, то, что разбивает представления россиянина начала XXI в. о стабильных / нестабильных элементах системы топонимов и стереотипный взгляд на названия поселений как на самодостаточную, относительно замкнутую подсистему. Так можно думать теперь, когда на первый план вышла индустриальная и вместе с ней городская культура со своими принципами номинации, а новые названия населенных пунктов фактически уже не возникают. Но таким ожиданиям не отвечают исторические факты.

Мы уже ссылались на памятники письменности со сведениями о топонимии Пермского края. Время создания первых из них (преимущественно XVI–XVII вв.) – это начальный период, когда система ойконимов переживала свое становление. И, в частности, там мы обнаруживаем не только однословные названия типа погост *Городище*, деревня *Плѣс*, село *Кишерть* и под., но и описательные (полилексемные) конструкции уточняющего характера, ср.: *Григорова деревня над курьюю*, 1579 г.; *Починок Немятов, Белик тож, на реке на Каме, вверх Лысвинского озера*, 1623 г.; *Деревня над Кемyleм и над речкой Шумихою*, 1647 г.; *Архипов починок за Казенным полем*, 1678 г.

Сравнительный анализ с данными 1928 г. делает очевидной неслучайность подобных наименований поселений. Уже в Средневековье в качестве ориентиров никогда не выступали административные центры (Чердынь, Соль Камская, Усолье), актуализировались же названия близлежащих речек, скалистых обнажений, микротопонимы, ср.: ...*по Каме-реке в Гурдине под Сергиевым камнем*, 1629 г.; *Деревня на реке Каме и на речке Гайве*, 1647 г.; *Починок на реке Кама и на речке Егошихе двор Сергейки Павлова сына Брюханова*, 1647 г. Эти тенденции были настолько важны, что они привели к закреплению специфических (неоднословных, полилексемных) моделей образования ойконимов. И сравним: в первой четверти XX в. появились нестандартные структуры типа *Городищенские Хутора № 1, 2, 3, 4*, *Казарма № 49*, *Казарма 537 км*, *Томаровское Отделение Грановской Школы Коммуны*, неясные образования типа *Обращат* оказались недолговечными, а ставшие традиционными способы «встраивания» новых небольших объектов в ландшафт по-прежнему живы, хотя подобные названия и не были настолько распространены, как в начальный период формирования пермского топонимикона. И в справочнике 1928 г. мы обнаруживаем многочисленные названия выселков и починков типа деревня *Горяны У Паньковки*, деревня *Бородина У Ключей*, выселок *Против Сосновой Горы*, хутор *Под Мысом*, *Катаева По Трубенке*, *По Черной Речке*, *У Токмаков*, *За Родником*.

Тем самым ойконимы демонстрируют, что в качестве ориентиров могли выступать даже небольшие объекты, а в качестве соотносительного элемента при ономообразовании – даже микротопонимы. И, казалось бы, нелогично определять постоянное место проживания через объект, который в любой момент может исчезнуть или сменить название. Но это противоречит современным синхронным стереотипам, в соответствии с которыми система поселений и их названий является устойчивой, а микрообъекты и микротопонимия отличаются вариативностью

и подвижностью⁴. Исторически же сложилось, что «молодые» поселения вписываются в данный узколокальный ландшафт по определенным, уже «одобренным социумом» принципам.

Безусловно, в устоявшихся номинативных системах с вековыми принципами их формирования не исключаются «сбои», подвижки и даже «слом» традиций, вызванные обычно (и они тоже) культурными изменениями, социальными трансформациями. Подобные модификации демонстрирует, например, ойкосистема Пермского края первого десятилетия после Октябрьской революции 1917 г., ср. названия сельских поселений: *Будильник*, *Самолет*, *Юный Сентябрь*, *Виктуар*, *Проспись Бедняк*, *Лаюкс*, *Культуровка* и под. Характерно, однако, что «нестандартные» явления обычно вымываются, а система в своих основах проявляет устойчивость⁵.

В обнаруженных фактах мы усматриваем подтверждение открытых ранее Е. Л. Березович принципов моделирования географического пространства в топонимиконе. В пермской ойконимии проявляются следующие концептуальные факторы, манифестирующие признак «охват местности»: панорамное, дробное, горизонтальное видение местности «по принципу карт-обозрения» (см. об этом подробнее, в частности: [Березович, 2021, с. 164–177]). Закономерно, что при ориентировании в пространстве и при формировании системы наименований отдельных элементов этого пространства актуализируются связи между ближайшими объектами, а если точнее, то между объектами, ближайшими к центру номинации. И, поскольку русским крестьянином в первую очередь «прорабатывались» хозяйственно значимые локусы (это было показано нами выше), непосредственно примыкающие к месту поселения и образующие освоенное пространство, естественным образом в систему ойконимов активно втягивались микротопонимы, включая микрооронимы и микрогидронимы. Таким способом, через установление связей между географическими объектами вне зависимости от их размера и устойчивости, реализуется принцип рядности (соположности, соотносительности) топонимов, открытый еще В. А. Никоновым.

Итак, региональный ойконимикон подчиняется концептуальной модели организации географического пространства, в которой воплощается принцип рядности. В концептуальной топосфере важен не только ориентационный принцип, но и принцип культурно-ценностного освоения пространства. Иными словами, номинируются и таким образом маркируются не только локации, способные служить ориентиром на местности и задающие систему координат, но прежде всего объекты, имеющие хозяйственное значение.

Заключение

Таким образом, исследованные географические названия Пермского края позволяют подтвердить универсальность выявленных нашими предшественниками закономерностей организации онимического пространства, и в то же время особо подчеркнуть значимость культурно ориентированного характера этих закономер-

⁴ Ср., например: «Микротопонимы образуют наиболее подвижную часть топонимии» [Суперанская, 2021, с. 48]; микротопонимы «легко изменяются или заменяются. Не менее легко они исчезают вовсе. Однако в целом этот процесс неоднороден. В целом новые микротопонимы появляются так же свободно, как отмирают старые» [Карпенко, 1967, с. 17]; микротопонимы «пока лишь зародыши названий» [Никонов, 2011, с. 47], др.

⁵ См. об этом подробнее: [Богачева, 2008].

ностей. Ойконимы – это системные топографические элементы. Будучи непосредственно связаны с человеком, поскольку это названия не просто географических объектов, а мест проживания, жизнедеятельности людей, ойконимы отражают принципы «вживания» человека в окружающее пространство, последовательного окультуривания локуса: преобразования чужого и чуждого в свое и освоенное. Они транслируют процессы формирования региональной и локальной топонимической картины мира.

Наделение географического объекта собственным именем не является самоцелью, иначе в качестве онима могли бы использоваться абсолютно любые слова, вплоть до набора звуков или букв. Чтобы географическое название приобрело топографическую значимость и стало частью топонимической системы, а значит, элементом надстройки над топографическими реалиями, оно должно отразить факт принадлежности номинируемого объекта к определенной «культурной зоне», к освоенной, «окультуренной» сфере бытия человека. Топоним – это воплощенный в языковом знаке факт культуры.

Список литературы

Беляева О. П. Местная лексика, связанная с обозначениями земельных участков // Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964. Вып. 1. С. 93–103.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. М.: Либроком, 2021. 328 с.

Богачева М. В. Новая эпоха – новая культура? // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 353–361.

Востриков О. В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 95 с.

Житников В. Ф. Древнерусская лексика подсечно-огневого земледелия в топонимике Архангельской и Вологодской областей // Вопросы топонимии. 1965. Вып. 2. С. 19–22.

Карпенко Ю. А. Свойства и источники микротопонимии // Микротопонимия. М.: Наука, 1967. С. 15–22.

Корчагин П. А., Лобанова А. С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Перм. ун-та. История. 2012. № 1 (18). С. 121–134.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: ЛКИ, 2011. 184 с.

Полякова Е. Н. Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. 206 с.

Полякова Е. Н. Материалы памятников XVI – начала XVIII в. для топонимического словаря Пермского края / Под ред. М. В. Бобровой. Пермь, 2020. 168 с.

Полякова Е. Н., Новиков В. Ф. Диалектная лексика в Чердынских и Соликамских памятниках XVII века // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1972. Вып. 3. С. 155–168.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2012. 366 с.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий. М.: Либроком, 2021. 178 с.

Список источников

- АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: В 6 вып. Пермь, 1984–2011.
- АЯ – Полякова Е. Н. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. 180с.
- Вычегодско-Вымская летопись – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. № 4. С. 257–271.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Диамант, 1997.
- Книга Большому чертежу / Подгот. к печати и ред. К. Н. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.
- Кривошеков И. Я. Географическо-статистический словарь Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. 841 с.
- Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
- Никоновская летопись – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 532 с.
- Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: «Наука», Сиб. отд-е, 1991. 179 с.
- Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству: В 3 т. СПб., 1811–1813.
- СГТ – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 419 с.
- Симеоновская летопись – Полное собрание русских летописей. М.: Знак, 2007. Т. 18: Симеоновская летопись. 328 с.
- СЛПП – Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 2 т. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2010.
- Сл XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. С. Г. Бархударова и др. М.: Наука, 1975–2022. Вып. 1–32. (Продолжающееся издание)
- Сл XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019. Вып. 1–22. (Продолжающееся издание)
- СПГ – Словарь пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000–2002.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (т. 1–23), Ф. П. Сороколетов (т. 24–46), С. А. Мызников (т. 47–52). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2021. Т. 1–52. (Продолжающееся издание)
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель – АСТ, 2004.
- Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь, 1873–1887.

References

- Belyaeva O. P. Mestnaya leksika, svyazannaya s oboznacheniyami zemel'nykh uchastkov [Local vocabulary related to land designations]. In: *Voprosy fonetiki, slovo-obrazovaniya, leksiki russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya* [Issues of phonetics, word formation, vocabulary of the Russian language and methods of teaching it]. Perm, 1964, iss. 1, pp. 93–103.
- Berezovich E. L., *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Space and human]. Moscow, Librokom, 1998, 328 p.
- Bogacheva M. V. Novaya epokha – novaya kul'tura? [New era is new culture, isn't it?]. In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Word and text in the cultural consciousness of the era: materials of All-Russ. sci.-pract. conf.]. Vologda, 2008, pp. 353–361.
- Karpenko Yu. A. Svoystva i istochniki mikrotoponimii [Properties and sources of microtoponymy]. In: *Mikrotoponimiya* [Microtoponymy]. Moscow, Nauka, 1967, pp. 15–22.
- Korchagin P. A., Lobanova A. S. Ocherki ranney istorii Permi Velikoy: vodno-vozkovyye puti [Essays on the early history of Perm the Great: waterways]. *Perm University Herald. History*. 2012, no. 1(18), pp. 121–134.
- Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow, LKI, 2011, 184 p.
- Polyakova E. N. *Materialy pamyatnikov 16 – nachala 18 v. dlya toponimicheskogo slovarya Permskogo kraya* [Materials of the monuments of the 16th – early 18th centuries for the toponymic dictionary of the Perm region]. M. V. Bobrova (Ed.). Perm, 2020, 168 p.
- Polyakova E. N., Novikov V. F. Dialektnaya leksika v Cherdynskikh i Solikamskikh pamyatnikakh 17 veka [Dialect vocabulary in Cherdyn and Solikamsk monuments of the 17th century]. In: *Zhivoe slovo v russkoy rechi Prikam'ya* [A living word in the Russian speech of the Kama region]. Perm, 1972, iss. 3, pp. 155–168.
- Polyakova E. N. *Pamyat' yazyka: Rasskazy o leksike permskikh pamyatnikov pis'mennosti i govorov* [Memory of language: Stories about the vocabulary of Perm monuments of writing and dialects]. Perm, Perm. kn. izd., 1991, 206 p.
- Superanskaya A. V. *Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskikh nazvaniy* [What is toponymy? From the history of geographical names]. Moscow, Librokom, 2021, 178 p.
- Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Librokom, 2012, 366 p.
- Vostrikov O. V. *Finno-ugorskiy substrat v russkom yazyke* [Finno-Ugric substratum in Russian]. Sverdlovsk, 1990, 95 p.
- Zhitnikov V. F. Drevnerusskaya leksika podsechno-ogneвого zemledeliya v toponimike Arkhangel'skoy i Vologodskoy oblastey [Old Russian vocabulary of slash-and-burn agriculture in the toponymy of the Arkhangelsk and Vologda regions]. *Voprosy toponomastiki*. 1965, iss. 2, pp. 19–22.

List of sources

- Chupin N. K. *Geograficheskiy i statisticheskiy slovar' Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of the Perm province]. Perm, 1873–1887.

- Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Diamant, 1997.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language]. O. N. Trubachev (Transl. from German and rev.). Moscow, Astrel' – AST, 2004.
- Kniga Bol'shomu chertezhu* [Book to the Big map]. Serbina K. N. (Ed.) Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, 229 p.
- Krivoshchekov I. Ya. *Geograficheskostatisticheskii slovar' Cherdynskogo uezda Permskoy gubernii* [Geographical and statistical dictionary of Cherdynsky uyezd of Perm province]. Perm, 1914, 841 p.
- Murzaev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, Mysl', 1984, 653 p.
- Panin L. G. *Slovar' russkoy narodno-dialektnoy rechi v Sibiri 17 – pervoy poloviny 18 v.* [Dictionary of Russian folk dialect speech in Siberia of the 17th – first half of the 18th century]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1991, 179 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete collection of Russian chronicles.]. Moscow, 2000, vol. 13: *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopis'yu* [A chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon's Chronicle], 532 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* [The Complete collection of Russian chronicles.]. Moscow, Znak, 2007, vol. 18: *Simeonovskaya letopis'* [Simeon's chronicle]. 328 p.
- Polyakova E. N. *Ot "arainy" do "yara": Russkaya narodnaya geograficheskaya terminologiya Permskoy oblasti* [From "araina" to "yar": Russian folk geographical terminology of the Perm region]. Perm, Perm. kn. izd., 1988, 180 p.
- Polyakova E. N. *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoy rechi Permskogo kraya* [Dictionary of geographical terms in the Russian language of the Perm region]. Perm, Izd. Perm. univ., 2007, 419 p.
- Polyakova E. N. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov 16 – nachala 18 veka: v 2 t.* [Dictionary of the vocabulary of Perm monuments of the 16th – early 18th century]. Perm, Izd. Perm. univ., 2010.
- Popov N. S. *Khozyaystvennoe opisanie Permskoy gubernii po grazhdanskomu i estestvennomu ee sostoyaniyu v otnoshenii k zemledeliyu, mnogochislennym rudnym zavodam, promyshlennosti i domovodstvu: V 3 t.* [Economic description of the Perm province according to its civil and natural state in relation to agriculture, numerous ore plants, industry and home economics: In 3 vols.]. St. Petersburg, 1811–1813.
- Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti: V 6 vyp.* [Dictionary of the dialect of the village Akchim of Krasnovishersky district of the Perm region: in 6 iss.]. Perm, 1984–2011.
- Slovar' permskikh govorov: V 2 t.* [Dictionary of Perm dialects: in 2 vols.]. Perm, 2000–2002.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (Eds.). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965–2021, vols. 1–52. (Ongoing edition)
- Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: V 7 vyp.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 iss.]. Sverdlovsk, Izd. Ural. Univ., 1964–1988.
- Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Barkhudarov S. G. (Ed.). Moscow, Nauka, 1975–2022, iss. 1–32. (Ongoing edition)
- Slovar' russkogo yazyka 18 veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka, iss. 1–22, 1984–2019. (Ongoing edition)

Vyhegodsko-Vymskaya (Misailo-Evtikhievskaya) letopis' [Chronicle of Vyhegda & Vym' (of Misail & Eutikhiy)]. In: *Istoriko-filologicheskii sbornik Komi filiala AN SSSR* [Historical and philological collection of the Komi branch of the AS USSR]. Syktyvkar, 1958, no. 4, pp. 257–271.

Информация об авторе

Мария Владимировна Боброва, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the author

Maria V. Bobrova, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 06.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 25.04.2023
The article was submitted on 06.03.2023;
approved after reviewing on 25.04.2023; accepted for publication on 25.04.2023*

Научная статья

УДК 81-112

DOI 10.17223/18137083/90/14

Формирование и развитие лексико-семантической парадигмы древнерусского глагола БЫТИ / ЮСМЬ

Марианна Алексеевна Казазаева

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

mar4272@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1803-8026>

Аннотация

Цель статьи состоит в рассмотрении вопросов возникновения и этапов формирования лексико-семантической парадигмы супpletивного глагола БЫТИ / ЮСМЬ, не получивших полного освещения в современной науке. Результатом работы стало описание лексической специфики парадигмы данного нетематического глагола, функционирующего в русском языке. В процессе проведения исследования были привлечены разные виды научных источников с целью максимально полно и объективно систематизировать уже имеющуюся информацию об объекте исследования, дополнив ее собственными наблюдениями, полученными в ходе анализа памятника письменности древнерусского периода – текста летописного свода «Повесть временных лет», рассмотренного в двух редакциях: Лаврентьевской и Ипатьевской. Лингвистическое исследование проводилось с привлечением таких методов, как интерпретация словарных дефиниций, описательно-исторический, контекстуальный.

Ключевые слова

нетематический глагол, супpletивизм, семантическая парадигма, лексическое значение, древнерусский язык, летописный свод

Для цитирования

Казазаева М. А. Формирование и развитие лексико-семантической парадигмы древнерусского глагола БЫТИ / ЮСМЬ // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 185–195. DOI 10.17223/18137083/90/14

Formation and development of the lexical-semantic paradigm of the Old Russian verb БЫТИ / ЮСМЬ

Marianna A. Kazazaeva

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

mar4272@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1803-8026>

Abstract

The purpose of the paper is to highlight the emergence and further development of the lexical-semantic paradigm of the suppletive verb БЫТИ/ ЮСМЬ. This subject remains inadequately addressed in modern scientific discourse. The investigation resulted in a reconstruction of the

© Казазаева М. А., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 185–195
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 185–195

formation stages of the paradigm and a description of the lexical specificity of this Slavic athematic verb in the Russian language. The analysis relied upon a multifaceted approach, drawing upon various scientific sources to objectively explore the available data concerning the research subject. The analysis was augmented by observations made during the examination of the ancient Greek written monument, the text of the chronicle “The Tale of Bygone Years” in the Laurentian and Ipatiev editions. The linguistic investigation employed a range of methodologies, including descriptive-historical analysis, dictionary definition interpretation, and contextual approaches. The choice of the verb БЫТИ/ ЮСМЬ as the object of study was dictated by the fact that scholars recognize non-thematic verbs as one of the most ancient relics of the Indo-European verbal system. The analysis of the reasons for the emergence of the suppletive verb БЫТИ/ ЮСМЬ has allowed the author to conclude that the origins of the formation of contaminated type structures should be sought not only in the field of grammar. Semantics should be taken into account, for grammar and semantics categories are interconnected, often activating mutual changes.

Keywords

athematic verb, suppletivism, semantic paradigm, lexical meaning, Old Russian language, annals

For citation

Kazazaeva M. A. Formation and development of the lexical-semantic paradigm of the Old Russian verb БЫТИ / ЮСМЬ. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 185–195. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/14

Среди различных способов словообразования особняком стоит явление супплетивизма, которое П. С. Кузнецов называл процессом «сплетения основ» [Борковский, Кузнецов, 1963, с. 160]. Механизм происходящих процессов, несмотря на разнообразие работ, представленных в современном языкознании, до сих пор не освещен в полной мере, так как формирование подобных парадигм – явление в каждом случае уникальное. При этом в отечественном языкознании распространение получила точка зрения, согласно которой под супплетивными образованиями понимаются «формы одного и того же слова, ведущие свое образование от разных корней, либо от основ, различия между которыми выходят за пределы чередований» [Ахманова, 2010, с. 463]. Однако существуют и другие точки зрения. Например, В. Н. Немченко отмечает возможность более широкого толкования понятия «супплетивизм», выходящего за рамки собственно грамматического явления, когда при толковании возникающих отношений, помимо грамматических характеристик, учитываются и лексические [Немченко, 2000, с. 163]. Е. И. Лемешко относит явление супплетивизма к наиболее ранним этапам развития лексической системы языка (наряду, например, с терминами родства), указывая, что объективный анализ подобных парадигм возможен только с привлечением исторического языкового материала [Лемешко, 2013, с. 82].

Целью нашего исследования стало структурирование основных этапов формирования лексико-семантической парадигмы супплетивного древнерусского глагола БЫТИ / ЮСМЬ, относящегося к древнейшим «реликтам» общеиндоевропейской языковой эпохи. В своих более ранних исследованиях [Казазеева, 2000] мы уже обращались к данной проблеме, однако новые научные публикации по теме исследования, появившиеся за последние два десятилетия, позволили уточнить материал исследования, внести в него дополнительные коррективы, значительно расширив представления об объекте нашего исследования.

Языковая специфика предмета изучения обусловила использование в работе таких методов исследования, как интерпретации словарных дефиниций, описательно-исторический, контекстуальный.

Источником для практического исследования парадигмы указанного атематического глагола в древнерусском языке послужил текст летописного свода «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), рассмотренный в двух редакционных вариантах: Лаврентьевская летопись и Ипатьевская летопись. Материал для проведения анализа извлекался из летописных текстов методом сплошной выборки и составил 2 437 несовпадающих глагольных форм БЫТИ / БУДУ / ЮСМЬ. Также для полноты анализа лексико-семантической парадигмы данного глагола нами были привлечены данные соответствующих словарей.

С целью более четкого прослеживания основных этапов формирования супплетивной парадигмы у данного глагола мы решили анализировать имеющиеся языковые данные, расположив их в хронологической перспективе по ряду исторических языковых периодов, описав состояние данной глагольной пары на каждом из них.

1. Индоевропейский / ранний праславянский период

Глагол *БЫТЬ*. По мнению ученых, производящей базой для глагола БЫТЬ послужило индоевропейское имя *bhūti-s, из которого на праславянской почве произошел инфинитив *byti с глагольной основой аориста и в целом основной прошедшего времени *bhū- [ЭССЯ, 1976, с. 155]. Исходное лексическое значение глагольного корня *bhū-, ставшего основой прошедшего времени, большинство ученых соотносит с конкретной семантикой ‘расти’, ‘возрастать’, ‘возникать’; впоследствии дополненной рядом других – ‘быть’, ‘стать’ (см.: [Потебня, 1874, с. 3; Преображенский, 1959, с. 58; Мейе, 1951, с. 165] и др.).

Глагол *БУДУ*. Семантику корня с носовым гласным *bŋd- > бжд- > буд-, легшего в основу формы будущего времени, по мнению В. В. Колесова, следует возводить к другому индоевропейскому корню *beŋdh- в значении ‘бодрый’, ‘умственно активный’ (ср. лит. *budrūs* ‘бодрый’), который этимологически пересекается с *бдит*, *блюду* [Колесов, 2005, с. 498]. Однако не все ученые разделяют указанную точку зрения по причине того, что, несмотря на «особое положение данной формы в глагольной парадигме (своеобразный перфективный презенс в роли будущего времени)», побуждающее нас трактовать данное образование как самостоятельную лексическую единицу, «не оставляет сомнений близкое родство с *byti, точнее – происхождение из одного из дославянских вариантов индоевропейского корня, позднее супплетивно грамматикализованное как будущее время от глагола *byti» [ЭССЯ, 1975, с. 233–234].

Подобная недостаточная этимологическая проясненность *bŋdŋ способствовала тому, что вопрос, стоит ли считать праславянские глаголы *byti и *bŋdŋ разными лексическими единицами, в праславянский период образовавшими единую супплетивную парадигму, или глаголами, произошедшими из одного общего индоевропейского корня, остается до сих пор открытым.

Глагол *ЮСМЬ* является примером типичного глагола атематического типа: глагольная основа *es- легла в основу индоевропейских форм *esmi, *esti, *estь, *este, откуда вышли праславянские *esmь, *esi, *estь, *esmь, *este, *sqь [ЭССЯ, 1979, с. 32].

А. Мейе характеризовал глагол *ЕСТЬ* как «единственную форму, которая сохранила остатки индоевропейских чередований», подтверждением чему, по мнению ученого, является фонетическое чередование Е / Ё (ЕС-ТЬ, С-ЖТЬ), типичное для языка общеиндоевропейской эпохи [Мейе, 1951, с. 165]. В. В. Колесов также относил глагол ЮСМЬ к числу древнейших атематических глаголов класса

(наряду с ЪМЬ и **eimi* ‘иду’), основным признаком которых являлось постоянное окончательное ударение на флексии [Колесов, 2005, с. 389].

Относительно первичной семантики глагола ЮСМЬ утвердилось мнение, что его древним значением следует считать значение *существования*. Однако в научной среде выдвигались и другие предположения. Так, А. Г. Преображенский находил семантическое сходство между глаголом ЕСТЬ и существительным ИСТИНА, возводя их происхождение к общему корню *is- [Преображенский, 1959, с. 256]. П. Флоренский указывал в качестве первичного значения данного глагола значение ‘дышать’, отмечая, что «дыхание всегда считалось главным признаком жизни»; отсюда вторым, более отвлеченным значением ЕСТЬ с течением времени стало ‘жив’, ‘живет’, ‘силен’; много позже ЕСТЬ получил значение наиболее отвлеченное, превратившись просто в глагол существования. Он отмечал: «*Дышать, жить, быть* – вот три слоя в корне es- в порядке их убывающей конкретности <...> соответствующем порядку хронологическому» (цит. по: [Колесов и др., 2014, с. 186]).

Отличия между значениями БЫТИ / БУДУ и ЮСМЬ. Анализируя семантику данных глаголов, А. А. Потеня (вслед за Ф. Миклошичем) разделил их на означавшие 1) ‘бытие в покое’ (ЕСТЬ) и 2) ‘бытие в движении’ (БЫ- / БУД-) [Потеня, 1874, с. 5]. Однако исторически, по мнению данного ученого, означавшим *существование* следовало считать именно глагол ЕСТЬ, что объяснялось А. А. Потеней отсутствием в глаголе ЕСТЬ инфикса -n-, имеющего в славянском и литовско-латышском языках начинательное значение [Там же].

Итогом анализа состояния данных глаголов в индоевропейский / ранний праславянский период может быть вывод, что на данном этапе представлены пока еще три глагола, каждый из которых характеризуется наличием собственной грамматической парадигмы и лексических значений: **byti* / **bōdǫ* (самост.?) / **esmь*.

2. Поздний праславянский период

В более поздний исторический период глагол БЫТИ частично потерял пришедшее ему значение ‘стать’ (werden), однако приобрел, в качестве доминирующего, экзистенциальное значение бытия (sein), семантически приблизившись по значению к глаголу ЕСТЬ [Там же, с. 3–8]. Результатом длительного языкового развития стало то, что изначально разные глагольные корни ЮС- и БЫ- / БУД- объединились в новом глагольном комплексе БЫТИ / ЮСМЬ, разделив общее экзистенциальное значение *существования*.

При этом соединившиеся глагольные парадигмы не были равноценны. А. Мейе указывал на историческую недостаточность грамматической парадигмы глагола ЕСТЬ: корень длительного значения *es- не был способен образовывать формы аориста, что стало причиной того, что формы аориста и, следовательно, инфинитива пришлось позаимствовать у корня, который часто заменял *es-, а именно, **bhū* – ‘расти’, а отсюда ‘становиться’ [Мейе, 1951, с. 165].

Подобная недостаточность исходной парадигмы ЕСТЬ послужила одной из причин доминирования в общей парадигме нового глагола с формантом БЫ-. В результате за корнем ЮС- закрепилась семантика настоящего времени, за формой БУД- – семантика будущего времени и императива; основу БЫ- сохранили инфинитив и формы простых прошедших времен. Однако сложные формы времен и наклонений могли использовать все три основы.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что именно праславянский языковой период стал важнейшим этапом формирования единого супплетивного образо-

вания, соединившего глаголы БЫТИ / БУДУ / ЕСМЬ в общую парадигму. Получив одинаковое значение существования, они дополняли друг друга своими значениями, способствуя расширению лексико-семантической парадигмы нового комплексного глагола: *byti / *bqdg (самост.?) / *esmy > *byti.

3. Древнерусский период

Анализ летописного текста «Повесть временных лет» показал, что в языке древнерусской эпохи разные основы данного супплетивного глагола демонстрируют разные семантические возможности. Рассмотрим выявленную лексико-семантическую парадигму БЫТИ / БУДУ / ЕСМЬ.

Глагол *БЫТИ*. В свое время И. И. Срезневский выделил следующие значения БЫТИ: 1) быть, существовать; 2) становиться; 3) совершаться; 4) приходить, наставать; 5) находиться [Срезневский, 2003, стб. 204–210]. Словарь древнерусского языка фиксирует у данного глагола шесть основных значений: 1) существовать, иметься // иметься, быть в наличии; 2) находиться, присутствовать где-л. // пребывать в каком-л. состоянии; 3) произойти, свершиться, состояться; исполниться, осуществиться; случиться // наступить, настать (о времени года, суток); 4) в сочетании с предлогом *отъ*: исходить от кого-л., чего-л., происходить, появляться, возникать // вести свой род, начало от кого-л., чего-л.; 5) стать кем-л., чем-л.; 6) в безличном предложении в соч. с инф. выражает модальное значение [СДРЯ, 1988, с. 339–343].

Представим указанные значения на примерах из текста летописи.

1. ‘Быть, существовать / иметься’: (под 1102 г.) *вгородилося вѣше слѣце . в три дѣгы . и вѣша дрѣгына дѣгы хрѣвты к собѣ* (Лс., л. 93; Ис., л. 95); под.

‘Иметься, быть в наличии’: (под 971 г.) *и не вѣ оу ни^х вращна оуже . и вѣ гладь великъ* (Лс., л. 23; Ис., л. 29); ‘иметься, быть числом’: (под 971 г.) *вѣ во Рѣси . і . тысащъ то[ако]* (Лс., л. 21 об.; Ис., л. 27 об.); под.

2. ‘Находиться, пребывать (где-либо)’: (под 1095 г.) *а Итларь вѣ в градѣ с лѣпшею дрѣженою* (Лс., л. 75 об.; Ис., л. 83 об.); ‘находиться, располагаться, размещаться’: (под 945 г.) *но на горѣ градъ же вѣ Киевѣ . идеже есть нынѣ дворъ Гордатынѣ* (Лс., л. 15; Ис. -); под.

3. ‘Происходить, случаться, совершаться’: (под 1030 г.) *и вѣ мѣтежь в земли Ладьскѣ* (Лс., л. 51; Ис., л. 56); ‘наступить, настать (о времени года, суток)’: (под 1097 г.) *вѣ во тогда мѣ грьденѣ* (Лс., л. 88; Ис., л. 89 об.); (под 1115 г.) *и ако бы(с) утро митрополитѣ . еп(с)пи . игумени оболочася у стольскыа ризы* (Лс. - ; Ис., л. 105).

4. ‘Исходить от кого-л., чего-л. // вести свой род, начало от кого-л.’: (года нет) *вѣ(сть) аззыкѣ Словѣнскѣ . ѿ племени Афетова*. (Лс., л. 2 об.; Ис., л. 4); (под 984 г.) *вѣша же Радимичи ѿ рода Лаховѣ* (Лс., л. 27; Ис., л. 33); под.

5. ‘Становиться (стать), возникать (возникнуть)’: (года нет) *и сѣлѣзъ съ горы сѣл . идеже послѣже вѣ(сть) Киквѣ*. (Лс., л. 3 об.; Ис., л. 4 об.); под.

Однако в силу синкретичности семантики, свойственной глаголу БЫТИ, в ряде случаев на основное значение могут наслаиваться другие.

‘Приходить, являться, быть налицо’: (под 988 г.) *вѣ во рать ѿ(т) Печен(ѣ)гѣ . и вѣ воюася с ними* (Лс., л. 42; Ис., л. 45 об.); ‘приходить, наставать’: (под 996 г.) *и вѣ мирѣ межи има и любы и живаше Володимирѣ вѣ страстѣ Божии* (Лс. - ; Ис., л. 47 об.); ‘проходить, протекать’ (о времени): (под 1024 г.) *.з . лѣтѣ вѣ и родиса [у Ярослава] дрѣгыни снѣ* (Лс., л. 50 об.; Ис. -).

Иногда глагол, воспроизводясь в однотипном контекстном окружении, формировал сочетание устойчивого (фразеологизированного) типа.

‘Приходить, получать (весть)’: (под 1096 г.) **вѣѣ же вѣсть Изаславѣ тако Олегъ идетъ к Мѣромѣ** (Лс., л. 85 об.; Ис. -) – конструкцию “**вѣсть вѣсть**” относят к сочетаниям устойчивого типа; ‘пропадать, исчезать’: (под 1071 г.) **въ кдинѣ во ношь вѣѣ без вѣсти** (Лс., л. 59; Ис., л. 65) – сочетание «**без вѣсти**» также можно считать устойчивым; ‘действовать совместно (против кого-л.)’: (под 1073 г.) **вѣвши распри межи ими . вѣста съ себе Стѣславъ со Всеволодомъ . на Изаслава** (Лс., л. 61 об.; Ис., л. 67 об.) – конструкцию («**вѣста съ себе**») словари отмечают как устойчивую [СДРЯ, 1988, с. 349].

К числу примеров с контекстуальными значениями, отмеченными единичными случаями употребления, относятся такие значения, как 1) ‘править, управлять’: (под 955 г.) **Иде вьльга вѣ Греки . и приде Царюгороду вѣ тогда цесарь иманемъ Цѣмьскни** (Лс., л. 17 об.; Ис., л. 24); 2) ‘находиться (среди кого), быть из числа’: (под 1051 г.) **и попы многы навдащю . в ни(х) же вѣ презвѣтеръ . именемъ Ларишнѣ** (Лс., л. 52 об.; Ис., л. 58); 3) ‘называться, обозначаться (как-л.)’: (под 898 г.) **в(т) Варлгъ во прозвашася Рѣсью . а пѣрвѣ вѣша Словѣне . аще и Полане звахуся** (Лс. - ; Ис., л. 11 об.).

Таким образом, выявленная семантическая парадигма глагола БЫТИ представлена основными значениями существования, пребывания, свершения и становления, а также единичными примерами других значений. При этом наиболее свойственным для данного глагола остается значение *существования*.

Общее количество форм простого прошедшего времени глагола БЫТИ, представленных в тексте ПВЛ, составило 1 156 примеров употребления.

БУДУ как самостоятельный глагол авторами соответствующих словарей уже не рассматривается, а учитывается как особая форма – показатель будущего времени [Срезневский, 2003, стб. 204; СДРЯ, 1988, с. 339].

Приведем примеры выявленных значений данной формы, представленных в тексте летописи.

1. ‘Становиться, стать’: (под 1051 г.) **аще втець ми ѹмре то сѣи ми бѣдетъ въ отьца мѣсто** (Лс. - ; Ис., л. 50); под.

2. ‘Быть, существовать / иметься, быть в наличии’: (под 986 г.) **сица же вѣмѣть мчнѣа . иже не вѣрѣеть къ Бѣ нашемѣ Исѣ Хсѣ** (Лс., л. 36; Ис. -); под.

3. ‘Находиться, пребывать (где-либо)’: (под 980 г.) **не печетсѣ мѣжь кѣа в домѣ свокмѣ . кгда гдѣ вѣдетъ** (Лс., л. 26; Ис., л. 32); под.

4. ‘Приходить, являться, быть налицо’: (под 1097 г.) **Василко же ѡпрѣсѣ река . не могѣ ждати кда вѣдеѣ рать дома** (Лс., л. 87; Ис., л. 88 об.); под.

5. ‘Происходить, случаться, совершаться’: (под 1113 г.) **но в которой люво землѣ аще бѣдетъ знаменье . то та землѣ и видить** (Лс. - ; Ис., л. 102); под.

6. ‘Действовать совместно (против кого-л.)’: (под 1097 г.) **аще кто на кого вѣдетъ то на того вѣдеѣ крѣтъ . и мы вси** (Лс., л. 87 об.; Ис., л. 88 об.); под.

Можно отметить, что форме БУДУ в тексте ПВЛ также свойственен широкий круг значений – шесть. При этом базовое значение *становления* для БУДУ остается доминирующим, а наличие конкретных значений *локализации* и *свершения* объясняется особенностями летописного повествования.

Общее количество форм простого будущего времени глагола БУДУ, отмеченных нами в тексте ПВЛ, составило 143 примера употребления.

ЮСМЬ как самостоятельный глагол в указанных словарях также отдельно не выделяется, представляя собой (как и глагол БУДУ) особую форму в составе общей парадигмы – показатель настоящего времени [Срезневский, 2003, стб. 204; СДРЯ, 1988, с. 339].

Приведем примеры разнообразия его значений, опираясь на текст летописи.

1. ‘Существовать, иметься, быть в наличии’: (года нет) [и] ксть притгча в Руси . и до сего дне погвоша аки верѣ (Лс., л. 4 об.; Ис., л. 6); ‘иметься / быть числом’: (под 971 г.) и ре^ч имь Стбславъ ксть насъ . к^ѣ . ттысащъ (Лс., л. 21; Ис., л. 27 об.).

2. ‘Находиться, располагаться, размещаться (где-л.)’: (под 945 г.) но на горѣ градъ же бѣ Книжъ. идеже ксть нынѣ дворъ Гордлтинъ. и Ни[ки]фо[ро]въ (Лс., л. 15; Ис., л. 22); ‘пребывать, присутствовать (где-л.)’: (под 1071 г.) ан же испытавъ чья кста смерда . и оувѣдѣвъ тако своего княза . пославъ к нимъ иже около юю сѣтъ (Лс., л. 59; Ис., л. 65).

3. ‘Происходить, исходить, вести свой род (от кого-либо)’: (под 898 г.) тѣмъ же словѣнскы азыкы учитель ксть Павел. ѡ(т) негоже азыка и мы ксме Русь (Лс. - ; Ис., л. 11 об.); под.

4. ‘Происходить, / совершаться, проходить (как-либо)’: (под 987 г.) и ксть служба их^ѣ <греков> паче всѣхъ // странъ (Лс., л. 37 // 37 об.; Ис., л. 41 об.).

5. ‘Приходить, являться, быть налицо’: (под 1099 г.) и ре^ч к нимъ на что ма ксте привавили все ксмъ (Лс., л. 92; Ис., л. 94).

Можно отметить, что глагол ЮСМЬ в тексте ПВЛ представлен с наименьшим количеством значений – пять. Доминирующим для него является значение *существования*; второе место по употребительности занимают глаголы с *локализующей* семантикой; также представлены примеры с семантикой *свершения* (пять контекстов). Примеры со значением *становления* отсутствуют.

Отметим, что у супплетивного глагола БЫТИ в формах настоящего времени закономерно прослеживается доминирование основы ЮС- / С- (480 примеров употребления, 92,13 %). Однако при необходимости указания на действия, носящие вневременной характер, в тексте ПВЛ используются и формы от основы БЫВА- – 41 пример употребления (7,87 %). Общее количество форм настоящего времени супплетивного глагола БЫТИ / ЮСМЬ, представленных в тексте ПВЛ, составило 521 пример употребления.

Наблюдения за функционированием основ глаголов БЫТИ / БУДУ / ЮСМЬ, проведенное на материале текста ПВЛ, позволили нам прийти к следующим выводам.

В тексте ПВЛ был выявлен разный уровень продуктивности основ данного супплетивного глагола: основа инфинитива-аориста БЫ- представлена 822 примерами (33,73 % от общего числа выявленных форм), основа ЮС- – 707 примерами (29,01 %); основа будущего времени БУД- – 226 примерами (9,27 %).

Также были отмечены фонетические варианты основы БЫ- в виде БЪ- (основа имперфективного аориста) и БА- (основа имперфекта) – 430 (17,64 %) и 195 (8%) примеров соответственно. Кроме того, отметим наличие форм с основой БЫВА-, представленных 57 примерами (2,34 %). Таким образом, в тексте ПВЛ формы глагола БЫТИ (с фонетическими вариантами) представлены более разнообразно и в большем объеме, чем формы глагола ЮСМЬ.

Отметим также постепенное расширение объема семантической парадигмы указанных глаголов, связанное с процессом объединения глагольных корней ЮС- и БЫ- / БУД- в новом глагольном комплексе БЫТИ / ЮСМЬ, которое пришлось

на поздний праславянский период. Важно отметить, что при этом каждый из входящих в состав общего супплетивного комплекса глаголов привнес свои, свойственные ему значения.

4. Современный русский языковой период

Глагол *БЫТЬ*. Согласно лексикографическим данным, у указанного слова отмечено четыре основных значения: 1) существовать; 2) находиться, происходить; 3) приходить, приезжать, посещать; 4) происходить, совершаться, случаться [ССРЛЯ, 1950, стб. 726–732]. Н. Ю. Шведова помещает *БЫТЬ* в разделе «Собственно существование», отмечая значения: 1) существовать, 2) наличествовать, иметься, иметь место, 3) присутствовать, пребывать где-нибудь [РСС, 2007, с. 88–90, 96].

БУДУ и *ЕСТЬ* как самостоятельные глаголы в словарях современного русского языка не выделяются. Вместе с тем Н. Ю. Шведова посвящает отдельную словарную статью глаголу *ЕСТЬ*, толкуя его значение как «существовать, иметься» [Там же, с. 90].

Известно, что в современном русском языке практически вся парадигма глагола *ЕСТЬ* утрачена, кроме формы 3-го л. ед. ч., которая также характеризуется тенденцией к пропуску. Однако глагол *ЕСТЬ*, несмотря на то что утратил почти все свои формы, в современном русском языке сохраняет востребованность.

Всё вышеизложенное позволяет сделать несколько общих замечаний относительно этапов развития и особенностей изменения семантики супплетивного глагола *БЫТЬ* / *ЕСТЬ* в русском языке.

1. В языке праславянской эпохи глагол *БЫТИ* уже отмечается как многозначный. К этому же периоду относится процесс объединения глаголов *БЫТИ*, *БУДУ*, *ЮСМЬ* в силу их совпадения в общем значении существования.

2. Развитие многозначности у нового супплетивного глагола продолжается в древнерусский период. Этому способствовало то, что глаголы, объединившиеся в данном образовании, семантически дополняли друг друга, расширяя круг основной семантики существования и пополняя ее значениями локализации, свершения и становления.

3. В современном русском языке данные значения сохраняются, показав устойчивость сложившихся семантических отношений. Основным значением, объединившим все указанные глаголы, остается значение *существования*. Также для данного глагола остаются актуальными значения *локализирующего* характера и *свершения*.

Таким образом, проследив динамические процессы взаимодействия основ, участвовавших в формировании супплетивного глагола *БЫТИ* / *ЕСТЬ*, можно отметить, с одной стороны, сохраняющуюся стабильность выполняемых ими функций (привязка к указанию на определенную временную отнесенность), с другой – сохранение свойственных им лексических значений, фиксируемых у данного глагола и в современном русском языке.

Укажем, что в ряде случаев проследить зарождение супплетивных форм представляется возможным, но определить, каким был первоначальный пробел, для заполнения которого была призвана другая лексема, можно не всегда. При этом отношения между языковыми единицами не всегда выстраиваются как равноправные: в ряде случаев успешнее становится та форма, семантику которой характеризует больший семантический и функциональный потенциал (как в случае с глагольной парой *БЫТИ* / *ЮСМЬ*).

Традиционно в научном дискурсе было принято рассматривать супплетивные формы, отношения между которыми мы можем наблюдать с точки зрения синхронного подхода к языку. В настоящее время подходы меняются: всё большую значимость приобретают практические исследования, посвященные изучению возможных супплетивных форм с привлечением диахронического материала, без которого не представляется возможным понять суть происходящих процессов и их динамику.

Таким образом, учитывая комплексный характер указанного явления, можно констатировать, что, организовав подобного рода общие супплетивные парадигмы, каждая пара вступает в особый тип взаимоотношений, при котором одна лексическая единица в какой-то мере «помогает» другой единице, дополняя ее. Однако могут наблюдаться случаи утраты одной из составляющих парадигмы в силу разных причин.

Подводя итог, отметим, что в целом результаты исследования супплетивной парадигмы глаголов БЫТИ / ЮСМЬ позволили нам прийти к выводу, что определенную роль в процессе формирования супплетивной парадигмы может сыграть дефектность парадигмы одного из составляющих ее глаголов. В качестве одной из причин подобной недостаточности можно считать неспособность корня к выражению разных значений (например, невозможность образования предельных значений).

В заключение отметим, что супплетивное образование БЫТЬ / ЕСТЬ – пример того, как по-разному могут протекать процессы дальнейшего развития каждой формы внутри общей парадигмы и, как результат, насколько разным может быть уровень сохранности форм образовавших ее глаголов.

Список литературы

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. М.: Либроком, 2010. 576 с.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. М.: АН СССР, 1963. 512 с.
- Казаева М. А.* Функционально-семантическая парадигма глагола «быти» в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет» по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 243 с.
- Колесов В. В.* История русского языка. СПб.: Фил. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2005. 672 с.
- Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А.* Словарь русской ментальности: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 1: А–О. 592 с.
- Лемешко Е. И.* К вопросу о супплетивности терминов ближайшего родства // Лингвистические горизонты: Междунар. сб. науч. ст. Белгород: БелГУ, 2013. С. 80–83.
- Мейе А.* Общеславянский язык / Под ред. С. Б. Бернштейна. М.: Иностран. лит., 1951. 491 с.
- Немченко В. М.* Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегород. гос. ун-та. Серия: Филология. 2000. № 1 (2). С. 163–173.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике: В 2 т. Харьков: Университетская типография, 1874. Т. 2. 540 с.
- Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: В 3 т. Репр. изд. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1: А–О. 717 с.

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 6 т. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007. Т. 4: Глагол. 922 с.

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988. Т. 1 (**а – възаконѣтисѧ**). 526 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред. В. И. Чернышев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1: А–Б. ХЛII с., 767 стб.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. Репр. изд. М.: Знак, 2003. Т. 1: А–К. 776 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Вып. 2 (*bez – *bratrъ). 238 с.; 1976. Вып. 3 (*bratrъсь – *сьгку) 199 с.; 1979. Вып. 6 (*e – *golva). 223 с.

Список источников

Ис. – Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянной историко-археологической комиссией Российской АН. 3-е изд. Пг.: Б. и., 1923. Т. 2, вып. 1: Ипатьевская летопись. 170 с.

Лс. – Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянной историко-археологической комиссией АН СССР. 2-е изд. Л.: Б. и., 1926. Т. 1: Лаврентьевская летопись, вып. 1: Повесть временных лет. 143 с.

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 5th ed. Moscow, Librokom, 2010, 576 p.

Borkovsky V. I., P. S. Kuznetsov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, AN SSSR, 1963, 512 p.

Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavjanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic Lexical Fund]. O. N. Trubachev (Ed.). Moscow, Nauka, 1975, iss. 2 (*bez – *bratrъ), 238 p.; 1976, iss. 3 (*bratrъсь – *сьгку) 199 p.; 1979, iss. 6 (*e – *golva), 223 p.

Kazazaeva M. A. *Funktsional'no-semanticheskaya paradigma glagola "byti" v drevnerusskom yazyke (na materiale "Povesti vremennykh let" po Lavrent'evskomu i Ipat'evskomu spiskam)* [Functional-semantic paradigm of the verb “to be” in the ancient Russian language (based on the material of “The Tale of Bygone Years” according to the Lavrentiev and Ipatiev lists)]. Cand. philol. sci. diss. Volgograd, 2000, 243 p.

Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoy mental'nosti: V 2 t.* [Dictionary of Russian mentality: In 2 vols.]. St. Petersburg, Zlatoust, 2014, vol. 1: А–О, 592 p.

Kolesov V. V. *Istoriya russkogo yazyka* [History of the Russian language]. St. Petersburg, Faculty of Philology, St. Petersburg State University; Moscow, Akademiya, 2005, 672 p.

Lemeshko E. I. К вопросу о suppletivnosti terminov blizhayshego rodstva [On the question of the suppletive nature of the terms of the closest relationship]. In: *Lingvisticheskie gorizonty: Mezhdunar. sb. nauch. st.* [Linguistic Horizons: Intern. coll. of sci. art.]. Belgorod, BelSU, 2013, pp. 80–83.

Meillet A. *Obshchoslavjanskiy yazyk* [Common Slavic language]. S. B. Bernshteyn (Ed.). Moscow, Inostr. lit., 1951, 491 p.

Nemchenko V. M. Suppletivizm kak grammaticeskoye yavleniye (ponyatiye i terminy) [Suppletivism as a grammatical phenomenon (concept and terms)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philological sciences*. 2000, no. 1 (2), pp. 163–173.

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoy grammatike: V 2 t.* [From notes on Russian grammar: In 2 vols.]. Kharkov, Univ. tip., 1874, vol. 2, 540 p.

Preobrazhenskiy A. G. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: V 3 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: In 3 vols.]. Repr. ed. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovarey, 1959, vol. 1: A–O, 717 p.

Russkiy semanticheskiy slovar'. Tolkovyy slovar', sistemati-zirovannyi po klassam slov i znacheniy: V 6 t. [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings: In 6 vols.]. N. Yu. Shvedova (Ed.). Moscow, 2007, vol. 4: Glagol [Verb], 992 p.

Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): V 10 t. [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries): In 10 vols.]. R. I. Avanesov (Ed. in Ch.). Moscow, Rus. yaz., 1988, vol. 1 (А – ВЪЗАКОНЪЛТНСА), 526 p.

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. [Dictionary of modern Russian literary language: In 17 vols.]. V. I. Chernyshev (Ed. in Ch.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1950, vol. 1: A–B, XLII p.

Sreznevskiy I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: V 3 t.* [Materials for the dictionary of the Old Russian language: In 3 vols.]. Repr. ed. Moscow, Znack, 2003, vol. 1: A–K, 776 p.

List of sources

Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdavayemoye postoyannoy istoriko-arkheograficheskoy komissiyey Rossiyskoy AN [Complete collection of Russian chronicles, published by the permanent historical and archeographic commission of the Russian AS]. 3rd ed. Petrograd, 1923, vol. 2, iss. 1: Ipat'evskaya letopis' [Ipatiev Chronicle], 170 p.

Polnoye sobraniye russkikh letopisey, izdavayemoye postoyannoy istoriko-arkheograficheskoy komissiyey Rossiyskoy AN [Complete collection of Russian chronicles, published by the permanent historical and archeographic commission of the Russian AS]. 2nd ed. Leningrad, 1926, vol. 1: Lavrent'evskaya letopis' [The Laurentian Chronicle], iss. 1: Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years], 143 p.

Информация об авторе

Марианна Алексеевна Казазаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики Педагогического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Information about the authors

Marianna A. Kazazaeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Philology and Methodology, Pedagogical Institute, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 04.03.2024;
одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 10.06.2024
The article was submitted on 04.03.2024;
approved after reviewing on 10.06.2024; accepted for publication on 10.06.2024*

Научная статья

УДК 811.511.21

DOI 10.17223/18137083/90/15

Способы выражения сравнительных отношений в южных диалектах селькупского языка

Людмила Алексеевна Ильина

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Аннотация

Выявлены и описаны способы выражения сравнительных отношений в синтаксических конструкциях южных диалектов бесписьменного селькупского языка на материале фольклорных произведений и бытовых текстов. Сравнение реализуется в синтаксических конструкциях, типологически сближенных с русскими по межъязыковой аналогии вследствие длительного селькупско-русского билингвизма носителей южноселькупских диалектов. Прослежены два основных результата сравнения: сходство и различие. В качестве основных показателей отношения сходства употребляются послелого: преимущественно послелог со значением ‘подобно, как’, реже – послелог, имеющий значение ‘с, величиной с, соответственно’. Вследствие интерферирующего влияния русского языка возникли конструкции с заимствованным сравнительным союзом *как* и союзом *кыдынъ* ‘как’, возникшим в результате семантического калькирования. Отношение различия выражается конструкциями с отложительным падежом стандарта сравнения.

Ключевые слова

селькупский язык, южные диалекты, сравнительные конструкции, отношение сходства, отношение различия, показатели сравнения, сравнительные послелого, аблатив, сравнительный союз

Для цитирования

Ильина Л. А. Способы выражения сравнительных отношений в южных диалектах селькупского языка // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 196–208. DOI 10.17223/18137083/90/15

© Ильина Л. А., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 196–208

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 196–208

Ways of expressing comparative relations in the southern dialects of the Selkup language

Lyudmila A. Ilyina

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

ludil60@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3469-9353>

Abstract

The paper discusses the means of expressing comparison in the syntactic constructions of the southern dialects of the Selkup language. Research materials used include folklore and everyday texts of native speakers of the southern Selkup dialects, documented by linguists of the Tomsk school under the guidance of Professor A. P. Dulzon. The analysis reveals a limited use of comparison as an expressive means, with comparative syntactic structures showing considerable typological resemblance to Russian equivalents. This phenomenon is attributed to long-standing Selkup-Russian bilingualism in southern dialect communities facilitated by interlingual analogy. The author not only examines the ways of expressing comparative relations of similarity and resemblance but also considers the means of expressing comparative relations of difference. It was found that the indicators of the comparative relation of similarity include the postpositions like *tare*, *tar*, *chare*, and *char'e* (like, as, like someone, in accordance) and the postposition *šak* (accordingly), commonly used in combination with nouns and pronouns in the genitive of impersonal and possessive forms. Notably, these postpositions have lost their etymological connection with full-meaning words. Also used is the verb *pūdugu* (to resemble someone). Comparative relations of difference are expressed using specific syntactic constructions with the deferential case of the standard of comparison, similar to other Samoyedic languages. The long-term Selkup-Russian bilingualism of the speakers of the southern dialects resulted in syntactic constructions with the comparative conjunction *kak* (as) borrowed from Russian and the conjunction *kydyn* (as) that emerged due to semantic calcification.

Keywords

Selkup language, southern dialects, comparative constructions, similarity relation, difference relation, comparison markers, comparative postpositions, ablative, comparative conjunction

For citation

Ilyina L. A. Ways of expressing comparative relations in the southern dialects of the Selkup language. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 196–208. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/15

Введение

Выявление и описание способов выражения сравнительных отношений в южных диалектах и говорах селькупского языка проводится в контексте сопоставительно-типологического исследования сравнительных синтаксических конструкций в урало-алтайских языках Сибири. Сопоставительные типологические исследования сравнительных синтаксических конструкций направлены прежде всего на выделение универсальных способов выражения сравнения. «Сравнительные конструкции с универсально-типологическими позициями до сих пор изучены недостаточно» [Тажибаева, Невская, 2019, с. 54].

Селькупский язык – один из южносамодийских языков – на рубеже XVI–XVII вв. был локализован в Томско-Нарымском Приобье и примыкающих регио-

нах бассейна средней Оби. В течение XVII в. отдельные группы селькупов переселились на север и северо-восток, преимущественно в бассейны рек Таз, Турухан и Елогуй, сформировав самостоятельную этническую общность и диалектный массив. Два образовавшихся самостоятельных диалектных массива обозначаются терминами – «южноселькупский» и «северноселькупский» [Хайду, 1985, с. 133].

В XVIII–XX вв. южноселькупские и северноселькупские диалекты функционировали в территориальном отдалении друг от друга. Все экстралингвистические и внутриязыковые процессы развивались в данный период автономно и гетерохронно. Это относится также к контакту с русским языком и к структурным следствиям русского языкового влияния. Селькупско-русское двуязычие, обусловленные им процессы интерференции и конвергенции развивались у носителей южных диалектов значительно быстрее и интенсивнее. Северные селькупы вышли из стадии преобладающего одноязычия только к середине XX в., а южные (кроме говоров Тыма и Васюгана) к этому времени около двухсот лет функционировали в условиях массового двуязычия и языковой смены. Последняя фактически завершилась к концу XX в. с утратой южноселькупским языком коммуникативных функций. В северноселькупских диалектах в существенной мере были сохранены типологические черты традиционной грамматической системы, в южноселькупских возникли инновационные грамматические модели, сближенные с русскими по межъязыковой аналогии. Показательно, однако, что способы выражения сравнительных отношений в южных и северных селькупских диалектах и говорах в значительной мере сохранили сходство.

Селькупы не имели письменной традиции, селькупский язык – язык устного общения.

Материалом для выявления способов выражения сравнительных отношений в языке южных селькупов послужили фольклорные, бытовые тексты и исследования по грамматике среднеобских говоров, опубликованные лингвистами школы проф. А. П. Дульзона: Э. Г. Беккер [1972; 1978], В. В. Быконя [Быконя и др., 2005], Н. Г. Кузнецовой [1995], А. И. Кузьминой [1967], а также переводные тексты религиозного содержания, которые были составлены Н. П. Григоровским и опубликованы в Казани наряду со сказками, записанными им у носителей южноселькупских говоров нижней Чаи [Григоровский, 1879]. Кроме того, для анализа были привлечены фольклорные произведения, опубликованные А. П. Дульзоном [1966], экспедиционные материалы А. И. Кузьминой 1960–1970-х гг. и статьи из «Селькупско-русского диалектного словаря», изданного под редакцией В. В. Быкони, Н. Г. Кузнецовой и Н. П. Максимовой [Быконя и др., 2005].

При анализе языкового материала мы обратили внимание на ограниченное, редкое использование сравнительных конструкций в диалектах и говорах южных селькупов, а также на реализацию сравнения синтаксическими конструкциями, в значительной степени типологически сближенными с русскими по межъязыковой аналогии, в отличие от реализации сравнения в конструкциях осложненных предложений в тазовском диалекте северных селькупов, сохранившем диахронически ранние традиционные черты грамматической системы единого селькупского языка.

Сравнение южноселькупских диалектов и говоров не было предметом специального изучения. Целью данной статьи является выявление и описание основных способов выражения сравнительных отношений и роли показателей сравнительных отношений в организации общего значения сравнительных конструкций.

Исследования сравнительных синтаксических конструкций в урало-алтайских языках Сибири в значительной степени опираются на теоретическую концепцию М. И. Черемисиной [Черемисина, 1971; 1976; Черемисина, Шамина, 2004]. М. И. Черемисина определяет сравнительную конструкцию как целое в качестве «предмета синтаксического исследования», как «синтаксическое построение» [Черемисина, 1976, с. 5].

В основе сравнения лежат суждение о сходстве и противопоставленное ему суждение о различии сравниваемых объектов по определенному признаку, который служит основанием сравнения, вследствие чего сравнение имеет два основных результата: сходство или различие. Эта содержательная специфика предполагает определенные способы выражения, которые очень разнообразны и должны в первую очередь стать объектом лингвистического исследования [Черемисина, Шамина, 2004, с. 598–599; Кошкарева, Плотников, 2023, с. 185].

Способы выражения сравнительного отношения сходства

Сравнительное отношение сходства, подобия, соответствия предмета и стандарта сравнения по определенному параметру определяется нами как эквивалентное сравнение. В южноселькупских сравнительных конструкциях в качестве показателя эквивалентного сравнения употребляется, как правило, послелог *таре* со значением ‘подобно, как, как кто-либо, что-либо’, имеющий несколько фонетических вариантов: *тарэ, тар, чарэ, чяре*. Отношение приблизительной меры и величины выражается посредством послелога *џак*, имеющего значение ‘с, величиной с, соответственно’.

- (1) *Пö:негесса табыт таре че:нча: каим и:д'е кадешпат, пö:негесса табыт таре най la:pa.* (МЭ¹, Ив.)

пö:негесса табыт **таре** че:нча каи=м
 колдунья он=GEN **подобно** говорить=AOR.SUBJ.3SG что=ACC
 и:д'е кадешп=ат пö:негесса табыт **таре**
 Идя говорить=AOR.OBJ.3SG колдунья он=GEN **подобно**
 най la:p=a
 тоже петь=AOR.SUBJ.3SG
 ‘Колдунья, как он, говорит: что Идя говорит, то и колдунья поёт, так, как и он.’

- (2) *Тап 'н'абын дари тшāжын.* (МЭ, НС.)

тап 'н'абы=н **дари** тшāжы=н=Ø
 он утка=GEN **подобно** идти=AOR=SUBJ.3SG
 ‘Он идет, как утка.’

- (3) *Таблат пажала н'аип мēшпл'е ўдъмбадыт н'аип шоўорпār къроут и н'айдыт азымба кошкалык, т'ўт таре, чāурумбл'е.* (МЭ, Тог.)

табла=т пажала=la н'аип мēшп=л'е ўдъмбадыт
 они=GEN жена=PL хлеб=ACC делать=CV опустить=PERF.OBJ.3PL
 н'аип шоўорпār кър=оут и н'ай=дыт
 хлеб=ACC печь дыра=DAT и хлеб=POSS.NOM.3PL

¹ Материалы экспедиций под руководством доц. А. И. Кузьминой с участием автора статьи.

азы=мба кошкалык т'ү=т **таре**
 статья=PERF.SUBJ.3SG плоховатый земля=GEN **подобно**
 чәурумб=л'е
 загрязниться=CV

‘Их жены, хлеб делая, опустили хлеб в дыру печи, и хлеб их стал плоховатый, как земля, загрязнившись.’

- (4) *КандеГыт олгом морел'ишпад, үнда, кутарк түлд'е таре ченда.* [Кузьмина, 1967, с. 320; 328] (Нап.)

кандеГыт олго=м морел'ишп=ад үнда кутарк
 осенью лед=ACC ломать=AOR.OBJ.3SG слышно как
 түлд'е **таре** ченд=а

ружье **подобно** стрелять=AOR.SUBJ.3SG

‘Осенью лед ломает, слышно, как будто из ружья стреляет.’

- (5) *T'ü šaraŋ eja pöt taredyk.* [Беккер и др., 1995, ч. 2, с. 199] (Ив.)

т'ү šaraŋ e=j=a рө=т
 земля твёрдый быть=AOR=SUBJ.3SG камень=GEN
tare=дык

подобно=ADV

‘Земля твёрдая, как камень.’

- (6) *Машек кудънай ја katella, кудънай нил'д'и: а: ч'е:льмба: мат таре:дал орхул.* [Дульзон, 1966, с. 118; 148] (Пар.)

машек кудънай ја katella кудънай нил'д'и:
 меня никто не побить=FUT.OBJ.3SG никто такой
 а: ч'е:ль=мба мат **таре:=дал** орхул

не родиться=PERF.SUBJ.3SG я.GEN **подобно=ADJ** сильный

‘Меня никто на свете не побьёт. Никто такой не родился сильный, как я.’

- (7) *Мат онек тѳлакс, үншел'д'енджа, кужат нут т'аре әдженджа, ыгъ ларымбык.* (МЭ, Ив.)

мат онек тѳ=лакс үншел'д'е=ндж=ал кужат
 я я.сам придти=OPT.SUBJ.1SG услышать=FUT=OBJ.2SG когда
 ну=т **т'аре** әдже=ндж=а

гром=GEN **подобно** загреметь=FUT=SUBJ.3SG

ыгъ ларымбы=к

не бояться=IMP.SUBJ.2SG

‘Я сама приеду, услышишь, когда, как гром, загремит, не бойся!’

- (8) *Таб кыгыст суруп кватку, а корк табни кут таре әджалгва: ык кваткың мәшип.* (МЭ, Ив.)

таб кыгы=ст суруп кватку а корк
 он хотеть=PAST.OBJ.3SG зверь убить а медведь
 таб=ни ку=т **таре** әджалг=ва

он=DAT человек=GEN **подобно** сказать=PERF.SUBJ.3SG

ык кваткы=ң мәшип

не убить, бить =IMP.OBJ.2SG я.ACC

‘Он хотел медведя убить, а медведь ему, как человек, сказал: “Не убивай меня”.’

- (9) *Mat fak čenčak rŭžǰəl čyre.* [Быконя и др., 2005, с. 280] (об.Ч)
 мат фак ченч=ак рŭžǰəl чяре
 я хорошо говорить=AOR.SUBJ.1SG русский подобно
 ‘Я хорошо говорю по-русски.’
- (10) *Pot pŭr ʙaryət matti šak eja.* [Беккер и др., 1995, ч. 2, с. 210] (Тюхт.)
 ро=t pŭr ʙaryət mat=ti
 дерево=GEN высота большой дом=POSS.GEN.3SG
 šak e=j=a
соответственно быть=AOR=SUBJ.3SG
 ‘Высота дерева с большой дом его.’
- (11) *kwəl sačem eja, kilogram šak.* [Беккер и др., 1995, ч. 2, с. 198] (Ив.)
 kwəl sačem e=j=a kilogram
 рыба тяжелый быть=AOR=SUBJ.3SG килограмм
 šak
соответственно
 ‘Рыба тяжелая, с килограмм.’
- (12) *T’ŭmbñǎ vark, koitti, kułam avešpat, suɾulam avešpat, sajet t’ŭt tare ejaдет, t’oŋlymбадет, тевендсе кыретымбат.* (МЭ, Ив.)
 т’ŭмбñǎ варк кошти ку=ла=м авешп=ат
 волк большой опасный человек=PL=ACC есть=AOR.OBJ.3SG
 суру=ла=м авешп=ат саје=т т’ŭ=т **таре**
 зверь=PL=ACC есть=AOR.OBJ.3SG глаза=GEN огонь=GEN **подобно**
 e=ja=дет т’oŋлы=мба=дет
 быть=AOR=SUBJ.3PL светить=DUR= AOR.SUBJ.3PL
 теве=нд=се кыреты=мб=ат
 зуб=POSS.GEN.3SG=INSTR скрипеть=DUR=AOR.SUBJ.3SG
 ‘Волк большой, опасный, людей ест, зверей ест, глаза его, как огонь есть, сверкают, зубами своими скрипит.’

В предложениях (1)–(12) послелого, выражающие сравнительное отношение сходства, подобия между предметом сравнения и стандартом сравнения, сочетаются с именами существительными в генитиве безличных и лично-притяжательных форм, значительно реже – с именами существительными в основном падеже, а также с личными местоимениями в генитиве. В обских говорах послелог *tare* выступает также в адвербиальной либо адъективной форме (5), (6) и в отдельных случаях – в конструкциях, первым компонентом которых являются -л-овые адъективные формы (9).

Употребление аналогичных послеложных конструкций при выражении эквивалентного сравнения наблюдается и в тазовском диалекте северных селькупов [Ильина, 2023, с. 60–63].

Послелог *tare*, имеющий фонетические варианты *тарэ, тар, чарэ, чяре*, и послелог *šak* утратили этимологическую связь со знаменательными словами и в южных, и в северных диалектах. Этимология данных несерийных послелогов затемнена.

Функционирование сочетания послелога со значением ‘подобно, наподобие, как, словно’ с именами существительными и местоимениями прослежено при выражении эквивалентного сравнения в якутском языке [Васильев, 1982]. Данный послелог употребляется в якутских конструкциях «как послелог, управляющий

дательным падежом, приближаясь к русской компаративной связке ‘подобен, подобно’» [Васильев, 1982, с. 99]. В селькупском же языке имя существительное или местоимение, являясь первым компонентом послеложной конструкции, имеет форму родительного падежа. Отметим, что постановка слова, предшествующего послелогу, в форме генитива является общим правилом функционирования послеложных конструкций в селькупском языке.

Послеложные конструкции в целом широко употребительны как в южных, так и в северных диалектах селькупского языка. Авторы труда «Морфология селькупского языка. Южные диалекты» отмечают: «Роль послелогов в структуре селькупских диалектов чрезвычайно важна. В сочетании со знаменательными компонентами они образуют послеложные (аналитические) конструкции, способствующие выражению грамматических значений» [Беккер и др., 1995, ч. 2, с. 200].

Для передачи значения эквивалентности в южноселькупских диалектах используется также глагол *пүдугу* ‘походить на что-либо, кого-либо’, в семантике которого содержится сема ‘подобие’:

(13) *Чюмбэнэлика кыба канан пүннэ́т.* [Быконя и др., 2005, с. 199] (об.Ч)

чюмбэнэ=лика кыба канан **пү́н=н=э́т**
 волк=DIM маленький собака **походить=AOR=OBJ.3SG**
 ‘Волчонок на щенка похож.’

(14) *Табек некынды пүнна́к.* [Быконя и др., 2005, с. 199] (об.Ч)

табе=k некынды **пү́н=н=ак**
 он=3DU друг с другом **походить=AOR=OBJ.3DU**
 ‘Они-двое друг на друга похожи-двое.’

(15) *Тан и́л ман и́м пүннэ́т.* [Быконя и др., 2005, с. 199] (об.Ч)

тан и́=л ман и́=м
 ты сын=POSS.NOM.2SG я сын=POSS.ACC.1SG
пү́н=н=э́т
походить=AOR=OBJ.3SG
 ‘Твой сын-твой на моего сына похож.’

(16) *Хайдэ табэнан чолгэлэ́мбат ха́Рэ кáртет пү́лле.* [Беккер, 1978, с. 34] (Ласк.)

хай=dэ табэ=нан чолгэлэ=мбат ха́Рэ
 глаза=GEN она=LOC блеснуть=PERF.SUBJ.3PL черный
 кáрте=t **пү́л=ле**
 смородина=GEN **походить=CV**
 ‘Глаза ее у нее сверкали, словно черная смородина.’

(17) *Мат не́на́м пү́данант а́зая́нт.* [Беккер, 1978, с. 82] (Ласк.)

мат не́на́=m пү́да=n=ант
 я сестра=POSS.NOM.1SG **походить=AOR=OBJ.3SG**
 а́за=я́нт
 отец=POSS.DAT.3SG
 ‘Моя сестра-моя похожа на своего отца.’

В кетском диалекте и в некоторых среднеобских говорах, по наблюдениям Э. Г. Беккер, при глаголе ‘походить на кого-либо’ употребляется дательно-направительный падеж [Беккер, 1978, с. 82]. Дательно-направительный падеж сходства имеется также в кетском языке [Дульзон, 1968, с. 78].

В селькупском языке прослеживается особенность употребления глагола *пүдугу*: имя существительное в генитиве в сочетании с деепричастием от глагола ‘походить на кого-либо, что-либо’ выступает в сравнительной конструкции в функции обстоятельства образа действия, ср. пример (16).

Интерферирующее влияние русского языка, возникшее в результате длительного массового селькупско-русского билингвизма носителей южноселькупских диалектов, проявляется в становлении несвойственных селькупскому языку конструкций с заимствованным сравнительным союзом *как* и возникшим в результате семантического калькирования союзом *кыдынъ* ‘как’ на основе переосмысления в вопросительного наречия селькупского языка, см. примеры (18)–(22).

- (18) *Маннембатъ: золотандари пучо тюдурпорымба кыдынъ золотъ.* [Григоровский, 1879, с. 38]

маннемба=тъ	золота=н=дари	пучо
смотреть=AOR.OBJ.3SG	золото=GEN=шерсть	бобер
тюдурпорымб=а	кыдынъ	золотъ
сверкать=AOR.SUBJ.3SG	как	золото

‘Смотрит он: с золотой шерстью бобер сверкает, как золото.’

- (19) *Нынто нильдингъ кваннынъ, какъ мерги пальчо.* [Григоровский, 1879, с. 38]

нынто	нильдингъ	кван=ны=нъ	как	мерги	пальчо
тут	так	пойти=AOR=SUBJ.3SG	как	ветряной	вихрь

‘Тутъ пошел он так, какъ вихорь.’

- (20) *Нач’ауът мо:рет кы:уът как тй: пурръмьнда.* [Дульзон, 1966, с. 110, 140] (Пар.)

нач’ауът	море=т	кы:уът	как	тй:
там	море=GEN	посредине.POSTP	как	огонь

пурръмьнд=а
гореть=AOR.SUBJ.3SG
‘Там море, как огонь, горит.’

- (21) *На пö пöтымпа, как тй.* (МЭ, Тог.)

на	пö	пöты=мпа	как	тй
этот	камень	согреться=PERF.SUBJ.3SG	как	огонь

‘Этот камень горячий был, как огонь.’

- (22) *Praşaj pust’ tendene sajal eneti kak menğa man kolam.* [Кузнецова, 1995, с. 102] (кет.)

praşaj	pust’	te=ndene	saj=lal=l
прощай	пусть	ты=DAT	глаз=PL=POSS.NOM.2SG
e=ne=ti	как	menğa	man ko=la=m
быть=CON=3PL	как	я.DAT	я ухо=PL=POSS.NOM.1SG

‘Прощай, пусть тебе твои глаза будут, как мне мои уши-мои.’

Выражение сравнительного отношения различия

Сравнительное отношение различия сравниваемых объектов в процессе их сопоставления на основе определенного признака выражается в южноселькупских диалектах особыми конструкциями, в составе которых: предмет сравнения (существительное либо местоимение в форме основного падежа), существительное или

местоимение в форме аблатива, обозначающее стандарт сравнения, а также прилагательное или наречие, указывающее на признак, лежащий в основе сравнения:

(23) *Kõng Tымнан ýтчуга е:к*. [Кузьмина, 1967, с. 320] (Нап.)

Кõнг Тым=**нан** ýтчуга е:к=Ø
Кёнга Тым=**ABL** маленький быть=AOR.SUBJ.3SG
'Кёнга меньше, чем Тым.'

(24) *Pučo üñgal'žimbiš üñgal'žimbiš i t'arañ – tan konžurnal meñnanni sõñ*. [Беккер, 1978, с. 186–187] (УО.)

pučo üñgal'žimbiš
бобер слушать= DUR=PAST.SUBJ.3SG
üñgal'žimbiš i t'ara=ñ
слушать=DUR=PAST.SUBJ.3SG и говорить=AOR.3SG
tan konžur=n=ал meñ=**nanni** sõñ
ты видеть=AOR=OBJ.2SG я=**ABL** хорошо
'Бобер слушал, слушал и говорит: "Ты видишь лучше меня".'

(25) *Pudakkaj ñaj čagombi ñajñando sβañ eja*. [Беккер и др., 1995, ч. 1, с. 238] (Ив.)

pudakkaj ñaj čagombi ñaj=**nando** sβañ
мягкий хлеб засохший хлеб=**ABL** хороший
e=j=a
быть=AOR=SUBJ.3SG
'Мягкий хлеб вкуснее жесткого хлеба.'

(26) *Mat korem tat korendənan wary eja, pirg eja*. [Беккер, 1978, с. 126] (Нап.)

mat kore=m tat kore=ndə=**nan** wary
я чум=POSS.1SG.NOM ты чум=POSS.GEN.2SG=**ABL** большой
e=j=a pirg e=j=a
быть=AOR=SUBJ.3SG высокий быть=AOR=SUBJ.3SG
'Мой чум больше, выше твоего чума.'

(27) *Tan varuyn jevant manandu*. [Беккер, 1972, с. 89] (СтС.)

тан варуын је=вант ма=**нанду**
он старший быть=AOR.SUBJ.3SG я=**ABL**
'Он старше меня.'

(28) *Kafimjn sjiñ eñ ũd'imannanno*. [Беккер и др., 1995, ч. 1, с. 238] (Зуб.)

kafimjn sjiñ e=ñ=Ø ũd'ima=n=**nanno**
утро прохладное быть=AOR=SUBJ.3SG вечер=GEN=**ABL**
'Утро прохладнее вечера.'

Употребление аблатива в селькупских конструкциях сравнения отмечает Е. Д. Прокофьева: «Как и в других самодийских языках, название предмета, с которым сравнивают, имеет форму отложительного падежа» [Прокофьева, 1966, с. 403]. Роль особого построения аналогичных конструкций в ненецком языке подчеркивает Н. М. Терещенко: «Различие между сравниваемыми предметами по мере присущего им признака (не только качественного, но и относительного) выражается при помощи особого построения предложения, при котором существительное, обозначающее предмет, с которым сравнивают, имеет форму отложительного падежа» [Терещенко, 1966, с. 383]. Об использовании в селькупском

языке исходного падежа в синтаксических конструкциях, соответствующих русским грамматическим формам сравнительной и превосходной степеней имен прилагательных, пишет М. А. Кастрен, отмечая при этом отсутствие в большинстве финно-угорских и самодийских языков степеней сравнения имен прилагательных как категории, получившей морфологическое выражение [Castren, 1854, S. 188].

Функционирование объекта сравнения в отложительном падеже при образовании сравнительной степени имени прилагательного в кетском языке отмечает Н. К. Каргер: «Слово, обозначающее предмет, с которым производится сравнение (объект сравнения) ставится в отложительном падеже» [Каргер, 1934, с. 231]. Е. А. Крейнович указывает на использование отложительного падежа «в целях выражения сравнения признаков» в юкагирском языке [Крейнович, 1958, с. 60].

Следовательно, употребление форм отложительного падежа в качестве стандарта сравнения при выражении отношения различия прослеживается в самодийских и в некоторых палеоазиатских языках.

Выводы

В южноселькупских синтаксических конструкциях прослежены два основных результата сравнения: сходство и различие. Сравнительное отношение сходства определяется как эквивалентное сравнение. В качестве показателей эквивалентного сравнения употребляются преимущественно послелого. В большинстве конструкций – послелог *таре* со значением ‘подобно, как, словно’, имеющий несколько фонетических вариантов, реже – послелог *šak* со значением ‘с, величиной с, соответственно’. Данные послелого, утратившие этимологическую связь с полнозначными словами, сочетаются с существительными и местоимениями в генитиве безличных и посессивных форм. Отношение сходства выражается также с помощью глагола *пидугу* ‘походить на что-либо, кого-либо’ и в южных, и в северных диалектах. Вследствие интерферирующего влияния русского языка возникли конструкции с заимствованным сравнительным союзом *как* и союзом *кыдынь* ‘как’, возникшим в результате семантического калькирования и являющимся по происхождению вопросительным наречием селькупского языка.

Сравнительное отношение различия выражается особыми синтаксическими конструкциями с отложительным падежом стандарта сравнения, как и в других самодийских и в некоторых палеоазиатских языках.

В целом исследование сравнительных конструкций свидетельствует о том, что селькупский язык сохраняет диахронически ранние, исконные показатели отношений сравнения как в южноселькупских, так и в северноселькупских диалектах.

Список условных обозначений

ABL – аффикс аблатива; ACC – аффикс аккузатива; ADV – аффикс наречия; ADJ – аффикс прилагательного; AOR – аффикс аориста; CON – аффикс конъюнктивa; CV – аффикс конверба; DAT – аффикс датива (дательного-направительного падежа); DIM – диминутивный аффикс; DU – аффикс двойственного числа; DUR – аффикс длительного действия; FUT – аффикс будущего времени; GEN – аффикс генитива; IMP – аффикс императива; INSTR – аффикс инструменталиса; LOC – аффикс локатива; NOM – аффикс номинатива; OBJ – объектное спряжение глагола; OPT – аффикс оптатива; PAST – аффикс прошедшего времени; PERF –

аффикс перфекта; PL – аффикс множественного числа; POSS – possessивный аффикс; POSTP – послелог; SG – показатель единственного числа; SUBJ – субъектное спряжение глагола.

Список сокращений

Зуб. – пос. Зубреково; Ив. – пос. Иванкино; кет. – кетский диалект; Ласк. – пос. Ласкино; Нап. – пос. Напас; НС. – пос. Новосондрово; об.Ч – обские говоры Чумилькуп; Пар. – пос. Парабель; СтС. – пос. Старосондрово; Тог. – пос. Тогур; Тюхт. – пос. Тюхтерево; об. Ш. – обский говор шёшкуп и шёшкун.

Список литературы

Беккер Э. Г. К вопросу о падежах в селькупском языке // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. С. 85–91.

Беккер Э. Г. Категория падежа в селькупском языке. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 208 с.

Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. Ч. 1. 292 с.; Ч. 2. 284 с.

Быконя В. В., Кузнецова Н. Г., Максимова Н. П. Селькупско-русский диалектный словарь. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.

Васильев Ю. И. Сравнительные конструкции с показателем *дылы* в якутском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука, 1982. С. 99–104.

Григоровский Н. П. Азбука сюссогой гулани. Казань: Издание Православного миссионерского общества, 1879. 49 с.

Дульзон А. П. Селькупские сказки // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1966. С. 96–158.

Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во ТГУ, 1968, 611 с.

Ильина Л. А. Способы выражения сравнения в тазовском диалекте селькупского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 3 (47). С. 58–66.

Каргер Н. К. Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. Ч. 3. С. 223–238.

Кошкарева Н. Б., Плотников И. М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 180–216.

Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 288 с.

Кузнецова Н. Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. 285 с.

Кузьмина А. И. Диалектологические материалы по селькупскому языку // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск: Наука, 1967. Вып. 2. С. 267–329.

Прокофьева Е. Д. Селькупский язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 3. С. 396–415.

Тажибаяева С. Ж., Невская И. А. Исследование сравнительных конструкций в современной казахской лингвистике // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всерос. симп., 8–11 октября 2019 г. Новосибирск, 2019. С. 53–59.

Терещенко Н. М. Ненецкий язык // Языки народов СССР. М.: Наука, 1966. Т. 3. С. 376–395.

Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1971. 181 с.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 251 с.

Черемисина М. И., Шамина Л. А. Выражение сравнения в тувинском языке // Черемисина М. И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. С. 598–613.

Castren M. A. Grammatik der Samojedischen Sprachen / Hrsg. von A. Schiefner. St. Petersburg, 1854. 608 S.

References

Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Il'yashenko I. A. *Morfologiya sel'kupskogo yazyka. Yuzhnye dialekty* [Morphology of the Selkup language. Southern dialects]. Ch. I. Tomsk, TSPI, 1995, pt. 2, 292 p.; pt. 2, 284 p.

Bekker E. G. *Kategoriya padezha v sel'kupskom yazyke* [Case category in the Selkup language]. Tomsk, TSU, 1978, 208 p.

Bekker E. G. K voprosu o padezhakh v sel'kupskom yazyke [On the issue of cases in the Selkup language]. In: *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and toponymy of Siberia]. Tomsk, TSU, 1972, pp. 85–91.

Bykonya V. V., Kuznetsova N. G., Maksimova N. P. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Tomsk, TSPU, 2005, 348 p.

Castren M. A. *Grammatik der Samojedischen Sprachen*. Herausgegeben von A. Schiefner. St. Petersburg, 1854, 608 p.

Cheremisina M. I. *Nekotorye voprosy sintaksisa (sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka)* [Some questions of syntax (comparative constructions of the Russian language)]. Novosibirsk, NSU, 1971, 181 p.

Cheremisina M. I., Shamina L. A. Vyrashenie sravneniya v tuvinskom yazyke [Expression of comparison in the Tuvan language]. In: Cheremisina M. I. *Teoreticheskie problemy sintaksi-sa i leksikologii yazykov raznykh system* [Theoretical problems of syntax and lexicology of languages of different systems]. Novosibirsk, Nauka, 2004, pp. 598–613.

Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo yazyka* [Comparative constructions of the Russian language]. Novosibirsk, Nauka, 1976, 251 p.

Dul'zon A. P. *Ketskiy yazyk* [Ket language]. Tomsk, TSU, 1968, 611 p.

Dul'zon A. P. Sel'kupskie skazki [Selkup tales]. In: *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and toponymy of Siberia]. Tomsk, TSU, 1966, pp. 96–158.

Grigorovskiy N. P. *Azbuka syussogoy gulani* [ABC of the sushosogoy gulani]. Kazan', Izd. Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva, 1879, 49 p.

Il'ina L. A. Sposoby vyrazheniya sravneniya v tazovskom dialek-te sel'kupskogo yazyka [Methods of expressing comparison in the Taz dialect of the Selkup language]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2023, no. 3, iss. 47, pp. 58–66.

Karger N. K. Ketskiy yazyk [Ket language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa* [Languages and writing of the peoples of the North]. Moscow, Leningrad, Uchpedgiz, 1934, pt. 3, pp. 223–238.

Khaydu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow, Progress, 1985, 430 p.

Koshkareva N. B., Plotnikov I. M. Metayazyk opisaniya semantiki sravneniya kak yazyevogo znaka [Metalanguage for describing the semantics of comparison as a linguistic sign]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 180–216.

Kreynovich E. A. *Yukagirskiy yazyk* [Yukaghir language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1958, 288 p.

Kuz'mina A. I. Dialektologicheskie materialy po sel'kupskomu yazyku [Dialectological materials on the Selkup language]. In: *Issledovaniya po yazyku i fol'kloru* [Research on language and folklore]. Novosibirsk, Nauka, 1967, iss. 2, pp. 267–329.

Kuznetsova N. G. *Grammaticheskie kategorii yuzhnosel'kupskogo glagola* [Grammatical categories of the South Selkup verb]. Tomsk, TSPI, 1995, 285 p.

Prokof'eva E. D. Sel'kupskiy yazyk [Selkup language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, vol. 3, pp. 396–415.

Tazhibayeva S. Zh., Nevskaya I. A. Issledovanie sravnitel'nykh konstruktivov v sovremennoy kazakhskoy lingvistike [Research of comparative constructions in modern Kazakh linguistics]. In: *Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi: Materialy Vseros. simp., 8–11 oktyabrya 2019 g.* [Proposition as a unit of language and speech: Proc. of the All-Russian Symposium, October 8–11, 2019]. Novosibirsk, 2019, pp. 53–59.

Tereshchenko N. M. Nenetskiy yazyk [Nenets language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR]. Moscow, Nauka, 1966, vol. 3, pp. 376–395.

Vasil'ev Yu. I. Sravnitel'nye konstruktivы s pokazatelem dyly v yakutskom yazyke [Comparative constructions with the indicator dyl in the Yakut language]. In: *Grammaticheskie issledovaniya po yazykam Sibiri* [Grammatical studies on the languages of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1982, pp. 99–104.

Информация об авторе

Ильина Людмила Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Ludmila A. Ilyina, Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025
The article was submitted on 09.01.2025;
approved after reviewing on 16.01.2025; accepted for publication on 16.01.2025*

Научная статья

УДК 81'23, 811.133.1

DOI 10.17223/18137083/90/16

**Обыденная семантика бионимов «кукушка» / «хек»
как отражение ментально-культурного сходства
и межэтнического различия
(на материале русского и тувинского языков)**

**Татьяна Геннадьевна Рабенко¹
Цэринчимэд Суге-Баадырович Нурзет²**

¹ Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

¹ tat.rabenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

² тчimed@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2373-6152>

Аннотация

Предлагаются результаты экспериментального исследования бионимов «кукушка» / «хек» с целью выявления их обыденной семантики в языках различных этносов. При обнаружении некоторой типизированности в представленности кукушки в обыденном сознании русских и тувинцев (гнездовой паразитизм птицы; характерный крик; символика женского начала, смерти, одиночества) прослеживается национально-культурное своеобразие восприятия птицы. Концептное содержание бионима обнаруживает амбивалентное восприятие кукушки в исследуемых лингвокультурах. С одной стороны, наблюдается негативно оценочное отношение к кукушке (оно связано с особенностями биологического поведения птицы), восприятие ее как символического воплощения ряда человеческих пороков (глупости, безответственности, рассеянности). С другой стороны, осуществляется сакрализация данного образа: кукушка мифологически наделяется даром пророчества, связанным с ее способностью предсказывать своим криком продолжительность человеческой жизни и предвозвещать приход теплого времени года.

Ключевые слова

концептуализация, этноконцептология, национальная картина мира, лингвистический эксперимент, обыденная семантика, бионим, кукушка

Для цитирования

Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б. Обыденная семантика бионимов «кукушка» / «хек» как отражение ментально-культурного сходства и межэтнических различий (на материале русского и тувинского языков) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 209–222. DOI 10.17223/18137083/90/16

© Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 209–222
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 209–222

**Ordinary semantics of the bionyms “kukushka”/“hek”
as a reflection of mental and cultural similarities
and interethnic differences
(a case study of Russian and Tuvan languages)**

Tatyana G. Rabenko¹, Tserinchimed S.-B. Nurzet²

¹ Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation

² Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

¹ tat.rabenko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-8542>

² tschimed@vk.com, <https://orcid.org/0000-0003-2373-6152>

Abstract

This work contributes to the study of modern ethnoconceptology, specifically its aspects concerning linguistic and metalinguistic consciousness. We present the findings of an experimental study on the semantics of the bionyms “kukushka”/“hek” (a cuckoo) across various ethnic groups. Data analysis revealed universal bionym features attributable to the objective characteristics of the referent and the nationally specific features linked to idioethnic ordinary linguistic consciousness and national perspective. Typical representations of the cuckoo in the common understanding of Russian and Tuvan peoples revealed distinctive national and cultural interpretations of the bird. As a symbol of the warm season, the cuckoo is included in the imagery of the Tuvan national calendar. The conventional Russian understanding of the cuckoo is characterized by a wider associative range attributable to the polysemy of the lexeme. The semantic range of this lexeme extends beyond ornithological meaning to encompass various other interpretations. Russian and Tuvan linguistic cultures exhibit an ambivalent understanding of the cuckoo. On the one hand, the cuckoo is regarded negatively, embodying numerous human failings. On the other hand, the image undergoes sacralization due to the mythological endowment with prophetic gifts, which is related to its ability to predict human lifespans and the commencement of warmer temperatures.

Keywords

conceptualization, ethnoconceptology, national worldview, linguistic experiment, ordinary semantics, bionym, cuckoo

For citation

Rabenco T. G., Nurzet Ts. S.-B. Ordinary semantics of the bionyms “kukushka”/“hek” as a reflection of mental and cultural similarities and interethnic differences (a case study of Russian and Tuvan languages). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 209–222. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/16

Введение

Настоящая работа отражает результаты сопоставительного изучения двух национальных языковых картин мира через описание обыденной семантики бionимов «кукушка» / «хек», представленных в русском и тувинском языках.

Актуальность исследования определяется его включенностью в научную парадигму современной этноконцептологии в той ее части, которая нацелена на изучение обыденной семантики слова, представленного в языке различных этносов. В качестве исходного теоретико-методологического положения принимается идея инвариантности бытия в его национально-этнической реализации. Научная но-

визна исследования определяется привлечением методологических приемов (лингвистический эксперимент, связанный с выявлением функционально-семантической многослойности бионима), позволяющих выявить участие различных слоев обыденной семантики в концептуализации слова и установить роль в данном процессе ряда факторов, среди них свойства самого референта (его биологические, поведенческие характеристики) и национально-культурная специфика респондентов.

Идея существования языка как продукта культуры, фактора формирования культурного кода нации является одной из ключевых в современной лингвистике. По образному выражению В. А. Масловой, «язык рассматривается как путь, по которому мы проникаем в современную ментальность нации» [2018, с. 7]. Фундаментальные основы такого подхода к языку были заложены еще в работах В. фон Гумбольдта, Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Потебни и др. Являясь основным инструментом познания окружающего мира, язык фиксирует («языков-ляет») результаты познавательной деятельности человека. Посредством языка (и не только) человек получает некие обобщенные знания и одновременно разделяет объекты действительности на составные элементы, классифицирует их. Выявляя черты сходства и различия этих объектов, подводит новые объекты под категории уже известных ему объектов. При этом «каждый язык по-своему членит мир, т. е. имеет свой способ его концептуализации» [Там же, с. 9]. В результате концептуализации происходит осмысление человеком поступающей к нему информации, образование в сознании человека концептов, которые отражают «его собственное видение окружающего мира» [Кубрякова, 2004, с. 315]. В итоге человек – субъект познания – расценивается как «ведущая антропоцентрическая координата» [Магировская, 2008, с. 106]. Будучи концептуализатором – носителем всей концептуальной системы, включающей различные типы знания, человек «активно участвует в формировании значений языковых единиц, выступающих средствами материализации полученных знаний, а также обуславливает выбор языковых средств для наиболее точной актуализации мысли» [Магировская, 2008, с. 106–107; Болдырев, 2000, с. 18].

Признавая в качестве исходной установки положение о существовании концептуального уровня в сознании человека [Демьянков, 1994, с. 29–30; Кубрякова, 2004, с. 314; Павлинис, 1983, с. 100], мы отталкиваемся от идеи амбивалентной связи неязыкового уровня концептуальной репрезентации знания и языкового уровня значения. Семантический уровень языка противопоставляется концептуальному уровню. И вместе с тем языковое выражение знаний предстает в пределах концептуальной системы как определенная интерпретация субъективного восприятия окружающей действительности [Ланге-Соболева, 2021, с. 30]. В процессе концептуализации действительности моделируется картина мира, которая воплощается в виде совокупности представлений, знаний человека (человеческой общности) о действительности и формируется в индивидуальном и коллективном сознании [Попова, Стернин, 2007, с. 36]. В рамках настоящего исследования описывается картина мира, представленная в обыденном сознании. Обыденное сознание расценивается как «особая форма осмысления накопленных, но не всегда освоенных знаний, которые могут быть итогом непосредственного личного опыта каждого; коллективного социального опыта; теоретических знаний, которые по своему происхождению лежат вне рамок обыденного знания и непосредственной жизненной практики» [Семаш, 2003, с. 9].

Цель настоящего исследования – моделирование фрагмента языковой картины мира посредством описания обыденной семантики бионимов «кукушка» / «хек», сформированной в повседневном коммуникативном опыте рядовых носителей русского и тувинского языков.

Фактологическая база и методы исследования

В работе использован ряд методов, дифференцируемых на разных этапах исследования: на этапе сбора эмпирического материала привлекался метод лингвистического эксперимента, на этапе обработки и анализа материала – количественный прием статистического метода, метод научного описания и сопоставительный метод.

В разработке анкеты, задействованной при проведении лингвистического эксперимента, использована методика сбора материала, предложенная авторами лексикографических проектов «Словарь обыденных толкований русских слов» [СОТРС, 2012] и «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» (находится в стадии разработки) [Голев и др., 2015].

Анкета включает шесть заданий.

«1. Какие ассоциации возникают у вас в сознании при восприятии слова “кукушка” (для носителей русского языка) / “хек” (для носителей тувинского языка)?

2. Какие значения имеет данное слово?

3. Назовите первые пришедшие на ум фразы, в составе которых есть данное слово.

4. Какие предметы и явления могут быть названы данным словом? (Например, роза – название цветочного магазина).

5. Какие созвучные слова приходят вам на ум, когда вы слышите данное слово? (Например, волк – щёлк, смолк).

6. Как вы считаете, почему так названо явление, обозначенное данным словом?» [СОТРС, 2012, с. 4].

Задания анкеты разработаны таким образом, чтобы у исследователя имелась возможность выявить различные уровни обыденной семантики бионима: понятийный, концептный, ассоциативный. В рамках проведенного исследования осуществлена предварительная систематизация разноязычного материала. На следующем этапе работы предполагается его дифференциация с учетом характера репрезентации разных слоев обыденной семантики: чувственно-ассоциативного (с этим связан первый вопрос), понятийного (второй вопрос), концептного (все последующие вопросы). Эксперимент проводился в очной форме и посредством использования системы Google Forms. Задания давались респондентам на их родном языке. Метаязыком описания выступал русский язык, на который переводились анкеты, полученные в результате опроса носителей тувинского языка. В ходе сбора материала, его обработки учитывались все ответы (количество отрицательных ответов дано в круглых скобках после общего количества положительных ответов).

Эмпирическая база исследования представлена следующим количеством реакций.

Русскоязычные анкеты: 1–183 (0); 2–165 (4); 3–104 (4); 4–94 (13); 5–144 (6); 6–84 (14) (всего 774, отрицательных ответов 41).

Тувинские анкеты: 1–133 (15); 2–125 (31); 3–50 (51); 4–47 (50); 5–84 (21); 6–28 (72) (всего 467, отрицательных ответов 268).

В анкетировании задействовано в среднем 200 респондентов: 100 рядовых носителей русского языка и столько же носителей тувинского. В качестве участников эксперимента выступили преимущественно студенты различных институтов (ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина», ФГБОУ ВО «Кызылский педагогический колледж Тувинского государственного университета», ФГБОУ «Тувинский техникум агротехнологий») и 46 испытуемых – жители сел Сарыг-Сеп, Дерзиг-Аксы, Эрзин (Тува).

Обсуждение и результаты Универсальные свойства бионимов «кукушка» / «хек»

Для представителей обеих лингвокультур кукушка – это прежде всего птица: рус. *птица* 78¹; *вид птицы* 16 (92); тув. *кушкаш* ‘птичка’ 50; *куш* ‘птица’ 34 (84).

Определяя значение бионимов «кукушка» / «хек», носители задействованных в исследовании языков называют ассоциации, указывающие на внешние характеристики птицы, среди них:

а) окраска оперения, цвет глаз: рус. *серенькая* (2); тув. *куу өңүг* ‘серого цвета’ 2; *шокар* ‘пёстрый’ 2; *карактары кара* ‘глаза чёрные’ (11);

б) размер птицы, ее крыльев, хвоста, клюва: рус. *маленькая, длинный хвост* (4); тув. *узун кудуруктуг* ‘с длинным хвостом’ 3; *шиштиг чалгыннарлыг* ‘с острыми крыльями’ 2; *думчуу бичии* ‘с маленьким носом’ (8).

Ассоциации, актуализирующие внешний облик птицы, в большей мере представлены в ответах тувинских информантов.

Среди отличительных качеств кукушки представители обеих лингвокультур выделяют способность издавать характерный для кукушки звук – кукование: рус. *кукует* 11; *ку-ку* 5 (36); тув. *ку-ку деп үн* ‘звук ку-ку’ 2; *эдери ку-ку* 2 ‘издает звук ку-ку’; *арыгда эдип турары дыңналды* ‘в лесу слышно, как кукует’ (36).

Данное качество кукушки метафорически поддерживается ассоциациями, объединенными семой «звук» и выступающими возможными номинациями ряда объектов: рус. *будильник; вокальная школа; название фольклорного ансамбля* (4); тув. *ыры ады* ‘название песни’ 4; *ырылар бижээш, үндүрер студияның ады* ‘название звукозаписывающей студии’; *куш сады* ‘птичий магазин’ (5).

Носители задействованных в исследовании языков указывают место обитания птицы: рус. *лес* 13; *лесная птица* 10; *деревня* (30); тув. *арга* ‘лес’ 6; *хову* ‘степь’ 6; *терек* ‘тополь’ 5 (27).

Название птицы, ассоциируемой с лесом, рекой, может использоваться для номинирования следующих реалий: *магазин для охотников; магазин для рыбаков* (3). См. также *Кукушкин дом (театральная школа в Санкт-Петербурге)*.

Определяя значение бионима «кукушка», носители русского и тувинского языков называют ассоциации, указывающие на поведенческие особенности птицы. Среди них прежде всего гнездовой паразитизм – откладывание яиц в гнезда других птиц: рус. *брошенные птенцы* 5; *подкидыш* 3; *не вьющая своего гнезда* 3 (57); тув. *оолдарын / ажы-төлүн кааптар* ‘бросает своих детей / свое потомство’ 3; *өске кушка бодунуң ажы-төлүн кааптар* ‘подкидывает своих детей дру-

¹ После ассоциации указана ее частотность, далее в круглых скобках дается общая частотность ассоциаций, содержащих общий семантический признак.

гим птицам' 3; *бодунга уя тутпас* 'не строит себе гнезда'; *ие дег эриг баары чок* 'дословно: как у матери без мягкой печени, т. е. бессердечная' (58).

Среди поведенческих свойств кукушки отмечается ее отнесенность к мигрирующим птицам: рус. *перелетная птица* 3; тув. *чуртун кааптар* 'покидает свой край'; *хек өске чуртче ужуп чорупкан* 'кукушка улетела в другие края'.

В меньшей степени актуализирован признак проворности: рус. *проворная* 3; тув. *сергек* 'бодрая'.

Для представителей русской и тувинской лингвокультур (впрочем, не только этих лингвокультур²) кукушка выступает символическим воплощением женского начала. Гендерный символизм эксплицирован посредством ассоциаций, где кукушка предстает метафорическим воплощением матери, бросившей или подбросившей кому-л. ребенка. См. кукуша, кукушка «Беззаботная мать, покидающая детей» [Даль, 1865, с. 819]³; рус. *мать, которая бросила детей* 7, *плохая мать* 6 (84); тув. *ажы-төлүн каапкаи чорупкан херээжен кижги* 'женщина, бросающая своих детей'; *багай ие* 'плохая мать' (17). В тувинской лингвокультуре широко известен миф о кукушке: женщина, которая не ухаживала за своим ребенком, была превращена ханом – ее отцом – в кукушку [Мифы..., 2010, с. 75].

Символический образ кукушки как нерадивой матери поддерживается ассоциациями, полученными в ходе ответа на вопрос о возможных предметах / явлениях номинации: рус. *детский дом* 5; *дом малютки* 2; *центр помощи молодым матерям в трудной жизненной ситуации* (10); тув. *авазы чок ажы-төл бажың ады* 'дом, где дети без матерей; иначе детский дом'; *ажы-төлүн каапкан ада-ие центри* 'центр для родителей, бросивших своих детей' (8).

Ассоциативную связь бионима «кукушка» и лексем «ребенок» / «дети» поддерживают следующие реакции, полученные преимущественно от русскоязычных респондентов: рус. *детский сад* 2; *родильный дом* 2; *родители*; *магазин детской одежды* 2; *название лейки (детская лейка)* 2 (17); тув. *садик*.

1. Представители обеих лингвокультур называют внутренние качества и черты характера птицы. В их числе глупость: рус. *глупая* 2; *бестолковая* 3 (16); тув. *аамай* 'глупая / бестолковая' (2); безответственность (обусловленная биологическим поведением птицы): тув. *хек ышкаш таваар тояап чоруур магалыг куш чок* 'нет такой птицы, как кукушка, которая беззаботно скитается'; *чалгаа куш* 'ленивая птица', *хек анаа чурттап турар кушкаш* 'кукушка – птица, которая просто живет'; жестокость: рус. *жестокая*; тув. *багай ёзулуг* 'с плохим нравом'⁴. В ответах тувинцев зафиксированы ассоциации с противоположной коннотацией: кукушка – это *хостуг куш* 'свободная птица'³. Единоразы зафиксированы рус. *навязчивая*; *наглая*; тув. *хоккулаар* 'надоедает издаваемым звуком'².

Как следствие, в этических представлениях русского и тувинца кукушка предстает воплощением ряда человеческих пороков, прежде всего низких интеллектуальных и отрицательных моральных качеств. При этом речь идет преимущественно о женщине или девушке (гендерный символизм) – обладательнице таких характеристик, среди них:

² Кукушка несет женскую символику и у других народов [Бадмаев, 2023; Гура, 1997; Гусев, 1996].

³ Примечательно, что в испанском языке слово «кукушка» мужского рода. Данному языку «неизвестно сравнение кукушки с безответственной матерью» [Денисова, Кутьева, 2011, с. 99].

⁴ См. кукуша, кукушка в знач. «зловещий человек» [Даль, 1865, с. 819].

2. Глупость: *глупый человек 2; бестолковая женщина; глупая девушка; женщина, которая не особо сообразительная; молодая ветреная девушка; оскорбление; тупость (12).*

3. Безответственность и беззаботность: рус. *безответственность 4; легкомысленная девушка; ветреность.* В русском языке есть глагол «куковать», т. е. «бесцельно проводить время, ожидая кого-, чего-л.» [БТСРЯ, 2008, с. 478]: *сидеть кукушкой, кукушкой куковать 3; куковать – бесцельно проводить время (6).*

4. Лживость⁵: рус. *обман 2; обманищца; кидала (4); тув. хек ышкаш мегечи ‘лжец, как кукушка’.*

5. Рассеянность и забывчивость: *вечно теряющий что-то 2; растяпа 2; невнимательный человек 2; оскорбительное слово для забывчивого человека; человек, который что-то забыл, куда-то опоздал (10).* Сема «рассеянность» кладется в основу наименований ряда реалий: *магазин забытых вещей, ломбард.*

Мифологическое осмысление птицы связывается с ее восприятием как символа одиночества: рус. *одинокая 2, одинокая женщина без детей, одиночество; живет одна кукушкой (3); тув. чаңгыс куш ‘одинокая птица’*⁶. В русском языке у глагола «куковать» есть значение «жить одиноко, без семьи» [БТСРЯ, 2008, с. 478].

Мифологическое восприятие кукушки рядовыми носителями русского и тувинского языков поддерживается реакциями, отсылающими к теме смерти. Преимущественно в ответах русскоязычных информантов кукушка предстает как птица, способная своим кукованием предсказывать оставшиеся годы жизни человека. Вещий дар кукушки актуализируют следующие ассоциации: прежде всего гадание⁷ по кукованию кукушки о сроках жизни – «*кукушка-кукушка, сколько мне (лет) жить осталось*»⁷; *жизнь 3; возраст 3 (50)*. В тувинских анкетах лишь дважды зафиксированы подобного рода ассоциации: *кижиниң каш харга дээр чурттаарын айтып бээр* ‘подсказывает, сколько осталось жить человеку’; *чуртталга* ‘жизнь’. Пророческий дар кукушки актуализируется в многочисленных ответах русскоязычных информантов, отсылающих к тексту известной песни Виктора Цоя «Кукушка»: *скажи, кукушка, пропой 9; песня «Кукушка» Виктора Цоя 3 (всего 53)*. Дар предвидения наделяет кукушку качеством «мудрость»: рус. *мудрость 2*. Мифологический символизм кукушки репрезентирован ассоциацией *кукушка – объект обрядов в Древней Руси*⁸.

⁵ Мотив лживости кукушки ярко представлен в славянских фольклорных текстах [Никитина, 2002, с. 37].

⁶ Л. Ю. Гусев, устанавливая коррелятивную связь между символическим образом птицы в русской лингвокультуре и жанровой отнесенностью текстов народнопоэтического творчества, где представлены орнитонимы, пишет о преимущественной распространенности образа кукушки в народной лирической песне, излюбленной темой которой выступает чувство одиночества, тоски и безысходности [Гусев, 1997, с. 45]. Тема одиночества, расставания с любимым, ассоциируемая с образом кукушки, звучит и в тувинской народной песне «Эдер хектиң аялгазы» [Арбын өссүн, 2019, с. 121].

⁷ Гадание о сроках жизни по кукованию кукушки – одно из самых распространенных до настоящего времени и выходящих за рамки славянской традиции верований [Бадмаев, 2023; Гура, 1996; Никитина, 2002].

⁸ В шаманской обрядности ряда сибирских тюрков (в том числе тувинцев) кукушка респондировалась «как дух-помощник шамана (шаман имитировал ее голос во время камлания, и ее образ применялся в культовой атрибутике)» [Бадмаев, 2023, с. 153].

Мифологически осмысленная способность кукушки отсчитывать время под-держивается ассоциациями, полученными в ходе ответа на вопрос о возможных предметах номинации. Словом «кукушка» могут быть названы *магазин часов 5; марка часов (6)*.

В ответах преимущественно русскоязычных информантов представлены ассоциация, отсылающие к особому виду настенных часов с боем, имитирующим кукование, которые устойчиво соотносятся с русской лингвокультурой: рус. *часы с кукушкой 5; деталь часового механизма, деталь (старинных) часов 4 (33)*; тув. *шакта демир куш* ‘металлическая птица на часах’, *шак* ‘часы’ (2).

Русские информанты называют ассоциации, актуализирующие фитонимы со словом «кукушка»: *кукушкины слёзки 2; кукушкин лён – мох (3)*.

Национально-специфические признаки бионимов «кукушка» / «хек»

В обыденном представлении носителей тувинского языка кукушка устойчиво ассоциируется с теплым временем года⁹. Вписанность образа кукушки в темпоральную картину мира тувинцев отражает особенности национального мировидения данного этноса. Об ассоциативной связи птицы с теплым временем года свидетельствуют многочисленные ассоциации: *час* ‘весна’ 7; *чай* ‘лето’ 5; *дэрт айда эдер* ‘в четвертом месяце кукует’ 2; *4 ай тэнчүзүнде алгырар* ‘кричит в конце четвертого месяца’; *хек-даван* ‘подснежник’ 9; *часкы чечектер* ‘весенние цветы’ 3; *хек часкы үеде частып унер* ‘подснежник распускается весной’; *эдерге-ле хек, базарга-ла көк* ‘всё, что поет, поет, как кукушка, куда не ступишь – везде зелень-трава’ (32)¹⁰.

Ш. Ю. Кужугет в диссертационном исследовании, посвященном темпоральной картине мира тувинцев, представляет «природное время как циклическую модель, которая обозначает не только смену времен года и части суток, но и народные приметы, представленные в народном календаре народа» [Кужугет, 2014, с. 11]. В народном календаре тувинца (как, впрочем, всех тюрков Сибири) в названиях месяцев находят отражение сезонные занятия тувинцев охотой, земледелием, собирательством, отражаются и названия птиц, животных, активных в тот или иной месяц и потому соотносимых с этим месяцем, к примеру: «месяц кукушки», «месяц бурундука» и т. д. Среди природных ориентиров времени в тувинской культуре птицы, растения – кукушка и подснежник – как неизменные атрибуты теплого времени года широко представлены в исследуемом материале.

Подобного рода ассоциация единожды зафиксирована в русскоязычном материале: *лето*.

В ответах респондентов из Тувы явно прослеживается ассоциативная связь кукушки с образом неба и небесным светилом, что позволяет говорить о включенности образа кукушки в пространственную картину мира тувинцев: *дээр* ‘небо’ 8; *хүн* ‘солнце’ 4; *көк дээр* ‘синее небо’ 3; *аяс хүн* ‘ясное солнце’; *дэ-*

⁹ Подобного рода связь прослеживается и у других тюркских народов. Так, традиционным башкирским праздником является «Кукушкин чай». Пришедший из язычества, этот обряд издревле проводится в «месяц кукушки» (с конца апреля по июль), когда освободившаяся от снега земля покрывается зеленой травой и из теплых стран возвращаются перелетные птицы [Юлдыбаева, 2012, с. 155].

¹⁰ В тувинском языке одно и то же прилагательное «көк» используется для обозначения зеленого, синего, серого цветов.

эрде кушкаш 'птица в небе' (17). В обыденном восприятии тувинцев небо является не только воздушным пространством, где летает птица, а местом существования высших сил, посредником которых становится птица. Сакрализация неба отражает особенности национального мировидения тувинцев, связанного «с существованием в духовной культуре этого народа культа Неба, имеющего смысл духовного Неба-Отца» [Самдан, 2018, с. 502; Рабенко, Нурзет, 2023, с. 94–95].

Национальное своеобразие исследуемого бионима прослеживается в прецедентных текстах, полученных в ходе эксперимента. Помимо упомянутой выше песни «Кукушка» группы «Кино», русскоязычные информанты вспомнили строки русской народной песни: «там кукушка кукует, мое сердце волнует»; скороговорку «кукушка кукушонку купила капюшон» 11; крылатое выражение «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку» (3) из басни И. А. Крылова. Единжды зафиксирован афоризм «променять кукушку на ястреба» в знач. «сменять плохое на худшее» [БТСРЯ, 2008, с. 479].

Тувинские респонденты знают кукушку как персонажа народных сказок, что доказывают ассоциаты: *тоол* 'сказка' 2, *хек* – *тоолда кирген куш* 'кукушка – птица, вошедшая в сказки' (4).

В ответах тувинских испытуемых отмечаются ассоциации, реализующие эстетическую и утилитарную оценку кукушки. В обыденном представлении тувинца кукушка – это птица *чараши* 'красивая'; *дыка чараши* 'очень красивая'; *чаптанчыг* 'милая'; *чараши бичии куш* 'красивая маленькая птица' (6); *херек куш* 'нужная птица' 2. И вместе с тем кукушка – птица *бөдүүн* 'простая / обычная'.

Только в ответах русскоязычных испытуемых представлены ассоциации бионима «кукушка» с жаргонизмом «голова»: *кукушка поехала*; *поехать кукушкой*; *сумасшествие* 2; *голова на жаргоне* (5). См. «кукушка поехала (уехала, слетела)» в знач. «о состоянии психического расстройства, неадекватном поведении» [Мокиенко, Никитина, 2007, с. 339]. Отсюда ассоциации, полученные в результате ответа на вопрос о возможных предметах номинации: *психбольница*, *клиника для психически больных* (4).

Русскоязычные респонденты дважды назвали ассоциации, отсылающие к названию *аппарата для промывания гайморовых пазух* (в основе метод лечения, при котором пациент повторяет слог «ку»).

Единожды дан ответ: кукушка – это *местный поезд*. См.: кукушка – «небольшой маневровый паровоз (от буквенного обозначения его серии – К.)» [БТСРЯ, 2008, с. 479].

Заключение

Итак, проведенное исследование позволяет установить объем и концептное содержание бионимов «кукушка» / «хек» в обыденном сознании представителей русской и тувинской лингвокультур.

Обнаруживается ряд характеристик, обусловленных объективными свойствами референта. В концептном содержании бионима «кукушка» выявляются признаки, эксплицированные ассоциациями, которые называют внешние признаки птицы (цвет оперения, размер птицы), ее биологические и поведенческие качества (гнездовой паразитизм, характерный крик – кукование, место обитания).

При наличии некоторой типизированности в обозначении внешних и поведенческих свойств кукушки у представителей обеих лингвокультур прослеживаются различия в частотности проявления ряда признаков. Респонденты из Тувы «более

сведущи» в описании внешних признаков кукушки. Полагаем, что данное обстоятельство связано с географическими особенностями региона, где проживают тувинцы. Тува расположена в центральной части Азии, где, помимо таежного, представлен пустынно-степной ландшафт. Открытое пространство позволяет человеку наблюдать за этой птицей.

В ответах носителей обоих языков актуализируются символические признаки бионима. Исследуемый материал обнаруживает признаки гендерного символизма, основанного на восприятии кукушки как птицы, стереотипно воплощающей женское начало. Свидетельство тому – многочисленные ассоциации, которые возникают на базе метафорической номинации женщины (или девушки) как безответственной матери, женщины, отличающейся глупостью, ветреностью, рассеянностью и пр. Однако гендерный символизм (в целом персонификация кукушки) в большей мере характерен для представителей русской лингвокультуры. В их обыденном представлении кукушка является воплощением ряда худших человеческих качеств: глупости, безответственности, лени, склонности к бесцельному времяпровождению. Русскоязычные информанты более разнообразны в оценочно-символической характеристике птицы.

В концептном содержании бионима «кукушка» представлен признак «одиночества». Возникает некоторое противоречие в восприятии данной птицы (связанное с биологическим поведением кукушки): кукушка – птица, являющаяся символом одиночества, стремится к изоляции от птичьего сообщества и вместе с тем громким надоедливый криком (кукованием) заявляет о себе.

В ответах русскоязычных респондентов прослеживается полисемия исследуемого слова. Помимо бионимического значения «птица» и значения «мать, бросившая своих детей» (зафиксированных и в ответах тувинцев), здесь выявлены значения «голова» (жарг.), «маневровый поезд», «аппарат для промывания гайморовых пазух» (хотя ассоциации подобного рода не столь частотны). Национальный колорит бионима «кукушка» поддерживается ассоциациями, отсылающими к особому виду настенных часов (часы с кукушкой).

Идиотническая специфика бионима «кукушка», прослеживаемая в ответах респондентов из Тувы, сопрягается с символическим восприятием данной птицы как предвестницы теплого времени года. Подобное восприятие кукушки, ее включенность в обыденное представление тувинцев о природных ритмах наполняется особым этнокультурным смыслом.

В концептном содержании исследуемого бионима выявляется мифологический компонент, преимущественно в русскоязычном материале. В обыденном представлении русского человека и тувинца кукушка наделена пророческим даром: кукушка своим кукованием предсказывает продолжительность жизни человека.

Концептное содержание бионима «кукушка» обнаруживает амбивалентное восприятие данной птицы в русской и тувинской лингвокультурах: с одной стороны, наблюдается негативно оценочное восприятие кукушки (что связано с особенностями биологического поведения этой птицы как гнездового паразита), эта птица становится символическим воплощением ряда человеческих пороков (глупости, безответственности, рассеянности, жестокости); с другой стороны, осуществляется сакрализация данного образа: кукушка мифологически наделяется пророческим даром, связанным с ее способностью предсказывать своим характерным криком продолжительность человеческой жизни (гадание по кукованию) и предвозвещать приход теплого времени года.

Список литературы

- Бадмаев А. А.* Образ кукушки в традиционных представлениях и обрядности бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2023. Т. 22, № 5: Археология и этнография. С. 147–156. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. 123 с.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: Рипол классик, 2008. С. 478–479.
- Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В.* Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 2. С. 29–35.
- Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гусев Л. Ю.* Птицы русского фольклора: Лингвистическое исследование. Курск: Изд-во Курск. пед. ун-та, 1996. 111 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: [В 4 ч.]. М.: Тип. Лазаревского института восточных языков, 1865. Ч. 2: И–О. С. 629–1351.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Денисова А. П., Кутьева М. В.* Орнитоним «кукушка» в языковой картине мира носителей русского и испанского языков // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 3. С. 98–108.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004. 560 с.
- Кужугет Ш. Ю.* Лексико-семантическое поле «природное время» в прозе К.-Э. К. Кудажы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2014. 24 с.
- Ланге-Соболева Т. А.* Проблема раскрытия термина «концептуализация» в современной лингвистике // Наука и образование сегодня. 2021. № 6 (65). С. 27–32.
- Магировская О. В.* Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2008. № 21. С. 105–114.
- Маслова В. А.* Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманитарный вектор. 2018. Вып. 13, № 1. С. 6–11.
- Мифы, легенды, предания тувинцев / Сост. Н. А. Алексеев, Д. С. Куулар, З. Б. Самдан, Ж. М. Юша. Новосибирск: Наука, 2010. 372 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа-групп, 2007. 783 с.
- Никитина А. В.* Образ кукушки в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
- Павлѐнис Р. И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
- Рабенко Т. Г., Нурзет Ц. С.-Б.* Обыденная семантика бионимов орел / эзир в русском и тувинском языках (по результатам лингвистического эксперимента) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 3. С. 82–99.
- Семаш А. Ю.* Обыденное сознание и коммуникативные аспекты рекламы: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2003. 16 с.

Самдан З. Б. Символика времени и пространства в тувинской мифологии // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 501–504.

СОТРС – Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы: В 2 т. / М. Ю. Басалаева, М. Е. Воробьева, Н. Д. Голев, Я. А. Дударева, А. В. Замилова, Л. Г. Ким, Е. В. Кишина, Т. Ю. Кузнецова, Н. В. Мельник. Кемерово: КемГУ, 2012. Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов). 536 с.

Юлдыбаева Г. В. Кукушка в фольклоре тюркских народов // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2012. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 154–156.

Арбын эссун: Учеб. пособие для педагогов и студентов средних и высших учебных заведений, руководителей и артистов народных хоров и ансамблей / Авт.-сост. А. Х. Кач-оол; отв. ред. Г. Б. Сыченко. Кызыл, 2019. 220 с.

References

Arbyn essun: Ucheb. posobie dlya pedagogov i studentov srednikh i vysshikh uchebnykh zavedeniy, rukovoditeley i artistov narodnykh khorov i ansambley [Arbyn essun: Manual for teachers and students of secondary and higher educational institutions, leaders and artists of folk choirs and ensembles]. A. Kh. Kach-ool (Comp.), G. B. Sychenko (Ed.). Kyzyl, 2019, 220 p.

Badmaev A. A. Obraz kukushki v traditsionnykh predstavleniyakh i obryadnosti buryat [The image of the cuckoo in traditional representations and rituals of the Buryats]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023, vol. 22, no. 5: Archaeology and ethnography, pp. 147–156. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-5-147-156

Boldyrev N. N. *Kognitivnaya semantika* [Cognitive semantics]. Tambov, TSU, 2000, 123 p.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed. in Ch.). St. Petersburg, Norint, Moscow, Ripol Classics, 2008, pp. 478–479.

Golev N. D., Kim L. G., Stevanovich S. V. Raznoyazychnyy slovar' obydennoy semantiki bionimov kak istochnik sopostavitel'nykh issledovaniy naivnoy kartiny mira nositeley razlichnykh yazykov [Multilingual dictionary of everyday semantics of bionyms as a source of comparative studies of the naive picture of the world of speakers of different languages]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015, vol. 13, no. 2, pp. 29–35.

Gura A. V. *Simvolika zivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik, 1997, 912 p.

Gusev L. Yu. *Ptitsy russkogo fol'klora: Lingvisticheskoe issledovanie* [Birds of Russian: A linguistic study]. Kursk, Izd. Kursk. ped. univ., 1996, 111 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 ch.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 pts.]. Moscow, Tip. Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov, 1865, pt. 2: I–O, pp. 629–1351.

Dem'yankov V. Z. Kognitivnaya lingvistika kak raznovidnost' interpretiruyushchego podkhoda [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *Voprosy Yazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1994, no. 4, pp. 17–33.

Denisova A. P., Kut'eva M. V. Ornitonim “kukushka” v yazykovoy kartine mira nositeley russkogo i ispanskogo yazykov [Cognitive linguistics as a kind of interpretive approach]. *RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching*. 2011, no. 3, pp. 98–108.

Kubryakova E. S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2004, 560 p.

Kuzhuget Sh. Yu. *Leksiko-semanticheskoe pole "prirodnoe vremya" v proze K.-E. K. Kudazhy* [The lexical and semantic field "natural time" in the prose of K. E. K. Kudazha]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Kyzyl, 2014, 24 p.

Lange-Soboleva T. A. Problema raskrytiya termina "kontseptualizatsiya" v sovremennoy lingvistike [The problem of revealing the term "conceptualization" in modern linguistics]. *Science and education today*. 2021, no. 6 (65), pp. 27–32.

Magirovskaya O. V. Osobennosti kontseptualizatsii i kategorizatsii mira v ramkakh kognitivnoy deyatel'nosti nablyudatelya [Features of conceptualization and categorization of the world within the framework of the observer's cognitive activity]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008, no. 21, pp. 105–114.

Maslova V. A. Sovremennaya lingvistika – nauka o cheloveke, ego soznanii, yazyke i kul'ture [Modern linguistics is the science of man, his consciousness, language and culture]. *Humanitarian Vector*. 2018, iss. 13, no. 1, pp 6–11.

Mify, legendy, predaniya tuvintsev [Myths, legends, and traditions of the Tuvans]. N. A. Alekseev, D. S. Kuular, Z. B. Samdan, Zh. M. Yusha (Comps.). Novosibirsk, 2010, 372 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [A large dictionary of Russian sayings]. Moscow, OLMA Media-grupp, 2007, p. 783.

Nikitina A. V. *Obraz kukushki v slavyanskom fol'klore* [The image of the cuckoo in Slavic folklore]. St. Petersburg, Philological Faculty of SPbSU, 2002, 176 p.

Pavlenis R. I. *Problema smysla: sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of meaning: a modern logical and philosophical analysis of language]. Moscow, Mysl', 1983, 286 p.

Popova Z. D., Sternin I. A. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic and cognitive analysis of language]. Voronezh, Istoki, 2007, 250 p.

Rabenco T. G., Nurzet Ts. S.-B. Obydannaya semantika bionimov orel/ezir v russkom i tuvinskom yazykakh (po rezul'tatam lingvisticheskogo eksperimenta) [The everyday semantics of the Orel/Ezir bionyms in the Russian and Tuvan languages (based on the results of a linguistic experiment)]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2023, vol. 12, no. 3, pp. 82–99.

Semash A. Yu. *Obydennoe soznanie i kommunikativnye aspekty reklamy* [Everyday consciousness in the communicative aspect of advertising]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2003, 16 p.

Samdan Z. B. Simvolika vremeni i prostranstva v tuvinskoj mifologii [The symbolism of time and space in Tuvan mythology]. *The world of science, culture and education*. 2018, no. 6 (73), pp. 501–504.

Slovar' obydennykh tolkovaniy russkikh slov. Leksika prirody: V 2 t. [Dictionary of everyday interpretations of Russian words. Vocabulary of nature: In 2 vols.]. M. Yu. Basalaeva, M. E. Vorob'eva, N. D. Golev, Ya. A. Dudareva, A. V. Zamilova, L. G. Kim, E. V. Kishina, T. Yu. Kuznetsova, N. V. Mel'nik. Kemerovo, KemSU, 2012, vol. 1: A–M (ABRIKOS – MURAVEY) (478 words-stimuli), 536 p.

Yuldybaeva G. V. Kukushka v fol'klore tyurkskikh narodov [The cuckoo in the folklore of the Turkic peoples]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2012, no. 20 (274). Filologiya. Iskusstvovedenie [Philology. Art History], iss. 67, pp. 154–156.

Информация об авторах

Татьяна Геннадьевна Рабенко, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)

Scopus Author ID 57192176453

WoS Researcher ID H-5817-2016

Цэринчимэд Суге-Баадырович Нурзет, аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, Россия)

Scopus Author ID 58899898500

WoS Researcher ID KQU-5276-2024

Information about the authors

Tatyana G. Rabenko, Doctor of Philology, Professor, Department of Stylistics and Rhetoric, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)

Scopus Author ID 57192176453

WoS Researcher ID H-5817-2016

Tserinchimed S.-B. Nurzet, Postgraduate, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation)

Scopus Author ID 58899898500

WoS Researcher ID KQU-5276-2024

Статья поступила в редакцию 22.02.2024;

одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 14.06.2024

The article was submitted on 22.02.2024;

approved after reviewing on 14.06.2024; accepted for publication on 14.06.2024

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.17223/18137083/90/17

**Структура концептуальной оппозиции СВЕТ – ТЬМА
в русской языковой картине мира
по данным ассоциативного эксперимента
(на фоне китайской оппозиции 光明 – 黑暗)**

Сун Ифэй¹

Мария Сергеевна Берендеева²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ songvictor@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9121-709X>

² maria.berendeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4897-5830>

Аннотация

Статья посвящена структурно-содержательным особенностям концептуальной оппозиции СВЕТ – ТЬМА в русской языковой картине мира. Материалом послужили результаты ассоциативного эксперимента с носителями русского и китайского языков, реакции разделены на группы в зависимости от выражаемого признака концептов СВЕТ и ТЬМА. Сделан вывод о том, что концептуальная оппозиция СВЕТ – ТЬМА в обеих картинах мира может быть представлена в виде скалярного антонимического комплекса, в котором полюс СВЕТ является более нейтральным, а составляющие полярные концепты признаки объединяются в антонимические пары. Универсальной особенностью данной оппозиции является ее близость к оппозиции ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ, однако для русской картины мира такое соотношение не является четким и контрастным, так как уникальной особенностью обоих полюсов (СВЕТ и ТЬМА) является их эмоционально-оценочная амбивалентность.

Ключевые слова

концепт, языковая оппозиция, концептуальная оппозиция, бинарные концепты, лингвокультурология, лингвоконцептология

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10076, <https://rscf.ru/project/23-78-10076/>

Для цитирования

Сун Ифэй, Берендеева М. С. Структура концептуальной оппозиции СВЕТ – ТЬМА в русской языковой картине мира по данным ассоциативного эксперимента (на фоне китайской оппозиции 光明 – 黑暗) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 223–237. DOI 10.17223/18137083/90/17

© Сун Ифэй, Берендеева М. С., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 223–237
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 223–237

**The structure of the conceptual opposition *LIGHT – DARKNESS*
in the Russian language worldview
according to the association experiment
(against the backdrop of Chinese opposition 光明 and 黑暗)**

Song Yifei ¹, Maria S. Berendeeva ²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ songvictor@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9121-709X>

² maria.berendeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4897-5830>

Abstract

The paper focuses on a structural and substantive examination of the conceptual opposition between *LIGHT* and *DARKNESS* as it pertains to the Russian worldview. The research employed the results of a chain association experiment, which included 260 native Russian and Chinese speakers. Experimental data were classified according to the denoted concepts of *LIGHT* and *DARKNESS*. The study found that the conceptual opposition of *LIGHT – DARKNESS*, as depicted linguistically, can be modeled as a scalar antonymic complex. In this model, *LIGHT* functions as a more neutral pole, with constituent features organized into antonymic pairs such as *cold – warm* and *white – black*. A comparison of the results obtained with the data from the “Russian Associative Dictionary” highlights the potential dynamics in the structure of the opposition. The experimental results suggest an increase in the ambivalence surrounding the concepts of *LIGHT* and *DARKNESS*, leading to a blurring of the contrast between these opposing ideas. The conclusion reached is that the universal characteristic of this opposition is its relationship to the *GOOD – BAD* dichotomy. However, this correlation remains unclear and lacks contrast within the Russian cultural framework, due to the ambivalent emotional and evaluative nature of both poles (*LIGHT* and *DARKNESS*). Consequently, the overarching organizational model of conceptual opposition exhibits universality, yet the degree of ideational contrast and bipolar opposition is modulated by national-specific factors.

Keywords

concept, linguistic opposition, conceptual opposition, binary concepts, cultural linguistics, linguoconceptology

Acknowledgements

The research was financially supported by the grant from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-78-10076, <https://rscf.ru/project/23-78-10076/>

For citation

Song Yifei, Berendeeva M. S. The structure of the conceptual opposition *LIGHT – DARKNESS* in the Russian language worldview according to the association experiment (against the backdrop of Chinese opposition 光明 and 黑暗). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 223–237. (in Russ.) DOI 10.17223/1813 7083/90/17

Введение

Цель данного исследования – на основе результатов ассоциативного эксперимента смоделировать структуру концептуальной оппозиции *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира (на фоне китайской оппозиции 光明 (Гуан мин), 黑暗 (Хэй ань)). Актуальность определяется особым интересом к концептам в со-

временной лингвистике, так как сопоставление структур концептов в разных картинах мира позволяет сделать выводы о национальных особенностях лингвокультур. Кроме того, моделирование концептуальных оппозиций может сформировать представление о национальной специфике языковой концептуализации противоположных явлений. Концепты *СВЕТ* и *ТЬМА* имеют особое значение для русской языковой картины мира, так как их образные составляющие связаны с представлениями различных сфер, но структура оппозиции, особенности полярной организации шкалы до сих пор остаются малоизученными в русистике.

Объектом исследования стали лексические репрезентанты концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* / 光明 и 黑暗. Предметом исследования является лингвокультурная специфика концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* в русской языковой картине мира (на фоне китайской).

Материалом послужили ассоциативные реакции на слова-стимулы, являющиеся именами концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* и эквивалентных им 光明, 黑暗: 616 ассоциаций, полученных от 260 представителей китайской и русской лингвокультур. Для моделирования структуры оппозиции с учетом различных признаков – как ядерных, так и периферийных – нами был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент, на ответ респондентам давалось пять минут. В результате были получены различные ответы-реакции, объединение которых в группы по семантическому принципу позволяет реконструировать набор когнитивных признаков концептов. Респондентами стали учащиеся Новосибирского государственного университета (130 человек) и Хэйлунцзянского университета (130 человек) без учета пола, возрастной диапазон составляет ориентировочно 18–25 лет. Материал эксперимента с китайскими респондентами привлекался нами в качестве фона для выявления степени универсальности или специфичности различных признаков русских концептов *СВЕТ* и *ТЬМА*. Анкета для китайских и русских респондентов была оформлена по одному образцу и включала только вопрос, нацеленный на свободный поток ассоциаций (*Какие ассоциации вызывает у вас слово «свет»? / Какие ассоциации вызывает у вас слово «тьма»?.*)

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы по лингвокультурной концептологии и по теории языковых оппозиций. При моделировании концепта мы исходим из интеграции лингвокультурного подхода к определению и описанию концепта, выводящего на первый план при анализе культурно специфичную часть концепта и признающего значимость ценностного компонента (концепт как «сгусток культуры» [Степанов, 1997]), и семантико-когнитивного подхода, предполагающего реконструкцию четкой структуры концепта, складывающейся из набора разноуровневых когнитивных признаков и когнитивных классификаторов [Попова, Стернин, 2004].

При описании оппозиций мы разделяем их на лексические, основанные на наличии в лексическом значении слова противоположных сем, представляющих в языке системные парадигматические отношения антонимии, и концептуальные, связанные с наличием в структуре пары связанных концептов блоков когнитивных признаков с противоположной оценкой, представлений о крайних проявлениях общего признака или представлений о противоположно направленных действиях. Несмотря на в целом простую организацию антонимических пар (набор общих сем в лексическом значении и отдельные семы противоположного значения, выражающие противопоставленность внутри одной сущности), организация оппозиций в картине мира может быть достаточно сложной: так, наличие

общих блоков представлений внутри каждого из парных концептов ставит вопрос о возможности проведения границы между ними и целесообразности рассмотрения каждого из концептов как самостоятельного (к примеру, *ЛЮБОВЬ* и *НЕНАВИСТЬ* включают общие блоки представлений о чувствах и эмоциях, но различаются оценочными признаками, *ХОЛОД* и *ТЕПЛО* включают общие когнитивные классификаторы 'погода', 'температура', 'состояние' с различной степенью проявления), а наличие сложных представлений о сочетании противоположностей или о промежуточных состояниях показывает, что концептуальная оппозиция должна рассматриваться в ходе когнитивной реконструкции как единое целое, а результатом такой реконструкции может стать модель общей организации оппозиции с учетом промежуточных состояний, способов перехода от одного полюса к другому и степени совпадения / различия групп признаков.

Несмотря на распространенность отношений противопоставления в языковой картине мира, общие закономерности организации оппозиций на концептуальном уровне остаются мало изученными. В русистике в рамках отдельных исследований описаны оппозиции «здоровый и больной» [Троян, 2016], «рай и ад» [Гершанова, 2017], «добро и зло» [Печагина, 2011] и т. п., существуют отдельные работы по концептам *СВЕТ* и *ТЬМА* (например, [Григорьева, 2009; Гюлумян, 2018; Гуревич, 2005]), но эти концепты ранее не рассматривались как целостная оппозиция с реконструкцией ее структуры.

При работе с концептуальной оппозицией мы ориентируемся на принципы описания языковых оппозиций, сформулированные Н. Д. Арутюновой, которая предлагает обозначать оппозитивные антонимы, формирующие шкалу поляризованных значений по одному признаку, с помощью термина «скалярный антонимический комплекс»: «Под этим термином мы подразумеваем объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта (класса объектов) и разделенных градационной шкалой, в середине которой проходит ось симметрии, соответствующая норме признака» [Арутюнова, 1988, с. 231]. К работе привлекались метод ассоциативного эксперимента, комплекс методов лексической семантики и метод концептуального анализа с выделением когнитивных признаков концептов и вербальным описанием структуры концептов, а также элементы сопоставительного метода.

Для каждого выявленного признака концепта было определено процентное отношение репрезентирующих его реакций к общему количеству ответов, полученных в ходе эксперимента.

Результаты исследования

Обработка результатов эксперимента производилась по следующим принципам: 1) полученные ассоциативные реакции на стимул (имя концепта) интерпретируются как репрезентанты соответствующих концептов; 2) реакции, обладающие наибольшей семантической близостью, связанные общими семами, объединяются в группу, репрезентирующую общий признак; 3) в ходе анализа подсчитывается частота вхождений в корпус ответов как отдельно взятой реакции на стимул, так и всей группы, выражающей когнитивный признак.

Ниже приведем ядерные и периферийные признаки концептов *СВЕТ* и *ТЬМА*, выделенные на основе результатов эксперимента, с примерами ответов и статистикой. Распределение признаков между ядром и периферией проведено на основе показателей частотности репрезентации каждого признака. Так, в ходе анализа

замечено, что и для русских, и для китайских концептов можно выявить по три когнитивных признака, которые являются наиболее частотными (ответы данной группы составляют 10 % и более от общего количества ответов на стимул), эти признаки отнесены нами к ядерной зоне. Отметим, что эти признаки можно назвать когнитивными классификаторами, которые для концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* выражаются в сходных категориях с некоторой трансформацией: так, соотносимыми являются признаки 'источник света' и 'отсутствие света' (проявления физической освещенности пространства), 'положительные эмоции' и 'отрицательные эмоции' (эмоциональное состояние), также в обеих группах ответов русских представлен признак 'временной период'. Схема с отнесением к ядру признаков с частотностью более 10 % нарушается нами только в случае с характеристикой признака 'временной период' для полюса *СВЕТ*: как в русском, так и в китайском материале количество ответов этой группы ниже 10 %, но оно четко соотносится с соответствующей частотной группой ответов на стимул, репрезентирующий полюс *ТЬМА*, поэтому мы рассматриваем данный признак как ядерный, исходя из задачи описания оппозиции как целостного ментального образования. Остальные признаки отнесены нами к периферийным и рассмотрены ниже в порядке убывания частотности. Далее приведем все выявленные когнитивные признаки со статистическими данными.

Ядерные признаки концепта *СВЕТ* в русской лингвокультуре:

- 1) 'источник света' (*солнце, лампа, огонь, звёзды, луна*) – 28,05 %;
- 2) 'положительные эмоции' (*добро, добрый, радость, любовь, счастье, мир, яркий*) – 40,05 %;
- 3) 'временной период' (*день, утро, лето, весна, ночь*) – 8,88 %.

Ядерные признаки концепта *ТЬМА* в русской лингвокультуре:

- 1) 'отсутствие света' (*мрак, темнота, тёмная сторона, темное место*) – 20,65 %;
- 2) 'отрицательные эмоции' (*зло, страх, смерть, грусть, одиночество, зависть, ужас, опасность*) – 31,84 %;
- 3) 'временной период' (*ночь, вечер, утро, зима*) – 14,75 %.

Таким образом, ядро оппозиции формируется тремя соотносимыми блоками когнитивных признаков.

1. Представления о наличии или отсутствии света как физического явления. Данный блок связан с наиболее конкретным слоем представлений и объединяет признаки, сформированные в результате прямого перцептивного познания мира. Данные части ядерных зон концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* соотносимы, но не симметричны: так, все ассоциации, отнесенные к этой группе среди реакций на стимул *тьма*, фиксируют факт отсутствия света, в их лексическом значении можно выделить соответствующую сему, но реакции на стимул *свет* фиксируют не наличие света, а его источник (*свеча, солнце* и т. п.), т. е. данный блок для концепта *СВЕТ* сформирован по принципу метонимизации (модель «свет → источник света»). Таким образом, русская оппозиция *СВЕТ* – *ТЬМА* не является симметричной: полюс *СВЕТ* воспринимается как соответствующий естественному состоянию, развивающий детализацию (разные варианты источника) и формирующий вторичные блоки представлений на основе когнитивных механизмов переноса, в то время как полюс *ТЬМА* воспринимается как соответствующий скорее неестественному состоянию и имеющий в наивной картине мира иную физическую природу (тьма не имеет источника и собственных качественных па-

раметров), чем объясняется большое количество ассоциаций, определяющих тьму по принципу ее противопоставления свету.

2. Представления о периоде времени. Данный блок является более абстрактным, его формирование является следствием когнитивного механизма метонимизации по принципу «степень освещенности → время, для которого характерна данная степень освещенности», но основания для переноса разные: так, ассоциации *день, ночь, утро* указывают на время суток, для которого характерно наличие или отсутствие света, в то время как ассоциации *зима, лето, весна* связаны с представлениями об условном количестве солнечного света в течение какого-то периода, т. е. характеризуются несколько большей абстрактностью. В данном блоке оппозиция репрезентируется в противоречивых ассоциациях (*свет – ночь, тьма – утро*), т. е., несмотря на общую связь представлений о свете с временем, маркированным наличием / отсутствием света, в конкретных ответах могут проявляться механизмы ассоциаций по принципу контраста, а отнесение «промежуточных» периодов (утро и вечер, весна и осень) к периодам наличия или отсутствия света может быть различным, т. е. данные блоки в структуре концептов не противопоставлены четко.

3. Представления об эмоциях. Данные признаки являются наиболее абстрактными, так как связаны со сложными процессами символизации и метафоризации (преимущественно по принципу сходства производимого эффекта: «свет / тьма → явление, оказывающее на человека сходный эмоциональный эффект»). Данный блок в ядерной зоне формирует пересечение оппозиции *СВЕТ – ТЬМА* с оппозицией *ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ*, так как все ассоциации на стимул *свет* связаны с положительно оцениваемыми состояниями, а на стимул *тьма* – с отрицательно оцениваемыми чувствами и состояниями. Данная характеристика абстрактного блока оппозиции указывает на то, что в русской лингвокультуре наличие света отождествляется с положительным полюсом, а отсутствие света – с отрицательным.

Два слоя с четким разграничением групп признаков для концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* – конкретный и абстрактный – репрезентированы более детально, в большем количестве различных ассоциаций и в большей доле ответов в случае со стимулом *свет* (28,05 и 40,05 %), чем в случае со стимулом *тьма* (20,65 и 31,84 %), обратное соотношение (8,88 % для стимула *свет* и 14,75 % для стимула *тьма*) устанавливается только для признака ‘время’, в структуре которого не наблюдается четкого соотношения реакций с представлениями о свете и тьме.

Для определения степени универсальности или национальной специфичности полученной картины обратимся к материалу эксперимента с китайскими респондентами и выделим ядерные признаки концептов 光明, 黑暗.

Ядерные признаки концепта 光明 ‘свет’ в китайской лингвокультуре:

1) ‘источник света’ (太阳 ‘солнце’, 月亮 ‘луна’, 星星 ‘звёзды’, 灯 ‘лампа’, 蜡烛 ‘свеча’, 灯泡 ‘лампочка’) – 26,8 %;

2) ‘абстрактные представления, явления, связанные с положительными эмоциями’ (希望 ‘надежда’, 未来 ‘будущее’, 前途 ‘перспектива’, 前途光明 ‘блестящее будущее’, 正大光明 ‘честный и справедливый’, 愉快 ‘радостный’, 正义 ‘справедливость’) – 41,5 %;

3) 'временной период' (时间 'время', 早晨 'утро', 白天 'день', 明天 'завтра') – 2,58 %.

Ядерные признаки концепта 黑暗 'тьма' в китайской лингвокультуре:

1) 'отсутствие света' (深渊 'бездна', 地下室 'подвал', 海底 'морское дно', 阴暗 'пасмурный, мрачный', 幽暗 'тёмный', 昏暗 'сумрачный') – 10,05 %;

2) абстрактные представления, связанные с отрицательными эмоциями, представления о страхе и безысходности, потере, утрате и разрушении (恐怖 'террор; страх, ужас', 恐惧 'страх; ужас', 害怕 'бояться', 邪恶 'зло', 痛苦 'страдание', 孤独 'одиночество', 心狠手辣 'жестокосердный и беспощадный', 狡诈 'хитрый', 残忍 'жестокий', 不怀好意的目光 'недобрый взгляд', 罪恶 'злодеяния', 失去 'потерять', 破坏 'разрушать') – 35,36 %;

3) 'временной период' (夜, 夜晚 'ночь', 黑夜 'темная ночь', 晚上 'вечер', 深夜 'за полночь', 黑天 'ночь') – 12,85 %.

В целом в структуре китайской оппозиции можно выделить те же три блока.

1. Представления о наличии или отсутствии света как физического явления. Данный блок также является асимметричным: признак 'наличие света' не маркирован, так как физическая природа света и тьмы в восприятии различается; среди реакций преобладают образованные по модели переноса «свет → источник света», в то время как полюс *ТЬМА* предстает как сформированный через признак отрицания света. В отличие от русской оппозиции, китайская характеризуется большей конкретностью полюса *ТЬМА* с его пространственной ориентацией: не только 'отсутствие света', но и 'место, в котором отсутствует свет', причем места, называемые респондентами, ориентированы вниз (深渊 'бездна', 地下室 'подвал', 海底 'морское дно'), т. е. оппозиция *СВЕТ – ТЬМА* в китайской картине мира имеет также связь с оппозицией *ВЕРХ – НИЗ*.

2. Представления о периоде времени. Данный блок китайской оппозиции организован по иным принципам: ассоциации на стимул 黑暗 'тьма' достаточно однообразны, основаны на переосмыслении по принципу «отсутствие света → время суток, когда отсутствует свет», причем реакции *вечер* и *утро* соотнесены с тьмой и светом по принципу 'убывание света' и 'прибытие света', однако общее количество ассоциаций этого блока малое (всего 2,58 %).

3. Представления об эмоциях. Этот блок китайской оппозиции также связан с оппозицией *ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ*, но он является более детализированным и объемным (более 40 % реакций), кроме того, с концептом *СВЕТ* в китайской картине мира связаны частотные реакции, репрезентирующие представления о перспективах (21,65 %), т. е. этот блок связан также с представлениями об оси времени (свет связан с будущим).

Рассмотрим основные периферийные признаки концептов с примерами реакций.

В русской лингвокультуре концепт СВЕТ связан со следующими признаками (в порядке убывания их значимости в результатах):

- 1) 'проявление тепла', признак, связанный с устойчивой ассоциацией между источниками света и тепла (*тепло, теплота, тёплый, жар*) – 5,37 %;
- 2) 'знания', признак, происходящий от идиомы *ученье – свет, а неученье – тьма* (*ученье, знание, учёба, учение, ученья*) – 4,91 %;
- 3) 'цвет', ассоциации, связанные с перцептивным восприятием (*белый, жёлтый цвет, белый значок, белый цвет*) – 4,68 %;
- 4) 'религия' и 'мистика', ассоциации, связанные как с религиозной картиной мира, так и с магическими представлениями, но во всех случаях окрашенные положительно (*Бог, ангел, боженька, волшебство, магия, рай*) – 4,67 %;
- 5) 'пространство', ассоциации, связанные с представлениями об освещённом месте (*Икея, на улице, НГУ, луг, Сочи*) – 1,64 %;
- 6) 'человек', индивидуальные ассоциации, возможно, связанные с положительной оценкой человека, группы людей или каких-то качеств (*друг, я, мама, семья, рост*) – 1,64 %;
- 7) 'научные представления о свете', признак понятийного характера, связанный с научной картиной мира (*фотоны, фотон, физическое явление, лазер*) – 1,62 %;
- 8) 'негативный объект / событие' (*смерть, безумие, давление*) – 0,93 %;
- 9) 'природное явление', к данному признаку относится ассоциация, связанная с визуальным восприятием (*снег*) – 0,23 %;
- 10) 'ожидание праздника' (*новый год*) – 0,23 %.

Концепт *ТЬМА* имеет следующие признаки на периферии:

- 1) 'цвет', признак, соотносимый с аналогичным признаком концепта *СВЕТ*, но более значимый и частотный для концепта *ТЬМА* (*чёрный, чёрный цвет, тёмное, чернота*) – 7,37 %;
- 2) 'отсутствие знаний', также признак, симметричный признаку 'знания' для концепта *СВЕТ* (*неизвестность, незнание, неведомое, невежество, незачёт, неученье*) – 4,42 %;
- 3) 'положительные эмоции' (*покой, спокойствие, уют, комфорт, безопасность*) – 4,13 %;
- 4) 'природные явления' (*чёрная дыра, гроза, закат, пасмурный день, сумерки*) – 2,36 %;
- 5) 'холод' (*холод, север, Сибирь*) – 2,35 %;
- 6) 'потусторонний мир', признак, симметричный признакам 'религия' и 'мистика' концепта *СВЕТ*, но окрашенный отрицательно (*демон, дьяволицина, монстр, нечисть*) – 1,47 %;
- 7) 'количество', признак, связанный с соответствующим лексико-семантическим вариантом *тьма* (*множество, бесконечность, большое количество, много*) – 1,47 %;
- 8) 'вредные предметы и состояния' (*сигареты, алкоголь, сырость, дым*) – 1,46 %;
- 9) 'жильё и интерьер' (*комната, кровать, шторы*) – 0,87 %;
- 10) 'ожидание праздников и зимней сессии', признак, соотносимый с признаком 'ожидание праздника' концепта *СВЕТ*, но имеющий двойственную окраску (*не новый год, новый год, сессия*) – 0,87 %;
- 11) 'персонаж фильма', единичный признак (*Бэтмен*) – 0,29 %;

12) ‘человек’, единичный признак индивидуального характера (*человек*) – 0,29 %.

В китайской лингвокультуре со светом связаны следующие признаки:

1) ‘бренды’, ‘места’, признаки, связанные с использованием в номинациях единичных объектов элемента *Гуанмин* с семантикой ‘свет’ (*牛奶* ‘молоко’, *饼干* ‘печенье’ – названия продуктовых брендов, *日报* ‘ежедневная газета’ – название газеты, *光明日报* ‘газета “Гуанмин жибао”’ – официальное СМИ, *海伦凯勒* ‘Хелен Келлер’ – ассоциация, связанная с названием книги “Если дать мне три дня Света” Хелен Келлер, *光明顶* ‘Гуанминдин’ – известное место в сериале “И тянь ту лун зи”) – 8,76 %;

2) ‘Китай’ и ‘партийная система Китая’, ассоциации, связанные с отождествлением страны и источника света (*中国* ‘Китай’, *新中国* ‘Новый Китай’, *新的时代* ‘новая эпоха’, *伟大的党* ‘великая партия’, *社会主义* ‘социализм’, *共产党* ‘коммунистическая партия’) – 2,84 %;

3) ‘проявление тепла’ (*温暖* ‘тепло’) – 2,84 %;

4) ‘отсутствие света’, ассоциации, построенные на контрасте и акцентирующие связь внутри оппозиции (*黑暗* ‘тьма’, *制造黑暗* ‘создавать мрак’) – 2,84 %;

5) ‘человек’, ассоциации индивидуального характера (*使者* ‘посланец’, *我们* ‘мы’, *她* ‘она’, *女孩* ‘девочка’, *男孩子* ‘мальчик’) – 2,57 %;

6) ‘природное явление’, группа ассоциаций, связанных с визуальным восприятием мира, но имеющих «климатическую» специфику (*黎明* ‘на рассвете’, *天亮* ‘рассвет’, *天空* ‘небо’, *云朵* ‘облака’) – 2,57 %;

7) ‘зрение’, группа ассоциаций, основанных на переносе «свет → механизм восприятия света», причем среди ответов встретились реакции, называющие как способность, так и неспособность видеть (*眼睛* ‘глаза’, *眼镜* ‘очки’, *双眸* ‘глаза’, *盲人* ‘слепой’, *瞎子* ‘слепой’) – 2,32 %;

8) ‘религия’ (*天堂* ‘рай’, *天使* ‘ангел’) – 1,04 %;

9) ‘цвет’ (*黄色* ‘жёлтый цвет’, *白色* ‘белый цвет’) – 0,52 %.

С представлениями о тьме в китайской лингвокультуре связаны следующие признаки:

1) ‘плохие явления в обществе’ (*社会黑暗面* ‘тёмные стороны старого общества’, *腐败* ‘коррупция’, *政治* ‘политика’, *危机* ‘кризис’, *战乱* ‘военный мятеж’, *资本主义* ‘капитализм’, *国民党反动派* ‘гоминьдановская реакционная клика’, *反对派* ‘оппозиционная группировка’) – 9,54 %;

2) ‘потусторонний мир’ (*魔鬼* ‘нечисть’, *鬼* ‘чёрт’, *恶魔* ‘демон’, *幽灵* ‘привидение’, *死神* ‘бог смерти’, *撒旦* ‘сатана’) – 6,17 %;

3) 'источник света и электричество', группа ассоциаций, основанная преимущественно на принципе контраста (月亮 'луна', 星星 'звёзды', 阳光 'солнечный свет', 灯 'лампа', 停电 'прекратить подачу электроэнергии') – 3,34 %;

4) 'онлайн-игры и персонажи фильмов' (黑暗之魂 'Дарк Соулс (серия видеоигр)', 黑暗天使 'Тёмный ангел (серия видеоигр)', 黑暗贤者 'Dark Seer (персонаж из компьютерной игры Dota 2)', 暗黑破坏神 'Diablo (серия видеоигр от Blizzard)', 蝙蝠侠 'Бэтмен', 黑暗骑士 'Тёмный рыцарь') – 3,10 %;

5) 'холод' (寒冷 'холод', 阴冷 'темный и холодный', 冰冷 'замёрзший', 阴冷潮湿 'темный, холодный и влажный') – 2,83 %;

6) 'отсутствие тьмы', ассоциации, основанные на контрасте и подчеркивающие внутреннюю связь полюсов оппозиции (光明 'свет') – 2,31 %;

7) 'плохая еда' (黑暗料理 'подозрительная еда, невкусная еда') – 2,06 %;

8) 'природные явления' (黑洞 'чёрная дыра', 暴雨 'ливень', 乌云 'тёмные (чёрные) тучи', 月黑风高 'темная ночь с сильным ветром', 漆黑的夜 'беспросветная ночь') – 2,06 %;

9) 'цвет' (黑色 'чёрный цвет', 黝黑 'загорелый', 黑 'чёрный', 煤渣 '(угольный) шлак') – 1,55 %;

10) 'психологические проблемы' (抑郁症 'депрессия', 自闭 'аутизм', 心理阴影 'комплекс (псих.)', 阴影 'затенение' – сокращённый вариант "комплекс") – 1,29 %;

11) 'жильё и интерьер' (房间 'комната', 卧室 'спальня', 门 'двери', 楼梯 'лестница') – 1,29 %.

Сопоставление русских и китайских периферийных признаков оппозиции СВЕТ – ТЬМА показывает наличие как универсальных, так и национально специфических элементов на периферии. Так, универсальным является принцип симметричной организации периферийных признаков, соотносимых с полюсами оппозиции СВЕТ – ТЬМА, однако конкретные признаки-опозиции имеют национальную специфику. Универсальный характер отмечен у признаков религиозные представления о небе – потусторонний мир, желтый / белый цвет – чёрный цвет для концептов СВЕТ и ТЬМА соответственно, другие отмеченные ниже признаки русской концептуальной оппозиции на периферии являются уникальными:

- признаки тепло – холод характерны для русской оппозиции и показывают значимость когнитивных признаков, соотносимых с классификатором 'температура воздуха' (так, в китайских результатах признак 'холод', связанный с тьмой и оцениваемый негативно, не имеет соотносимой пары среди ассоциаций на стимул свет);

- признаки знание – незнание ориентированы только на русскую идиому;

- признаки, связанные с природными явлениями, присутствуют в обеих картинах мира, но на основе русских ассоциаций они обретают вид оппозиции яркое – темное / опасное, где первый элемент представлен реакцией снег (в китайском материале аналогичная реакция не отмечена, а признаки, связанные с природой, сводятся к представлениям о небе);

• признаки эмоционального характера, не соотносимые с группой ядерных, представлены только в структуре русской оппозиции и показывают амбивалентный характер концептов и отсутствие однозначного соотнесения полюсов с оппозицией *ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ* в русской картине мира.

Наиболее уникальной особенностью периферии русской оппозиции является именно неоднозначность эмоциональных признаков и возможность соотнесения света с плохим, а тьмы с хорошим, так как эта особенность объясняет и возможную неструктурированность ядерного блока 'время', в котором нет четкой привязки времен суток к какому-то из полюсов, а также отсутствие реакций, построенных на контрасте (*свет* как реакция на стимул *тьма*). Среди ответов китайских респондентов, напротив, довольно много реакций, построенных на контрасте, также можно отметить большее количество структурирующих оппозиций, соотносимых с оппозицией *СВЕТ – ТЬМА (ВЕРХ – НИЗ, ПРОШЛОЕ – БУДУЩЕЕ)*, представления о социальном благополучии Китая и социально неприемлемом и т. п.), что подчеркивает несколько менее контрастный характер русской концептуальной оппозиции.

Для верификации результатов сравним полученные данные с материалами «Русского ассоциативного словаря» (РАС)¹. Интерпретация результатов про-

дидась в соответствии с теми же принципами: ответы разделены на группы по семантической близости, каждая группа соотносится с когнитивным признаком, подсчитано количество случаев репрезентации каждого признака.

В РАС представлено 107 реакций на стимул *свет*. Приведем примеры наиболее частотных групп ассоциаций с указанием доли ответов этой группы в общем количестве ответов:

- 1) 'пространство' (*в окне, в окошке* и др.) – 24,26 %;
- 2) 'характеристики света' (*яркий, лучистый* и др.) – 17,74 %;
- 3) 'отсутствие света' (*тьма, в темноте* и др.) – 14,93 %;
- 4) 'источники света' (*солнце, лампа* и др.) – 13,06 %;
- 5) 'влияние на источник света' (*потух, включить* и др.) – 10,26 %;
- 6) 'цвет' (*белый, зелёный* и др.) – 4,65 %;
- 7) 'положительные эмоции' (*надежды, радость* и др.) – 3,72 %.

На стимул *тьма* в словаре представлено 103 реакции, также приведем наиболее частотные:

- 1) 'тёмные объекты, отсутствие света' (*крошечная, ночь, сумрак, тёмная, темно, пропасть* и др.) – 43,67 %;
- 2) 'количество' (*тмущая, много* и др.) – 24,27 %;
- 3) 'свет', ассоциации, основанные на контрасте (*свет*) – 12,62 %;
- 4) 'цвет' (*чёрный*) – 2,91 %;
- 5) индивидуальные ассоциации негативного характера (*смерть, апокалипсис* и др.) – 5,82 %.

Сравнение показывает, что в словаре на стимул *свет* больше реакций, связанных с пространством и влиянием на источник света. Доля реакций, в которых представления о тьме связаны с множеством, также больше (1,47 %). Кроме того, как и в китайской картине мира, представления о свете и тьме репрезентирова-

¹ Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения 21.05.2020).

лись через антонимы, в то время как в нашем эксперименте этот признак отсутствует.

Поскольку РАС объединяет данные экспериментов, отстоящих во времени от наших, различия могут указывать на динамику оппозиции: так, в современной картине мира более полно представлен абстрактный ядерный слой (представления об эмоциях и состояниях), но в меньшей степени выражены отдельные признаки конкретного характера ('пространство', 'зрение'), связанные с чувственным восприятием. Кроме того, результаты нашего эксперимента указывают на усиление амбивалентности концептов и на размывание контрастности. Так, именно этим свойством можно объяснить выявленную символическую связь представлений о тьме с положительными эмоциями (*покой, спокойствие, уют, комфорт, безопасность*).

Заключение

Итак, на основе исследования можно сделать следующие выводы.

1. Русская оппозиция *СВЕТ – ТЬМА* может быть представлена в виде шкалы, организованной вокруг условно нейтрального положения с противоположно направленными векторами. В соответствии с терминологией Н. Д. Арутюновой, оппозиция соответствует скалярному антонимическому комплексу, формирующему шкалу поляризованных значений по одному признаку, в данном случае по признаку 'наличие / отсутствие света'. Перенос такой схемы с лексических анто-

нимов на концептуальную оппозицию предполагает введение разноуровневой организации: признак 'наличие / отсутствие света' связан с тремя парадигмами когнитивных признаков разного уровня абстрактности: 1) конкретный уровень перцептивных признаков (представления об источнике света, о цвете, об отсутствии света и о месте); 2) уровень более абстрактных представлений о времени, связанных с комплексом знаний о времени суток или временах года, основанных на чувственном восприятии, но формируемых за счет обобщения; 3) уровень абстрактных представлений об эмоциях или состояниях, основанный на концептуальной метафоризации и на формировании сложных образов, связанный с эмоциональным осмыслением чего-то как оказывающего эффект наличия света или его отсутствия.

На каждом из уровней, кроме конкретного перцептивного, общая структурная организация оппозиции *СВЕТ – ТЬМА* происходит за счет введения других оппозиций: так, представления о времени включают антонимические комплексы *ДЕНЬ – НОЧЬ, ЛЕТО – ЗИМА*, а представления об эмоциях и состояниях – *ЯРКОЕ – ТЁМНОЕ / ОПАСНОЕ, ЗНАНИЕ – НЕЗНАНИЕ, ТЕПЛО – ХОЛОД* и т. п. Обобщающей и выстраивающей весь комплекс в виде единой шкалы является оппозиция *ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ*, соответствующая оценочному блоку всей оппозиции *СВЕТ – ТЬМА*.

Универсальной особенностью оппозиции *СВЕТ – ТЬМА* является также смещение нулевой отметки на шкале в сторону полюса *СВЕТ*: наличие света воспринимается как естественная ситуация, не требующая языкового маркирования, в то время как отсутствие света выражается специальными средствами. Кроме того, поскольку оппозиция *СВЕТ – ТЬМА* формируется через *ХОРОШЕЕ – ПЛОХОЕ*, она приобретает на абстрактном уровне свойства аксиологической оппозиции,

в которой «норма лежит не в серединной части шкалы, а совпадает скорее с ее позитивным краем» [Арутюнова, 1988, с. 235].

Представим ниже расположение отдельных признаков-оппозиций в структуре комплекса *СВЕТ – ТЬМА*.

2. Организация русской оппозиции *СВЕТ – ТЬМА* имеет специфические особенности, которые сводятся к ряду признаков (большая представленность признака ‘холод’, наличие признака ‘знания’, связанного с идиомой, и т. п.), но главной особенностью является довольно слабый характер противопоставленности полюсов оппозиции, приводящий к амбивалентному характеру концептов: полюс *СВЕТ* имеет на периферии признаки, соответствующие ядерным признакам полюса *ТЬМА*, и наоборот. Так, именно в русской картине мира присутствуют отрицательно окрашенные признаки концепта *СВЕТ* и положительно окрашенные признаки концепта *ТЬМА*. С этой же особенностью связана непоследовательность реакций в блоке ‘время’ (наличие противоречивых реакций, например отнесение реакций *утро* или *день* к полюсу *ТЬМА*) и практически полное отсутствие в наших данных ассоциаций, основанных на контрасте: представления о свете и тьме не формируют настолько последовательной полярной оппозиции (для сравнения: в данных эксперимента с китайскими респондентами доля подобных ассоциаций достаточно велика). Эта особенность русской оппозиции может обуславливаться динамическими факторами, так как сравнение наших данных с данными «Русского ассоциативного словаря» показывает усиление этой особенности в современных результатах.

Структура оппозиции *СВЕТ – ТЬМА*
Structure of the opposition *LIGHT – DARKNESS*

Таким образом, оппозицию *СВЕТ – ТЬМА* можно представить в виде единого комплекса, в котором основные признаки меняются от одного полюса шкалы (*СВЕТ*) к другому (*ТЬМА*), формируя комплекс вторичных оппозиций противопоставленных признаков, причем общая модель организации является универсальной, но степень контрастности представлений и противопоставленности полюсов зависит от национальной специфики (для концептов *СВЕТ* и *ТЬМА* это противопоставление в русской картине мира сглажено за счет амбивалентности абстрактных слоев концептов). Дальнейшие направления изучения в этой сфере связаны с уточнением вопроса о динамике структурной схемы данной концептуальной оппозиции.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М.: Наука, 1988. 339 с.
- Гершанова А. Ф. Фрактальная природа лингвокультурных концептов «Рай» и «Ад» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2017. № 3–4. С. 80–87.
- Григорьева Т. В. Языковая жизнь концептов «Свет» и «Тьма» (на материале русского языка) // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2009. № 570-1. С. 62–75.
- Гуревич А. Г. Концепт света и тьмы в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 24 с.
- Гюлюмян Л. К. Языковая объективация концептов СВЕТ и ТЬМА в документальных и художественных текстах Л. Н. Андреева: Монография. Армавир: АГПУ, 2018. 136 с.
- Печагина Т. В. ДОБРО и ЗЛО как категориальные концепты // Вестник Челябин. гос. ун-та. 2011. № 11 (226). С. 99–101.
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 315 с.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
- Троян С. В. О неразрывной связи компонентов концептуальной оппозиции: соотношение смыслов «больной-здоровый» в метафорической модели «Россия – больной организм» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-3 (59). С. 156–160.

References

- Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of language values]. Moscow, Nauka, 1988, 339 p.
- Gershanova A. F. *Fraktal'naya priroda lingvokul'turnykh kontseptov "Ray" i "Ad"* [Fractality of linguocultural concepts PARADISE and HELL]. *Vestnik of Russian New University. Series: Man in the Modern World*. 2017, no. 3–4, pp. 80–87.
- Grigorieva T. V. *Yazykovaya zhizn' kontseptov "Svet" i "T'ma" (na materiale russkogo yazyka)* [Linguistic life of concepts LIGHT and DARKNESS (based on the Russian language)]. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 2009, no. 570–1, pp. 62–75.

Gurevich A. G. *Kontsept sveta i tpmi v russkoy i angliyskoy yazykovykh kartinakh mira* [The concept of light and darkness in the Russian and English linguistic pictures of the world]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Makhachkala, 2005, 24 p.

Gyulumyan L. K. *Yazykovaya ob"ektivatsiya kontseptov SVET i T"MA v dokumental'nykh i khudozhestvennykh tekstakh L. N. Andreeva: monografiya* [Linguistic objectification of the concepts LIGHT and DARKNESS in documentary and literary texts by L. N. Andreeva: monograph]. Armavir, AGPU, 2018, 136 p.

Pechagina T. V. DOBRO i ZLO kak kategorial'nye kontsepty [GOOD and EVIL as categorical concepts]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011, no. 11 (226), pp. 99–101.

Popova Z. D, Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok-Zapad, 2007, 315 p.

Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture. Research experience]. Moscow, LRC Publishing House, 1997, 824 p.

Troyan S. V. O nerazryvnoy svyazi komponentov kontseptual'noy oppozitsii: sootnoshenie smyslov "bol'noy-zdorovyy" v metaforicheskoy modeli "Rossiya – bol'noy organism" [On the linkage between the components of conceptual opposition: correlation of "SICK – HEALTHY" in the metaphorical model "RUSSIA IS A SICK ORGANISM"]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 5–3 (59), pp. 156–160.

Информация об авторах

Сун Ифэй, аспирант кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Мария Сергеевна Берендеева, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Information about the authors

Song Yifei, Graduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

Maria S. Berendeeva, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of General and Russian Linguistics, Humanitarian Institute, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 19.10.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2024; принята к публикации 27.02.2024
The article was submitted on 19.10.2023;
approved after reviewing on 27.02.2024; accepted for publication on 27.02.2024*

Научная статья

УДК 81'42; 81'34

DOI 10.17223/18137083/90/18

Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых)

Светлана Викторовна Андросова

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

Аннотация

Цель статьи – руководствуясь широким пониманием лингвокреативности, представить обзор вклада отечественных и зарубежных лингвистов в изучение сущности и проявлений феномена и степеней его осознанности, а также собственные наблюдения. Методы анализа и синтеза применены для обобщения результатов осознанной и неосознанной лингвокреативности в словесном искусстве и обыденной коммуникации. Представлены традиционные и современные источники неологизмов, рассмотрены некоторые примеры из художественной литературы, бытовой коммуникации, жанра стендап и ряд других источников. С помощью метода акустического анализа выявлены фонологические техники создания инноваций в спонтанной и квазиспонтанной речи, а именно неканонические фонетические формы слов / слогов и их сочетаний в английском, русском, китайском и пушту языках.

Ключевые слова

Ф-креативность, И-креативность, профессиональная и бытовая коммуникация, рече-производство, речевосприятие, неканонические формы

Для цитирования

Андросова С. В. Лингвокреативность человека пишущего и говорящего (обзор вклада зарубежных и отечественных ученых) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 238–251. DOI 10.17223/18137083/90/18

Linguistic creativity: from writing to speaking (Contributions of Russian and foreign scholars)

Svetlana V. Androsova

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

androsova_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6714-9684>

Abstract

Linguistic creativity (LC) is an inherent feature of language, constantly used by individual and collective native speakers for various purposes. This paper examines the contributions of

© Андросова С. В., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 238–251

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 238–251

Russian and foreign linguists to the study of LC, focusing on its essence and diverse manifestations across different genres and linguistic levels. The analysis explores phonetic data collected by the author and collaborators, with illustrative examples taken from Russian, English, Chinese, and Pashto. Analytical, synthetic, and observational methods were employed to summarize the findings and elucidate both conscious and unconscious LC. The results of structural-semantic and contextual analyses indicate that LC cannot be considered solely the domain of writers and poets. Concurrent generative and lexical creativity processes facilitate the generation of linguistic units within spontaneous conversational contexts. For example changing just one word in a common proverb can completely alter its meaning. Both specialized and general language communities produce significant jargon, while global events foster the emergence of neologisms with varying lifespans. Global occurrences foster the development of neologisms with varying lifespans. A notable illustration is the COVID-related neologisms that originated in Chinese and quickly spread into other languages. Acoustic analysis revealed a predominance of non-canonical, or weak, phonetic forms resulting from assimilations, omissions, and liaisons. While these forms may appear chaotic, they reflect the complex coordination that governs speech production and perception. In conclusion, it can be stated that LC is an inherently elusive phenomenon, posing significant challenges to precise measurement and necessitating further investigation.

Keywords

F-creativity, E-creative, professional and casual communication, speech production, speech perception, non-canonical patterns

For citation

Androsova S. V. Linguistic creativity: from writing to speaking (Contributions of Russian and foreign scholars). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 238–251. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/18

Введение

В 1902 г. итальянский философ Б. Кроче в трактате «Эстетика» (Benedetto Croce «Estetica» (с. 37)) написал: «язык – это бесконечное созидание» (цит. по: [Zawada, 2006, p. 235]). «Обычный пользователь языка удивительно креативен. Не осознавая этого, мы все проводим большую часть времени бодрствования, изобретая язык» [Ледерер, 2019]. Креативность – это ингерентное свойство языка, центральный факт, который обязана рассматривать любая серьезная лингвистическая теория, и если она этого не делает, то ее участь остаться на периферии [Chomsky, 1964, p. 7–8].

Дж. Сэмпсон в 2016 году, не разделяя широкого понимания лингвокреативности (далее – ЛК) Хомского, предложил дихотомию Ф-креативности (F-creative activities, F = fixed), т. е. креативности на основе большого количества известных схем, и И-креативности (E-creative activities, E = enlarging / extending), т. е. креативности, выходящей за пределы известных схем либо расширяющей их. Первая в упрощенном понимании равна повседневной лингвистической продуктивности, которую Сэмпсон не относил к истинной креативности, а вторая порождает неожиданные инновации, нарушая правила существующей системы, расширяя ее, и именно она является истинной креативностью [Sampson, 2016]. Между тем А. Бергс [Bergs, 2019] на примерах 1) фраз-клише-клонов, 2) случаев комбинирования несовместимых элементов (mismatch) и «переинтерпретации» (coercion), 3) неожиданных и необычных инноваций (aberration) убедительно продемонстрировал, что это не дихотомия, а континуум (cline), где между двумя полюсами расположены феномены, совмещающие черты лингвистической продуктивности и лингвокреативности в узком понимании.

Широкого понимания ЛК придерживаются и ливанские лингвисты [Sakakini, Hadi, 2019]. В настоящей статье разделяется широкое понимание ЛК: она реализуется постоянно отдельными личностями (индивидуальная ЛК) и языковыми коллективами (народная ЛК) по разным причинам, с разными целями. Изначальная точка зрения о том, что ЛК является прерогативой человека пишущего и запечатлена лишь в бессмертных литературных произведениях выдающихся мастеров слова, давно подвергается критике. Это еще и процесс и результат коллективного творчества обычных носителей языка в обыденной коммуникации при речепроизводстве и речевосприятии [Asoulin, 2013, p. 228–229; Cremin, Maybin, 2013, p. 1]. В течение жизни мы устно и письменно производим бесчисленное количество уникальных фраз и столько же воспринимаем, свободно кодируем и декодируем мысли на языке в новых ситуациях и контекстах, в отличие от животных, напрямую не привязываясь к стимулам, вызвавшим эти мысли [Asoulin, 2013; Ледерер, 2019].

Для этого, по мнению Д. Эджера, во-первых, у нас есть чувство лингвистической структуры – мы строим предложения по схемам, не осознавая этого, но именно чувство структуры придает форму всему, что мы говорим и о чем думаем; во-вторых, языковая структура выстраивает иерархию значений слов и правила, по которым эти слова собираются вместе; в-третьих, это универсальное свойство самоподобия, когда более простые структуры отражают форму более сложной структуры, в состав которой они входят [Adger, 2019, p. 2–4], например, сверхфразовое единство состоит из фраз, а те, в свою очередь, состоят из синтагм, в состав которых могут входить ритмические группы (или фонетические слова) и т. д. – как матрёшка. Все эти единицы имеют сходную форму, схожие типы связи (например, организация просодически не выделенных компонентов вокруг просодически выделенного компонента). Такие структуры и схемы не навязываются нам ограничениями нашего мозга, мы их извлекаем из нашего языкового опыта.

Ф-креативность возникает в результате глубокой работы мысли, приводящей к новым намеренными и осознанными эпитетам, метафорам, малафорам, малапрописмам и т. п. [Bergs, 2019], используемым в письменной речи, – это преимущественно ЛК человека пишущего. И-креативность связана с автоматизмами, которые являются случайными и неосознанными [Ibid.]. Стилистические тропы могут появляться и неосознанно. Малафора *Молчать как рыба об лед* употреблена, предположительно, осознанно (совмещение двух устойчивых выражений – поговорок, вероятный источник – фильм «Свадьба в Малиновке»), однако автор сценария (человек пишущий) мог подслушать неосознанную оговорку в бытовом общении – а это уже ЛК человека говорящего, – оценить ее комический эффект и использовать. Малапропизм *Texas has a lot of electrical votes* – предположительно, случайное высказывание бейсболиста Йоги Берра, который употребил *electrical* вместо *electoral* (паронимы) – явная ЛК человека говорящего. Как видно из примеров, граница между ЛК человека пишущего и говорящего может быть размытой.

Ф-креативность и И-креативность присутствуют в литературе и бытовой коммуникации, но кладезь первой – художественная литература (проза и поэзия); вторая часто реализуется в бытовой сфере, но ею не ограничивается.

С делением на Ф-креативность и И-креативность в определенной степени перекликается деление на лексическую креативность и структуралистскую генеративную креативность, но полного параллелизма здесь нет. Так, лексические нео-

логизмы относятся к И-креативным продуктам (по Сэмпсону и Бергзу) и выполняют целый набор когнитивно-прагматических функций: помимо номинативной, экспрессивную, игровую и т. д. (подробнее см.: [Агеев и др., 2020]). Их производит как человек пишущий, так и говорящий. Традиционными источниками неологизмов являются важные социально-культурные, экономические и политические события, ведущая роль в их распространении принадлежит СМИ, а самым популярным языком-донором в настоящее время служит английский. Можно назвать два источника большого количества таких неологизмов: это технологии (включая информационные) и пандемия. Продолжительность жизни таких неологизмов значительно варьирует.

Языковые контакты и дистанционное общение и обучение постоянно порождают неологизмы типа уже ставших банальными *вотсапнуть* 'отправить сообщение по WhatsApp', *вотсапнуться* 'общаться по WhatsApp', *(за)зумиться* 'выйти в Zoom, работать в Zoom', *расшарить экран* 'поделиться экраном' (от англ. *share screen*) и т. п. Бурное развитие киберкультуры дало начало заимствованиям из английского языка, вербализующим «отмену» практик, связанных с дискриминацией по возрасту, внешнему виду, цвету волос, весу: *бодийшейминг*, в том числе его гиперонимы *фэтшейминг* и *скинни-шейминг*, *лукизм*, *эйджизм*, *эйблизм* (от англ. *body / fat shaming, lookism, ageism, ableism*) [Шустова, Шипицин, 2023].

Коронавирусная пандемия дала мощный импульс ЛК. Китайский язык стал инициатором и лидером в этой сфере и послужил материалом не для одного исследования [Васина, Тё, 2021; Ли, Стародубцева, 2021; Borankulova, Proshina, 2021]. В английском языке появилось более тысячи ковидных неологизмов [Thorne, 2020], отражающих работу и учебу «в дистанте», демографические события, меры безопасности до «ников», сленга и метафор войны. В сборнике «Новые слова и словари новых слов» (конец декабря 2020 г.) в 17 статьях из 20 вопросов ковидных неологизмов в русском языке представлен в разных ракурсах: словообразовательном (см.: [Геккина, 2020] и др.), лексикографическом (лексико-семантическое поле «коронавирус» с ядром и периферией в Медиасловаре [Прокофьева, Щеглова, 2020], с точки зрения оснований для включения в словарь неологического словаря), с точки зрения потенциала (в том числе паремиологического) и употребительности [Громенко, 2020], в сравнении с другими языками, например казахским [Анищенко, Абуталипова, 2020], английским и немецким [Павлова, 2020], венгерским [Янурик, 2020].

Другим источником неологизмов является гендерная политика. В этой связи отметим семантический анализ ста гендерно маркированных неологизмов, появившихся в английском языке в начале XXI в., на материале англоязычных электронных лексикографических источников [Ищенко, Филонова, 2020].

1. Лингвокреативность в словесном искусстве

Литература – это сфера проявления индивидуальной ЛК человека пишущего, а ярким примером народной ЛК (преимущественно, но не исключительно, человека говорящего) являются разного рода паремии, считалки, колыбельные песни и стихи (и другие поджанры фольклора), которые охотно используются отдельными авторами. ЛК в литературе посвящено большое количество работ, в частности по стилистическим тропам, поэтому ограничимся двумя примерами. Первый относится к структуралистской генеративной креативности. Известная английская паремия *Birds of a feather flock together* 'Рыбак рыбака видит издалека' была

трансформирована Стивеном Кингом в романе «Роза Марена» для того, чтобы один из главных героев мог выразить сарказм по поводу подруг своей жены и общности ее интересов с ними: *Cunts of a feather flock together* (S. King “Rose Madder”) ‘Стерва стерву видит издалека’. Здесь используется фраза-клише (snow clone), где первая позиция является заменяемым слотом.

Второй пример – создание собственного языка для персонажа, как это сделано британским писателем Р. Далом в сказке “Большой дружелюбный великан”; язык включал самые разные неологизмы (многие из которых оказались фонетически мотивированными), несомненно иллюстрирующие И-креативность (см. подробнее: [Шамина, 2015]).

ЛК проявляется в песенном творчестве. В этой связи необходимо отметить работу В. Г. Карпушкина, Т. В. Шмелевой с результатами по русскому рэпу на материале одного песенного произведения [Лингвистика креатива, 2018, с. 104–135].

ЛК в виде языковой игры реализуется в жанре стендапа и других комедийных жанрах, при этом авторы могут черпать вдохновение из бытовых ситуаций. Приведу два примера. Первый – песенка-воспоминание о непростых для детей и родителей школьных годах, первоисточник – выступление команды КВН «Днепр» в 2010 г. (<https://www.youtube.com/watch?v=AbcjgIUGC70>):

(1) Песенка:

Эта песенка про нашу школу –
Здесь счастливо растёт детвора,
И в нее ходят стайкой веселой,
Но, зараза, в 8 утра.
Я от хавки в столовой худею,
Что уже на себя не похож,
И продленка – чудесное место,
Но носить при себе лучше нож.
Вызывают родителей в школу –
Я что лифт, чтоб меня вызывать?!
Я не сдал мусорам дядю Колю
И на шторы не буду сдавать
...

Здесь создается эффект обманутого ожидания за счет контекстуальных (ситуативных) антонимов, таких как *счастливо растёт, ходят стайкой веселой vs зараза, в 8 утра, от хавки худею, на себя не похож; чудесное место vs нож*, а также присутствует языковая игра (прием каламбура), на основе полисемии слов *вызывать (вызывать в школу vs вызывать лифт)* и *сдать / сдавать (сдать мусорам (дядю Колю) vs сдавать (деньги) на шторы)*.

Второй пример – постановочный диалог покупателя с продавцом на фермерском рынке, в котором покупатель решил отпустить остроту на тему качества реализуемой сельскохозяйственной продукции и обслуживания, однако продавец тоже оказался любителем острот (https://www.tiktok.com/@chernovavero4ka/video/6997097157580885249?_r=1&_t=8o8qMw7ADQo).

(2) Разговор покупателя с продавцом на фермерском рынке:

Покупатель: У вас тут написано «Яйца отборные». У кого отбирали?

Продавец: У кур.

Покупатель: И что, никто не сопротивлялся?

Продавец: Те, кто сопротивлялись, лежат вон на том прилавке.

Покупатель: А что у вас огурцы желтые?

Продавец: Возьмите помидоры, они зеленые.

Покупатель: Девушка, а почему вы мне хамите? Дайте книгу жалоб.

Продавец: Какой том?

В первом случае покупатель, сомневающийся в качестве продукта, играет на полисемии, привязывая дериват-прилагательное *отборный* 'лучший по качеству' не к соответствующему значению 'выделить из общего числа' глагола *отобрать*, а к другому его значению – 'отнять', и в этом значении анализируемое прилагательное не является дериватом данного глагола. Далее подтема качества продукта развивается контекстом, из которого ясно что «сопротивляющиеся» куры были пущены на мясо. Во втором случае игра основана на прилагательных *желтый* и *зеленый*, которые, сочетаясь с существительными *огурец* и *помидор*, могут говорить либо о надлежащем, либо о ненадлежащем качестве продукта, в данном случае – ненадлежащем. В ходе развития подтемы качества обслуживания контекст – вопрос о томе жалобной книги – указывает на то, что жалоб бесконечно много и что продавцу за хамство по каким-то причинам наказания не будет.

Лингвистической креативности «все возрасты покорны». Дети активно проявляют осознанную креативность, создавая осознанные метафоры (источник последних – детская поэзия) [Лингвистика креатива, 2018]. В этой связи нельзя не привести пример из школьного фольклора:

У Лукоморья дуб зеленый,
Есть интернет на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Сидит ВКонтакте точка ком.

Языковая игра основана на многозначности глагола *сидеть* с наиболее подходящим значением 'находиться в каком-н. месте, внутри чего-н.' Место виртуальное и теоретически не обязательно предполагает сидение с опорой нижней частью туловища на поверхность, но связь с прямым значением явно прослеживается – в социальных сетях чаще всего сидят как в прямом, так и в переносном смысле. Четверостишие призвано в юмористической форме указать на вездесущность сети Интернет и социальной сети ВК (есть даже на дубе, используется даже котом).

Слова к песням и сценарии пишутся, поэтому их следует отнести к ЛК человека пишущего, но они предназначены именно для устного исполнения, поэтому граница между ЛК человека пишущего и говорящего снова оказывается размытой.

2. Лингвокреативность в других видах коммуникации

ЛК при общении профессионала с массовой публикой активно применяется в рекламе. Рональд Картер приводит пример рекламы авиакомпании, намекающей на отсутствие очередей для путешествующих бизнес-классом [Carter, 2015, p. 1], где среди перечисленных подряд в одну строчку букв отсутствует буква *q*, прочтение которой омофонично слову *очередь* (No q = No queue): *abcdefghijklmnopqrstuvwxy*

Другой пример – креативный нейминг компаний, организаций и заведений самого разного рода (от общепита, магазинов и салонов красоты до медицинских учреждений), который может быть как мотивированным, привлекающим потре-

бителя, так и немотивированным (с неясными и странными названиями, часть которых возникает из-за элементарного незнания истории имени и его значения). Нельзя не отметить работу О. С. Иссерс на материале названий гостиниц, стоматологических поликлиник и кабинетов, расположенных на территориях крупных городов Сибири [Лингвистика креатива, 2018, с. 75–103] и другие труды, в том числе посвященные графическому образованию нестандартных трапезонимов – названий заведений общественного питания – с помощью монографикации (создания новых номинаций средствами одной графической системы, например только кириллической), полиграфикации (создания новых номинаций средствами разных графических систем, например кириллической и латинской) и кодографикации (создания новых номинаций средствами разных кодовых систем, например языковой и цифровой) [Замальдинов, 2021]).

Даже современная научная коммуникация впитывает элементы ЛК, которые реализуются, в частности, в названиях научных статей в виде разнообразных метафор (например, метафоры войны и дороги в биологии и медицине, образованные по схеме «источник – путь – цель», образные и аллюзивные термины в экономике, биологии и физике) [Шарапкина, 2023]. Авторская нейтральность, типичная для отечественного научного стиля, уступает место авторской маркированности, состоящей в употреблении местоимения первого лица единственного числа *я*, и авторскому стилю, который прослеживается далеко не только в названиях научных статей и монографий, но и в особенностях самого языка научного описания, которые не всегда поддаются параметризации (см., например, анализ авторского стиля С. Г. Тер-Минасовой в [Раевская, 2023]).

Несомненный интерес вызывает детская бытовая компенсаторная ЛК [Лингвистика креатива, 2018, с. 11–39, 40–74], когда дети:

- создают спонтанные метафоры;
- выражают грамматический протест, обусловленный стремлением к единообразию парадигмы и грамматической (в частности, словообразовательной) симметрии;
- формируют метатезы.

Иллюстрируя ЛК взрослых в бытовой коммуникации, Картер [Carter, 2015, р. 2–4] приводит подслушанный им разговор трех студентов в Бристолле, обсуждающих своего арендодателя (ЛК человека говорящего):

A: Yes, he must have a **bob** or two.

B: Whatever he does he makes money out of it, just like that.

C: **Bob**'s your uncle.

B: He's quite a lot of money erm tied up in property and things. He's got a finger in all kinds of pies and houses and stuff. A couple in Bristol, one in Clevedon, I think.

Игра слов *bob ... Bob* необъяснима с точки зрения семантической связи. Данный продукт творчества возник как отголосок определенных чувств, отношений и опыта, общих для этих трех студентов: разговаривая о том, что у их арендодателя явно денег куры не клюют (саркастичное «найдется пара шиллингов», *bob* – разг. ‘шиллинг’), один вдруг вспоминает, что дядю другого зовут Боб.

На материале русского языка М. Э. Рут приводит большое количество примеров из разговорной речи, демонстрирующих, в частности, развернутые номинации ситуативного характера, например: *Я тут за **мужчиной в свитере с рюкзаком** занимала, он отошел, наверное* [Лингвистика креатива, 2018, с. 137].

Возникает вопрос, насколько ЛК поддается параметризации и статистической оценке. Эффективное решение этой задачи предложено в коллективной монографии [Лингвокреативность..., 2021]. Один из примеров параметризации показан на фразеологическом уровне (подсчет креативного и некреативного использования фразеологизмов) в русском и английском кинодискурсах. Процент креативного использования фразеологизмов от общего количества реализованных фразеологизмов весьма показателен, но это лишь один параметр, и его явно недостаточно, ведь ЛК фразеологизмами не ограничена.

3. Неканонические формы слов как продукт бытовой фонетической лингвокреативности

Примеры, наподобие приведенных в предыдущем разделе, по большей части осознаются носителями языка. В данном же разделе речь пойдет об ЛК на бессознательном уровне – фонетическом, который является сферой автоматизмов, и здесь мы имеем дело сугубо с ЛК человека говорящего. Система фонетических единиц и правила ее реализации диктуют канонические фонемные модели слов – идеальный фонемный состав. Однако в потоке речи в результате естественных модификаций возникает большое количество неканонических моделей, т. е. моделей с фонемным составом, отличным от идеального (с заменами фонем, выпадением гласных и согласных¹). Этот процесс можно отнести к генеративной структуралистской креативности, которая проявляется в подготовленной и спонтанной речи, на официальном и бытовом уровнях, но наибольшее количество проявлений обнаруживается в спонтанной и квазиспонтанной речи. Сложно согласиться с Бергсом о ее случайном характере – она относится к сфере неосознанного, но случайной не является. Аллофонный состав неканонической модели автоматически координируется под влиянием факторов, действующих одновременно в процессе речевой деятельности: от состава сегментной последовательности высказывания до темпа произнесения и специфики расстановки пауз. Это универсальный механизм, который можно проследить на многочисленных примерах неканонических форм из разных языков², возникших в результате многочисленных ассимиляций, выпадения и стяжения звуковых сегментов.

Русский (материал устной женской речи – публичные интервью на общественно-политические темы) [Streke, Androsova, 2021]: *может* [moʃt], *не будем* [nɪ'buəm], *значит* [zɛʃ], *собственно* ['sobsnə], *то есть* [tɛs'], *если* ['jɛsɪ], *пожалуйста* [pə'ʒals].

Английский (материал спонтанной американской речи): *you* [jɪ], [ɪ]; *where* [wə]; *problem* [prɒbm]; *correct* [krɛkt], [krɛk]; *popular* [pɒplə]; *probably* [prɒli]; *very* [vɛ] и др. [Андросова, 2015, с. 9].

Китайский (женская спонтанная речь): *ranhou* 'потом, после' [zanhou] → [zaou], [zao], [ənhou], [nhou]; *suan* 'кислый' (первый тон) [suan] → [san] 'три' (первый тон); *kao wan* 'закончить экзамен' [kʰəu wan] → [kaŋ] *kang* 'анти' и др. [Ли, Андросова, 2019; Ли, 2021].

¹ Фонетический эллипсис отнесен к фонологическим техникам создания инноваций [Лингвокреативность..., 2021, с. 221–223].

² В квадратных скобках дана акустическая транскрипция. Акустический анализ выполнен в программе PRAAT.

Пушту (спонтанная речь мужчин – носителей гильзайского диалекта)³: *исследования* [tseʁane] → [sjeʁen], предлог места [pə] → [pu], показатель будущего времени [ba] → [wu], *успех* [barɣa] → [weɣɣ].

Указанные реализации нельзя назвать случайными – они неоднократно встречаются в речи разных носителей соответствующего языка.

Заключение

Проведенный обзор позволяет заключить, что при широком понимании лингвокреативность реализуется на всех уровнях языка во всех сферах его использования. Это континуум, в котором пересекаются Ф-креативность и И-креативность, креативность индивидуальная и коллективная, осознанная и неосознанная, в литературе и искусстве (в том числе комедийном), в быту – ЛК человека пишущего и говорящего. Случайный характер неосознанной ЛК является спорным и нуждается в дополнительном осмыслении. Продукты ЛК возникают при взаимодействии разных уровней языка, а их изучение требует обращения не только к лингвистике, но и к философии и психологии.

Параметризация ЛК возможна, но очень сложна. Успешный опыт параметризации на фразеологическом уровне (подсчет креативного и некреативного использования фразеологизмов) необходимо распространить на другие уровни языка для получения полной картины распределения языковых средств, участвующих в ЛК.

ЛК – это не тот аспект, который можно до конца изучить, а, скорее, говоря словами Хомского и многих других, тайна или мистическая сила, к которой мы можем лишь пытаться приблизиться, и это чудо происходит именно тогда, когда мы комбинируем слова, создавая фразы [Adger, 2019, p. vi–vii].

Список литературы

Агеев С. В., Антоненко Н. В., Пушкарев Е. А. О когнитивно-прагматическом функционировании неологизма // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 2. С. 5–17. DOI 10.22250/2410-7190_2020_6_2_5_17

Андросова С. В. Неканонические фонологические модели морфем и слов в русском и английском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 5–15.

Анищенко О. А., Абуталипова Б. М. Пандемия коронавируса: новые русские и казахские слова в лексиконе казахстанцев // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 28–32.

Васина К. С., Тё О. Е. Неологизмы в общественно-политических текстах на китайском языке в период пандемии коронавируса (COVID-19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 16–28. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_4_16_28

Геккина Е. Н. Ковид versus коронавирус: из наблюдений за регулярными случаями деривационных различий // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 148–156.

³ Во избежание технических сложностей написание арабской вязью не приводится.

Громенко Е. С. «Коронный» потенциал русского языка начала 2020 г. // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 45–62.

Замальдинов В. Е. Креативный нейминг нижегородских заведений общественного питания: графический аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 35–43. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_2_35_43

Ищенко И. Г., Филонова О. С. Семантический аспект английских неологизмов с гендерным компонентом значения // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 74–83. DOI 10.22250/2410-7190_2020_6_4_74_83

Ледерер Р. Творчество человеческого языка // Language. 2019. URL: <https://www.languagejournal.com/2019/06/10/the-creativity-of-human-language/> (дата обращения 12.02.2024).

Ли И. Акустические характеристики слабых форм китайских слов // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2021. Т. 18, № 2. С. 74–80. DOI 10.14529/ling210212

Ли И., Андросова С. В. Фонетические особенности слов в их обычных функциях и в качестве слов-паразитов (на материале китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 99–116. DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116

Ли С., Стародубцева Н. С. Лозунги на работах мастеров нематериального культурного наследия Китая как средство борьбы с эпидемией коронавирусной инфекции (COVID-19) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 116–130. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130

Лингвистика креатива / Под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: УрГПУ, 2018. 367 с.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. 564 с.

Павлова А. С. Наименования коронавирусной инфекции COVID-19 в русском, английском и немецком языках: культурно-национальная специфика // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 126–138.

Прокофьева Н. А., Щеглова Е. А. Медиясловарь ключевых слов текущего момента: лексико-семантическое поле «коронавирус» // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 190–202.

Раевская О. В. Авторская маркированность научного текста, авторский стиль и благородный пафос ученого // Сборник научных и учебно-методических трудов. Вып. 20 в честь Юбилея профессора Светланы Григорьевны Тер-Минасовой / Под общ. ред. С. В. Титовой, С. Г. Тер-Минасовой, М. Г. Бахтиозиной. М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 173–181.

Шамина Е. А. Фонетическая мотивированность как основание литературного словотворчества (на материале сказки Р. Дала “The BFG”) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 4. С. 85–98.

Шараткова А. А. Креативные названия научных статей: вопросы классификации и концептуальный анализ // Сборник научных и учебно-методических трудов. Вып. 20 в честь Юбилея профессора Светланы Григорьевны Тер-Минасовой / Под общ. ред. С. В. Титовой, С. Г. Тер-Минасовой, М. Г. Бахтиозиной. М.: КДУ, Добросвет, 2023. С. 347–364.

Шустова С. В., Шипицын А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 203–217.

Янурик С. Неологизмы коронавирусной эпохи в русском и венгерском языках: сопоставительный аспект // Новые слова и словари новых слов. 2020: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. В. Козловская. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 210–218.

Adger D. *Language unlimited: The science behind our most creative power*. Oxford: Oxford Uni. Press, 2019. 263 p.

Asoulin E. The Creative aspect of language use and the implications for linguistic science // *Biolinguistics*. 2013. Vol. 7. P. 228–248.

Bergs A. What, If Anything, Is Linguistic Creativity? // *Gestalt Theory*. 2019. Vol. 41, no. 2. P. 173–184. DOI 10.2478/gth-2019-0017

Borankulova B. E., Proshina Z. G. New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation // *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2021. Vol. 7 (3). P. 18–25. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25

Carter R. *Language and Creativity: The Art of Common Talk*. 2nd ed. Routledge, 2015. 288 p.

Chomsky N. *Current Issues in Linguistic Theory*. The Hague: Mouton, 1964. 119 p.

Cremin T., Maybin J. Children and teachers' creativity in and through language // *International Research Handbook of Children's Literacy, Learning and Culture* / Eds. K. Hall, T. Cremin, B. Comber, L. Moll. Wiley Blackwell, 2013. P. 1–19.

Sakakini A., Hadi D. Creativity in language: Reflections on polysemy, metaphors, idioms, collocations... and the like // *BAU Journal – Society, Culture and Human Behavior*. 2019. Vol. 1, iss. 1. Article 1. URL: <https://digitalcommons.bau.edu.lb/schbjournal/vol1/iss1/1> (дата обращения 12.02.2024).

Sampson G. Two ideas of creativity // *Evidence. Experiment and argument in linguistics and philosophy of language* / M. Hinton (ed.). Bern: Peter Lang, 2016. P. 15–26.

Streke Ya. V., Androsova S. V. Weak forms of words in socio-political discourse (Based on female speech) // *Proc. of the 13th Far Eastern English Language Teachers' Association International Conference "Language Studies and Language Teaching: Dreams, hopes, aspiration, achievement"* / S. V. Androsova (ed.). Blagoveshchensk: Amur State Uni. Press, 2021. P. 107–112. DOI 10.22250/LsLt.2021.107_112

Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. 2020. URL: language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/ (дата обращения 15.01.2020).

Zawada B. Linguistic creativity from a cognitive perspective // *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. 2006. No. 24 (2). P. 235–254.

References

Adger D. *Language unlimited: The science behind our most creative power*. Oxford, Oxford Uni. Press, 2019, 263 p.

Ageev S. V., Antonenko N. V., Pushkarev E. A. O kognitivno-pragmaticheskom funktsionirovanii neologizma [Cognitive and pragmatic functions of neologisms in speech] *Theoretical and Applied Linguistics*. 2020, iss. 6, no. 2, pp. 5–17. DOI 10.22250/2410-7190_2020_6_2_5_17

Androsova S. V. Nekanonicheskie fonologicheskie modeli morfem i slov v ruskom i angliyskom yazykakh [Non-canonical models of morphemes and words in Russian and English]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2015, iss. 1, no. 1, pp. 5–15.

Anishchenko O. A., Abutalipova B. M. Pandemiya koronavirusa: novye russkie i kazahskie slova v leksikone kazakhstanstsev [Coronavirus Pandemic: New Russian and Kazakh words in the Kazakh vocabulary]. In: *Novye slova i slovari novykh slov. 2020* [New words and dictionaries of new words]. N. V. Kozlovskaya (Ed.). St. Petersburg, IWL RAS, 2020, pp. 28–32.

Asoulin E. The Creative aspect of language use and the implications for linguistic science. *Biolinguistics*. 2013, vol. 7, pp. 228–248. URL: <http://www.biolinguistics.eu> (accessed 12.02.2024).

Bergs A. What, If Anything, Is Linguistic Creativity? *Gestalt theory*. 2019, vol. 41, no. 2, pp. 173–184. DOI 10.2478/gth-2019-0017

Borankulova B. E., Proshina Z. G. New vocabulary related to coronavirus: The potential of its use in the Kazakh language and the problem of translation. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2021, vol. 7 (3), pp. 18–25. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_3_18_25

Carter R. *Language and Creativity: The Art of Common Talk*. 2nd ed., Routledge, 2015, 288 p.

Chomsky N. *Current Issues in Linguistic Theory*. The Hague, Mouton, 1964, 119 p.

Cremin T., Maybin J. Children and teachers' creativity in and through language. In: *International Research Handbook of Children's Literacy, Learning and Culture*. K. Hall, T. Cremin, B. Comber, L. Moll (Eds.). Wiley Blackwell, 2013, pp. 1–19. URL: https://www.researchgate.net/publication/269699424_Language_and_Creativity (accessed 12.02.2024).

Gekkina E. N. Kovid versus koronavirus: iz nablyudeniy za regulyarnymi sluchayami derivatsionnykh razlichiy [Covid vs coronavirus: Observations over derivational differences]. In: *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: Sb. nauch. st.* [New words and dictionaries of new words. 2020: Coll. of sci. art.]. N. V. Kozlovskaya (Ed.). St. Petersburg, IWL RAS, 2020, pp. 148–156.

Gromenko E. S. “Koronnyy” potentsial russkogo yazyka nachala 2020 g. [“Corona's” potential of Russian in early 2020s]. In: *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: Sb. nauch. st.* [New words and dictionaries of new words. 2020: Coll. of sci. art.]. N. V. Kozlovskaya (Ed.). St. Petersburg, IWL RAS, 2020, pp. 45–62.

Ishchenko I. G., Filonova O. S. Semanticheskiy aspekt angliyskikh neologizmov s gendernym komponentom znacheniya [Semantic aspect of English neologisms with gender component in meaning]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2020, iss. 6, no. 4, pp. 74–83. DOI 10.22250/2410-7190_2020_6_4_74_83

Lederer R. Tvorchestvo chelovecheskogo yazyka [Creativity of human language]. *Language*. 2019. URL: <https://www.language magazine.com/2019/06/10/the-creativity-of-human-language/> (accessed 12.02.2024).

Li Y. Akusticheskie kharakteristiki slabykh form kitayskikh slov [Acoustic patterns of Chinese weak word forms]. *South Ural State University Bulletin. Series “Linguistics.”* 2021, vol. 18, no. 2, pp. 74–80. DOI 10.14529/ling210212

Li Y., Androsova S. V. Foneticheskie osobennosti slov v ikh obychnykh funktsiyakh i v kachestve slov-parazitov (na materiale kitayskogo yazyka) [Phonetic patterns of words in their ordinary functions and as parasite words (Based on Chinese)]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2019, iss. 5, no. 3, pp. 99–116. DOI 10.22250/2410-7190_2019_5_3_99_116

Li X., Starodubtseva N. S. Lozungi na rabotakh masterov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Kitaya kak sredstvo bor'by s epidemiyey koronavirusnoy infektsii (COVID-19) [Slogans on the works of masters of China's intangible cultural heritage as a means of combating the epidemic of coronavirus infection (COVID 19)]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 116–130. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_3_116_130

Lingvistika kreativa [Linguistics of creativity]. Gridina T. A. (Ed.). Ekaterinburg, UrSPU, 2018, 367 p.

Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti [Linguistic creativity in various types of discourse: Limitations and possibilities]. Zykova I. V. (Ed.). Moscow, R. Valent, 2021, 564 p.

Pavlova A. S. Naimenovaniya koronavirusnoy infektsii COVID-19 v rusском, angliyskom i nemetskom yazykakh: kul'turno-natsional'naya spetsifika [Coronavirus COVID-19 infection names in Russian, English and German: Cultural and national specifics]. In: *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: Sb. nauch. st.* [New words and dictionaries of new words. 2020: Coll. of sci. art]. N. V. Kozlovskaya (Ed.). St. Petersburg, IWL RAS, 2020, pp. 126–138.

Prokof'eva N. A., Shcheglova E. A. Mediaslovar' klyuchevykh slov tekushchego momenta: leksiko-semanticheskoe pole "koronavirus" [Media dictionary of keywords of the present moment: Lexical-semantic field "Coronavirus"]. In: *Novye slova i slovari novykh slov. 2020: Sb. nauch. st.* [New words and dictionaries of new words. 2020: Coll. of sci. art]. N. V. Kozlovskaya (Ed.). St. Petersburg, IWL RAS, 2020, pp. 190–202.

Raevskaya O. V. Avtorskaya markirovannost' nauchnogo teksta, avtorskiy stil' i blagorodnyy pafos uchenogo [Author style of a research paper and the researcher's noble pathos]. In: *Sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov. Vyp. 20 v chest' Yubileya professora Svetlany Grigor'evny Ter-Minasovoy* [Collection of Academic and Scientific Works, iss. 20: In Honor of Professor Svetlana Grigor'evna Ter-Minasova]. S. V. Titova, S. G. Ter-Minasova, M. G. Bakhtiozina (Eds.). Moscow, KDU, Dobrosvet, 2023, pp. 173–181. URL: <https://bookonlime.ru/node/56039> (accessed 12.02.2024).

Shamina E. A. Foneticheskaya motivirovannost' kak osnovanie literaturnogo slovtvorchestva (na materiale skazki R. Dala "The BFG") [Phonetic motivation as a foundation for literary neologisms (Based on R. Dahl's fairy tale "The BFG")]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2015, iss. 1, no. 4, pp. 85–98.

Sharapkova A. A. Kreativnye nazvaniya nauchnykh statey: voprosy klassifikatsii i kontseptual'nyy analiz [Creative titles of research papers: Classification issues and conceptual analysis]. In: *Sbornik nauchnykh i uchebno-metodicheskikh trudov. Vyp. 20 v chest' Yubileya professora Svetlany Grigor'evny Ter-Minasovoy* [Collection of Academic and Scientific Works, iss. 20: In Honor of Professor Svetlana Grigor'evna Ter-Minasova]. S. V. Titova, S. G. Ter-Minasova, M. G. Bakhtiozina (Eds.). Moscow, KDU, Dobrosvet, 2023, pp. 347–364. URL: <https://bookonlime.ru/node/56039> (accessed 12.02.2024).

Shustova S. V., Shipitsin A. A. Novaya leksika v diskursivnoy praktike "kul'tury otmeny" [New vocabulary in the discursive practice of "Cancel Culture"]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2023, iss. 9, no. 3, pp. 203–217.

Sakakini A., Hadi D. Creativity in language: Reflections on polysemy, metaphors, idioms, collocations... and the like. *BAU Journal – Society, Culture and Human Behavior*. 2019, vol. 1, iss. 1, article 1. URL: <https://digitalcommons.bau.edu.lb/schbjournal/vol1/iss1/1> (accessed 12.02.2024).

Sampson G. Two ideas of creativity. In: *Evidence. Experiment and argument in linguistics and philosophy of language*. M. Hinton (Ed.). Bern, Peter Lang, 2016, pp. 15–26.

Streke Ya. V., Androsova S. V. Weak forms of words in socio-political discourse (Based on female speech). In: *Proc. of the 13th Far Eastern English Language Teachers' Association International Conference "Language Studies and Language Teaching: Dreams, hopes, aspiration, achievement"*. S. V. Androsova (Ed.). Blagoveshchensk, Amur State Univ. Press, 2021, pp. 107–112. DOI 10.22250/LsLt.2021.107_112

Thorne T. #CORONASPEAK – the language of Covid-19 goes viral. URL: language-and-innovation.com/2020/04/15/coronaspeak-part-2-the-language-of-covid-19-goes-viral/ (accessed 15.01.2020).

Vasina K. S., Te O. E. Neologizmy v obshchestvenno-politicheskikh tekstakh na kitayskom yazyke v period pandemii koronavirusa (COVID-19) [Neologisms in socio political texts in Chinese during the coronavirus (covid-19) pandemic]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2021, iss. 7, no. 4, pp. 16–28. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_4_16_28

Yanurik S. Neologizmy koronavirusnoy epokhi v russkom i vengerskom yazykakh: sopostavitel'nyy aspekt [New words of coronavirus era in Russian and Hungarian]. In: *Novye slova i slovari novykh slov. 2020* [New words and dictionaries of new words]. N. V. Kozlovskaya (Ed.). St. Petersburg, IWL RAS, 2020, pp. 210–218.

Zamaldinov V. E. Kreativnyy neyming nizhegorodskikh zavedeniy obshchestvennogo pitaniya: graficheskyy aspekt [Creative naming of Nizhny Novgorod public catering establishments: Graphic aspect]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2021, iss. 7, no. 2, pp. 35–43. DOI 10.22250/2410-7190_2021_7_2_35_43

Zawada B. Linguistic creativity from a cognitive perspective. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. 2006, no. 24 (2), pp. 235–254.

Информация об авторе

Светлана Викторовна Андросова, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия)

Information about the author

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation)

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 26.06.2024
The article was submitted on 16.04.2024;
approved after reviewing on 26.06.2024; accepted for publication on 26.06.2024

Научная статья

УДК 811.512.145

DOI 10.17223/18137083/90/19

**Метрические книги сибирских татар
«на записку о браках и разводах»
как историко-лингвистический источник**

**Гузель Чахваровна Файзуллина¹
Энзе Ханафиевна Кадирова²
Елена Николаевна Ермакова³**

^{1,3} Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

² Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Россия

¹ utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

² enge@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-6975>

³ e.n.ermakova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6454-6745>

Аннотация

Рассматриваются лексические особенности мусульманских метрических записей Тобольского уезда Тобольской губернии XIX – начала XX в. (на примере книг «на записку о браках и разводах» Саусканской, Чебургинской и Эскалбинской мечетей за период с 1834 по 1917 г.). Анализ антропонимов показал: 1) в книгах функционируют одночленные, двучленные и трехчленные (к началу XX в.) личные имена; 2) населенные пункты могли иметь два названия, при этом составители документов отдавали предпочтение ойкониму, который использовался в языке местного населения; 3) апеллятивная лексика тематически разнообразна (термины родства, названия сословий, наименования титулов духовенства, хрононимы, названия денежных единиц, посуды, одежды, предметов домашнего убранства, домашнего скота и т. д.).

Ключевые слова

старотатарский язык, сибирские татары, метрические записи, мечетные книги, лингвистическое источниковедение

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00838, <https://rscf.ru/project/23-28-00838/>

Для цитирования

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Ермакова Е. Н. Метрические книги сибирских татар «на записку о браках и разводах» как историко-лингвистический источник // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 252–265. DOI 10.17223/18137083/90/19

© Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Ермакова Е. Н., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 252–265

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 252–265

Metric books of Siberian Tatars “on the record of marriages and divorces” as a historical and linguistic source

Guzel Ch. Fayzullina¹, Enze Kh. Kadirova², Elena N. Ermakova³

^{1,3} University of Tyumen
Tyumen, Russian Federation

² G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

¹ utgus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2721-4063>

² enge@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3208-6975>

³ e.n.ermakova@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6454-6745>

Abstract

Muslim (mosque) metric books are a unique monument of writing characterized by specific features of official civil registration. The manuscripts under consideration were written by imams in Arabic script in the Old Tatar language. The transliteration, translation into Russian, and analysis of manuscript texts from historical and linguistic perspectives allowed both sociohistorical and linguistic factors to be considered. This research focuses on the lexical features found within marriage and divorce records of the Turkic-speaking population from Tobolsk Uyezd, Tobolsk Province, during the late nineteenth and early twentieth centuries. The findings of the linguistic analysis are as follows: the books contain one-member, two-member, and three-member anthroponyms; some settlements could have two names, but preference was given to the oikonym used among the local Turkic-speaking population; the names of provinces, uyezds (districts), volosts retained the root characteristic of the Russian language. A wide range of themes is represented in the appellative lexicon, including kinship terms, place names, ecclesiastical titles, time designations, monetary denominations, tools, apparel, household goods, and animals. Attention is also paid to officialese, along with its various forms, focusing on its role as a defining stylistic element within the genre of official business writing, namely metric records. Concurrently, the texts reveal the presence of regional speech patterns, notably those representative of the Tobol-Irtysh dialect.

Keywords

Old Tatar language, Siberian Tatars, metric records, mosque books, linguistic source study

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 23-28-00838, <https://rscf.ru/project/23-28-00838/>

For citation

Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh., Ermakova E. N. Metric books of Siberian Tatars “on the record of marriages and divorces” as a historical and linguistic source. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 252–265. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/19

Введение

Большой интерес в плане сохранения этнического самосознания представляют метрические книги – реестр официальной записи актов гражданского состояния. С 1828 г. появились мусульманские метрические (мечетные) книги, которые имели трехчастную структуру. Несмотря на заметный интерес к изучению делопро-

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1

изводственных документов, мусульманские метрические (мечетные) книги до сих пор не введены в активный научный оборот.

В архивах Тобольска и Уфы хранятся мечетные книги Тобольского уезда Тобольской губернии XIX – начала XX в. Фонд составляют неисследованные и неопубликованные до настоящего времени документы мечетей разных населенных пунктов (юрт) Тобольской губернии (1828–1917 гг.). Источники представляют собой рукописные записи, выполненные имамами при мечетях на старотатарском языке арабской графикой. В Тобольском архиве общая численность – 489 единиц хранения, количество страниц в книгах от 5-ти до 618-ти [Файзуллина и др., 2020].

Цель статьи – проанализировать лексические особенности метрических записей о браках и разводах Саусканских, Чебургинских и Эскалбинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии XIX – начала XX в. Большую часть жителей Саусканских юрт составляли бухарцы (сарты), меньшую – ясачные татары; Чебургинские юрты исторически также входили в Бухарскую волость (помимо Отдельно-Бабасанской), но проживали в них в основном ясачные татары (бабасанские); в Эскалбинских юртах – ясачные татары (эскалбинские, заболотные). Между тем структура записей в книгах разных мечетей в основном соответствует принятым правовым нормам, что свидетельствует об официальнойности и документальности. В целом записи дают возможность проследить становление языковых норм как в пределах страны, так и на отдельной территории, что, в свою очередь, позволяет выявить региональные особенности языка.

Материалом исследования послужили тексты мусульманских книг «на записку о браках, разводах» (Саусканской, Чебургинской и Эскалбинской мечетей Тобольского уезда Тобольской губернии) за период с 1834 по 1917 г. (см. таблицу) Записи были транслитерированы на кириллицу, переведены на современный русский язык и проанализированы.

Материал исследования Research material

Название мечети	Количество сохранившихся книг	Количество зарегистрированных браков и разводов (за весь период)	
		браки	разводы
Саусканская	64	408	13
Чебургинская	6	35	–
Эскалбинская	28	269	11

При исследовании источников использовался комплексный подход: применялись научные подходы, методы и приемы общелингвистических и лингвокультурологических исследований. Общелингвистические методы и приемы применялись при системном анализе языковых единиц (от значения к форме, от формы к значению) и их функционировании. Методы и приемы лингвокультурологического анализа использовались при рассмотрении, анализе и описании сведений родства, при анализе антропонимических сведений. Системно-структурный метод позволил рассмотреть тексты в качестве единиц, имеющих определенную структуру, сравнительно-сопоставительный метод позволил выделить общее и особенное в книгах официальной записи актов гражданского состояния.

Результаты исследования

Метрические (мечетные) записи характеризуются как жанр деловой письменности. Записи о браках имеют определенную структуру. Информация размещается в шести вертикальных столбцах, содержащих следующие сведения: 1) порядковый номер; 2) данные о бракосочетавшихся; 3) дата бракосочетания; 4) данные о доверенных от невесты и жениха; 5) данные о сумме денег, которую передает жених родителям невесты; 6) имя представителя духовенства, заключившего брак [Файзуллина и др., 2020, с. 134–135].

В начале XX в. появились изменения в оформлении мечетных книг: на первом листе, предваряющем все три части, указывались следующие данные: 1) данные имамов и муэдзинов при мечети: имя, принадлежность по отцу (фамилия), год рождения, возраст; 2) год, номер указа, утвержденная степень образования; 3) название медресе, где обучались грамоте имамы; 4) наименование населенного пункта; 5) официальное название населенного пункта и название, используемое в устной речи; 6) название деревни и ее месторасположение относительно мечети; 7) численность душ в поселениях, относящихся к данной мечети (сведения о каждой деревне приводятся отдельно); 8) дата, номер разрешения общины на постройку мечети.

Приведем пример такого оформления:

1. Хатип; при мечети указной мулла имам Хабибулла сын Габидуллы Ибрагимов с 1872 года; муэдзину при мечети 24 года.
2. 3 декабря 1903 года под номером 43689, степень имама учителя.
3. обучался грамоте в деревне Ембаево, в мечети Гисматуллы Борындыкова.
4. деревня Кондан по-русски и по-мусульмански.
5. Тахтагул.
6. 4 километра.
7. Мужчины 105, женщины 127.
8. Тысяча девятисотого года 15 мая 73 номер приказа тобольский губернский [Файзуллина, Кадирова, 2021].

Записи в метрических книгах в основном клишированные, что указывает на соблюдение официальных норм при заполнении такого рода документов.

Рассмотрим антропонимические, топонимические единицы и апеллятивную лексику, использованные во второй части мечетных книг – «на записку о браках».

1. Использование антропонимов в текстах мечетных книг

Антропонимы в мечетных книгах данного периода в большинстве случаев двучленны, это личные имена и отчества людей, принимавших участие в обряде заключения брака (брачующиеся, доверенные лица со стороны жениха и невесты). Появление фамилии у второго по численности населения в России народа – татар – связано с обретением таких наименований у представителей знати, в конце XIX – начале XX в. получают фамилии другие слои татарского населения [Файзуллина, Ермакова, 2019, с. 70]. Антропонимы используются в трех столбцах мечетной книги: во втором – данные о сочетающихся браком; в четвертом – данные о доверенных жениха и невесты; в пятом – данные о сумме денег, которую передает жених родителям невесты. Приведем примеры записи имен брачующихся: *Тубыл өязе Саузкан авылының казак Моратбакый кызы Уразбикәне шул ук*

өязнең Шаңшах авылының сарт **Гариф Әюб углыга** никах укылды (букв.: Тобольского уезда селения Саусканские дочери казака Моратбакыя Уразбике и того же уезда селения Шамшинские сарту Гарифу сыну Аюба был прочитан никах); *Тубыл губернасы шул ук өяз Кундан иленең **Марсийә Садык кызына** никахландырылды, яше 25дә. Шул ук өяз **Мәмәт Нотфулла углына**, яше 45дә.* (букв.: Тобольской губернии того же уезда селения Конданские Марсие дочери Садыйка прочитали никах, в 25 лет. Того же уезда селения Мамету сыну Нотфуллы, в 45 лет) (ГА в г. Тобольске. Ф. И635)¹; *Тубыл губернасының шул ук Тубыл өязенең Вәчәр авылының аңтучы **Ильяс Салих углының кызы Азинәне** шул ук өязе Лаймтамак авылының игенче Аидкол Йанкол углыга* никахландырылды (букв.: Тобольской губернии того же Тобольского уезда селения Ачирские дочь охотника (рыбака) Ильяса сына Салиха Азина и того же уезда селения Лаймтамакские земледелец Аидкул сын Янкулы сочетались никахом) (Ф. И636).

Доверенным во время записи о браке мог быть либо отец жениха или невесты, либо родственник (степень родства указывалась), кроме доверенных в этом процессе могли участвовать свидетели со стороны невесты: *Кыз тарафыннан эткәсе **Садык Осда углы** вәли вәкил булды вә кияү тарафындан тугма карендәше **Бабаш Нотфулла углы** вәли вәкил булды, зәүжәеннең ризалыгының шаһидләре **Мәрәш Жанбай углы** әлимзам кылдым, **Ишмәмәт Колмәмәт углы** әлимсам кылдым* (букв.: Со стороны девушки доверенным был ее отец Садык сын Осды, и со стороны жениха доверенным был родственник Бабаш сын Нотфуллы, о согласии супруги свидетели Мараш сын Жанбая поставили свою подпись, Ишмамәт сын Кулмамета поставил свою подпись); *Кыз тарафындин **Адна Ташбулад углы** вәли вәкил булды, кияү тарафындин **Нияз Ибраһим углы** вәли вәкил булды. Зәүжәеннең ризалыкларының шаһидләре **Илче Ишмөхәмәд углы, Багтай Кадир углы** әлимза кылдук* (букв.: Со стороны девушки доверенным был Адна сын Ташбулата, со стороны невесты доверенным был Нияз сын Ибрагима, о согласии супруги свидетели Илче сын Ишмухаммеда, Багтай сын Кадира поставили подпись) (Ф. И633).

О передаче денег (махра) родителям невесты читаем следующие записи (родитель невесты получение денег скрепляет своей подписью): *Мәһәре мөсәммә өч йөз сум, йөз илле сум мувад, йөз илле сум түләмәгән мәһәр илән шул **Моратбакый кызы Уразбикәне** сурган вакытда түләмәк булуп мән казак **Моратбакый** әлимзам кылдым* (букв.: Сумма названного махра 300 рублей, 150 рублей заранее передается, с неоплаченным махром в размере 150 рублей дочери Муратбакыя Уразбике во время сватовства обязавшись оплатить; я, казак Муратбаки, поставил подпись).

Иногда процедуру передачи махра заверял доверенный со стороны жениха или невесты. В книгах Эскалбинской мечети содержится следующая запись: *Мәһәр туксан сум тәмам үтәлмеш. Бу мәзкүр шартга вәкил кылгучы кыз **Азинәнең** ризалыгы берлән мән вәкил булгучы **Нияз Ибраһим углы** әлимза кылдум* (букв.: Махр 90 рублей полностью выполнен. Это вышеуказанное условие с согласия уполномоченной девушки Азины я, уполномоченный Нияз сын Ибрагима, подпись поставил) (Ф. И636).

В шестом столбце указывается имя муллы, зарегистрировавшего брак: *указной мулла **Гомәр Кызылбай углы*** (букв.: указной мулла Гумер сын Кызылбая), *мә-*

¹ Далее при ссылках на материалы, хранящиеся в ГА в г. Тобольске, в круглых скобках указывается номер фонда.

халлә имамы мулла Зөлкарнәй Нияз углы (букв.: имам прихода мулла Зулькарней сын Нияза), *жәмиг имам мулласы Жабакый Морад углы* (букв.: мулла соборной мечети Жабакый сын Мурада) (Ф. И633).

Анализ антропонимов показал, что в книгах функционируют одночленные, двучленные и трехчленные (к началу XX в.) личные имена. Одночленные имена характерны для брачующихся и используются в последующем их упоминании: *мәзкурә кыз карендәшем Аидбикә өчөн* ‘за вышеназванную мою родственницу Аидбику’ (Ф. И635), *мән казак Моратбакый элимзам кылдым* ‘я, казак Муратбаки, поставил подпись’ (Ф. И633). Двучленные имена образованы по модели «личное имя + личное имя отца (сын / дочь)». Они характерны для брачующихся / разводящихся (особенно при первом упоминании), доверенных со стороны жениха и невесты, свидетелей и священника. Трехчленные имена преобладают у священнослужителей, модель «личное имя + личное имя отца (сын) + фамилия»: *Мәсчед хозурында улган указной имам Хәбибулла Габидулла углы Ибрагимов* ‘При мечети указной мулла имам Хабибулла сын Габидуллы Ибрагимов’ (Ф. И635).

Изучение антропонимов представляет собой предмет отдельного научного исследования. Однако можно сделать предварительное заключение обобщающего характера: в анализируемых источниках наблюдается преобладание заимствованных антропонимов из арабского и персидского языков (87 %). Имена тюркского происхождения составляют 12 %. Кроме того, в написании некоторых имен прослеживается влияние территориального произношения, характерного для диалектов сибирских татар: 1) оглушение (*Марсийә* ‘Мэрзия’); 2) в начале слова ж → й (*Йанкол* ‘Жанкол’).

2. Использование топонимов в текстах мечетных книг

Топонимы используются во втором и шестом столбцах. Представим варианты наименований: *Тубыл* (угорское *тов-* (*тоб-*) ‘приток реки, ветвь; озерная притока’ + тюрк. *ол* ‘ручей, река’ [Фролов, 1994]) *губернасының шул ук Тубыл өязең Исмәт* (от антропонима *Ишмәт* – тюрк. *Иш* ‘один из пары; напарник; спутник’ + араб. *Мәт* ‘хваленый’) *авылының* (букв.: Тобольской губернии того же Тобольского уезда деревни Ишменево) (Ф. И636); далее – сокращенный вариант: *Тубыл губернасының шул ук өязең Тайлак* (тюрк. *тайлак* ‘большой желоб для источника, ключа’ [Ахметьянов, 2001]) *авылының* (букв.: Тобольской губернии того же уезда деревни Тайлак) (Ф. И635); *Тубыл губернасы шул ук өяз Кукрәнде иленең* (букв.: Тобольской губернии того же уезда деревни Чебурга) (Ф. И633); далее – еще более сокращенные варианты: *Тубыл губернасы, өязе Саузкан* (тюрк. *сауысқан* ‘сорока’) *авылының* (букв.: Тобольской губернии, уезда деревни Саускан); *Тубыл өязе Вәчәр* (хант. *вош* ‘город’ + *эйре* ‘речка’ [Алишина, 2016]) *авылы* (букв.: Тобольского уезда деревни Ачиры) (Ф. И635).

Наши наблюдения позволяют сделать выводы о том, что писцы придерживались правил оформления наименований административно-территориальных делений. Первая запись на листе всегда содержала название губернии, которую затем могли не дублировать. Ввиду того что название уезда совпадало с названием губернии, часто использовался штамп *шул ук өяз, шул ук өязең* – ‘того же уезда’.

При обозначении административно-территориальных единиц используются заимствования из (или посредством) русского языка: *губерна* // *губирна* < рус. губерния (от лат. *gubernius*), *өяз* < рус. уезд. Нарисательное «селение, деревня»

передается синонимичными лексемами *авыл* (общекипчакское *awıl, awul*) [Тумашева, 1992, с. 72]; *аул* – ‘деревня’ [Гиганов, 1804, с. 121], *ил* (общетюркское *эл*) и *карья* (< араб. *қарйй*), при этом лексемы *ил* и *карья* используется преимущественно в Чебургинских книгах. Согласно лексикографическим источникам, лексема *карья* обозначает «небольшой город, селение, местечко» [Ахметьянов, 2001, с. 204]. Например, *Тобол губернасы шул ук өязе Ләжәк карьясенең Насбикә Илияс кызыны никахландырылды...* (букв.: Тобольской губернии того же уезда селения Тахтагульские Насбика дочь Ильяса прочитали никах...) (Ф. Иб33). Использование нарицательного существительного в значении «небольшой город, селение, местечко» вполне оправданно: по данным 1868–1869 гг., численность населения Тахтагульских юрт была меньше, чем в близлежащих деревнях: Тахтагульские – 80 жителей, Конданские – 149, Чебургинские – 336, Ашлыкские – 208, Каишкульские – 255 [Список..., 1871].

Отметим, что записи названий селений в метрических книгах не всегда соответствуют официальному названию [Там же]. Причины такого отступления могут быть разные: во-первых, регистрация в метрических книгах велась со слов прихожан, соответственно при написании не могло не сказаться диалектное произношение; во-вторых, не соблюдалась кодифицированная норма. Сравним: официальное название в XIX в. – Кайнаульские юрты, запись в метрической книге – *Кайнавыл* (тюрк. *қайын* ‘береза’ + *авыл* ‘деревня’ [Ахметьянов, 2001]), *Тюлюганские юрты* – *Туйлукан* (тюрк. *тилгән* ‘коршун’ [Там же]) (Кайнаульская мечеть), *Арыкульские* – *Аригкүл* (тюрк. *арык* ‘оросительная канава’ + *күл* ‘озеро’ [Там же]) (Саусканская мечеть), *Тахтагульские* – *Ләжәк* (от антропонима *Лятик* [Алишина, 2016]) (Чебургинская мечеть), *Топкинбаишские* – *Тәбкинбаиш* («оним Тәпкен состоит из корней «тәб ~ таб» + кен /этноним, восходящий к хунну/») [Там же, с. 219]) (Эскалбинская мечеть).

Отметим, что в рукописных книгах упоминаются населенные пункты, территориально не относящиеся к той или иной мечети. Такие записи отражают обряды бракосочетания между жителями разных селений. Приведем примеры: *Тубыл губернасының шул ук өязнең Тайлак авылының зирагатычы... Самат углының кызы Тийенне 42 нче яшендә шул ук өязнең Каен* (тюрк. *қайын* ‘береза’) *авылының Юмаш Туктабай углыга 60 нчы яшендә никахландырылды* (букв.: Тобольской губернии того же уезда селения Тайлацкие дочь земледельца (имя неразборчиво) сына Самата Тийен в 42 года и того же уезда селения Араповские сын Туктабая Юмаш в 60 лет сочетались никахом); *Тубыл өязе Саузкан авылының казак Касыйм кызыны шул ук өязнең Бикдәр* (< перс. *бәхтур* ‘счастливый’ [Рубинчик, Османова, 1985, с. 184]) *авылының Исмагыйль Мирсәмәт углыга никах булды* (букв.: Тобольского уезда селения Саусканские у дочери казака Касыма и того же уезда селения Бехтеревские у сына Мирсамата Исмагила состоялся никах). Примечательно, что в таком случае писцы указывали на факт переселения жениха в деревню, относящуюся к приходу данной мечети (Ф. Иб36). В Эскалбинских книгах зафиксирована следующая запись: *Халид кызы Алмашины Аидхәлил углы Хәлилгә никахландырылды. Иске* (тюрк. *иске* ‘старый’ [Ахметьянов, 2001]) *авыл Хәлид Наскыбаиш авылга барды* (букв.: дочь Халида Алмаш была никахом связана с сыном Аидхалила Халилом. Халид из деревни Иске авыл переехал в деревню Наскыбаш) (Ф. Иб36).

Анализ топонимов показал, что большинство лексем имеет тюркское происхождение. В сложных словах наблюдается сочетание тюркских корней с заимствованными (угорскими, арабскими).

3. Использование апеллятивной лексики в текстах мечетных книг

Информация об этнической и сословной принадлежности отмечена во втором, четвертом, пятом и шестом столбцах. Особенно активно эта лексика используется в книгах Саусканской мечети: *йасаклы* ‘ясачный’, *казак* ‘казак’, *сарт* ‘бухарец’. Сами представители этносословного сообщества использовали словообразовательные варианты: *бухар-ич* / *бухар-дин* / *бухар-тин*.

Термины родства представлены следующими единицами (второй, четвертый столбцы): *эткәсе* ‘её отец’, *бер тугма агасы* ‘её родной старший брат’, *зәүжәйен* ‘супруги’, *йизнә* ‘зять (муж старшей сестры или старшей родственницы)’, *карендәш* ‘родственник’, *кийәү* ‘зять’, *кызы* ‘его дочь’, *тугма карендәше* ‘родной (брат, сестра), родственник’, *хатын* ‘жена’. Представленные лексемы являются общепотребительными в татарском языке. Отметим диалектные особенности: в тобольно-иртышском диалекте функционирует лексема *эткә*, *эткәү* ‘папа’ [Тумашева, 1977, с. 89]; для лексемы *ага* характерно сужение лексического значения: сибирские татары с помощью этого слова почтительно обращаются только к старшим родственникам-мужчинам (к старшему брату, дяде) [Тумашева, 1992, с. 15].

Во втором и шестом столбцах содержатся единицы, указывающие на род деятельности жителей поселений, в том числе наименование титулов духовенства (род деятельности указывался только у мужчин). По данным книг Саусканской мечети, население занималось земледелием, отдельные жители служили в казначестве: *зирагатьчы* (< араб. *зирā‘ат*) ‘земледелец’, *ысдабунай казак* (< рус. *отставной*) ‘отставной казак’. В Чебургинских книгах отсутствует информация о занятости населения. Эскалбинские (заболотные) татары были рыбаками и охотниками: *аңтучы* ‘рыбак’ (от *аңтыу* ‘ловить рыбу’) [БДСТЯ, 2009, с. 46]; *балыкче* ‘рыбак’ [Гиганов, 1804, с. 519]. Встречаются записи о занятии земледелием: *игенче* (древнетюркское *ekin, ekim*) [БДСТЯ, 2009, с. 168] ‘посев’ [Гиганов, 1804, с. 194]. Функционирование вариантов лексем *игенче* (татар.) и *зирагатьчы* (араб.) свидетельствует о том, что параллельно использовались как тюркские термины, так и заимствованные.

Наименования титулов духовенства представлены следующими единицами: *указной мулла* (< рус. *указной*) ‘указной мусульманский священник’, *мәхәллә* (< араб. *махалла*) *имамы* ‘имам прихода мечети’, *Йазкалбы авылы жәмиг имамы* ‘имам соборной мечети селения Эскалбы’.

В третьем столбце находим хрононимы – указание на дату брака или развода: *ийүлнең 9нчы көнендә* (букв.: 9 день июля), *майның 15нче йәүмендә* (букв.: 15 день мая), *мартның 2нче көне* (букв.: 2 день марта). Названия месяцев заимствованы из (или посредством) русского языка. В книгах встречается вариативное использование названий месяцев *април* // *април* // *эбрәл*, *дикәбер* // *тикәбер*. В вариативных лексемах прослеживается влияние закона сингармонизации, а также характерное для диалектов сибирских татар оглушение звонких согласных. Синонимичные лексемы *көнендә* (< общетюркское *күн*) и *йәүмендә* (< араб.) ‘дня’ используются во всех книгах, кроме Эскалбинских (в них употребляется только лексема *көн*).

Во всех анализируемых книгах используются названия денежных единиц (пятый столбец): лексема *сум* ‘рубль’ (< общекипчакское *сом*): *йөз илле сум* (букв.: 150 рублей), *кырык биш сум* (букв.: 45 рублей), *туксан сум* (букв.: 90 рублей). Наряду с этим в Эскалбинских книгах находим единицу *манит* // *манид* (< рус.) – ‘монета’: *ике йөз сум токуз манит* (букв.: 200 рублей 9 монет), *алтмыш бер*

йарым манид (букв.: 61,5 монет). Предполагаем, что в данном случае упоминаются сибирские монеты, имевшие хождение со второй половины XVIII в.

Официально-деловая (юридическая) лексика используется для оформления таинства брака. В основном это речевые штампы, повторяющиеся в каждой новой записи. Но и здесь можно говорить о вариантах, это обусловлено тем, что книги заполнялись разными писцами. Для сравнения приведем примеры: «вступили в брак (никах)», «никах состоялся», «никах прочитан», «зарегистрирован (л) брак (никах)» в разных книгах: Саусканские – *никах булды* ‘никах состоялся’, *никах укылды* ‘никах прочитан’, *никахландырды* ‘зарегистрировал брак (никах)’; Чебургинские – *никахландырылды* ‘зарегистрирован брак (никах)’; Эскалбинские – *никах кылынды* ‘никах состоялся’, *никахландырылды* ‘зарегистрирован брак (никах)’; «брачную (ая) проповедь прочитал (на)» (о прочтении никаха): Саусканские – *никах хөтбәсе укудум* ‘брачную проповедь прочитал’, *хөтбәи никах укылды* ‘брачная проповедь прочитана’; Чебургинские – *никах хөтбәсен укудукыма* ‘о прочтении брачной проповеди’; Эскалбинские – *никах хөтбәсен укудым* ‘брачную проповедь прочитал’; свидетели девушки (невесты, супруги): Саусканские – *кызның шаһидләре* ‘свидетели девушки’; Чебургинские – *зәүҗәеннең шаһидләре* ‘свидетели супруги’; Эскалбинские – *зәүҗәен шаһидләре* ‘свидетели супругов’.

Записи о разводах составляют незначительную долю от записей о бракосочетаниях – всего 3,2 %.

Приведем примеры записей о разводах: *Тәмән өязе Бухарский волосте Турай карьясенең Вәлиәхмәд Мөхәммәдсәфәр углы тәхет никахында булгучы зәүҗәсе Фатыйма Ханмирза кызыны йитмеш сум бәрабәрәнә хәлегь кылды*. (букв.: Валиахмед сын Мухаммедсафара из селения Тураевские Бухарской волости Тюменского уезда, состоящий в браке с Фатимой дочерью Ханмирзы, за семьдесят рублей получил развод) (НАРБ. Ф. И295). В случае развода в мечетной книге указывались и его причины: *Зәүҗә Вәлиәхмәд илән зәүҗәсе Фатыйма Ханмирза кызы арасында өлфәт мәхәббәт улмадыгындан хәлегь вакыйг булды. Беренче мәртәбә фәрәкь кылалар*. (букв.: По причине отсутствия большой любви между Валиахмедом и Фатимой. Разводятся впервые) (НАРБ. Ф. И295); *Тымшан Мәмкәй углының хатуны Кәтәйүн иренең әмеренә инкяре сәбәбле вә мәхәббәт юклығындин талак улунган*. (букв.: Развод состоялся по причине отрицания Китаюн приказа мужа Тымшана сына Мамкая и отсутствия любви (НАРБ. Ф. И295); *Мөхәммәдкарим Нийаз углы хатуны Рәхимәнә иренең әмеренә инкяр кылыб, әҗнәбиләрнең эвләрәнә чыгыб йөрдеге сәбәбле, хосусан мәхәббәте йуклығындан хәлегь вакыйг улунган*. (букв.: По причине того, что Рахима, жена Мухаммедкарима сына Нияза, против приказа мужа посещает дома инородцев и особенно по причине отсутствия любви) (Ф. И641).

В мечетной книге при разводе описывались и денежные отношения между родственниками: *Тәмән өязе Бухарский волосте Турай карьясенең Вәлиәхмәд Мөхәммәдсәфәр углы тәхет никахында булгучы зәүҗәсе Фатыйма Ханмирза кызыны йитмеш сум бәрабәрәнә хәлегь кылды. Ошбу йитмеш сумның йегерме биш сумы өчен бер сыер бирде. Ун сум кияүнең өстендә карыз хисаб улды, утуз биш сумны ике айда табыб бирәчәк булды. Фатыйманың атасы Ханмирза Мирҗәгәфәр углы калган нәрсәләр хатунның атасындан егет... нәрсәләр хатунның үзенә кайтаруб бирергә. Ошбу нәрсәләрне кайтаруб бирергә риза булды. Араларында низаг калмады*. (букв.: Валиахмед сын Мухаммедсафара из селения Тураевские Бухарской волости Тюменского уезда, состоящий в браке с Фатимой

дочерью Ханмирзы, за семьдесят рублей получил развод. В счет двадцати пяти рублей была отдана корова, десять рублей вычли из долга зятю, тридцать пять рублей условились, что в течение двух месяцев найдет и отдаст. Отец Фатимы Ханмирза сын Мирджагфара остальные вещи, полученные от отца невесты зять... обратно вернуть жене. Вернуть эти вещи согласился. Между разводящимися споров не осталось) (НАРБ. Ф. И295).

Нами отмечена запись, отражающая дележ имущества, в которой широко представлена бытовая лексика (перечисляются предметы быта, которые были переданы разведенной женщине). Перечисление предваряется собирательной лексемой *эшьялар* 'вещи' (заимствование из арабского языка) [Махмутов и др., 1965, с. 753]. Анализ позволил выделить следующие лексико-тематические подгруппы:

1) названия посуды: *бер кургаи табак* 'одна свинцовая чаша', *бер бакыр табак* 'одна медная чаша', *бер бакыр турилкэ* 'одна медная тарелка';

2) названия одежды и ее частей / элементов: *бер кондыз такыйа* (букв.: одна бобровая шапка; *кызыл тышы илэн бер йэшел йаңа йакта* (букв.: красного цвета и новый зеленого цвета пиджак; *бер буэжжак тун* (букв.: одна шуба с ног животных; *оштуб тышы илэн, бер атан күлмэк, уга йагасы вэ көмеш төймэлэре илэн* (букв.: с материалом из штофа, одно яркое платье, с воротом с тесьмой и с серебряными пуговицами);

3) названия постельных принадлежностей: *бер кош йон, бер кийек йон түшэк* (букв.: одна из птичьего пуха, одна из шерсти лося перина), *ике төйэ йон йурган* (букв.: два из шерсти верблюда одеяла), *иске ике йастук* (букв.: две старые подушки), *бер мездэр* (букв.: одна подушка);

4) названия предметов домашнего убранства: *бер олуг кызыл сандук* (букв.: один большой красный сундук), *бер кечек сандук* (букв.: один маленький сундук), *бер аламыш* (букв.: палас), *бер чымылдык* (букв.: один балдахин), *бер намазлык* (букв.: один коврик для совершения молитвы), *ике йэйем тураб* (букв.: два половика);

5) название украшения: *биш сумлык сырга* (букв.: за пять рублей серьги);

6) названия домашнего скота: *бер басаулы кызыл ала сыер* (букв.: с одним теленком пестрая красная корова), *бер биле ак конажын* (букв.: корова с одним белым боком, вероятно, *қонажын* 'корова на третьем году'), *бер тана кара маңлай кашка* (букв.: одна телка с черным лбом без рогов), *ике куй* (букв.: две овцы) (Ф. И508).

Анализ апеллятивной лексики, используемой в записях о браках, с точки зрения происхождения свидетельствует о преобладании тюркских слов (55,9 %). Иноязычная лексика заимствована из арабского (26,5 %), персидского (8,8 %) и русского (8,8 %) языков. В записях о разводах наблюдаются следующие пласты лексики: тюркская (56,6 %) и заимствованная из арабского (34 %), русского (7,5 %) и персидского (1,9 %) языков.

Заключение

Результаты исследования позволили прийти к заключению, что мечетные книги – это уникальный памятник письменности: книги характеризуются специфическими чертами ведения официальной записи актов гражданского состояния. Транслитерация, перевод на русский язык и историко-лингвистический анализ рукописных текстов позволил детально и комплексно рассмотреть проблемы не только социально-исторического контекста (личные данные – имя, обстоятель-

ства при браке или разводе, родственные связи, материально-денежные отношения), но и лингвистического.

Введенный в научный оборот топонимический материал свидетельствует о том, что населенные пункты могли иметь два названия. В таком случае составители документов отдавали предпочтение ойкониму, который использовался среди местного населения (в настоящее время – неофициальное). Названия губерний, уездов (округов), волостей сохраняли корень, характерный и для русского языка. Следует отметить, что в документах начала XX в. можно встретить вкрапления из русского языка. Например, в книге за 1908 г.: атасы *Тубыл өязе Тубыл Тринский инарутный волостенең Кундан махалласенең ясаклы таифәсе Габделәхәд Исхак углы* ‘отец ясачный из Кондана Тоболтуринской инородной волости Тобольского уезда Габделгазиз сын Кульмухаммеда’ (Ф. И635).

В результате анализа было установлено, что апеллятивная лексика, используемая в книгах о браках и разводах, тематически разнообразна: термины родства, названия сословий, наименования титулов духовенства, хрононимы, названия денежных единиц, посуды, одежды, предметов домашнего убранства, домашнего скота и т. д. Предметом отдельного исследования являются канцеляризмы (и их варианты), представляющие собой стилиобразующие элементы метрических записей как жанра официально-делового письма.

Данные памятники являются образцами деловой письменности старотатарского литературного языка XIX в., в то же время в текстах прослеживаются некоторые элементы регионального наречия, которые характерны в частности для тоболо-иртышского диалекта: оглушение, переход ж → й в начале слова, использование лексических диалектизмов (редко).

Список литературы

Алишина Х. Ч. Исторический ономастикон сибирских татар. Тюмень: Печатник, 2016. 432 с.

Ахметьянов Р. Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 272 с.

БДСТЯ – Большой диалектологический словарь татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 839 с.

Гиганов И. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище. СПб.: Имп. АН, 1804. 680 с.

Махмутов М. И., Хамзин К. З., Сайфуллин Г. Ш. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань: Татар. кн. изд-во, 1965. 792 с.

Рубинчик Ю. А., Османова М. Н. Персидско-русский словарь. М., 1985. Т. 1. 800 с.

Список населенных мест. По сведениям 1868–1869 годов. СПб.: Центральный статистический комитет МВД, 1871. 196 с.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во КГУ, 1977. 296 с.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1992. 255 с.

Файзуллина Г. Ч., Ермакова Е. Н. Словообразовательный потенциал имени собственного и его реализация в русском и татарском языках // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 4 (26). С. 67–77.

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х. Чебургинские мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX века. Казань: Отечество, 2021. 200 с.

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х., Фаттакова Г. Ч. Мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX века как памятник письменности сибирских татар: состав книг и лексика // Научный диалог. 2020. № 2. С. 127–140.

Фролов Н. К. Русская ономастика и ономастика России: Словарь. М.: Школа-пресс, 1994. 287 с.

Список источников

ГА в г. Тобольске. Ф. И508. Мечеть Кайнаульских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии; Ф. И641. Мечеть Комаровских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии; Ф. И635. Мечеть Саусканских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии; Ф. И514, И633. Мечеть Чебургинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии; Ф. И636. Мечеть Эскалбинских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии.

НАРБ. Метрические книги Тюменского уезда Тобольской губернии. Оренбургское магометанское духовное собрание. Ф. И295. Оп. 9. Д. 685–687, 693–695, 697, 699, 703–704, 706–710.

References

Akhmet'yanov R. G. *Kratkiy istoriko-etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Brief historical and etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan, Tatar. kn. izd., 2001, 272 p.

Alishina Kh. Ch. *Istoricheskii onomastikon sibirskikh tatar* [Historical onomasticon of the Siberian Tatars]. Tyumen, Pechatnik, 2016, 432 p.

Bol'shoy dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka [Big dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, Tatar. kn. izd., 2009, 839 p.

Fayzullina G. Ch., Ermakova E. N. Slovoobrazovatel'nyy potentsial imeni sobstvennogo i ego realizatsiya v russkom i tatarskom yazykakh [Word-formation potential of proper name and its realization in the Russian and Tatar languages]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2019, no. 4 (26), pp. 67–77.

Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh. *Cheburginskie mechetnye knigi Tobol'skoy gubernii 19 – nachala 20 veka* [Chebурgin Mosque Books of the Tobolsk Province of the 19th – Early 20th Centuries]. Kazan, Otechestvo, 2021, 200 p.

Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh., Fattakova G. Ch. Mechetnye knigi Tobol'skoy gubernii 19 – nachala 20 veka kak pamyatnik pis'mennosti sibirskikh tatar: sostav knig i leksika [Mosque Books of the Tobolsk province of the 19th – early 20th centuries as a literary text of the Siberian Tatars: books contents and vocabulary]. *Nauchnyi dialog (Scientific Dialogue)*. 2020, no. 2, pp. 127–140.

Frolov N. K. *Russkaya onomastika i onomastika Rossii: Slovar'* [Russian onomastics and onomastics of Russia: Dictionary]. Moscow, Shkola-Press, 1994, 287 p.

Giganov I. *Slovar' rossiysko-tatarskiy, sobrannyi v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche* [Russian-Tatar dictionary compiled in the Tobolsk main public school]. St. Petersburg, Imp. AN, 1804, 680 p.

Makhmutov M. I., Khamzin K. Z., Sayfullin G. Sh. *Arabsko-tatarsko-russkiy slovar' zaimstvovaniy* [Arabic-Tatar-Russian dictionary of borrowings]. Kazan, Tatar. kn. izd., 1965, 792 p.

Rubinchik Yu. A., *Osmanova M. N. Persidsko-russkiy slovar'* [Persian-Russian Dictionary]. Moscow, 1985, vol. 1, 800 p.

Spisok naselennykh mest. Po svedeniyam 1868–1869 godov [List of populated areas. According to 1868–1869]. St. Petersburg, Tsentral'nyy statisticheskiy komitet MVD, 1871, 196 p.

Tumasheva D. G. *Dialekty sibirskikh tatar. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Dialects of Siberian Tatars. Comparative study experience]. Kazan, KSU, 1977, 296 p.

Tumasheva D. G. *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of dialects of Siberian Tatars]. Kazan, Tatar. kn. izd., 1992, 255 p.

Archival sources

GA v g. Tobol'ske [GA in Tobolsk]. F. I508. Mechet' Kaynaul'skikh yurt Tobol'skogo uezda Tobol'skoy gubernii [Mosque of the Kainaul yurts of the Tobolsk district of the Tobolsk province]; F. I641. Mechet' Komarovskikh yurt Tobol'skogo uezda Tobol'skoy gubernii [Mosque of Komarovskiy yurts of the Tobolsk district of the Tobolsk province]; F. I635. Mechet' Sauskanskih yurt Tobol'skogo uezda Tobol'skoy gubernii [Mosque of the Sauskan yurts of the Tobolsk district of the Tobolsk province]; F. I514, I633. Mechet' Cheburginskikh yurt Tobol'skogo uezda Tobol'skoy gubernii [Mosque of the Cheburginsky yurts of the Tobolsk district of the Tobolsk province]; F. I636. Mechet' Eskalbinskikh yurt Tobol'skogo uezda Tobol'skoy gubernii [Mosque of the Eskalba yurts of the Tobolsk district of the Tobolsk province].

NARB. Metricheskie knigi Tyumenskogo uezda Tobol'skoy gubernii. Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie [Metric books of the Tyumen district of the Tobolsk province. Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly]. F. I295. Op.9. D. 685–687, 693–695, 697, 699, 703–704, 706–710.

Информация об авторах

Гузель Чахваровна Файзуллина, доктор филологических наук, доцент, профессор Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия)

Scopus Author ID 56716325900

WoS Researcher ID C-2505-2015

Энзе Ханафиевна Кадирова, кандидат филологических наук, доцент, доцент Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, Россия)

Scopus Author ID 57192118928

WoS Researcher ID M-2312-2013

Елена Николаевна Ермакова, доктор филологических наук, профессор, профессор Тюменского государственного университета.

Scopus Author ID 56381126800

WoS Researcher ID K-6486-2015

Information about the authors

- Guzel Ch. Fayzullina*, Doctor of Philology, Assistant Professor, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)
Scopus Author ID 56716325900
WoS Researcher ID C-2505-2015
- Enze Kh. Kadirova*, Candidate of Philology, Associate Professor, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art (Kazan, Russian Federation)
Scopus Author ID 57192118928
WoS Researcher ID M-2312-2013
- Elena N. Ermakova*, Doctor of Philology, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation)
Scopus Author ID 56381126800
WoS Researcher ID K-6486-2015

*Статья поступила в редакцию 14.01.2023;
одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 21.06.2023
The article was submitted on 14.01.2023;
approved after reviewing on 21.06.2023; accepted for publication on 21.06.2023*

Научная жизнь

Краткое сообщение

УДК 821

DOI 10.17223/18137083/90/20

Интеллектуальные миры Ю. В. Шатина (материалы к научной биографии)

Светлана Юрьевна Корниенко

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

sve-kornienko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1256-683X>

Аннотация

Статья посвящена этапам творческой биографии Ю. В. Шатина – известного русского ученого, теоретика литературы, отмечаются важные культурные институции (Ленинградский государственный университет, Ленинградский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена), где происходило становление его научного метода. Отдельно описывается ряд научных проблем, сформулированных Ю. Шатиным в докторской диссертации, отмечается ряд параметров пушкинского текста (отсутствие жестких и временных, и жанровых «перегородок», органическая слитость «документального» и «художественного», наличие сознательного расчета «воздействовать на читателя не только логикой фактов, но и логикой изобразительных средств и возможностей»), которые выполняют роль векторов развития уже его собственной научной мысли в работах следующих десятилетий.

Ключевые слова

Ю. В. Шатин, семиотика, творческая биография

Для цитирования

Корниенко С. Ю. Интеллектуальные миры Ю. В. Шатина (материалы к научной биографии) // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 266–270. DOI 10.17223/18137083/90/20

Intellectual worlds of Yuri Vasilyevich Shatin (materials for a scientific biography)

Svetlana Yu. Kornienko

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

sve-kornienko@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1256-683X>

Abstract

The paper focuses on the creative biography of Yuri Vasilyevich Shatin, a distinguished Russian scholar and literary theorist. Emphasis is placed on the important cultural institutions

© Корниенко С. Ю., 2025

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 266–270

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 266–270

where the formation of his scientific method took place. Particular attention is paid to a number of scholarly problems articulated by Shatin in his doctoral dissertation. He identified a number of parameters of the Pushkin text that would serve as vectors for the development of his own scholarly thought in the works of the following decades. In the 1990s and 2000s, the scientific interests of Yuri Vasilyevich broadened to encompass the rich tapestry of Russian modernism, delving into the poetic works of significant figures such as Marina Tsvetaeva and Joseph Brodsky, among others. His scholarly interests in semiotics, rhetoric, and cultural discourse are comprehensively showcased in his collection, "Russian Literature in the Mirror of Semiotics, compiled from works of various years." The breadth of authors represented in this collection, ranging from Alexander Pushkin and Karolina Pavlova to Sasha Sokolov and Mikhail Shishkin, highlights the deep scholarship and relentless pursuit of new intellectual horizons. The latest works offer a theoretical model for understanding aesthetic experience of the scholar.

Keywords

Shatin, semiotics, creative biography

For citation

Kormienko S. Yu. Intellectual worlds of Yuri Vasilyevich Shatin (materials for a scientific biography). *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 266–270. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/20

В январе 2025 г. доктор филологических наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета и Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН Юрий Васильевич Шатин принимает поздравления с 80-летним юбилеем. Выдающийся сибирский ученый родился 19 января 1945 г. в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. В 1968 г. Ю. В. Шатин окончил русское и славянское отделение Ленинградского государственного университета (ЛГУ) им. А. А. Жданова по специальности «болгарский язык и литература» с квалификацией «филолог-славист, переводчик, учитель русского языка и литературы». Дипломный проект, выполненный под научным руководством проф. В. Д. Андреева, был посвящен природе художественного метода болгарского поэта П. Славейкова. Во время обучения в университете Ю. В. Шатин слушал лекции именитых филологов – В. Я. Проппа, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. М. Жирмунского и др., особое же значение в формировании его научных интересов сыграла судьбоносная встреча с проф. Б. Ф. Егоровым, одним из основателей тартуско-московской семиотической школы.

В 1968 г. Ю. В. Шатин вернулся в родную Кемеровскую область, где был принят на должность ассистента (затем переведен на должности старшего преподавателя, доцента) кафедры русской литературы Новокузнецкого государственного педагогического института. В 1972 г. поступил в аспирантуру при кафедре русской литературы ЛГПИ им. А. И. Герцена. В январе 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Типология и эволюция сюжета в русском романе второй половины XIX века», выполненную под руководством Б. Ф. Егорова.

В 1979 г. Ю. В. Шатин по приглашению проф. Н. Е. Меднис переезжает в Новосибирск и начинает преподавать в Новосибирском государственном педагогическом институте. В 1993 г. он защитил докторскую диссертацию по теме «Жанрообразовательные процессы и художественная целостность текста в русской литературе XIX века». Учитель диссертанта проф. Б. Ф. Егоров отмечал, что «классическая русская литература под скальпелем научного анализа Ю. В. Шатина... живет, пульсирует и мерцает, развивается, полная смысла и интенций» [Его-

ров, 2016, с. 251]. Особое место в диссертации занимает исследование исторических текстов А. С. Пушкина, некоторые результаты которого отражены в учебном пособии «“Капитанская дочка” А. С. Пушкина в русской исторической беллетристике первой половины XIX века» (Новосибирск, 1987). Ю. В. Шатин рассматривает своеобразие пушкинского романа в широком поле современной ему беллетристики, выявляет связь с карамзинистской традицией, описывает основной «принцип пушкинского творчества» – «единства в многообразии» [Шатин, 1987, с. 48]. Отсутствие у Пушкина жестких и временных, и жанровых «перегородок», органическая слитность «документального» и «художественного», наличие сознательного расчета «воздействовать на читателя не только логикой фактов, но и логикой изобразительных средств и возможностей» [Там же] – этот ряд параметров пушкинского текста, выделенный исследователем во второй половине 1980-х гг., выполнит роль векторов развития уже его собственной научной мысли.

В 1990-е и 2000-е гг. расширяется область научных интересов Шатина: в нее попадают русский модернизм, поэтика М. И. Цветаевой, Б. Л. Пастернака, Саши Соколова, И. А. Бродского, В. С. Высоцкого и др. В предисловии к сборнику «Марина Цветаева. В полемике с веком» (Новосибирск, 1991) ученый улавливает поэтический нерв цветаевской творческой личности («творящего себя Поэта»), не приставшей «ни к одному из берегов, разорванной в пространстве культуры и в конце концов уничтоженной жестоким временем» [Марина Цветаева..., 1991, с. 4]. Другой поворот значимого для Шатина сюжета «полемике с веком» был найден в творчестве В. С. Высоцкого, чьей целью, по мнению ученого, «становится снять с читателя розовые очки, высмеять его благодушие и окунуть в мир высших ценностей человеческого бытия»¹.

Широкий спектр научных интересов, в который входят семиотика, риторика и неориторика, дискурсивные практики культуры, представлен в сборнике «Русская литература в зеркале семиотики» (М., 2015), составленном из работ разных лет. Внимательный читатель этой книги увидит, что более всего волнует исследователя «новое семиотическое состояние текста и культуры» [Шатин, 2015, с. 13], проблема границ текста и семиотического пограничья, перформативная способность текста влиять «на внеположную действительность» [Там же, с. 9–24]. В диапазоне исследуемых текстов от А. Пушкина и К. Павловой до Саши Соколова и М. Шишкина отражен не только энциклопедический характер знаний профессора Шатина, но и неукротимая жажда к познанию, желание открывать новые миры и описывать необычные феномены.

Заданная в сборнике статей 2015 г. проблема культурного кода, представляющего собой такой уровень усвоения чужого языка, что он взращивается и срачивается с собственной «художественно-речевой системой» [Шатин, 2015, с. 212–219], найдет полноценное развитие в работах последнего десятилетия. В статье «Театральный код в лирике Бориса Пастернака» выделяются особенности пастернаковского театрального кода, где он представлен как «средство создания универсального метонимического дискурса, распространяемого на другие моменты лирического целого» [Шатин, 2023, с. 168]. Исследование функционирования пушкинского кода в текстах Д. Пригова приводит Шатина к выводу, что «в отличие от постмодернизма ризома теряет у поэта свое абсолютное значение, побуждая текст к новой искренности, которая и обеспечивает осцилляцию текста между

¹ См.: Шатин Ю. В. Поэтическая система В. Высоцкого. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/shatin-poeticheskaya-sistema-vysockogo.htm> (дата обращения 10.01.2025).

ней и постиронией», – один из главных признаков метамодерна [Шатин, 2024, с. 389, 397]. Новейшие работы ученого, таким образом, формулируют теоретические основы для изучения актуального эстетического процесса.

Список литературы

Егоров Б. Ф. Отзыв оппонента о докторской диссертации Ю. В. Шатина «Жанрообразовательные процессы и художественная целостность текста в русской литературе XIX века (Эпос. Лирика)» (Новосибирск, 1992) // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 251–257.

Марина Цветаева. В полемике с веком / Вступ. ст. Ю В. Шатина. Новосибирск, 1991. 184 с.

Шатин Ю. В. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина в русской исторической беллетристике первой половины XIX века: Учеб. пособие. Новосибирск, 1987. 80 с.

Шатин Ю. В. Поэтическая система В. Высоцкого. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/shatin-poeticheskaya-sistema-vysotskogo.htm> (дата обращения 10.01.2025).

Шатин Ю. В. Пушкинский код Дмитрия Александровича Пригова. Предощущение метамодерна // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 389–404.

Шатин Ю. В. Русская литература в зеркале семиотики. М., 2015. 344 с.

Шатин Ю. В. Театральный код к лирике Бориса Пастернака // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 168–178.

References

Egorov B. F. Otzyv opponenta o doktorskoy dissertatsii Yu. V. Shatina “Zhanroobrazovatel’nye protsessy i khudozhestvennaya tselostnost’ teksta v russkoy literature 19 veka (Epos. Lirika)” (Novosibirsk, 1992) [Opponent’s review of the doctoral dissertation of Yu. V. Shatin “Genre-forming processes and artistic integrity of the text in Russian literature of the 19th century (Epic. Lyrics)” (Novosibirsk, 1992)]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2016, no. 1, pp. 251–257.

Marina Tsvetaeva v polemike s vekom [Marina Tsvetaeva in polemics with the century]. Yu V. Shatin (Introd. art.). Novosibirsk, 1991, pp. 3–19.

Shatin Yu. V. “Kapitanskaya dochka” A. S. Pushkina v russkoy istoricheskoy belletristike pervoy poloviny 19 veka: uchebnoe posobie [“The Captain’s Daughter” by A. S. Pushkin in Russian historical fiction of the first half of the 19th century: a tutorial]. Novosibirsk, 1987, 80 p.

Shatin Yu. V. *Poeticheskaya sistema V. Vysotskogo* [Poetic system of V. Vysotsky]. URL: <http://vysotskiy-lit.ru/vysotskiy/kritika/shatin-poeticheskaya-sistema-vysotskogo.htm> (accessed 10.01.2025).

Shatin Yu. V. Pushkinskiy kod Dmitriya Aleksandrovicha Prigova. Predoshchuschenie metamoderna [Pushkin code of Dmitry Alexandrovich Prigov. Premonition of metamodernism]. *Kritika i Semiotika* [Critique and Semiotics]. 2024, no. 2, pp. 389–404.

Shatin Yu. V. *Russkaya literatura v zerkale semiotiki* [Russian literature in the semiotic’s mirror]. Moscow, 2015, 344 p.

Shatin Yu. V. Teatral’nyy kod k lirike Borisa Pasternaka [Theatrical code for the lyrics of Boris Pasternak]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2023, no. 1, pp. 168–178.

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Корниенко, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about the author

Svetlana Yu. Kornienko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Literature, Literary Theory and Methods of Description, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 09.01.2025;
одобрена после рецензирования 16.01.2025; принята к публикации 16.01.2025
The article was submitted on 09.01.2025;
approved after reviewing on 16.01.2025; accepted for publication on 16.01.2025*